

БИБЛИОТЕКА
Ю. ГИППЕНРЕЙТЕР

ЯНУШ КОРЧАК

**Как
ЛЮБИТЬ
РЕБЕНКА**

Самая главная книга всемирно
известного детского психолога

Настоящая библия
по воспитанию детей

Annotation

Эта книга великого педагога и гуманиста Януша Корчака – подлинная энциклопедия воспитания человека, от грудного возраста до становления личности и самоуправления подростков.

В ней – серьезность наблюдений ученого и мягкий лиризм художника слова. Текст Корчака напитан бесценными мыслями, яркими метафорами и четкими рекомендациями. В течение многих десятилетий эта книга служит вдохновляющим ориентиром для миллионов родителей.

Перевод: К. Сенкевич

- [Януш Корчак](#)
 - [Предисловие](#)
-
-

Януш Корчак

Как любить ребенка

Предисловие

Жизнь Януша Корчака, этого удивительного человека, талантливого врача, воспитателя, защитника детей-сирот, добровольно принявшего мученическую смерть в газовой камере фашистского концлагеря, давно стала легендой.

Его книгу справедливо называют Библией по воспитанию детей. Мысли Корчака о детях, их правах и потребностях, о необходимости чуткого отношения к ним, об уважении их достоинства, о принципиальном отношении к вопросам совести и морали вошли в фундамент гуманистической педагогики. Они продолжают переживаться и остаются остроактуальными в наши дни.

Корчак призывает помнить, что ребенок отличается от нас, взрослых, лишь нехваткой жизненного опыта – и так же, как мы, имеет право на уважение, собственное мнение, на то, чтобы его выслушали и поняли. Как часто, забывая об этом, мы изматываем ребенка нотациями и наставлениями, тщательно скрывая не только от него, но и от себя свои собственные несовершенства. Говоря о бережном отношении к ребенку, Корчак подчеркивает невозможность равнять всех детей под одну гребенку, призывает учитывать уникальные свойства каждого.

За мыслями и выводами Януша Корчака стоят истории сотен детей, прошедших через его руки и пережитых автором вместе с ними. Вся книга наполнена мудростью и теплом большого сердца этого замечательного человека. Несомненно, эта книга должна стать настольной у любого родителя, и того, кто готовится к этой миссии.

В настоящем издании текст публикуется с небольшими сокращениями.

Для легкости усвоения редактором выделены тематические разделы, а также вынесены на поля особенно важные мысли автора.

Профессор Ю. Б. Гиппенрейтер

Пренебрежение – недоверие

Быть маленьким

С ранних лет мы растем в сознании, что большое – важнее, чем малое.

– Я большой, – радуется ребенок, когда его ставят на стол.

– Я выше тебя, – отмечает он с чувством гордости, меряясь с ровесником.

Неприятно вставать на цыпочки и не дотянуться, трудно мелкими шажками поспевать за взрослым, из крохотной ручонки выскальзывает стакан. Неловко и с трудом влезает ребенок на стул, в коляску, на лестницу; не может достать дверную ручку, посмотреть в окно, что-либо снять или повесить, потому что высоко. В толпе заслоняют его, не заметят и толкнут. Неудобно, неприятно быть маленьким.

Уважение и восхищение вызывает большое, то, что занимает много места. Маленький же повседневно, неинтересен. Маленькие люди – маленькие и потребности, радости и печали.

Производят впечатление – большой город, высокие горы, большие деревья. Мы говорим:

– Великий подвиг, великий человек.

А ребенок мал, легок, не чувствуешь его в руках. Мы должны наклониться к нему, нагнуться.

А что еще хуже, ребенок слаб.

Мы можем его поднять, подбросить вверх, усадить против воли, можем насильно остановить на бегу, свести на нет его усилия.

Всякий раз, когда он не слушается, у меня про запас есть сила. Я говорю: «Не уходи, не тронь, подвинься, отдай». И он знает, что обязан уступить; а ведь сколько раз пытается послушаться, прежде чем поймет, сдастся, покорится!

Кто и когда, в каких исключительных условиях осмелится толкнуть, потрянуть, ударить взрослого? А какими обычными и невинными кажутся нам наши шлепки, волочения ребенка за руку, грубые «ласковые» объятия!

Чувство слабости вызывает почтение к силе; каждый, уже не только взрослый, но и ребенок постарше, посильнее, может выразить в грубой форме неудовольствие, подкрепить требование силой, заставить слушаться: может безнаказанно обидеть.

Мы учим на собственном примере пренебрежительно относиться к тому, что слабее. Плохая наука, мрачное предзнаменование.

Милость материальной зависимости

Ребенок семенит беспомощно с учебником, мячом и куклой, смутно чувствуя, что без его участия где-то над ним совершается что-то важное и большое, что решает, есть ему доля или нет доли, карает и награждает и сокрушает.

Цветок – предвестник будущего плода, цыпленок станет курицей-несушкой, телка будет давать молоко. А до тех пор – старания, траты и забота – убережешь ли, не подведет ли?

Все растущее вызывает тревогу, долго ведь приходится ждать; может быть, и будет опорой старости, и воздаст сторицею. Но жизнь знает засухи, заморозки и град, которые побивают и губят жатву.

Мала рыночная стоимость несозревшего. Лишь перед законом и Богом цвет яблони стоит столько же, что и плод, и зеленые всходы – сколько спелые нивы.

Мы пестуем, заслоняем от бед, кормим и обучаем. Ребенок получает все без забот; чем он был бы без нас, которым всем обязан?

Исключительно, единственно и все – мы.

Зная путь к успеху, мы указываем и советуем. Развиваем достоинства, подавляем

недостатки. Направляем, поправляем, приучаем. Он – ничто, мы – все.

Мы распоряжаемся и требуем послушания.

Морально и юридически ответственные, знающие и предвидящие, мы единственные судьи поступков, душевных движений, мыслей и намерений ребенка.

Нищий распоряжается милостыней как заблагорассудится, а у ребенка нет ничего своего, он должен отчитываться за каждый даром полученный в личное пользование предмет.

Нельзя порвать, сломать, запачкать, нельзя подарить, нельзя с пренебрежением отвергнуть. Ребенок должен принять и быть довольным. Все в назначенное время и в назначенном месте, благоразумно и согласно предназначению.

Может быть, поэтому он так ценит ничего не стоящие пустячки, которые вызывают у нас удивление и жалость: разный хлам – единственная по-настоящему собственность и богатство – шнурок, коробок, бусинки.

Взамен за эти блага ребенок должен уступать, заслуживать хорошим поведением – выпроси или вымани, но только не требуй! Ничто ему не причитается, мы даем добровольно. (Возникает печальная аналогия: подруга богача.)

Из-за нищеты ребенка и милости материальной зависимости отношение взрослых к детям аморально.

Мы пренебрегаем ребенком, ибо он не знает, не догадывается, не предчувствует. Не знает трудностей и сложности жизни взрослых, не знает, откуда наши подъемы и упадки и усталость, что нас лишает покоя и портит нам настроение; не знает зрелых поражений и банкротств. Легко отвлечь внимание наивного ребенка, обмануть, утаить от него.

Он думает, что жизнь проста и легка. Есть папа, есть мама; отец зарабатывает, мама покупает. Ребенок не знает ни измены долгу, ни приемов борьбы взрослых за свое и не свое.

Свободный от материальных забот, от соблазнов и от сильных потрясений, он не может о них и судить. Мы его разгадываем моментально, пронзаем насквозь небрежным взглядом, без предварительного следствия раскрываем неуклюжие хитрости.

А быть может, мы обманываемся, видя в ребенке лишь то, что хотим видеть?

Быть может, он прячется от нас, быть может, втайне страдает?

Мы пренебрегаем ребенком, ведь впереди у него много часов жизни.

Чувствуем тяжесть наших шагов, неповоротливость корыстных движений, скупость восприятий и переживаний.

А ребенок бегает и прыгает, смотрит на что попало, удивляется и расспрашивает; легкомысленно льет слезы и щедро радуется.

Ценен погожий осенний день, когда солнце редкость, а весной и так зелено. Хватит и кое-как, мало ему для счастья надо, стараться ни к чему. Мы поспешно и небрежно отделяемся от ребенка. Презираем многообразие его жизни и радость, которую ему легко дать.

Это у нас убегают важные минуты и годы; у него время терпит, успеет еще, подождет.

Ребенок не солдат, не обороняет родину, хотя вместе с ней и страдает.

С его мнением нет нужды считаться, не избиратель: не заявляет, не требует, не грозит.

Слабый, маленький, бедный, зависящий – ему еще только быть гражданином.

Снисходительное ли, резкое ли, грубое ли, а все – пренебрежение.

Сопляк, еще ребенок – будущий человек, не сегодняшней. По-настоящему он еще только будет.

Строгий надзор

Присматривать, ни на минуту не сводить глаз. Присматривать, не оставлять одного. Присматривать, не отходить ни на шаг.

Упадет, ударится, порежется, испачкается, прольет, порвет, сломает, испортит, засунет куда-

нибудь, потеряет, подожжет, впустит в дом вора. Повредит себе, нам, покалечит себя, нас, товарища по игре.

Надзирать – никаких самостоятельных начинаний – полное право контроля и критики.

Не знает, сколько и чего ему есть, сколько и когда ему пить, не знает границ своих сил. Стало быть, стоять на страже диеты, сна, отдыха.

Как долго? С какого времени? Всегда.

С возрастом недоверие к ребенку принимает иной характер, но не уменьшается, а даже возрастает.

Ребенок не различает, что важно, а что не важно. Чужды ему порядок, систематический труд. Рассеянный, он забудет, пренебрежет, упустит. Не знает, что своим будущим за все ответит.

Мы должны наставлять, направлять, приучать, подавлять, сдерживать, исправлять, предостерегать, предотвращать, прививать, преодолевать. Преодолевать капризы, прихоти, упрямство. Прививать осторожность, осмотрительность, опасения и беспокойство, умение предвидеть и даже предчувствовать.

Мы, опытные, знаем, сколько вокруг опасностей, засад, ловушек, роковых случайностей и катастроф. Знаем, что и величайшая осторожность не дает полной гарантии – и тем более мы подозрительны: чтобы иметь чистую совесть, и случись беда, так хоть не в чем было себя упрекнуть.

Мил ему азарт шалостей, удивительно, как он льнет именно к дурному. Охотно слушает дурные нашептывания, следует самым плохим примерам.

Портится легко, а исправить трудно.

Мы ему желаем добра, хотим облегчить; весь свой опыт отдаем без остатка: протяни только руку – готовое! Знаем, что вредно детям, помним, что повредило нам самим, пусть хоть он избежит этого, не узнает, не испытает. «Помни, знай, пойми». «Сам убедишься, сам увидишь». Не слушает! Словно нарочно, словно назло.

Приходится следить, чтобы послушался, приходится следить, чтобы выполнил. Сам он явно стремится ко всему дурному, выбирает худший, опасный путь.

Как же терпеть бессмысленные проказы, нелепые выходки, необъяснимые вспышки? Подозрительно выглядит первичное существо. Кажется покорным и невинным, а по существу хитро и коварно.

Умеет ускользнуть от контроля, усыпить бдительность, обмануть. Всегда у него готова отговорка, увертка, утаит, а то и вовсе солжет. Ненадежный, вызывает разного рода сомнения.

Презрение и недоверие, подозрения и желание обвинить.

Печальная аналогия: дебошир, человек пьяный, взбунтовавшийся, сумасшедший. Как же – вместе, под одной крышей?

Неприязнь

Ребенок: ущерб и разочарование

Это ничего. Мы любим детей. Несмотря ни на что, они наша услада, бодрость, надежда, радость, отдых, светоч жизни. Не спугиваем, не обременяем, не терзаем; дети свободны и счастливы... Но отчего они как бы бремя, помеха, неудобный привесок?

Откуда неприязнь к любимому ребенку?

Прежде чем он мог приветствовать этот негостеприимный мир, в жизнь семьи уже вкрались растерянность и ограничения. Канули безвозвратно краткие месяцы долгожданной законной радости.

Длительный период неповоротливого недомогания завершают болезнь и боли, беспокойные ночи и дополнительные расходы. Утрачен покой, исчез порядок, нарушено равновесие бюджета. Вместе с кислым запахом пеленок и пронзительным криком новорожденного забряцала цепь супружеской неволи.

Тяжело, когда нельзя договориться и надо додумывать и догадываться.

Но мы ждем, быть может, даже и терпеливо. А когда наконец он начнет ходить и говорить, – путается под ногами, все хватает, лезет во все щели, основательно-таки мешает и вносит беспорядок – маленький неряха и деспот.

Причиняет ущерб, противопоставляет себя нашей разумной воле. Требуем и понимаем лишь то, что его душеньке угодно.

Не следует пренебрегать мелочами: обида на детей складывается и из раннего вставания, и смятой газеты, пятен на платьях и обоях, обмоченного ковра, разбитых очков и сувенирной вазочки, пролитого молока и духов и гонорара врачу.

Спит не тогда, когда нам желательно, ест не так, как нам хочется; мы-то думали – засмеется, а он испугался и плачет. А хрупок как! Любой недосмотр грозит болезнью, суля новые трудности.

Если один из родителей прощает, другой – в пику тому – не спускает и придирается; кроме матери, имеют свое мнение о ребенке отец, няня, прислуга и соседка; и наперекор матери или тайком наказывают ребенка.

Маленький интриган бывает причиной трений и неладов между взрослыми; всегда кто-нибудь недоволен и обижен. За поблажку одного ребенок отвечает перед другим.

Часто за мнимой добротой скрывается простая небрежность, ребенок делается ответчиком за чужие вины. (Девочки и мальчики не любят, когда их называют: дети. Общее с самыми маленькими название заставляет отвечать за давнее прошлое, разделять дурную репутацию малышек, выслушивать многочисленные попреки, к ним, старшим, уже не относящиеся.)

Как редко ребенок бывает таким, как нам хочется, как часто рост его сопровождается чувством разочарования!

– Кажется, ведь уже должен бы...

Взамен того, что мы даем ему добровольно, он обязан стараться и вознаграждать, обязан понимать, соглашаться и уметь отказываться; и прежде всего – испытывать благодарность. И обязанности и требования с годами растут, а выполняются чаще всего меньше и иначе, чем мы хотели бы.

Родители благосклонно простят ребенка: потворство их вытекает из ясного сознания вины, что дали ему жизнь, нанесли вред, искалечив. Порой мать ищет во мнимой болезни ребенка оружие против чужих обвинений и собственных сомнений.

Вообще голос матери не вызывает доверия. Он пристрастен, некомпетентен. Обратимся

лучше к мнению опытных воспитателей-специалистов: заслуживает ли ребенок нашего расположения?

Тяжкая доля воспитателя

Воспитатель в частном доме редко находит благоприятные условия для работы с детьми.

Скованный недоверчивым контролем, он вынужден лавировать между чужими указаниями и своими убеждениями, извне идущим требованием и своим покоем и удобством. Отвечая за вверенного ему ребенка, он терпит последствия сомнительных решений законных опекунов и работодателей. Вынужденный утаивать и обходить трудности, воспитатель легко может деморализоваться, привыкнуть к двуличию – озлобиться и облениться.

С годами расстояние между тем, что хочет взрослый и к чему стремится ребенок, увеличивается: растет знание нечистых способов порабощения.

Появляются жалобы на неблагоприятную работу: если Бог хочет кого покарать, то делает его воспитателем.

Дети, живые, шумные, интересующиеся жизнью и ее загадками, нас утомляют; их вопросы и удивление, открытия и попытки – часто с неудачным результатом – терзают.

* * *

Годы работы все очевиднее подтверждали, что дети заслуживают уважения, доверия и дружеского отношения, что нам приятно быть с ними в этой ясной атмосфере ласковых ощущений, веселого смеха, первых бодрых усилий и удивлений, чистых, светлых и милых радостей, что работа эта живая, плодотворная и красивая.

Одно лишь вызывало сомнение и беспокойство.

Отчего подчас самый надежный – и подведет? Отчего – правда, редко, но бывают – внезапные взрывы массовой недисциплинированности всей группы? Может, и взрослые не лучше, только более солидные, надежные, спокойней можно на них положиться?

Я упорно искал и постепенно находил ответ.

1. *Если воспитатель ищет в детях черты характера и достоинства, которые кажутся ему особо ценными, если хочет сделать всех на один лад, увлечь всех в одном направлении, его введут в заблуждение:* одни подделаются под его требования, другие искренне поддадутся внушению – до поры до времени. А когда выявится действительный облик ребенка, не только воспитатель, но и ребенок болезненно ощутит свое поражение. Чем больше старание замаскироваться или повлиять – тем более бурная реакция; ребенку, раскрытому в самых своих доподлинных тенденциях, уже нечего терять. Какая важная отсюда вытекает мораль!

2. *Одна мера оценки у воспитателя, другая у ребят:* и он и они видят душевное богатство; он ждет, чтобы это душевное богатство развилось, а они ждут, какой им будет прок от этих богатств уже теперь: поделится ли ребенок, чем владеет, или сочтет себя вправе не дать – гордый, завистливый эгоист, скряга! Не расскажет сказки, не сыграет, не нарисует, не поможет и не услужит – «будто одолжение делает», «упрашивать надо». Попав в изоляцию, ребенок широким жестом хочет купить благосклонность у своего ребячьего общества, которое радостно встречает перемену. Не вдруг испортился, а, наоборот, понял и исправился.

3. Все подвели, всем скопом обидели. Я нашел объяснение в книжке о дрессировке зверей – и не скрываю источника. *Лев не тогда опасен, когда сердится, а когда разыграется, хочет пошалить; а толпа сильна, как лев...* Решение надо искать не столько в психологии, сколько – и это чаще – в медицине, социологии, этнологии, истории, поэзии, криминалистике, в молитвеннике и в учебнике по дрессировке. *Ars longa.* [2]

4. Настал черед самого солнечного (о, хоть бы не последнего!) объяснения. *Ребенка может опьянить кислород воздуха, как взрослого водка.* Возбуждение, торможение центров контроля, азарт, затмение; как реакция – смущение, неприятный осадок – изжога, сознание вины. Наблюдение мое клинически точно. И у самых почтенных граждан может быть слабая голова.

Не порицать: это ясное опьянение детей вызывает чувство растроганности и уважения, не отдаляет и разделяет, а сближает и делает союзниками.

Лицемерие взрослых

Мы строим из себя совершенства.

Мы скрываем свои недостатки и заслуживающие наказания поступки. Критиковать и замечать наши забавные особенности, дурные привычки, смешные стороны детям не разрешается. Мы строим из себя совершенства. Под угрозой высочайшей обиды оберегаем тайны господствующего класса, касты избранных – приобщенных к высшим таинствам. Обнажать бесстыдно, и ставить к позорному столбу можно лишь ребенка.

Мы играем с детьми краплеными картами; слабости детского возраста бьем тузами достоинств взрослых.

Шулеры, мы так подтасовываем карты, чтобы самому плохому в детях противопоставить то, что в нас хорошо и ценно.

Где наши лежебоки и легкомысленные лакомки-гурманы, дураки, лентяи, лодыри, авантюристы, люди недобросовестные, плуты, пьяницы и воры? Где наши насилия и явные и тайные преступления? Сколько дрызг, хитростей, зависти, наговоров, шантажей, слов, что калечат, дел, что позорят! Сколько тихих семейных трагедий, от которых страдают дети, первые мученики – жертвы! И смеем мы обвинять и считать их виновными?!

А ведь взрослое общество тщательно просеяно и процежено. Сколько человеческих подонков и отбросов унесено водосточными канавами, вобрано могилами, тюрьмами и сумасшедшими домами!

Мы велит уважать старших, опытных, не рассуждая; а у ребят есть и более близкое им начальство – подростки, с их навязчивым подговариванием и давлением.

Преступные и неуравновешенные ребята бродят без призора и пихаются, расталкивают и обижают, заражают. И все дети несут за них солидарную ответственность (ведь и нам, взрослым, подчас от них чуть-чуть достается). Эти немногочисленные возмущают общественное мнение, выделяясь яркими пятнами на поверхности детской жизни; это они диктуют рутине ее методы: держать детей в повиновении, хотя это и угнетает, в ежовых рукавицах, хотя это и ранит, обращаться сурово, что значит грубо. [3]

Мы не позволяем детям организоваться; пренебрегая, не доверяя, недолюбливая, не заботимся о них; без участия знатоков нам не справиться; а знатоки – это сами дети.

Неужели мы столь некритичны, что ласки, которыми мы преследуем детей, выражают у нас расположение? Неужели мы не понимаем, что, лаская ребенка, это мы принимаем его ласку, беспомощно прячемся в его объятия, ищем защиты и прибежища в часы бездомной боли, бесхозной покинутости – слагаем на него тяжесть страданий и печалей?

Лаская ребенка, это мы принимаем его ласку, беспомощно прячемся в его объятия, ищем защиты и прибежища в часы бездомной боли, бесхозной покинутости – слагаем на него тяжесть страданий и печалей?

Всякая иная ласка – не бегства к ребенку и не мольбы о надежде – это преступные поиски и пробуждение в нем чувственных ощущений.

«Обнимаю, потому что мне грустно. Поцелуй, тогда дам».

Эгоизм, а не расположение.

Право на уважение

Существует ли жизнь в шутку? Нет, детский возраст – долгие, важные годы в жизни человека.

Школа создает ритм часов, дней и лет. Школьные работники должны удовлетворять сегодняшние нужды юных граждан. Ребенок – существо разумное, он хорошо знает потребности, трудности и помехи своей жизни. Не деспотичные распоряжения, не навязанная дисциплина, не недоверчивый контроль, а тактичная договоренность, вера в опыт, сотрудничество и совместная жизнь! Ребенок не глуп; дураков среди них не больше, чем среди взрослых. Облаченные в пурпурную мантию лет, как часто мы навязываем бессмысленные, некритичные, невыполнимые предписания! В изумлении останавливается подчас разумный ребенок перед агрессией язвительной седовласой глупости.

Ребенок не глуп; дураков среди них не больше, чем среди взрослых.

У ребенка есть будущее, но есть и прошлое: памятные события, воспоминания и много часов самых доподлинных одиноких размышлений. Так же как и мы – не иначе, – он помнит и забывает, ценит и недооценивает, логично рассуждает и ошибается, если не знает. Осмотрительно верит и сомневается.

Ребенок – иностранец, он не понимает языка, не знает направления улиц, не знает законов и обычаев.

Ребенок – иностранец, он не понимает языка, не знает направления улиц, не знает законов и обычаев. Порой предпочитает осмотреться сам; трудно – попросит указания и совета. Необходим гид, который вежливо ответит на вопросы.

Уважайте его незнание!

Человек злой, аферист, негодяй воспользуется незнанием иностранца и ответит невразумительно, умышленно вводя в заблуждение. Грубиян буркнет себе под нос. Нет, мы не доброжелательно осведомляем, а грыземся и лаем с детьми – отчитываем, выговариваем, наказываем.

Как плачевно убоги были бы знания ребенка, не приобрети он их от ровесников, не подслушай, не выкради из слов и разговоров взрослых.

Уважайте труд познания!

Уважайте неудачи и слезы!

Не только порванный чулок, но и поцарапанное колено, не только разбитый стакан, но и порезанный палец, синяк, шишку – а значит, боль.

Клякса в тетрадке – это несчастный случай, неприятность, неудача.

«Когда папа прольет чай, мамочка говорит: „Ничего”, а мне всегда попадает».

Непривычные к боли, обиде, несправедливости, дети глубоко страдают и потому чаще плачут, но даже слезы ребенка вызывают шутливые замечания, кажутся менее важными, сердят.

«Ишь, распицался, ревет, скулит, нюни распустил». (Букет слов из словаря взрослых, изобретенный для детского пользования.)

Слезы упрямства и каприза – это слезы бессилия и бунта, отчаянная попытка протеста, призыв на помощь.

Слезы упрямства и каприза – это слезы бессилия и бунта, отчаянная попытка протеста, призыв на помощь, жалоба на халатность опеки, свидетельство того, что детей неразумно стесняют и принуждают, проявление плохого самочувствия и всегда – страдание.

Уважайте собственность ребенка и его бюджет. Ребенок делит со взрослыми материальные заботы семьи, болезненно чувствует нехватки, сравнивает свою бедность с

обеспеченностью соученика, беспокоится из-за несчастных грошей, на которые разоряет семью. Он не желает быть обузой.

Не вопиет ли факт, что в судах для малолетних преобладают именно дела о кражах? Недооценка бюджета ребенка мстит за себя – и наказания не помогут. Собственность ребенка – это не хлам, а нищенски убогие материал и орудие труда, надежды и воспоминания.

Не мнимые, а подлинные сегодняшние заботы и беспокойства, горечь и разочарования юных лет.

Мы наивно боимся смерти, не сознавая, что жизнь – это хоровод умирающих и вновь рождающихся мгновений.

Год – это лишь попытка понять вечность по-будничному.

Мир длится столько, сколько улыбка или вздох. Мать хочет воспитать ребенка. Не дождется! Снова и снова иная женщина иного встречает и провожает человека. Мы неумело делим годы на более зрелые и менее зрелые; а ведь нет незрелого сегодня, нет никакой возрастной иерархии, никаких низших и высших рангов боли и радости, надежды и разочарований.

Играю ли я или говорю с ребенком, – переплелись две одинаково зрелые минуты моей и его жизни; и в толпе детей я всегда на мгновение встречаю и провожаю взглядом и улыбкой какого-нибудь ребенка. Сержусь ли, мы опять вместе – только моя злая мстительная минута насилует его важную и зрелую минуту жизни.

Отречься во имя завтра? А чем оно так заманчиво?

Мы неумело делим годы на более зрелые и менее зрелые; а ведь нет незрелого сегодня, нет никакой возрастной иерархии, никаких низших и высших рангов боли и радости, надежды и разочарований.

Мы всегда расписываем его слишком яркими красками.

Сбывается предсказание: валится крыша, ибо не уделено должного внимания фундаменту здания.

Право ребенка быть тем, что он есть

– Что из него будет, кем вырастет? – спрашиваем мы себя с беспокойством.

Хотим, чтобы дети были лучше нас. Грезится нам совершенный человек будущего.

Надо бдительно ловить себя на лжи, клеймя одетый в красивые слова эгоизм. Будто самоотречение, а по существу – грубое мошенничество.

Мы объяснились с собой и примирились, простили себя и освободили от обязанности исправляться. Плохо нас воспитали. Но поздно! Пороки и недостатки уже укоренились.

Не позволяем критиковать нас детям и не контролируем себя сами.

Отпустили себе грехи и отказались от борьбы с собой, взвалив эту тяжесть на детей.

Воспитатель поспешно осваивает особые права взрослых: смотреть не за собой, а за детьми, регистрировать не свои, а детские вины.

А вина ребенка – это все, что метит в наш покой, в самолюбие и удобство, восстанавливает против себя и сердит, бьет по привычкам, поглощает время и мысли. Мы не признаем упущений без злой воли.

Ребенок не знает, не расслышал, не понял, прослушал, ошибся, не сумел, не может – все это его вина. Невезение или плохое самочувствие, каждая трудность – это вина и злая воля.

Недостаточно быстро или слишком быстро и потому недостаточно исправно выполненная работа – вина: небрежность, лень, рассеянность, нежелание работать.

Невыполнение оскорбительного и невыполнимого требования – вина. И наше поспешное злое подозрение – тоже его вина. Вина ребенка – наши страхи и подозрения и даже его старание исправиться.

«Вот видишь, когда ты хочешь, ты можешь».

Мы всегда найдем, в чем упрекнуть, и алчно требуем все больше и больше.

Уступаем ли мы тактично, избегаем ли ненужных трений, облегчаем ли совместную жизнь? Не мы ли сами упрямы, привередливы, задиристы и капризны?

Ребенок привлекает наше внимание, когда мешает и вносит смуту; мы замечаем и помним только эти моменты. И не видим, когда он спокоен, серьезен, сосредоточен.

Недооцениваем безгрешные минуты беседы с собой, миром, Богом. Ребенок вынужден скрывать свою тоску и внутренние порывы от насмешек и резких замечаний; утаивает желание объясниться, не выскажет и решения исправиться.

Не бросит пронизательного взгляда, затаит в себе удивление, тревогу, скорбь, гнев, бунт. Мы хотим, чтобы он подпрыгивал и хлопал в ладоши – он и показывает ухмыляющееся лицо шута.

Громко говорят о себе плохие поступки и плохие дети, заглушая шепот добра, но добра в тысячу раз больше, чем зла. Добро сильно и несокрушимо. Неправда, что легче испортить, чем исправить.

Мы тренируем свое внимание и изобретательность в высматривании зла, в расследовании, в вынюхивании, в выслеживании, в преследовании, в ловле с поличным, в дурных предвидениях и в оскорбительных подозрениях. (Разве мы приглядываем за стариками, чтобы не играли в футбол? Какая мерзость – упорное выслеживание у детей онанизма.)

Один из мальчиков хлопнул дверью, одна постель плохо постлана, одно пальто запропало, одна клякса в тетрадке. Если мы и не отчитываем, то уж во всяком случае ворчим, вместо того чтобы радоваться, что лишь один, одна, одно.

Мы слышим жалобы и споры, но насколько больше прощений, уступок, помощи, заботы, услуг, уроков, глубоких и красивых влияний! Даже задиры и злюки не только заставляют лить слезы, но и расцветать улыбки.

Ленивые, мы хотим, чтобы никто и никогда, чтобы из десяти тысяч секунд школьного дня (сосчитай) не было ни одной трудной.

Почему ребенок для одного воспитателя плох, а для другого хорош? Мы требуем стандарта добродетелей и поведения и сверх того по нашему усмотрению и образцу. [4]

Найдешь ли в истории пример подобной тирании? Поколение Неронов расплодилось.

Кроме здоровья, бывают и недомогания, кроме достоинств и положительных качеств – недостатки и пороки.

Кроме небольшого числа детей, растущих в обстановке веселья и празднеств, для кого жизнь – сказка и величавая легенда, доверчивых и добродушных, существует основная масса детей, кому с юных лет мир жестко и без прикрас гласит суровые истины.

Испорченные презрительным помыканием некультурности и бедности или чувственно ласковым пренебрежением пресыщенности и лоска...

Испачканные, недоверчивые, восстановленные против людей, не плохие.

Для ребенка пример не только дом, но и коридор, двор, улица. Ребенок говорит языком окружающих – высказывает их взгляды, повторяет их жесты, подражает их поступкам. Мы не знаем чистого ребенка – каждый в той или иной степени загрязнен.

О, как он быстро высвобождается и очищается! От этого не лечат, это смывают; ребенок рад, что нашел себя, и охотно помогает. Столкнулся по бане и улыбается тебе и себе.

Такие наивные триумфы из повести о сиротках одерживает каждый воспитатель; случаи эти сбивают с толку не критически мыслящих моралистов, что, мол, легко. Халтурщик рад-радешенек, честолюбивый приписывает заслугу себе, а деспота сердит, что так выходит не всегда; одни хотят всюду добиться подобных результатов, увеличивая дозу убеждения, другие – нажима.

Кроме детей, лишь загрязненных, встречаются и с ушибами и ранами; колотые раны не оставляют шрамов и сами затягиваются под чистой повязкой; чтобы зажили рваные раны, приходится дольше ждать, остаются болезненные рубцы; их нельзя задевать. Коросты и язвы требуют большего старания и терпения.

Говорят: тело заживает; хотелось бы добавить: и душа.

Сколько мелких ссадин и инфекций в школе и интернате, сколько соблазнов и неотвязных нашептываний; а как мимолетно и невинно их действие! Не будем опасаться грозных эпидемий там, где атмосфера интерната здоровая, где много кислорода и света.

Как мудр, постепенен и чудесен процесс выздоровления! Сколько в крови, соках, тканях важных тайн! Как каждая нарушенная функция и затронутый орган стараются восстановить равновесие и справиться со своим заданием! Сколько чудес в росте растения и человека – в сердце, в мозгу, в дыхании! Самое маленькое волнение или напряжение – и уже сильнее трепыхается сердце, уже чаще пульс.

Так же силен и стоек дух ребенка. Существует моральная устойчивость и чуткая совесть. Неправда, что дети легко заражаются.

Халтурный диагноз валит в одну кучу детей подвижных, самолюбивых, с критическим направлением ума, всех «неудобных», но здоровых и чистых – вместе с обиженными, надутыми, недоверчивыми – загрязненными, искушенными, легкомысленными, послушно следующими дурным примерам. Незрелый, небрежный, поверхностный взгляд смешивает, путает их с редко встречающимися преступными, отягощенными дурными задатками детьми. (Мы, взрослые, не только сумели обезвредить пасынков судьбы, но и умело пользуемся трудом отверженных.) [5]

Вынужденные жить вместе с ними, здоровые дети вдвойне страдают: их обижают и втягивают в преступления.

Ну а мы? Не обвиняем ли легкомысленно всех ребят огулом, не навязываем ли солидарную

ответственность?

«Вот они какие, вот на что они способны».

Наитягчайшая, пожалуй, несправедливость.

Первое решение – бороться с силой, которая диктует ему дурные поступки. Что другим далось даром, так легко, что в других пустяк и повседневность – погожие дни душевного равновесия, – он получает в награду за кровавый поединок с самим собой. Он ищет помощи и, если доверится – льнет к тебе, просит, требует: «Спасите!» Проведал о тайне и жаждет исправиться раз и навсегда, сразу, одним усилием.

Вместо того чтобы благоразумно сдерживать легкомысленный порыв, отдалять решение исправиться, мы неуклюже поощряем и ускоряем. Ребенок хочет высвободиться, а мы стараемся уловить в сети; он хочет вырваться, а мы готовим коварные силки. Дети жаждут явно и прямо, а мы учим только скрывать. Дети дарят нам день, целый, долгий и без изъяна, а мы отвергаем его за одно дурное мгновение. Стоит ли это делать?

Ребенок мочился под себя ежедневно, теперь реже, было лучше, опять ухудшение – не беда! Дольше перерывы между приступами у эпилептика. Реже кашляет, спала температура у больного туберкулезом. Еще и не лучше, но нет ухудшения. И это врач ставит в плюс лечению. Здесь ничего не выманишь и не заставишь.

Отчаявшиеся, полные бунта и презрения к покорному, льстивому братству добродетели, стоят ребята перед воспитателем, сохранив, быть может, единственную и последнюю святыню – нелюбовь к лицемерию. И эту святыню мы хотим повалить и исполосовать! Мы совершаем кровавое преступление, обрушивая на ребят холод и пытки, и зверски подавляем не сам бунт, а его неприкрытость, легкомысленно раскаляя добела ненависть к коварству и к ханжеству.

Дети не отказываются от плана мести, а откладывают, поджидая удобного случая. И если они верят в добро – затаят в глубине души эту тоску по добру.

– *Зачем вы родили меня? Кто просил у вас эту собачью жизнь?*

Перехожу к раскрытию сокровеннейших тайн, к труднейшему разъяснению. Для нарушений и упущений достаточно терпеливой и дружеской снисходительности; преступным детям необходима любовь. Их гневный бунт справедлив. Надо понять сердцем их обиду на гладкую добродетель и заключить союз с одиноким клейменным проступком. Когда же, как не сейчас, одарить его цветком улыбки? В исправительных домах – еще инквизиция, пытки средневековых наказаний, солидарная ожесточенность и мстительность узаконенных гонений. Разве вы не видите, что самым хорошим ребятам жаль этих самых плохих: чем они виноваты?

Давайте требовать уважения к ясным глазам, гладкой коже, юному усилию и доверчивости. Чем же почтеннее угасший взор, покрытый морщинами лоб, жесткие седины и согбенная покорность судьбе?

Восход и закат солнца. Утренняя и вечерняя молитва.

И вдох, и выдох, и сокращение, и расслабление сердца.

Солдат все солдат – и когда идет в бой, и когда возвращается, покрытый пылью.

Уважайте, если не почитайте, чистое, ясное, непорочное, святое детство!

Ребенок в семье

Мой ребенок?

Ты говоришь: «Мой ребенок».

Когда тебе и говорить это, как не во время беременности?

Биение крохотного, словно персиковая косточка, сердца – эхо твоего пульса. Твое дыхание несет кислород и ему.

Одна кровь течет и в нем, и в тебе – и ни единая алая капля крови еще не знает, останется она твоей или его или прольется и умрет, как дань, взимаемая таинством зачатия и родов. Кусок хлеба, который ты жуешь, – материал ему на созидание ножек, на которые он встанет и побежит, кожицы, которая их покроет, глаз, которыми он будет смотреть, мозга, в котором вспыхнет мысль, ручонки, которыми он к тебе потянется и, улыбаясь, назовет: «мама».

Вместе вам переживать решающий момент; сообща станете испытывать общую боль.

Но пробьет час – знак:

– Готов.

И одновременно он, ребенок, скажет: «Хочу жить своей жизнью», а ты, мать, скажешь: «Живи теперь своей жизнью».

Сильными спазмами ты станешь его выталкивать из своего чрева, не считаясь с его болью; мощно и решительно он станет пробиваться, не считаясь с твоей болью.

Зверский акт.

Нет – и ты и он подвластны сотне тысяч неуловимых, легких и дивно точных импульсов, дабы, забирая свою долю жизни, вы не взяли больше, чем принадлежит вам по праву, всеобщему и извечному.

«Мой ребенок».

Нет, даже в долгие месяцы тягости и часы родов ребенок не твой.

Ты говоришь: «Мой ребенок».

Нет, это ребенок общий, матери и отца, дедов и прадедов.

Чье-то отдаленное «я», спавшее в веренице предков, – голос истлевшей, давно забытой гробницы вдруг заговорил в твоём ребенке.

Три сотни лет тому назад, в военное или в мирное время, кто-то овладел кем-то (в калейдоскопе скрещивающихся рас, народов, классов) – с согласия или насильно, в минуту ужаса или любовной истомы, – изменил или соблазнил. Никто не знает, кто и где, но Бог записал это в книгу судеб, а антрополог пытается разгадать по форме черепа и цвету волос.

Бывает, впечатлительный ребенок фантазирует, что он в доме родителей – подкидыш. Да: тот, кто породил его, умер столетия назад. Ребенок – это пергамент, сплошь покрытый иероглифами, лишь часть которых ты сумеешь прочесть, а некоторые сможешь стереть или только перечеркнуть и вложить свое содержание.

Страшный закон? Нет, прекрасный. В каждом твоём ребенке он видит первое звено бессмертной цепи поколений.

Поищи в своём чужом ребенке эту дремлющую свою частицу. Быть может, и разгадаешь, быть может, даже и разовьешь.

Ребенок и беспредельность.

Ребенок и вечность.

Ребенок – пылинка в пространстве.

Ребенок – момент во времени.

Плата за любовь родителей

Ты говоришь: «Он должен... Я хочу, чтобы он...»

И выбираешь для него, каким должен стать, – жизнь, какую желала бы.

Ничего, что кругом скудость и заурядность. Ничего, что кругом серость.

Люди суетятся, хлопочут, стараются – мелкие заботы, тусклые стремления, низменные цели...

Несбывшиеся надежды, мучительные сожаления, вечная тоска.

Всюду несправедливость.

Цепенеешь от бездушия, задыхаешься от лицемерия.

Имеющее клыки и когти нападает, тихое уходит в себя.

И не только страдают люди, а и марают душу...

Кем должен быть твой ребенок?

Борцом или только работником? Командующим или рядовым? Или только счастливым? Где счастье, в чем счастье? Знаешь ли к нему путь?

Да и есть ли такие люди, которые знают?

Справишься ли?..

Как предвидеть, как оградить?

Мотылек над пенным потоком жизни... Как придать прочность крыльям, не снижая полета, закалять, не утомляя? Собственным примером, помогая советами, словом и делом? А если отвергнет?

Лет через пятнадцать он обращен к будущему, ты – к прошлому. У тебя воспоминания и привычки, у него пояски нового и дерзновенная надежда. Ты сомневаешься, он ждет и верит, ты боишься, а он бесстрашен.

Юность, если она не глумится, не проклиняет, не презирает, всегда стремится переделать несовершенное прошлое.

Так и должно быть. И все ж... Пусть ищет, лишь бы не плутал, пусть взбирается, лишь бы не сорвался, пусть искореняет, лишь бы не разбил в кровь руки, пусть борется, только осторожно-осторожно.

Скажет:

– Я другого мнения. Довольно опеки.

– Значит, не доверяешь?

– Не нужна я тебе?

– Тяготишься моей любовью?

– Неосмотрительное мое дитя, не знаешь ты жизни, бедное, неблагодарное!

Неблагодарное.

Благодарна ли земля солнышку, что ей светит? Дерево зерну, что из него выросло? Поет ли соловушка матери, что выгрела его грудью?

Отдаешь ли ребенку то, что взяла у родителей, или лишь одалживаешь, чтобы получить обратно, тщательно записывая и высчитывая проценты? Заслуга ли любовь, что ты требуешь плату?

Материнская любовь – стихия. Люди ее переделали на свой лад. Весь цивилизованный мир, за исключением народных масс, которых не коснулась культура, занимается детоубийством. Супруги, у которых двое детей, хотя могло быть двенадцать, – убийцы десятерых неродившихся, а среди них был один, именно он – «их ребенок». Быть может, среди нерожденных они убили самого ценного.

Так что же делать?

Воспитывать не этих детей, которые не родились, а этих, которые рождаются и будут жить.

Здоров ли?

Еще так странно, что он уже больше не она сама. Еще недавно в их двойной жизни боязнь за ребенка была частицей боязни за саму себя.

Она так желала, чтобы это уже кончилось, так сильно хотела, чтобы эта минута уже была позади. Думала, будет свободна от забот и тревог.

А сейчас?

Странная вещь: раньше ребенок был ей ближе, более свой, в его безопасности она была больше уверена, лучше его понимала. Думала, что она знает, сумеет... С момента, когда забота о нем перешла в чужие руки, опытные, оплачиваемые и уверенные, мать – одинокая, отодвинутая на задний план – испытывает беспокойство.

Мир его уже у нее отнимает.

И в долгие часы вынужденного бездействия мать спрашивает себя: что я ему дала, чем наделила, чем наградила? Здоровый? Так почему плачет?

Почему худенький, плохо сосет, не спит, спит так много, отчего у него такая большая головка, ножки скрючены, стиснуты кулачки, красная кожаца, белые прыщики на носу, косят глазки, почему он икает, чихнул, давится, охрип?

Так и должно быть? А может, ее обманывают?

И она смотрит на это маленькое, беспомощное существо, не похожее ни на одно из точно таких же маленьких и беспомощных существ, которые она видела на улице или в парке.

Неужели и он через три-четыре месяца?..

А может, они ошибаются?

Может, проглядели?

Красивый или некрасивый

Мать с недоверием слушает врача, изучая его взглядом: она желает понять по глазам, пожатию плечами, поднятой брови, нахмуренному лбу: говорит ли он правду и достаточно ли сосредоточен. «Красив ли? А мне все равно». Так говорят неискренние матери, желая подчеркнуть свой серьезный взгляд на цели воспитания.

Красота, грация, приятный голос – капитал, переданный тобой ребенку; как ум и как здоровье, он облегчает жизненный путь. Но не следует переоценивать красоту: не подкрепленная другими достоинствами, она может принести вред. (И тем более требует зоркой мысли.) Красивого ребенка надо воспитывать иначе, чем некрасивого. А раз воспитания без участия в нем самого ребенка не существует, не надо стыдливо утаивать от детей значения красоты, ибо это-то и портит.

Хочешь скрыть от ребенка, что он красив? Если ему не скажет об этом никто из домашних, скажут чужие люди: на улице, в магазине, в парке, всюду – восклицанием, улыбкой, взглядом, взрослые или ровесники.

Это псевдопрезрение к человеческой красоте – пережиток Средневековья. Человеку, чуткому к прелести цветка, бабочки, пейзажа, – как остаться равнодушным к красоте человека? Хочешь скрыть от ребенка, что он красив? Если ему не скажет об этом никто из домашних, скажут чужие люди: на улице, в магазине, в парке, всюду – восклицанием, улыбкой, взглядом, взрослые или ровесники. Скажет злая доля детей некрасивых и безобразных. И ребенок поймет, что красота дает особые права, как понимает, что это его рука и она ему служит.

Как слабый ребенок может развиваться благополучно, а здоровый – попасть в катастрофу, так и красивый – оказаться несчастным, а одетый в броню непривлекательности – невыделяемый, незамечаемый – жить счастливо.

Ибо ты должен, обязан помнить, что жизнь, заметив каждое ценное качество, захочет купить его, выманить или украсть. Это равновесие тысячных отклонений рождает неожиданности, изумляющие воспитателя мучительными многократными «почему?».

– А мне все равно, красивый или некрасивый.

Ты начинаешь с ошибки и лицемерия.

Умен ли?

Вначале мать спрашивает с тревогой, вскоре она будет требовать.

Ешь, хотя и сыт, хотя бы с отвращением; ложись спать, хотя бы со слезами, даже если заснешь лишь через час.

Должен, требую, чтобы ты был здоров.

Не играй песком, не ходи растрепой: требую, чтобы ты был красив.

«Он еще не говорит... Он старше на... несмотря на это, еще... Он плохо учится...»

Вместо того чтобы наблюдать, изучать и знать, берется первый попавшийся «удачный» ребенок и предъявляется требование своему: вот на кого ты должен быть похож.

Хороший или удобный

Хороший ребенок.

Надо остерегаться смешивать хороший с – удобным.

Мало плачет, ночью нас не будит, доверчив, спокоен – хороший.

А плохой капризен, кричит без явного к тому повода, доставляет матери больше неприятных эмоций, чем приятных.

Ребенок может быть более или менее терпелив от рождения, независимо от самочувствия. С одного довольно единицы нездоровья, чтобы дать реакцию десяти единиц крика, а другой на десяток единиц недомогания реагирует одной единицей плача.

Один вял, движения ленивы, сосание замедленно, крик без острого напряжения, четкой эмоции.

Другой легко возбудим, движения живы, сон чуток, сосание яростно, крик вплоть до синюхи. Зайдется, задохнется, надо приводить в чувство, порой с трудом возвращается к жизни. Я знаю: это болезнь, мы лечим от нее рыбьим жиром, фосфором и безмолочной диетой. Но болезнь эта позволяла младенцу вырасти человеком могучей воли, стихийного натиска, гениального ума.

Наполеон в детстве заходил плачем.

Все современное воспитание направлено на то, чтобы ребенок был удобен, последовательно, шаг за шагом стремится усыпить, подавить, истребить все, что является волей и свободой ребенка, стойкостью его духа, силой его требований.

Вежлив, послушен, хорош, удобен, а и мысли нет о том, что будет внутренне безволен и жизненно немощен.

Крик ребенка – неприятный сюрприз для молодой матери.

Знала, дети плачут, но, думая о своем, проглядела: ждала одних пленительных улыбок.

Станет соблюдать все необходимое, воспитывать будет разумно, современно, под наблюдением опытного врача. Ее ребенок не должен плакать.

Но наступает ночь, когда она, ошеломленная (живы еще отзвуки тяжких часов, длившихся столетия), едва ощутив сладость усталости без забот, лени без самобичевания, отдыха после завершённой работы, отчаянного напряжения, первого в ее изнеженной жизни; едва уступив иллюзии, что все кончилось, ибо оно, дитя – этот другой – уж само дышит; умиленная, способная задавать лишь полные таинственных шепотов вопросы природе, не требуя даже ответа...

...Вдруг слышит...

Деспотичный крик ребенка, который чего-то требует, на что-то жалуется, домогается помощи, а она не понимает!

Бодрствуй!

«Да раз я не могу, не хочу, не знаю как!»

Этот первый крик при свете ночника – предвестник борьбы сдвоенной жизни: одна, зрелая, которую заставляют уступать, отречься и жертвовать, защищается; другая, новая, молодая, завоевывает свои права.

Сегодня ты не винишь его; он не понимает, страдает.

Когда учиться понимать

Но есть на циферблате времени час, когда скажешь: «И я чувствую, и я страдаю».

Бывают новорожденные и младенцы, которые мало плачут, – тем лучше. Но есть и такие, у которых от крика взбухают на лбу вены, выпячивается темечко, багровая краска заливает личико и головку, губы синеют, беззубый ротик дрожит, животик вздувается, судорожно стискиваются кулачки, ножки колотят по воздуху. Вдруг он умолкает без сил, с выражением полной покорности глядит «с упреком» на мать, жмурит глаза, моля о сне, и после нескольких поспешных вдохов и выдохов опять подобный, а может, и еще сильнее приступ крика.

Неужто выдержат это маленькие легкие, крохотное сердце, юный мозг?

На помощь, врача!

Проходит вечность, прежде чем врач появляется и выслушивает со снисходительной улыбкой ее опасения, такой чужой, неприступный, профессионал, для него этот ребенок – один из тысячи. Появляется, чтобы через минуту уйти к другим страданиям, слушать иные жалобы, появляется сейчас, днем, когда на душе повеселело: солнце, на улице люди; появляется, когда ребенок как раз заснул, видно, изнуренный часами без сна, и еле заметны следы кошмарной ночи.

Мать слушает, иногда слушает невнимательно. Мечты о враче-друге, советчике, проводнике в тяжелом странствии развеялись безвозвратно.

Она вручает гонорар и опять остается одна в печальном убеждении, что доктор – безучастный чужой человек, который не поймет. Да он и сам колеблется, ничего не сказал определенно.

Знай она, как важны эти первые дни и недели, и не столько для здоровья ребенка сейчас, сколько для будущности их обоих!

А уж как легко упустить!

Вместо того чтобы примириться с мыслью, что если врачу ее ребенок интересен лишь тем, что приносит доход или льстит тщеславию, так и для мира он ничто, и дорог лишь ей...

Вместо того чтобы примириться с современным состоянием науки, которая догадывается, старается узнать, изучает и делает шаг вперед – знает, но не уверена, помогает, но не дает гарантий...

Вместо того чтобы мужественно установить: воспитание ребенка – это не милая забава, а дело, требующее капиталовложений – тяжелых переживаний, забот бессонных ночей и много, много мыслей...

Вместо того чтобы переплавить все это в огне чувств на честное знание без иллюзий, без детского фырканья и эгоистичной горечи, она способна перевести ребенка вместе с няней в дальнюю комнату, потому что «не может смотреть» на мучения крошки, «не может слышать» его жалобных призывов; способна опять и опять вызывать врачей, не приобретая никакого опыта, – прибитая, отупевшая, одуревшая.

Как наивна радость матери, что она поняла первую неясную речь ребенка, угадала путаные, недоговоренные слова!

Лишь сейчас?.. Лишь это?.. И не больше?..

А язык плача и смеха, язык взгляда и губ сковородочкой, язык движений и сосания?..

Не отрекайся от этих ночей! Они дают то, чего не даст книга и ничей совет. Ценность этих ночей не только в знании, но и в глубоком душевном перевороте, который не позволяет вернуться

к бесплодным размышлениям: «Что могло бы быть, что должно бы быть, как было бы хорошо, если бы...», а учит действовать в условиях, которые налицо.

В эти ночи может родиться дивный союзник, ангел-хранитель ребенка – интуиция материнского сердца, ясновидение, которое состоит из пытливой воли, зоркой мысли, неомраченных чувств.

Бывало и так: вызывает меня мать.

– Ребенок здоров, с ним ничего нет. Но я хотела бы, чтобы вы его посмотрели.

Осматриваю, даю несколько указаний, отвечаю на вопросы. Да здоров же, милый, веселый!

– До свидания!

И в тот же вечер или на другой день:

– Доктор, у ребенка жар.

Мать заметила то, чего я, врач, не сумел прочесть при поверхностном осмотре во время краткого визита.

Часами склоненная над малышом, не владея методом наблюдения, она не знает, что именно она заметила, и, не доверяя себе, не смеет признаться в сделанных ею тонких наблюдениях.

А она заметила, что у ребенка хрипоты нет, но голос глуховатый. Лепечет чуть меньше или тише. Раз вздрогнул во сне, несколько сильнее, чем обычно. Рассмеялся, когда проснулся, но потише. Сосал чуть медленнее, может быть, с более длительными передышками, как бы рассеянно. Улыбнувшись, скривился, а может, это только показалось? Любимую игрушку бросил в гнев – отчего?

Сотней симптомов, которые заметили ее глаз, ухо, сосок, сотней микрожалоб ребенок сказал: «Мне нездоровится. Нехорошо мне сегодня».

Мать не верила в то, что она заметила, потому что в книжке ни об одном таком симптоме не читала.

В бесплатную поликлинику мать-рабочая приносит двухмесячного младенца.

– Не сосет. Еле возьмет сосок, бросает. С ложечки пьет. Иной раз во сне, а то и не во сне как вскрикнет вдруг...

Осматриваю рот, горло – ничего не вижу.

– Дайте ему, пожалуйста, грудь.

Ребенок хватает сосок, сосать не хочет.

– Вот ведь какой стал!

Наконец ребенок берет грудь, быстро, как бы в отчаянии делает несколько сосательных движений и с криком выпускает.

– Вы поглядите, у него что-то на десне.

Осматриваю во второй раз, покраснение, но странное: только на одной стороне.

– Вот тут что-то чернеется, зубик что ли?

Вижу что-то твердое, желтоватое, овальное, с черным ободком. Приподнимаю, подается, под ним – маленькое красненькое углубление с кровавым краем.

Наконец это «что-то» у меня в руках: конопляная шелуха!

Над люлькой висит клетка с канарейкой. Канарейка бросила шелуху, та упала на губу, проскользнула в рот и впилась в десну.

Ход моих мыслей: stomatitis catarrhalis, soor, stom. aphotosa, gingivitis, angina [7] и т. д.

А мать: больно, что-то во рту.

Я два раза производил осмотр... А она?

О чем говорит плач

Если иногда врача удивляет точность и дотошность материнских наблюдений, то, с другой стороны, он с равным удивлением устанавливает, что зачастую мать не умеет не то что понять, а

даже заметить самый наипростейший симптом.

Ребенок от рождения плачет, мать ничего больше не увидела. Плачет и плачет...

Возникает ли плач внезапно, сразу достигая вершины, или жалобное хныканье постепенно переходит в крик?

Быстро ли младенец успокаивается, сразу после выделения кала или мочи, или после того, как вырвало (или сам выплюнул)?

Вдруг ли разревется во время купания, одевания, вставания или, словно жалуясь, плачет протяжно, без внезапных вспышек?

Какие при этом делает движения?

Трется головкой о подушку, чмокает губами?

Успокаивается ли, если носить, а распеленаешь и положишь на животик, часто ли меняет положение?

Засыпает после плача крепким сном и надолго или просыпается при любом шорохе?

Плачет до или после сосания, больше утром, вечером или ночью?

Успокаивается ли во время сосания?

Надолго?

Или не хочет сосать?

Как не хочет?

Бросает сосок, чуть взял в рот, или при глотании?

Сразу или спустя некоторое время?

Решительно не желает или можно склонить на сосание?

Как сосет?

Отчего не сосет?

Если насморк, то как будет сосать?

Жадно и сильно, потому что хочется пить, а потом частыми небольшими глотками и неровно, делая передышки, потому что не хватает дыхания?

А если и дальше глотание болезненно, то что будет?

Плачут не только с голоду и от болей в «животике», но и когда болят губы, десны, язык, горло, нос, палец, ухо, кости; от боли в поцарапанном клизмой заднем проходе, при болезненном выделении мочи, при тошноте, жажде, перегревании, зуде кожи, на которой еще сыпи нет, но появится через месяц-другой; плачут из-за жесткой тесемки, складки на пеленке, ворсинки ваты, которая встала в горле, шелухи от семечка из канарейкиной клетки.

Вызови врача на десять минут, но и сама наблюдай все двадцать часов.

Из-за книг с их готовыми формулами притупилось зрение и обленилась мысль. Живя чужим опытом, наблюдениями и взглядами, люди настолько утратили веру в себя, что не хотят смотреть своими глазами. Будто печатное слово – откровение, а не результат наблюдений – только чьих-то, а не моих, вчерашних, а не сегодняшних, над чьим-то, а не над моим ребенком.

Живя чужим опытом, наблюдениями и взглядами, люди настолько утратили веру в себя, что не хотят смотреть своими глазами.

А школа выработала трусость, страх выдать, что не знаю.

Сколько раз мать, записав на листке вопросы, которые хочет задать врачу, не решается их высказать. И как исключительно редко даст ему этот листок, потому что она там «написала глупости».

Сама скрывая, что она не знает, сколько раз она заставит и врача скрыть сомнения и колебания, ответить определенно! Как неохотно принимает широкая публика ответы условные, как не любит, когда врач размышляет вслух над колыбелью! Как часто врач, вынужденный быть пророком, становится шарлатаном!

Порой родители не хотят знать то, что они уже знали, и видеть то, что они уже увидели.

Роды в кругах, где царит фанатизм удобств, являются чем-то столь редким и злостно-исключительным, что мать категорически требует от природы щедрой награды.

Если мать согласилась на лишения, на неприятности, недомогания беременности и муку родов, ребенок должен быть таким, каким она его придумала.

Мифы о кормлении

Странная вещь: в менее серьезных случаях мы склонны обращаться за советами ко многим врачам, а в столь важном: может ли мать сама кормить грудью – довольствуемся одним, подчас неискренним, подсказанным случайными людьми.

Каждая мать может кормить, у каждой достаточное количество молока; и только незнание техники кормления лишает ее этой врожденной способности.

Боли в груди, трещины на сосках являются некоторым препятствием.

Но страдание окупается сознанием, что мать вынесла всю тягость, не переложив ничего на плечи купленной рабыне. Ибо кормление – это продолжение беременности, «только ребенок переместился наружу и, отрезанный от последа, взял грудь и пьет не красную, а белую кровь».

Пьет кровь? Да, материнскую – это закон природы, а не убиенного молочного брата – что узаконили люди.

Отголосок интенсивной борьбы за право ребенка на грудь.

Сегодня во главе угла стоит жилищный вопрос. А что будет завтра? Таким образом, интересы автора определяются текущим моментом.

Может, и я сочинил бы медицинский «Египетский сонник» для матерей.

«Вес три с половиной кило при рождении означает здоровье, благополучие».

«Испражнения зеленые, слизистые: беспокойство, неприятное известие».

Может, и я составил бы «Любви зеркало», сборник советов и указаний.

Но я убедился, что нет предписания, которого не довела бы до абсурда не критичная крайность.

Старая система:

Грудь тридцать раз в сутки, попеременно с «касторочкой». Младенец переходит из рук в руки, его качают, «тетешкают» все перепростуженные тетки. Подносят к окну, к зеркалу, хлопают в ладоши, гремят погремушками, поют песенки – ну просто ярмарка!

Новая система:

Каждые три часа грудь. Ребенок при виде приготовлений проявляет нетерпение, сердится, плачет. Мать смотрит на часы: еще четыре минуты. Ребенок спит, мать его будит – пора кормить, голодного отнимает от груди – время истекло. Лежит – не надо трогать. Не приучать к ношению на руках. Выкупанный, сухой, сытый ребенок должен спать. Не спит. Надо ходить на цыпочках, завесить окна. Больничная палата, морг.

Не мысль работает, а предписание приказывает.

Не: «Как часто кормить», а: «Сколько раз в сутки». Такая постановка вопроса развязывает матери руки; пусть сама устанавливает часы, как лучше ей и ребенку.

Сколько раз в сутки должен сосать ребенок?

От четырех раз до пятнадцати.

Как долго держать у груди ребенка?

От четырех минут до сорока пяти и дольше.

Мы встречаем: грудь легко и трудно отделяющую молоко, с обильным и скудным молоком, с хорошо выраженными сосками и невыраженными, с тугими и ранимыми. Мы встречаем детей сильно, неровно и лениво сосущих. Поэтому единого рецепта нет.

– Сосок слабо выражен, но прочный; новорожденный активный; пусть он сосет часто и

подолгу, чтобы «разработать» грудь.

– Молочная мать, ребенок слабый. Может, лучше перед кормлением отцедить часть молока и заставить ребенка напрягаться? Не может справиться? Дать грудь, а оставшееся молоко отцедить.

– Грудь туговата, ребенок вялый. Он начинает пить минут через десять. На одно глотательное движение может приходиться от одного до пяти сосательных. Количество молока в одном глотке может быть больше или меньше.

– Берет грудь, сосет, но не глотает; редко, часто глотает.

– «По подбородку течет». Может, потому, что молока много, а может, и потому, что молока мало, ребенок изголодался, сильно втянул в себя и поперхнулся – но только первыми глотками.

Как можно, не зная ребенка и матери, давать предписания?

«Кормить по десяти минут пять раз в сутки» – это схема.

Без весов нет техники кормления грудью. Все, что мы не сделаем, будет игрой в жмурки!

Кроме взвешивания, нет иного способа узнать, высосал ребенок три ложки молока или десять.

А от этого зависит, как часто он должен сосать, как долго, из обеих или из одной груди.

Весы могут быть непогрешимым советчиком, если видеть то, что есть на самом деле, и могут стать тираном, если мы захотим получить схему «нормального» роста ребенка. Как бы нам один предрассудок – о зеленых испражнениях – не сменить на другой – об идеальных кривых!

Как взвешивать?

Следует отметить, что бывают матери, которые убили много сотен часов на гаммы и этюды, а ознакомиться с весами им в тягость. Взвешивать до и после кормления? Такая возня! Бывают и другие, которые не отмахиваются от весов, а окружают их вниманием – этого любимого домашнего врача.

Дешевые весы для грудных детей, такое распространение весов, чтобы «забрали под соломенную стреху», – это социальный вопрос. Кто его поднимет?

Как это происходит, что одно поколение детей выросло под лозунгом: молоко, яйца, мясо, а другое получает каши, овощи, фрукты?

Я мог бы ответить: прогресс химии, исследования в области обмена веществ.

Нет, суть изменений ищи глубже.

Новая диета является выражением доверия науки к живому организму, уважением к его воле. Когда давались белки и жиры, хотели стимулировать развитие организма, специально подбирая диету, а сейчас мы даем все: пусть живой организм сам выбирает, что ему надо, что приносит пользу, пусть сам управляет своими силами, активом унаследованного здоровья и потенциальной энергией развития.

Не что мы даем ребенку, а что он усваивает. Каждое насилие и излишество – это балласт, каждая односторонность – возможная ошибка. Даже будучи близки к истине, мы можем сделать ошибку, а повторяя ее последовательно из месяца в месяц, мы наносим вред организму или усложняем ему работу.

Когда, как и чем прикармливать?

Тогда, когда ребенку не хватает высосанного им литра молока; не сразу, а постепенно и всегда дождавшись реакции организма; прикармливать всем, в зависимости от ребенка, его ответа.

А каши?

Следует отличать науку о здоровье от торговли здоровьем.

Жидкость для выращивания волос, эликсир для зубов, пудра, которая омолаживает кожу, кашки, облегчающие прорезывание зубов, – зачастую это позор для науки и никогда – ее гордость, взлет, достижение.

Фабрикант обеспечит кашками и нормальный стул, и эффектный вес, даст то, что мать тешит, а ребенку по вкусу. Но ребенок станет водянистым, рыхлым, раскормленным, может быть, вялым, может быть, с пониженной жизнеспособностью.

И всегда фабрикант дискредитирует грудь, правда осторожно, пробуждая сомнения, потихоньку подкапываясь, искушая и потакая слабостям толпы.

Кто-нибудь скажет: ученые со всемирно известными именами выразили одобрение. Но и ученые – люди: и среди них есть более проницательные и менее проницательные, осмотрительные и легкомысленные, честные и фальсификаторы. Сколько их, генералов науки не силой гения, а оборотливостью или привилегией богатства и рождения!

Наука нуждается в дорогостоящих лабораториях, а их дают не только за подлинные достоинства, но и за притворство, и за потворство, и за интриги.

Я присутствовал на заседании, где наглая самоуверенность присваивала плоды двенадцати лет добросовестного исследовательского труда. Я знаю открытие, сфабрикованное к известному международному съезду. Питательный препарат, значение которого подтвердило несколько десятков светил, оказался фальсификатом; был судебный процесс; скандал быстро замяли.

Не кто похвалил кашку, а кто не хотел ее хвалить, несмотря на все старания агентов и фабрикантов. А они-то уж умеют домогаться и добиваться. Предприятия-миллионеры обладают большим влиянием; это сила, перед которой не каждый устоит.

Когда младенец болеет

У ребенка жар, насморк.

Ему ничто не угрожает? Когда он выздоровеет?

Наш ответ – равнодействующая ряда суждений на основе того, что мы знаем и сумели заметить.

А значит: сильный организм преодолет слабую инфекцию в два-три дня. Если инфекция сильнее или ребенок слабее, недомогание продлится неделю. Посмотрим.

Либо: недомогание легкое, но ребенок очень мал. Катар у младенцев часто переходит со слизистой носа на гортань, трахею, бронхи. Увидим.

Наконец, на сто подобных случаев девяносто оканчиваются быстрым выздоровлением, в семи – болезненное состояние затягивается, в трех – развивается осложнение и может наступить смерть.

Примечание: а может, за легкой простудой скрывается другое заболевание?..

Но мать не хочет предполагать, она хочет иметь полную уверенность.

Можно диагноз уточнить, исследуя выделения носа, получить анализы мочи, крови, спинно-мозговой жидкости, можно сделать рентгеноскопию, вызвать специалистов.

Возрастет процент безошибочности в диагностике, прогнозировании и даже лечении. Но уравнивает ли этот плюс вред многократных осмотров и присутствие большого числа докторов, каждый из которых может внести в волосы, складках одежды, при разговоре более опасную инфекцию?

Где ребенок мог простудиться?

Можно было этого избежать.

А не вырабатывает ли эта легкая инфекция иммунитет против более сильной, с которой ребенок столкнется через неделю, через месяц, и не совершенствует ли она защитный механизм: в термическом центре мозга, железах, составных частях крови? И можем ли мы изолировать ребенка от воздуха, которым он дышит, а один кубический сантиметр его содержит тысячи бактерий?..

Не явится ли это новое столкновение того, к чему мы стремимся, с тем, перед чем вынуждены отступить, еще одной попыткой вооружить мать не образованием, а разумом, без

которого ей не воспитать правильно ребенка?

Пока смерть косила рожениц, не очень-то думали о новорожденном. Его заметили, когда асептика и техника медицинской помощи научились сохранять жизнь матери. Пока смерть косила младенцев, все внимание науки должно было направляться на бутылочку и пеленку.

Теперь, может быть, уже недолго – и наряду с вегетативным обликом ребенка мы четко разглядим психический склад, жизнь и развитие ребенка до года. То, что сделано до сих пор, даже еще не начало работы.

Бесконечный ряд психологических проблем и проблем на грани физиологии и психологии младенца.

Наполеон страдал родимчиком. Бисмарк был рахитиком, и уж бесспорно, каждый пророк и преступник, герой и предатель, большой и малый, атлет и замухрышка был младенцем, прежде чем стать взрослым человеком.

Если мы хотим изучать амебы мыслей, чувств и стремлений до того, как они развились, дифференцировались и сложились, мы должны обратиться к младенцу.

Младенец и его индивидуальность

Только безграничное невежество и поверхностность взгляда могут позволить недоглядеть, что младенец представляет собой некую строго определенную индивидуальность, состоящую из врожденного темперамента, силы интеллекта, самочувствия и жизненного опыта.

Сто младенцев. Я склоняюсь над кроваткой каждого. Вот они, чья жизнь исчисляется неделями или месяцами, – разного веса и с разным прошлым своей кривой, больные, выздоравливающие, здоровые и с трудом цепляющиеся за жизнь.

Встречаю разные взгляды, от угасших, словно подернутых пеленой, без выражения, и от упорных, болезненно сосредоточенных до оживленных, приветливых и даже задорных. И улыбка приветствия, внезапная, дружеская, или улыбка после внимательного наблюдения, лишь в ответ на мою улыбку и ласковое слово – поощрение.

Что сразу мне показалось случайностью, повторяется в течение многих дней. Я записываю, выделяя доверчивых и недоверчивых, спокойных и капризных, веселых и мрачных, неуверенных, боязливых и враждебных.

Всегда веселый: улыбается до и после кормления, разбуди его – сонный, разомкнет веки, улыбнется и уснет. Всегда мрачный: с беспокойством встречает тебя, уже готовый заплакать, за три недели улыбнулся, и то мельком, лишь раз...

Осматриваю горло. Живой, бурный, страстный протест.

Или лишь досадливо сморщится, нетерпеливо мотнет головой и уже добродушно улыбается. Или подозрительно насторожен при каждом движении чужой руки, впадает в гнев раньше, чем испытал боль...

Массовая прививка оспы: по пятидесяти детей в час. Это уже эксперимент. И опять – у одних немедленная и энергичная реакция, у других – постепенная и слабая, а у третьих – безразличие. Один младенец довольствуется удивлением, другой доходит до беспокойства, третий бьет тревогу; один быстро приходит в равновесие, другой долго помнит, не прощает...

Кто-нибудь скажет: возраст. Да, но только до известной степени. Быстрота ориентации, память пережитого. О, мы знаем детей, которые приобрели горький опыт знакомства с хирургом; знаем, что есть дети, которые не хотят пить молоко, потому что им давали белую эмульсию с камфарой.

А разве психический облик зрелого человека складывается из чего-то другого?

Один младенец:

Родился, уже примиренный с холодом воздуха, жесткой пеленкой, беспокойством звуков, работой сосания. Сосет трудолюбиво, расчетливо и смело. Уже улыбается, уже агукает, уже

владеет руками. Растет, совершенствуется, ползает, ходит, лепечет, говорит. Как и когда это произошло? Спокойное, безоблачное развитие...

Второй младенец:

Прошла неделя, прежде чем научился сосать. Ряд тревожных ночей. Неделя без хлопот, однодневная буря. Развитие несколько вялое, прорезывание зубов тяжелое. В общем, бывало по-разному, но теперь уже все в порядке: спокойный, милый, потешный.

Быть может, прирожденный флегматик и недостаточно продуманная опека, недостаточно хорошая грудь, развитие благополучное.

Третий младенец:

Стремительный. Весел, легко возбудим, испытывая неприятные впечатления, начало которых в его организме или вне организма, борется отчаянно, не щадя сил. Живые движения, неожиданные смены, сегодняшний день не похож на вчерашний. Усваивает и забывает попеременно.

Развитие скачкообразное, с резкими подъемами и падениями. Неожиданности от самых приятных до мнимо грозных. Невозможно определить. Наконец: легко возбудим, раздражителен, сила, но капризная; может быть, представляет собой большую ценность...

Четвертый младенец:

Если сосчитать солнечные и дождливые дни, первых окажется немного. Недовольство как основной тон. Нет болей, так есть неприятные ощущения; не ворчит, так куксится. Было бы хорошо, да... Никогда безоговорочно. Это ребенок с предрасположением к некоторым заболеваниям, неразумно воспитываемый...

Факторы влияния

Температура комнаты, сто граммов молока лишних, сто граммов питьевой воды недостает – все это оказывает влияние не только гигиеническое, но и воспитательное. У младенца, которому предстоит столько всего изучить, додумать, узнать, освоить, полюбить и возненавидеть, разумно защищать и завоевывать, – должно быть хорошее самочувствие независимо от врожденного темперамента и быстрого или вялого ума.

Вместо навязанного неологизма: «osesek» я употребляю старое выражение: «niemowl». Греки говорили: «непиос», римляне: «infans». Если таково было желание польского языка, к чему нам переводить некрасивое немецкое «Sugling»? Нельзя произвольно хозяйничать в словаре старых и важных слов.

Зрение. Свет и тьма, ночь и день. Во сне мало что происходит, наяву больше; случается что-то хорошее (грудь) или плохое (боль). Новорожденный смотрит на лампочку. И не смотрит: глазные яблоки то сходятся, то расходятся. Позже, вода взглядом за медленно передвигаемым предметом, поминутно улавливает его и теряет из виду. Контуры тени, первые наметки линий, и все это без перспективы. Мать на расстоянии одного метра – уже другая тень, чем когда склоняется над ним вблизи. Сбоку ее лицо – словно серп месяца, и только подбородок и губы – если смотреть снизу, лежа у матери на коленях; то же лицо – с глазами, и еще по-другому – с волосами, когда сильнее нагнется. А слух и обоняние говорят, что все это одно и то же.

Грудь – это светлое облако, вкус, запах, теплота, доброта. Младенец выпускает грудь и смотрит, изучая взглядом то удивительное что-то, которое появляется над грудью и откуда плывут звуки и веет теплом дыхания. Младенец не знает, что грудь, лицо, руки составляют единое целое – мать.

Кто-то чужой протягивает руки. Обманутый знакомым движением, знакомой картиной, ребенок переходит в эти руки. И тут только замечает ошибку. На этот раз руки отдаляют его от знакомой тени, приближая к чему-то чужому, вселяющему страх. Внезапным движением ребенок поворачивается к матери и, уже в безопасности, смотрит и удивляется или, чтобы избежать

опасности, уткнется матери в грудь.

Наконец лицо матери перестает быть тенью, оно изучено руками. Младенец многократно хватал мать за нос, трогал удивительный глаз, который попеременно то блестит, то, матовый, прикрыт веком, и изучал волосы. А кто из нас не видал, как он отгибает губу, осматривает зубы, заглядывает в рот, сосредоточенный, суровый, важный! Только ему мешают пустая болтовня, поцелуи и шутки – то, что у нас называется «забавлять» ребенка. Это мы забавляемся, он изучает. У него уже есть очевидные для него истины, предположения и вопросы в стадии исследования.

Слух. Все, начиная с далеких отголосков – уличного шума за окном, тиканья часов, разговоров и стука – и кончая обращенным непосредственно к ребенку шепотом и словами вслух, – все это создает хаос раздражений, которые он должен классифицировать и понять.

Сюда следует добавить звуки, которые издает сам ребенок, а значит, крик, агуканье, бормотанье. Прежде чем он узнает, что это он сам, а не кто-нибудь, кого не видно, агукает и кричит, пройдет много времени. Когда он лежит и бубнит свое «абб, аба, ада», он слушает и исследует ощущения, которые он испытывает, шевеля губами, языком, гортанью. Не зная еще себя, он устанавливает лишь произвольность одоления звукотворчества.

Когда я говорю младенцу на его собственном языке: «аба, абб, ада», он с удивлением присматривается ко мне – таинственному существу, издающему хорошо известные ему звуки.

Как он воспринимает

Вдумайся мы глубже в сущность сознания младенца, мы нашли бы там значительно больше, чем нам сперва представлялось, только не то и не в таком виде, как нам это представлялось.

«Бедная моя малявочка, бедная моя голодная крошка, она хочет амам, хочет маляко». Младенец прекрасно понимает, он ждет, когда кормящая расстегнет лиф и подложит ему под подбородок платочек, и злится, если очень уж задержат ожидаемое угощение.

И все-таки всю эту тираду мать произнесла самой себе, а не ребенку. Он легче закрепил бы в памяти те звуки, которыми хозяйка скликает домашнюю птицу: «цып-цып-цып» или «утя-утя».

Младенец мыслит ожиданием приятных впечатлений и боязнью впечатлений неприятных; о том, что он мыслит не только зрительными, но и звуковыми образами, можно судить хотя бы по заразительности крика; крик возвещает несчастье, или крик автоматически приводит в движение аппарат, выражающий неудовольствие. Внимательно приглядитесь к младенцу, когда он слушает плач.

Младенец упорно стремится овладеть внешним миром: желает одолеть окружающие его злые, враждебные силы и заставить служить на благо себе добрых духов.

У него есть два заклятия, которыми он пользуется, прежде чем завоюет третье чудесное орудие воли: свои руки. Эти два заклятия – крик и сосание.

Если вначале младенец кричит, потому что его что-то беспокоит, то потом он научится кричать, чтобы предупредить возможное беспокойство. Оставь его одного – плачет, заслышав шаги, успокаивается; хочет сосать – плачет, увидев приготовления к кормлению, перестает плакать.

Младенец действует в пределах сведений, которые у него имеются (а их мало), и средств, которыми он располагает (а они невелики). Совершает ошибки, обобщая отдельные явления и связывая два следующие друг за другом факта как причину и следствие (post hoc, propter hoc [8]). Не в том ли источник интереса и симпатии, которые вызывают у него башмачки, что он приписывает башмакам свою способность ходить? Так и пальтецо является тем волшебным ковром из сказки, который переносит его в мир чудес – на прогулку.

Я вправе делать подобные предположения. Если историк литературы вправе строить догадки, что хотел сказать Шекспир, создавая «Гамлета», то и педагог вправе делать, пусть даже ошибочные, предположения, когда они, за неимением иных, дают все же практические

результаты.

Итак:

В комнате душно. У младенца сухие губы, слабо отделяется тягучая густая слюна, младенец капризничает. Молоко – пища, а ему хочется пить, – значит, дать ему воды. Но он «не хочет пить»; вертит головой и выбивает из рук ложку. Нет, он хочет пить, только еще не умеет. Ощувив на губах желанную жидкость, он мотает головой, ища сосок.

Придерживаю ему голову левой рукой и прикладываю ложку к верхней губе. Он не пьет, а сосет воду, жадно сосет – выпил пять ложек и спокойно засыпает. Если я ему раз-другой неумело подам жидкость с ложечки, он поперхнется, испытает неприятное чувство и тогда уже на самом деле не захочет пить с ложки.

Второй пример:

Младенец, постоянно капризничающий, недовольный, успокаивается во время кормления грудью, когда его пеленают, купают, вообще при частой смене положения. Этого младенца беспокоит сыпь. Мне отвечают, что сыпи нет. Нет, так, наверное, будет. Через два месяца сыпь таки появляется.

Третий пример:

Младенец сосет кулачки, когда ему что-то мешает, все неприятные ощущения, а значит, и беспокойство нетерпеливого ожидания он желает смягчить благодетельным, хорошо знакомым ему актом сосания. Сосет кулачки, когда хочется есть, пить, когда перекормлен и неприятный осадок во рту, когда что-нибудь болит, когда перегрет, когда чешутся кожа или десны. Отчего это бывает: врач предсказывает зубы, ребенок явно испытывает неприятные ощущения в челюсти или деснах, а зубы не показываются в течение нескольких недель? Не раздражает ли прорезывающийся зуб мелких нервных волокон уже в самой кости? Добавлю, что и теленок, прежде чем у него вырастут рога, страдает подобным образом.

И тут путь таков: инстинкт сосания, сосание, чтобы не страдать, сосание как удовольствие или привычка.

Повторяю: основным тоном и содержанием психической жизни младенца является стремление овладеть неведомыми стихиями, тайной окружающего его мира, откуда исходит добро и зло. Желая овладеть, младенец стремится познать.

Повторяю: хорошее самочувствие облегчает объективное изучение, а всякие неприятные ощущения, причина которых лежит внутри его организма, а значит, в первую очередь боль затмевают его шаткое сознание. Чтобы убедиться в этом, надо присматриваться к младенцу, когда он здоров, страдает или болен.

Ощущая боль, младенец не только кричит, но и слышит свой крик, чувствует этот крик в горле, видит его сквозь полуприкрытые веки в виде расплывчатых образов. Все это – сильное, враждебное, грозное, непонятное. Ребенок должен хорошо помнить эти минуты и бояться их; а не зная еще себя, связывает их со случайно возникшими перед ним картинами. Это и есть, наверное, источник многих непонятных симпатий младенца, антипатий, страхов и странностей.

Как он развивается

Изучать развитие интеллекта младенца невероятно трудно, ибо младенец по многу раз усваивает и забывает: это и движение вперед, и затишье, и отступление. Быть может, изменчивость самочувствия играет в этом важную, а может, и главную роль.

Младенец изучает свои руки. Распрямляет, водит ими вправо или влево, отдаляет, приближает, расставляет пальцы, сжимает в кулачок, что-то говорит им и ждет ответа, правой рукой хватает левую и тянет, берет погремушку и смотрит на странно изменившийся вид руки, перекладывает погремушку из одной руки в другую, сует в рот, тут же вынимает и опять разглядывает – внимательно, не спеша.

Бросает погремушку, хватается за пуговицу на одеяле, изучает причину полученного отпора. Младенец не играет, имейте же, черт подери, глаза на лбу и заметьте его усилие воли, чтобы постичь! Это ученый в лаборатории, ищущий решение проблемы величайшей важности, которое от него ускользает.

Младенец навязывает свою волю криком. Потом мимикой лица и движением рук и, наконец – речью.

Раннее утро, скажем пять часов утра.

Проснулся, улыбается, лепечет, двигает ручонками, садится, встает на ножки. Матери хочется еще поспать. Конфликт двух хотений, двух потребностей, двух столкнувшихся эгоизмов; третий момент одного и того же процесса: мать страдает, а ребенок рождается для жизни; матери хочется отдохнуть после родов, а ребенок требует пищи; хочется вздремнуть, а ребенок желает бодрствовать.

И таких конфликтов будет без конца. Это не пустяк, а проблема; будь отважна в своих чувствах и, отдавая ребенка наемной нянюшке, скажи себе прямо «не хочу», хотя бы тебе врач и сказал, что не можешь, ибо он всегда скажет так на втором этаже с окнами на улицу и никогда – на чердаке.

Цена поцелуя

Бывает и так: мать отдает ребенку свой сон, но требует за это плату, а значит, целует, ласкает, прижимает к себе теплое, розовое, шелковистое тельце. Будь начеку: это сомнительный акт экзальтированной чувствительности, скрытой, затаившейся в любви материнского тела, а не сердца. Знай, что ребенок охотно прильнет к тебе, раскрасневшись от сотни поцелуев, с блестящими от радости глазами, то есть твой эротизм находит в нем отклик.

Значит, отказаться от поцелуя? Этого я не могу требовать, считая разумно дозированный поцелуй ценным воспитательным фактором; поцелуй успокаивает боль, смягчает резкое замечание, будит раскаяние, награждает усилия, является символом любви, как крест – символом веры, и действует как таковой. Я говорю: является символом любви, а не что должен являться символом любви.

А впрочем, если это странное желание прижимать к себе, гладить, обонять, впитывать в себя ребенка не вызывает у тебя сомнений, – делай как знаешь. Я ничего не запрещаю и не предписываю.

Когда я смотрю на младенца, как он открывает и закрывает коробочку, кладет в нее и вынимает камешек, встряхивает и прислушивается; когда годовалый ребенок тащит скамеечку, сгибаясь под ее тяжестью и пошатываясь; когда двухлетний, услышав, что корова это «муу», прибавляет от себя «адамуу», а «ада» – это имя их собаки, то есть делает архилогичные языковые ошибки, которые следует записывать и оглашать...

Когда среди разного хлама у ребенка постарше я вижу гвозди, веревочки, тряпочки, стеклышки, потому что это «пригодится» для осуществления сотни замыслов; когда дети пробуют, кто дальше «скакнет»; мастерят, возятся, затевают игру; спрашивают: «Когда я думаю о дереве, то у меня в голове маленькое дерево?»; дают нищему не двушку, чтобы видели и похвалили, а двадцать шесть грошей, все свое состояние, ведь он такой старый и бедный и скоро умрет...

Когда подросток, поплевав на ладонь, приглаживает волосы, потому что должна прийти подруга сестры; когда девушка пишет мне в письме, что «мир подлый, а люди звери», и умалчивает почему; когда юнец гордо бросает бунтарскую, но такую избитую, лежалую мысль – вызов...

О, я целую этих детей взглядом, мыслью и спрашиваю: вы, дивная тайна, что несете? Целую усилием воли: чем могу вам помочь? Целую их так, как астроном целует звезду, которая была,

есть и будет. Этот поцелуй должен быть равно близок экстазу ученого и покорной молитве. Но не изведает его чар тот, кто в поисках свободы потерял в давке

Бога.

Когда ребенок еще не говорит

Ребенок еще не говорит. Когда он заговорит?

Правда, речь – показатель развития ребенка, но не единственный и не главный. Нетерпеливое ожидание первого слова – это ошибка, доказательство воспитательной незрелости родителей.

Если новорожденный в ванночке вздрогнет и взмахнет руками, теряя равновесие, он как бы говорит: «боюсь» – крайне любопытен этот рефлекс страха у существа, столь далекого от понимания опасности. Дашь грудь – не берет, как бы говорит: «Не хочу». Протягивает руку к желаемому предмету: «Дай». Перекошенным от плача ртом и оборонительным жестом говорит: «Я тебе не доверяю», иногда спрашивает мать: «Можно ли ему довериться?»

Чем является пытливый взгляд младенца, как не вопросом: «Что это?» Тянется за чем-нибудь, с трудом достает и глубоко вздыхает – этим вздохом облегчения он говорит: «Наконец-то». Попробуй отнять, десятком оттенков поведения он скажет тебе: «Не отдам». Поднимает голову, садится, встает: «Действую». Чем является улыбка рта, глаз, как не: «О, как хорошо мне на свете»?

Языком мимики говорит, языком зрительных образов и памяти чувств мыслит.

Мать надевает на него пальтецо, ребенок рад, поворачивается всем корпусом в сторону двери, выражая нетерпение, подгоняя. Мыслит картинками прогулки и воспоминанием об испытанных тогда приятных ощущениях. Младенец питает к доктору дружеские чувства, но, завидев у него в руках ложку, сразу распознает в нем врага.

Младенец понимает язык не слов, а мимики и интонаций.

– *Где у тебя носик?*

Не понимая ни одного из этих четырех слов, он по голосу и по движению губ знает, какого от него ждут ответа.

Не умея еще говорить, он умеет вести весьма сложную беседу.

– *Не тронь, – говорит мать.*

Несмотря на это, он протягивает ручонку и берет запрещенный предмет, мило склоняет головку, улыбается, проверяя, не возобновит ли мать еще строже запрещение или, обезоруженная изощренным кокетством, уступит, разрешит.

Еще не сказав ни одного слова, ребенок лжет, беспардонно лжет. Желая освободиться от несимпатичной особы, он подает условный знак, грозный сигнал и, сидя на известном сосуде, взглядывает издевательски и с торжеством на окружающих.

Попробуй подшутить над ним, протягивая и тут же отдергивая требуемый предмет, ребенок не всегда рассердится, подчас только обидится.

Ребенок и без слов умеет быть деспотом, приставать неотвязно, тиранить.

Очень часто, когда врач спрашивает, когда именно ребенок начал говорить и ходить, мать, смутившись, дает робко приблизительный ответ:

– Рано, поздно, нормально.

Она считает, что дата столь важного факта должна быть точной и что любое сомнение представит ее в дурном свете; я упоминаю об этом, чтобы показать, как непопулярна у населения мысль, что даже точное научное наблюдение лишь с трудом дает приблизительную линию развития ребенка, и как повседневно школярское желание скрыть свое незнание.

Как отличить, когда младенец вместо «ам, ан, ама» впервые сказал: «мама», а вместо «абба» – «баба»? Как определить, когда слово «мама» уже тесно связано в его сознании с

образом матери, и ничьим другим?

Ребенок прыгает на коленях у матери, стоит, поддерживаемый ею или сам, опершись о край сетки у кровати; стоит какой-то момент без посторонней помощи; сделал несколько шагов по полу и много шагов в воздухе; барахтается, ползает, ходит на четвереньках; толкает перед собой стул, не теряя равновесия; четверть хождения, полухождение, три четверти хождения, прежде чем наконец начнет ходить. Да и тут – и вчера, и всю неделю ходил, а опять не умеет. Чуть устал, пропало вдохновение. Упал и перепугался, боится, двухнедельная пауза...

Головка, бессильно опущенная на плечо матери, – еще не доказательство тяжелой болезни, так бывает при всяком недомогании.

Ребенок в любом своем новом движении подобен пианисту, которому нужны хорошее самочувствие и душевный покой, чтобы с успехом исполнить трудное музыкальное произведение; даже исключения из этого правила схожи.

Бывало, рассказывает мать, ребенку «уже нездоровилось, но он не поддавался и еще пуще, может быть, ходил, играл, говорил»; тут следует самообвинение: «я думала, мне только кажется, что он нездоров, и пошла с ним гулять»; самооправдание: «такая была хорошая погода» – и вопрос: «это ему могло повредить?»

Нормы и графики

Когда ребенок должен уже ходить и говорить? Тогда, когда он ходит и говорит. Когда должны прорезываться зубки? Именно тогда, когда прорезываются. И темечко как раз тогда должно зарастать, когда зарастает.

И спать младенец должен столько часов, сколько ему надо, чтобы выспался.

Ну да, мы знаем, когда это, в общем, происходит. В каждой популярной брошюре даны эти прописные истины для детей вообще, оборачивающиеся ложью для одного, твоего.

Потому что бывают младенцы, которым требуется больше сна и меньше сна; бывают ранние, а уже гнилые, еще когда прорезываются, зубы и поздние здоровые зубы здоровых детей: темечко зарастает и на девятом месяце жизни, и на четырнадцатом у здоровых детей; глупышки иногда начинают лепетать рано, а умные подолгу не говорят.

Номера пролетов, рядов в театре, сроки уплаты за квартиру – все то, что для порядка придумали люди, можно соблюдать; но кто умом, воспитанным на полицейских указах, захочет объять живую книгу природы, тот обрушит на себя всю тяжесть беспокойства, разочарований и неожиданностей.

Я вменяю себе в заслугу, что на поставленные выше вопросы я ответил не рядом цифр, которые я зову «маленькими правдами». Ведь важно не то, прорезываются сперва нижние или верхние зубы, резцы или клыки – это может заметить каждый, у кого глаза есть и календарь, – а чем является живой организм и что ему нужно – вот она, «великая истина», доступная лишь исследователю.

Даже у честных врачей должны быть две нормы поведения: с разумными родителями врачи – естествоиспытатели, они сомневаются, предполагают, решают трудные проблемы и ставят интересные вопросы; с неразумными – чопорные гувернеры: отсюда досюда – и знак ногтем на букваре.

«Каждые два часа по ложечке. Яичко, полстакана молока и два сухарика».

Внимание! Или мы с вами сейчас договоримся, или навсегда разойдемся во мнениях! Каждую стремящуюся ускользнуть и притаиться мысль, каждое слоняющееся без призора чувство надлежит призвать к порядку и построить усилием воли в шеренгу!

Права ребенка

Я взываю о Magna Charta Libertatis [9], о правах ребенка!

Быть может, их больше, я установил три основных:

1. Право ребенка на смерть.

2. Право ребенка на сегодняшний день.

3. Право ребенка на то, что он есть.

Надо ребенка знать, чтобы представляя, делать как можно меньше ошибок. А ошибки неизбежны. Но спокойно: исправлять их он будет сам – на удивление зоркий, – лишь бы мы не ослабили эту ценную способность, эту его могучую защитную силу.

Мы дали слишком обильную или неподходящую пищу: чересчур много молока, несвежее яйцо – ребенка вырвало. Дали неудобоваримые сведения – не понял, неразумный совет – не усвоил, не послушался. Это не пустая фраза, когда я говорю: счастье для человечества, что мы не в силах подчинить детей нашим педагогическим влияниям и дидактическим покусениям на их здравый рассудок и здравую человеческую волю.

У меня еще не выкристаллизовалось понимание того, что первое, неоспоримое право ребенка – высказывать свои мысли, активно участвовать в наших рассуждениях о нем и приговорах. Когда мы дорастем до его уважения и доверия, когда он поверит нам и сам скажет, в чем его право, загадок и ошибок станет меньше.

Из страха смерти не давать жизни

Бытует мнение, что чем выше смертность среди детей пролетариата, тем крепче поколение, которое выживает и вырастает. Нет: плохие условия, убивающие слабых, ослабляют сильных и здоровых. Зато мне кажется правдой, что чем больше мать из состоятельных кругов страшится мысли о возможной смерти ребенка, тем меньше у него условий стать хоть сколько-нибудь физически развитым и духовно самостоятельным человеком. Всякий раз, когда я вижу в выкрашенной белой масляной краской комнате, среди белой полированной мебели, в белом платице, с белыми игрушками бледного ребенка, я испытываю неприятное чувство: в этой хирургической палате, а не детской комнате должна воспитаться малокровная душа в анемичном теле.

– Куку, бедная детусенька, где у тебя бобо?

Ребенок с трудом отыскивает чуть видные знаки позавчерашних царапин, показывает место, где, ушибись он сильнее, был бы синяк, доходит до совершенства в нахождении коросточек, пятнышек и следов.

Если каждое «бобо» взрослого сопровождают тон, жест, мимика бессильной покорности и безнадежного смирения, детские «фи», «бьяка», «нехороший» сочетаются с проявлениями отвращения и ненависти. Надо видеть, как младенец держит перепачканные в шоколаде руки, пока мама не вытрет их батистовым платочком, все его отвращение и беспомощность, чтобы задать вопрос: «Не лучше, если бы ребенок, ударившись лбом о стул, давал ему пощечину, а во время мытья, с глазами, полными мыла, плевался и пинал няньку?..»

Двери – прищемит палец, окно – высунется и упадет, косточка – подавится, стул – опрокинет на себя, нож – порежется, палка – выколет глаз, поднял с пола коробок – заразится, спичка – ай, пожар, горит!

«Сломаешь руки, попадешь под машину, укусит собака. Не ешь слив, не пей сырую воду, не ходи босой, не бегай на солнце, застегни пальто, завяжи шарфик. Вот видишь, не послушался. Гляди – хромой, гляди – слепой. «На помощь – кровь! Кто дал ему ножницы?»»

Ушиб – это не синяк, а боязнь сотрясения мозга; рвота – не засорение желудка, а боязнь скарлатины. Всюду ловушки и опасности, все грозное, злое.

И если ребенок поверит и не съест украдкой фунт незрелых слив и, обманув бдительность старших, не зажжет с сильно бьющимся сердцем где-нибудь в углу спичку, если послушно, пассивно, доверчиво подчинится требованию избегать всяких опытов, отказываться от попыток и отречься от каждого усилия воли, – что предпримет он, когда в себе, в своем духовном

существом почувствует что-то, что грызет, жжет, ранит?

Есть ли у вас план, как возносить ребенка с младенчества через детство в период созревания, когда подобно удару молнии поразят ее менструации, его – эрекции и поллюции?

Да, ребенок еще сосет грудь, а я уже спрашиваю, как будет рожать, ибо это проблема, над которой и два десятка лет думать не слишком много.

Из страха, как бы смерть не отняла у нас ребенка, мы отнимаем ребенка у жизни; не желая, чтобы он умер, не даем ему жить.

Сами воспитанные в деморализующем пассивном ожидании того, что будет, мы беспрерывно спешим в волшебное будущее. Ленивые, не хотим искать красоты в сегодняшнем дне, чтобы подготовиться к достойной встрече завтрашнего утра: завтра само должно нести с собою вдохновение.

И что такое это «хоть бы он уже ходил, говорил», что, как не истерия ожидания? Ребенок будет ходить, будет обивать себе бока о твердые края дубовых стульев. Будет говорить, будет перемалывать языком сечку серых будней. Чем это сегодня ребенка хуже, менее ценно, чем завтра? Если речь идет о труде, сегодня – труднее.

А когда наконец это завтра настало, мы ждем новое завтра. Ибо в принципе наш взгляд на ребенка – что его как бы еще нет, он только еще будет, еще не знает, а только еще будет знать, еще не может, а только еще когда-то сможет – заставляет нас беспрерывно ждать.

Половина человечества как бы не существует. Жизнь ее – шутка, стремления – наивны, чувства – мимолетны, взгляды – смешны. Да, дети отличаются от взрослых; в жизни ребенка чего-то недостает, а чего-то больше, чем в жизни взрослого, но эта их отличающаяся от нашей жизнь – действительность, а не фантазия. А что сделано нами, чтобы познать ребенка и создать условия, в которых он мог бы существовать и зреть?

Страх за жизнь ребенка соединен с боязнью увечья; боязнь увечья сцеплена с чистотой, залогом здоровья; тут полоса запретов перекидывается на новое колесо: чистота и сохранность платья, чулок, галстука, перчаток, башмаков. Дыра уже не во лбу, а на коленках брюк. Не здоровье и благо ребенка, а тщеславие наше и карман. Новый ряд приказов и запретов вызван нашим собственным удобством.

«Не бегай, попадешь под лошадь. Не бегай, вспотеешь. Не бегай, забрызгаешься. Не бегай, у меня голова болит». (А ведь в принципе мы даем детям бегать: единственное, чем даем им жить.)

И вся эта чудовищная машина работает долгие годы, круша волю, подавляя энергию, пуская силы ребенка на ветер.

Ради завтра пренебрегают тем, что радует, печалит, удивляет, сердит, занимает ребенка сегодня. Ради завтра, которое ребенок не понимает и не испытывает потребности понять, расхищаются годы и годы жизни.

«Мал еще, помолчи немножко. – Время терпит. Погоди, вот вырастешь... – Ого, уже длинные штанишки. – Хо-хо! Да ты при часах. – Покажись-ка: у тебя уже усы растут!»

И ребенок думает: «Я ничто. Чем-то могут быть только взрослые. А вот я уже ничто чуть постарше. А сколько мне еще лет ждать? Но погодите, дайте мне только вырасти...»

И он ждет – прозябает, ждет – задыхается, ждет – притаился, ждет – глотает слюнки. Волшебное детство? Нет, просто скучное, а если и бывают в нем хорошие минуты, так отвоеванные, а чаще краденые. Ни слова о всеобщем обучении, сельских школах, городах-парках, харцерстве [10]. Так все это было безнадежно далеко и потому несущественно. Книга, ее содержание зависят оттого, какими категориями переживаний и опыта оперирует автор, каково было поле его деятельности и творческая лаборатория, – какова была почва, вскормившая его мысль. Вот почему мы встречаем наивные суждения у авторитетов, и тем более иностранных.

Стало быть, все позволять? Ни за что: из скучающего раба мы сделаем изнывающего со

скуки тирана.

А запрещая, закаляем как-никак волю, хотя бы лишь в направлении обуздания, ограничения себя, развиваем изобретательность, умение ускользнуть из-под надзора, будим критицизм. И это чего-то да стоит, как – правда, односторонняя – подготовка к жизни. Позволяя же детям «все», бойтесь, как бы, потакая капризам, не подавить сильных желаний. Там мы ослабляли волю, здесь отравляем.

Это не «делай что хочешь», а «я тебе сделаю, куплю, дам все, что хочешь, ты только скажи, что тебе дать, купить, сделать. Я плачу за то, чтобы ты сам ничего не делал, я плачу за то, чтобы ты был послушный».

«Вот съешь котлетку, мама купит тебе книжечку. Не ходи гулять – на тебе за это шоколадку».

Детское «дай», даже просто протянутая молча рука должны столкнуться когда-нибудь с нашим «нет», а от этих первых «не дам, нельзя, не разрешаю» зависит успех целого и огромнейшего раздела воспитательной работы.

Мать не хочет видеть этой проблемы, предпочитает лениво, трусливо отсрочить, отложить на после, на потом. Не хочет знать, что ей не удастся, воспитывая ребенка, ни устранить трагичную коллизию неправильного, неисполнимого, не проверенного на деле хотения и проверенного на деле запрета, ни избежать еще более трагичного столкновения двух желаний, двух прав в одной области деятельности. Ребенок хочет взять в рот горящую свечку – я не могу ему этого позволить; он требует нож – я боюсь дать, он тянется к вазе, которую мне жалко, хочет играть со мной в мяч – а я хочу читать. Мы должны разграничивать его и мои права.

Младенец тянется за стаканом – мать целует ручонку, не помогло – дает погремушку, велит убрать с глаз соблазн.

Если младенец вырывает руку, бросает на пол погремушку, ищет взглядом спрятанный предмет, а затем сердито смотрит на мать, спрашиваю: кто прав? Обманщица мать или младенец, который ее презирает?

Кто не продумает основательно вопроса запретов и приказов, когда их мало, тот растеряется и не охватит всех, когда их будет много.

Деревенский мальчишка Эндрек. Он уже ходит. Держась за дверной косяк, осторожно переваливается через порог в сени. Из сеней по двум каменным ступенькам сползает на четвереньках. У избы встретил кошку: оглядели друг друга и разошлись. Споткнулся о ком сухой грязи, остановился, глядит. Нашел палочку, сел, ковыряет в песке. Валяются очистки от картофеля, берет в рот, песок во рту, морщится, плюет, бросает. Опять встал на ноги, бежит прямо на собаку; дрянная собака его опрокидывает.

Сморщился, вот-вот заревет, да нет, вспомнил что-то и тащит метлу. Мать по воду пошла; ухватился за подол и бежит уже увереннее. Кучка ребят постарше, с тележкой – он глядит; прогнали его – встал в сторонку, глядит. Дерутся два петуха – глядит. Посадили Эндрека на тележку, везут, вывалили. Мать позвала. И это лишь одна, первая половина шестнадцатичасового дня.

Никто не говорит ему, что мал; сам чувствует, когда не под силу. Никто не говорит ему, что кошка царапается, что он не умеет сходить по ступенькам. Никто не учит, как относиться к большим ребятам. «По мере того как Эндрек подрастал, прогулки вводили его все дальше от хаты» (Виткевич) [11]. Часто путает, ошибается; в результате – шишка, в результате – большая шишка, в результате – шрам.

Да нет, я вовсе не хочу заменить чрезмерную заботу отсутствием всякой заботы. Я лишь показываю, что деревенский годовалый ребенок уже живет, тогда как наш зрелый юноша еще только будет когда-то жить. Боже мой, да когда же?

Бронек хочет открыть дверь. Двигает стул. Останавливается и отдыхает, помощи не

просит. Стул тяжелый, Бронек устал. Теперь тащит попеременно то за одну, то за другую ножку. Работа идет медленно, но становится легче. Стул уже от двери близко; Бронеку кажется, что дотянется, вскарабкивается, встал на ноги. Я придерживаю слегка за платице. Пошатнулся, испугался, слез. Придвигает к самой двери, но ручка осталась в стороне. Вторая неудачная попытка. Ни тени нетерпения. Опять трудится, лишь дольше передышки. Встает в третий раз нога – вверх, рывок рукой, упор на согнутое колено, повис, ищет равновесия, новое усилие, рука цепляется за край стула, лег на живот, пауза, бросок тела вперед, встал на колени, выпутывает ноги из платья – стоит. Бедные вы мои лилипутики в стране великанов! Голова у вас вечно задрана вверх, чтобы что-нибудь да увидеть. Окно где-то высоко, как в тюрьме. Чтобы сесть на стул, надо быть акробатом.

Напряжение всей мускулатуры и всех сил ума, чтобы достать наконец дверную ручку...

Дверь открыта, Бронек глубоко вздохнул.

Этот глубокий вздох облегчения мы видим уже у младенцев после каждого усилия воли, длительного напряжения внимания. Когда кончаешь интересную сказку, ребенок тоже вздыхает. Я хочу, чтобы это поняли.

Такой глубокий отдельный вздох доказывает, что до этого дыхание было замедленное, поверхностное, недостаточное; затаив дыхание, ребенок смотрит, ждет, следит, силится вплоть до полного истощения кислорода, до отравления тканей. Организм шлет сигнал тревоги в дыхательный центр; наступает глубокий вздох, который восстанавливает кислородный обмен.

Если вы умеете определять радость ребенка и ее силу, вы должны знать, что самая высокая радость – преодоленной трудности, достигнутой цели, раскрытой тайны, радость триумфа и счастье самостоятельности, овладения и обладания.

– Где мама? Нет мамы. Ищи.

Нашел! Почему так смеется?

– Убегай, мама сейчас тебя поймает! Ой, не может догнать!

Ох, и счастлив же!

Почему хочет ползать, ходить, вырывается из рук? Обычная сценка: семена ножонками, ребенок отходит от няньки, видит – нянька гонится, он давай убегать и, забыв об опасности, летит очертя голову в экстазе свободы – и или растягивается во весь рост на земле, или, пойманный, вырывается, пинается ногами и визжит.

Скажете: избыток энергии? Это физиологическая сторона, а я ищу психофизиологическую.

Спрашиваю: почему ребенок хочет, когда пьет, сам держать стакан, чтобы мать даже не притрагивалась; почему, когда уже и не хочется есть, ест, если позволили самому черпать ложкой? Почему с такой самозабвенной радостью гасит спичку, волочит комнатные туфли отца, несет скамеечку бабушке? Подражание? Нет, нечто значительно большее и ценнейшее.

– Я сам! – восклицает ребенок тысячи раз жестом, взглядом, смехом, мольбой, гневом, слезами.

– А ты умеешь сам открывать дверь? – спросил я у пациента, мать которого предупредила меня, что он боится докторов.

– Даже в уборной, – поспешно ответил он.

Я рассмеялся. Мальчуган смутился, а я еще больше.

Я вырвал у него признание в тайном торжестве и осмелял.

Нетрудно догадаться, что было время, когда все двери уже стояли перед ним настежь, а дверь от уборной не поддавалась его усилиям и была целью его честолюбивых стремлений; он походил в этом на молодого хирурга, который мечтает провести трудную операцию.

Он не доверялся никому, зная, что в том, что составляет его внутренний мир, он не найдет отклика у окружающих. Быть может, не раз его обругали или обидели недоверием: «И чего ты

там все вертишься, чего ты там ковыряешься? Оставь, испортишь. Сию же минуту марш в комнату!»

Так он украдкой, тайком трудился и наконец... открыл!

Обратили ли вы внимание, как часто, когда раздается в передней звонок, вы слышите просьбу:

– Я отворю?

Во-первых, замок у входных дверей трудный, во-вторых, чувство, что там, за дверью, стоит взрослый, который сам не может сладить и ждет, когда ты, маленький, поможешь...

Вот какие небольшие победы празднует ребенок, уже грезящий о дальних путешествиях; в мечтах он – Робинзон на безлюдном острове, а в действительности рад-радехонек, когда позволят выглянуть в окошко.

– Ты умеешь сам влезать на стул? Умеешь прыгать на одной ножке? А можешь левой рукой ловить мячик?

И ребенок забывает, что не знает меня, что я стану осматривать ему горло и пропишу лекарство. Я затрагиваю то, что в нем берет верх над чувством смущения, страха, неприязни, и он радостно восклицает:

– Умею!

Труд познания

Видали ли вы, как младенец долго, терпеливо, с застывшим лицом, открытым ртом и сосредоточенным взглядом снимает и натягивает чулочек или башмачок? Это не игра, не подражание, не бессмысленное битье баклуш, а труд.

Какую пищу дадите вы его воле, когда ему исполнится три года, пять лет, десять?

Я!

Когда новорожденный сам себя царапает; когда младенец, сидя, тащит в рот ногу, валится назад и сердито ищет вокруг виновника; когда, дернув себя за волосы, морщится от боли, но возобновляет опыт; когда ударяет себя ложкой по голове и смотрит вверх – что там такое, чего он не видит, но чувствует? – он не знает себя.

Когда изучает движения рук; когда, сося кулачок, внимательно рассматривает его; когда во время кормления бросает сосать и сравнивает ногу с грудью матери; когда, семена ножонками, останавливается и глядит вниз, выискивая то, что поддерживает его совсем иначе, чем материнские руки; когда сравнивает правую ногу, в чулке, с левой, без чулка, он стремится познать и знать.

Когда, купаясь, исследует воду, отыскивая во многих не осознающих каплях себя, каплю сознающую, он предугадывает великую истину, которую заключает короткое слово «я».

Лишь художник-футурист может изобразить нам младенца таким, каким он себя видит: пальцы, кулачок, менее четко ноги, быть может, животик, быть может, даже и голова, но только пунктирной линией, как на карте Заполярья.

Работа еще не кончена: оборачиваясь, он наклоняет голову, чтобы увидеть, что таится у него сзади, изучает себя в зеркале и присматривается к фотографии, находя то углубление пупка, то возвышение родинки; а тут уже ждет его новая работа: надо отыскать себя среди окружающих.

Мать, отец, какой-то дядя, какая-то тетя, одни часто появляются, другие редко – полным-полно таинственных личностей, чье происхождение неясно, а поступки загадочны.

Едва ребенок установил, что мама у него для того, чтобы выполнять его желания или идти им наперекор, папа приносит деньги, а тети – шоколадки, как у себя в мыслях, где-то в себе он открывает новый, еще более удивительный невидимый мир.

А дальше надо отыскать себя в обществе, себя в человечестве, себя во Вселенной.

Вот, волосы седые, а работа не кончена.

Мое!

Где таится эта простейшая мысль-чувство? Быть может, сливается с понятием «я»? Быть может, когда младенец протестует против завертывания рук, он борется за них как за «мое», а не за «я»? А забирая у него ложку, которой он стучит по столу, ты лишаешь его не собственности, а способности давать выход энергии, высказываться на особый лад, звуком? Рука эта – не совсем рука, а скорее послушный дух Аладдина – держит бисквит, приобретя новую ценную собственность, и ребенок эту собственность защищает.

Каким образом понятие собственности вяжется у него с понятием повышенной мощи? Лук для дикаря был не только собственностью, но и усовершенствованной рукой, поражающей на расстоянии.

Ребенок не хочет отдать газету, которую рвет, ибо он исследует, тренируется, ибо это материал, как рука – инструмент, который звука не издает и в еду не годится, но в соединении с погремушкой – говорит, а в соединении с булочкой придает сосанию добавочное приятное ощущение.

И лишь потом приходят подражание, соперничество, желание выдвинуться. Ибо собственность вызывает уважение, повышает цену, дает власть. Без мяча он остался бы незамеченным, а с мячом может занять в игре видное положение независимо от заслуг; с игрушечной саблей становится офицером, с вожжами – кучером; а рядовой, лошадка – тот, кто ничем не владеет.

«Дай мне, позволь, уступи» – просьба, которая щекочет самолюбие.

«Захочу – дам, а не захочу – не дам», в зависимости от каприза, потому что это «мое».

Хочу иметь – имею, хочу знать – знаю, хочу мочь – могу – вот три разветвления общего ствола воли, корни которой два чувства: удовлетворения и неудовлетворения.

Младенец старается понять себя и окружающий его мир, живой и мертвый, – с этим связано его благополучие.

Спрашивая словами или взглядом: «Что это?» – он требует не название, а оценку.

– *Что это?*

– *Фи, брось, это бяка, это нельзя брать в руки.*

– *Что это?*

– *Цветочек, – и улыбка, и ласковое выражение лица – разрешение.*

Бывает, спрашивая о предмете нейтральном и получая название без эмоциональной мимической оценки, ребенок не знает, что делать с ответом, и, удивленно и как бы разочарованно глядя на мать, повторяет, растягивая, название. Чтобы понять, что, кроме желаемого и нежелаемого, есть еще мир нейтральный, ему надо иметь опыт.

– *Что это?*

– *Вааа.*

– *Вааата? – И ребенок всматривается в лицо матери, ожидая указания, что об этом думать.*

Путешествуй я в обществе туземца по субтропическому лесу и спроси я при виде растения с неизвестным мне плодом: «Что это?» – туземец, не зная языка, но угадывая мой вопрос, отвечал бы окриком, гримасой или улыбкой, что это яд, вкусная пища или бесполезный предмет, который не стоит класть в рюкзак.

Детские «что это?» означают: какой? для чего служит? какая мне от него может быть польза?

Пассивный – активный

Обычная, но интересная картинка:

Сошлись, семена еще не твердыми ножонками, два малыша; у одного мяч или пряник, а другой хочет это отнять.

Матери неприятно, когда ее ребенок вырывает что-нибудь у другого ребенка, не хочет отдать, поделиться, «дать поиграть». То, что ребенок выходит из общепринятой нормы условных приличий, компрометирует ее.

В сцене, о которой идет речь, ход событий может быть троякий.

Один ребенок вырывает, другой удивленно смотрит, потом переводит глаза на мать, ожидая оценки непонятной ситуации.

Или: один старается вырвать, но коса нашла на камень – подвергшийся нападению прячет предмет общих вожделений за спину, отталкивает нападающего, опрокидывает его. Матери спешат на помощь.

Или: смотрят друг на дружку, боязливо сходятся, один неуверенно тянется, другой также неуверенно защищается. И только после долгой подготовки вступают в конфликт.

Здесь играет роль возраст обоих и жизненный опыт.

Ребенок, у которого есть старшая сестра или старший брат, уже многократно выступал в защиту своих прав или собственности, а подчас атаковал и сам. Но откинем все случайное, и мы увидим две отличные индивидуальности, два характерных типа: деятельный и бездеятельный, активный и пассивный.

«Он добрый: все отдаст».

Или:

«Глупышка: все у себя даст забрать».

Это не доброта и не глупость.

Кротость, слабее жизненный порыв, ниже взлет воли, боязнь действия. Ребенок избегает резких движений, живых экспериментов, трудных начинаний.

Меньше действуя, меньше и добывает фактических истин, потому вынужден больше верить и дольше подчиняться.

Менее ценный интеллект? Нет, просто иной. У ребенка пассивного меньше синяков и досадных ошибок, и ему не хватает горького опыта; хотя приобретенный он, может быть, помнит лучше. У активного больше шишек и разочарований, и, быть может, он скорее их забывает. Первый переживает медленнее и меньше, но, может быть, глубже.

Пассивный удобнее. Оставленный один, не выпадет из коляски, не поднимет по пустякам весь дом на ноги, поплачет и легко успокоится, не требует слишком настойчиво, меньше ломает, рвет, портит.

– Дай – не протестует.

– Надень, возьми, сними, съешь – подчиняется.

Две сценки:

Ребенок не голоден, но на блюдечке осталась ложка каши, значит, должен доест, количество назначено врачом. Нехотя открывает рот, долго и лениво жует, медленно и с усилием глотает.

Другой, тоже не голодный, стискивает зубы, энергично мотает головой, отталкивает, выплевывает, защищается.

А воспитание?

Судить о данном ребенке по двум диаметрально противоположным типам детей – это говорить о воде на основании свойств кипятка и льда. Шкала – сто градусов, где же мы поместим свое дитя? Но мать может знать, что врожденное, а что с трудом выработанное, и обязана помнить, что все, что достигнуто дрессировкой, нажимом, насилием, непрочно, неверно и ненадежно. И если податливый, «хороший» ребенок делается вдруг непослушным и строптивым, не надо сердиться на то, что ребенок есть то, что он есть.

Ребенок есть то, что он есть

Крестьянин, чей взор устремлен на небо и землю – сам плод и продукт земли, – знает предел

человеческой власти. Быстрая, ленивая, пугливая, норовистая лошадь, ноская курица, молочная корова, урожайная и неурожайная почва, дождливое лето, зима без снега – всюду встречается он что-то, что можно слегка изменить или изрядно подправить надзором, тяжким трудом, кнутом.

А бывает, что и никак не сладишь.

У горожанина слишком высокое понятие о человеческой мощи. Картофель не уродился, но достать можно, надо только заплатить подороже. Зима – надевает шубу, дождь – калоши, засуха – поливают улицы, чтобы не было пыли.

Все можно купить, всякому горю помочь. Ребенок бледен – врач, плохо учится – репетитор. А книжка, поясняя, что надо делать, создает иллюзию, что можно всего добиться.

Ну как тут поверить, что ребенок должен быть тем, что он есть, что, как говорят французы, экзематика [12] можно выбелить, но не вылечить?

Я хочу раскормить худого ребенка, я делаю это постепенно, осторожно, и – удалось: килограмм веса завоеван.

Но достаточно небольшого недомогания, насморка, не вовремя данной груши, и пациент теряет эти с трудом добытые два фунта.

Летние колонии для детей бедняков. Солнце, лес, река; ребята впитывают веселье, доброту, приличные манеры.

Вчера – маленький дикарь, сегодня он – симпатичный участник игр. Забит, пуглив, туп – через неделю смел, жив, полон инициативы и песен. Здесь перемена с часу на час, там с недели на неделю; кое-где никакой. Это не чудо и не отсутствие чуда; есть только то, что было и ждало, а чего не было, того и нет.

Учу недоразвитого ребенка: два пальца, две пуговицы, две спички, две монеты – «два». Он уже считает до пяти. Но измени порядок слов, интонацию, жест – и опять не знает, не умеет.

Ребенок с пороком сердца: смирный, медлительные движения, речь, даже смех. Задыхается, каждое движение поживее для него – кашель, страдание, боль. Он должен быть таким.

Материнство облагораживает женщину, когда она отказывается, отрекается, жертвует; и деморализует, когда, прикрываясь мнимым благом ребенка, отдает его на растерзание своему тщеславию, вкусам и страстям.

Мой ребенок – это моя собственность, мой раб, моя комнатная собачка. Я щекочу его за ухом, глажу по спинке, нацепив бант, веду на прогулку, дрессирую, чтобы был смышлен и вежлив, а надоест мне: «Иди поиграй. Иди позанимайся. Спать пора!»

Говорят, лечение истерии заключается в этом: «Вы утверждаете, что вы петух? Ну и оставайтесь им, только не пойте». [13]

– Ты вспыльчив, – говорю я мальчику. – Ладно, дерись, только не слишком больно, злись, но только раз в день.

Если хотите, в этой одной фразе я изложил весь педагогический метод, которым я пользуюсь. Видишь этого мальчишку, как он носится, крича во все горло, и барахтается в песке? Он будет когда-нибудь знаменитым химиком и сделает открытия, которые принесут ему уважение, высокий пост, состояние. Да-да, вдруг между гулянкой и балом вертопрах одумается, запретя в своей лаборатории и выйдет ученым. Кто бы мог ожидать?

Видишь другого, как равнодушно следит сонным взглядом за игрой сверстников? Зевнул, встал, – может, подойдет к разыгравшейся ребятне? Нет, опять сел. И он станет знаменитым химиком и сделает открытия. Чудеса: кто бы мог предполагать?

Нет, ни маленький сорванец, ни соня не будут учеными. Один станет учителем физкультуры, а другой почтовым служащим.

Это преходящая мода, ошибка, неразумие, что все невыдающееся кажется нам неудавшимся, малоценным.

Искры бессмертия

Мы бодем бессмертием. Кто не дорос до памятника на площади, хочет иметь хотя бы переулоч своего имени – дарственную запись на вечные времена. Если не четыре столбца посмертно, то хотя бы упоминание в тексте: «Принимал деятельное участие... Оставил сожаление о себе в широких общественных кругах».

Улицы, больницы, приюты носили когда-то имена святых патронов, и это имело смысл; позже – монархов, это было знаменем времени; нынче – ученых и артистов, и в этом нет никакого смысла. Уже воздвигаются памятники идеям и безымянным героям – тем, у кого нет памятника.

Ребенок не лотерейный билет, на который должен пасть выигрыш в виде портрета в зале магистратуры или бюста в фойе театра. В каждом есть своя искра, которая может зажигать костры счастья и истины, и в каком-нибудь десятом поколении, быть может, запольхает он пожаром гения и спалит род свой, одарив человечество светом нового солнца.

Ребенок не почва, вспаханная наследственностью под посев жизни; мы можем лишь содействовать росту того, что дает буйные побеги еще до первого его вздоха.

Известность нужна новым сортам табака и новым маркам вина, но не людям.

Стало быть, фатум наследственности, абсолютная предопределенность, банкротство медицины, педагогики? Фраза мечет молнии.

Я назвал ребенка сплошь исписанным пергаментом, уже засеянной землей? Отбросим сравнения, они вводят в заблуждение.

Существуют случаи, когда при современном уровне знаний мы бываем бессильны. Сегодня их меньше, чем вчера, но они существуют. Существуют случаи, когда в современных условиях жизни мы бываем беспомощны. Этих несколько меньше.

Вот ребенок, которому самое горячее желание добра и самые упорные старания дадут мало.

А вот другой, которому дали бы много, да мешают условия. Одному деревня, горы, море дадут немного, другому и помогли бы, да мы не можем их ему предоставить.

Когда мы встречаем ребенка, гибнущего из-за недостатка ухода, воздуха и одежды, мы не виним родителей. Когда мы видим ребенка, которого калечат излишней заботой, перекармливают, перегревают, оберегая от мнимых опасностей, мы склонны винить мать, нам кажется, что беде легко помочь, было бы желание понять. Нет, нужно очень большое мужество, чтобы действием, а не бесплодной критикой оказать сопротивление нормам поведения, обязательного для данного класса или прослойки. Если там мать не может умыть ребенка и вытереть ему нос, здесь не может позволить ходить чумазым и в худых башмаках. Если там со слезами забирает из школы и отдает в учение к мастеру, здесь с равно мучительным чувством должна посылать в школу.

– *Пропадет мой парнишка без школы, – говорит одна, отнимая книжку.*

– *Испортят мне моего ребенка в школе, – говорит другая, покупая новые полпуда учебников.*

Врожденное – приобретенное

Для широких кругов общества наследственность является фактом, который заслоняет собой все встречающиеся исключения, для науки – это проблема, находящаяся в стадии изучения. Существует обширная литература, стремящаяся решить один лишь вопрос: рождается ли ребенок туберкулезных родителей уже больным, только с предрасположением или заражается после рождения?

Принимали ли вы во внимание, когда думали о наследственности, следующие простые факты: что, кроме передачи по наследству болезней, существует передача по наследству крепкого здоровья, что братья и сестры не являются братьями и сестрами по полученным ими плюсам и минусам, запасам здоровья и его изъянам? Не принимали? А должны были и обязаны были принимать. Первого ребенка рожают здоровые родители; второй будет уже ребенком

сифилитиков, если родители заболели этой болезнью; третий – ребенком сифилитиков-туберкулезников, если родители заразились еще и туберкулезом. В этом отношении эти трое детей – чужие друг другу люди: не отягощенный тяжелой наследственностью, отягощенный, дважды отягощенный тяжелой наследственностью. И наоборот, больной отец вылечился, и из двоих детей этого отца первый ребенок – больного родителя, второй – здорового.

Потому ли ребенок нервный, что рожден нервными родителями, или потому, что воспитан ими? Где граница между невропатичностью и утонченностью психической конституции – наследственной одухотворенностью?

Рожает ли отец-гуляка расточителя-сына или заражает своим примером?

«Скажи мне, кто тебя породил, и я скажу, кто ты» – но не всегда.

«Скажи мне, кто тебя воспитал, и я скажу, кто ты» – и это не так.

Отчего у здоровых родителей бывает слабое потомство?

Отчего в порядочной семье вырастает подлец? Отчего в заурядной семье появляется знаменитый потомок?

Среда

Кроме законов наследственности, надо параллельно изучать воспитывающую среду, тогда, может быть, не одна загадка найдет свое разрешение.

Воспитывающей средой я называю тот дух, который царит в семье: отдельные члены семьи не могут занимать по отношению к нему произвольной позиции. Этот руководящий дух подчиняет и не терпит сопротивления.

Догматическая среда.

Традиция, авторитет, обряд, веление как абсолютный закон, необходимость как жизненный императив. Дисциплина, порядок и добросовестность. Серьезность, душевное равновесие и ясность, вытекающая из твердости, ощущения прочности и устойчивости, уверенности в себе, в своей правоте. Самоограничение, самопреодоление, труд как закон, высокая нравственность как навык. Благоразумие, доходящее до пассивности, одностороннего незамечания прав и правд, которые не стали традицией, не освятил авторитет, не закрепил механически шаблон поступков.

Если уверенность в себе не перейдет в своеволие, а простота в грубость, эта плодородная воспитывающая среда либо ломает чуждого ей духом ребенка, либо извывает воистину прекрасного человека, который будет уважать суровых наставников, ибо они не тешились им, а вели тяжелым путем к ясно начертанной цели.

Неблагоприятные условия, ущемление физических потребностей не меняют духовного существа среды. Прилежание переходит в истовый труд, спокойствие – в отрешенность человека, ожесточившегося в стремлении устоять; иногда робость и смирение, всегда сознание своей правоты и надежда. И апатия, и энергия здесь не слабость, а сила, которую тщетно пытается одолеть чужая злая воля.

Догматом могут быть земля, костел, отчизна, добродетель и грех; могут быть наука, общественно-политическая работа, богатство, борьба, а также Бог – Бог как герой, божок или кукла. Не во что, а как веришь.

Идейная среда.

Сила ее не в твердости духа, а в полете, порыве, движении. Здесь не работаешь, а радостно вершишь. Творишь сам, не дожидаясь. Нет повеления – есть добрая воля. Нет догм – есть проблемы. Нет благоразумия – есть жар души, энтузиазм. Сдерживающим началом здесь – отвращение к грязи, моральный эстетизм. Бывает, здесь временами ненавидят, но никогда не презирают. Терпимость тут не половинчатость убеждений, а уважение к человеческой мысли, радость, что свободная мысль парит на разных уровнях и в разных направлениях – сталкиваясь, снижая полет и взмывая – наполняет собой просторы. Отважный сам, ты жадно ловишь отзвуки

чужих молотов и с любопытством ждешь завтрашнего дня, его новых восторгов, недоумений, знаний, заблуждений, борьбы, сомнений, утверждений и отрицаний.

Если догматическая среда способствует воспитанию пассивного ребенка, то идейная – хорошая почва под посев активных детей. Я полагаю, корни многих неприятных сюрпризов в том, что одному дают десять высеченных на камне заповедей, когда он хочет сам выжечь их жаром своего сердца в своей груди, а другого неволят искать истины, которые он должен получать готовыми. Этого можно не увидеть, если подходить к ребенку с «Я из тебя сделаю человека», а не с пытливым: «Каким ты можешь быть, человек?»

Среда безмятежного потребления.

У меня есть столько, сколько надо, – а значит, мало, если я ремесленник или чиновник, или много, если я владелец обширных поместий. И я хочу быть тем, кто я есть, а значит, мастером, начальником станции, адвокатом, писателем. Работа для меня не служение чему-то, не место в жизни, не самоцель, а средство для обеспечения себе удобств, желательных условий.

Душевный покой, беззаботность, чувствительность, приветливость, доброта, трезвости сколько надо, самосознание, какое добывается без труда.

Нет упорства ни в желании сохранить, продержаться, ни в стремлении достичь, найти.

Ребенок живет в атмосфере внутреннего благополучия и ленивой консервативной привычки, снисходительности к современным течениям, среди привлекательной простоты. Здесь он может быть всем, чем хочет: сам – из книжек, бесед, встреч и жизненных впечатлений – ткет себе основу мировоззрения, сам выбирает путь.

Добавлю: взаимная любовь родителей. Редко ребенок чувствует ее отсутствие, когда ее нет, но жадно впитывает ее, когда она есть.

«Папа на маму сердится, мама с папой не разговаривает, мама плакала, а папа как хлопнет дверью» – это туча, которая застилает небесную синеву и сковывает ледяной тишиной радостный гомон детской.

Я сказал во вступлении: «Велеть кому-нибудь дать тебе, матери, готовые мысли – это поручить чужой женщине родить твое дитя».

Может, не один из вас подумал: «А мужчина? Разве не чужая женщина рождает его ребенка?» Нет: любимая, не чужая.

Среда внешнего лоска и карьеры.

Опять выступает упорство, но оно вызвано к жизни холодным расчетом, а не духовными потребностями. Ибо нет здесь места для полноты содержания, есть одна лукавая форма – искусная эксплуатация чуждых ценностей, приукрашивание зияющей пустоты. Лозунги, на которых можно заработать. Этикет, которому надо покоряться. Не достоинства, а ловкая самореклама. Жизнь не как труд и отдых, а вынюхивание и обхаживание. Ненасытное тщеславие, хищность, недовольство, высокомерие и раболепие, зависть, злоба, злорадство.

Здесь детей и не любят, и не воспитывают, здесь их только оценивают, теряют на них или зарабатывают, покупают и продают. Поклон, улыбка, пожатие руки – ясное дело, все здесь подсчитано: и брак, и плодовитость. Добывается деньгами, повышением в чине, орденом, связями в высших сферах.

Если в подобной среде вырастает нечто положительное, это лишь видимость, лишь более искусная игра, точнее, пригнанная маска. Однако и в среде распада и гангрены, в муках и душевном раздвоении вырастает иногда пресловутая «жемчужина в навозной куче». Такие случаи показывают, что наряду с общепризнанным законом о влиянии воспитания существует и другой – закон антитезы. Мы видим проявление этого закона, когда у скряги вырастает расточитель, у безбожника – человек богобоязненный, у труса – герой, чего нельзя односторонне объяснять одной «наследственностью».

В законе антитезы выступает сила противопоставления себя внушениям, исходящим из разных источников и осуществляемым разными способами. Это защитный механизм сопротивления и самообороны, в некотором роде инстинкт самосохранения духовного склада, чуткий, действующий автоматически.

Если морализаторство уже достаточно дискредитировано, то влияние примера, среды пользуется в воспитании полным доверием. Отчего тогда это влияние так часто подводит?

Спрашиваю: почему ребенок, услышав ругательное слово, старается его повторить вопреки запретам, а и уступив угрозам, хранит в памяти?

Где источник этой с виду злой воли, когда ребенок упорствует, хотя мог бы легко уступить?

– Надень пальто.

Нет, хочет идти без пальто.

– Надень розовое платье.

А ей как раз хочется голубое.

Не настаиваешь – послушается, станешь настаивать, просить или угрожать – заартачится и уступит лишь по принуждению.

Как растет ребенок

Почему чаще всего в период созревания ребенка наше банальное «да» сталкивается с его «нет»? Не есть ли это одно из проявлений того глубокого противодействия соблазнам, которые сейчас идут изнутри, а могут прийти извне?

«Печальная ирония судьбы велит добродетели жаждать греха, а преступлению видеть непорочные сны» (Мирбо). [14]

Преследуемая религия находит более горячий отклик.

Стремление усыпить национальное самосознание успешнее его пробуждает.

Я, может быть, смешал здесь факты из разных областей, но мне лично гипотеза о законе антитезы объясняет многие парадоксальные реакции на воспитательные воздействия – и удерживает от многочисленных слишком частых и энергичных попыток влиять даже в самом желательном направлении.

Что представляет собой ребенок? Что представляет хотя бы только физически? Развивающийся организм. Правильно. Но увеличение в весе и в росте – лишь одно из многих проявлений этого развития. Науке уже известно несколько частных моментов роста; он неравномерен, темп его то живой, то вялый. Кроме того, мы знаем, что ребенок не только растет, но и меняет пропорции.

Ребенок переменялся. С ним что-то случилось. Мать не всегда умеет сказать, в чем перемена, зато у нее всегда готов ответ на вопрос, чему следует ее приписать.

– Ребенок переменялся после прорезывания зубов, после прививки от кори, после отнятия от груди, после того как выпал из кроватки.

Уже ходил и вдруг перестал ходить; просился на горшок и опять мочится; «ничего» не ест, спит беспокойно, мало или чересчур много, стал капризен, слишком подвижен или слишком вял, похудел.

Другой этап:

После поступления в школу, после возвращения из деревни, после кори, после прописанных ванн, после испуга из-за пожара. Изменился сон, аппетит, изменился характер: раньше ребенок был послушный, теперь озорник; раньше прилежный, теперь рассеянный и ленивый.

Бледненький, сутулится, какие-то некрасивые выходки.

Может, невоспитанные товарищи, может, учеба, может, болен?

Двухлетнее пребывание в Доме Сирот и скорее разглядывание ребенка, чем изучение, позволили установить: все, что известно как неуравновешенность периода созревания,

переживается ребенком на протяжении ряда лет в виде небольших и неярких переломов, равно критических, лишь менее бросающихся в глаза и потому еще не замеченных наукой.

Стремясь к единству взглядов на ребенка, некоторые рассматривают его как организм быстро утомляющийся.

Отсюда большая потребность в сне, слабая сопротивляемость болезням, уязвимость органов, малая психическая выносливость. Взгляд правилен, да не для всех этапов развития. Ребенок бывает попеременно то сильным, бодрым и жизнерадостным, то слабым, усталым и угрюмым. Если он заболевает в критический период, мы склонны думать, что организм его уже был подточен болезнью: я же считаю, что болезнь развилась на почве мимолетного ослабления, что или она притаилась и ждала наиболее благоприятных условий для нападения, или, случайно занесенная извне, расхлябывалась, не встретив сопротивления. Если мы перестанем в будущем разбивать цикл жизни на искусственные: младенец, ребенок, юноша, зрелый человек и старик, то основанием для периодизации явятся уже не рост и внешнее развитие, а еще не известное нам глубокое преобразование всего организма в целом, которое Шарко [15] проследил в лекции об эволюции артрита на двух поколениях от колыбели и до могилы.

Между первым и вторым годом жизни ребенка часто меняют домашнего врача. В это время ко мне поступали пациенты – дети матерей, разобитых на моего предшественника, который якобы не проявил должной компетенции, и наоборот, матери бросали меня, обвиняя, что то или иное нежелательное явление возникло по моей оплошности. И те и другие правы постольку, поскольку врач считал младенца здоровым, как вдруг выплывал не предусмотренный им ранее незаметный изъян. Но стоит терпеливо переждать критический момент, и ребенок, слегка отягощенный наследственностью, восстановит мимолетно нарушенное равновесие, а в состоянии более сильно отягощенного наступит улучшение, и дальнейшее развитие юной жизни опять протекает спокойно.

Если в этот первый – как и во второй, школьный, – период нарушенных функций применять определенные меры, улучшение приписывается именно им. И если сегодня нам уже известно, что улучшение при воспалении легких или тифе наступает после завершения цикла болезни, тут неурядица должна продолжаться до тех пор, пока мы не установим этапы развития ребенка и не наметим особые кривые развития для детей разного типа.

В кривой развития ребенка есть и весны, и затишья осени, периоды и напряженного труда, и отдыха в целях доделки, завершения выполненной в спешке работы и предварительного сбора запасов для дальнейшего построения организма. Семимесячный плод уже способен жить, а ведь еще два долгих месяца (почти четвертую часть беременности) он созревает во чреве матери!

Младенец, утраивающий за год исходный вес, имеет право на отдых. Молниеносный путь, который проделывает его психическое развитие, дает ему также право забыть кое-что из того, что он уже умел или знал и что мы преждевременно записали в прочные завоевания.

Ребенок не хочет есть.

Простенькая задачка по арифметике.

Ребенок родился 8 фунтов с лишним, через год он утроил свой вес и весит уже 25 фунтов. Продолжай он расти в том же темпе, к концу второго года он весил бы $25 \text{ ф.} \times 3 = 75 \text{ ф.}$

К концу третьего года: $75 \text{ ф.} \times 3 = 225 \text{ ф.}$

К концу четвертого года: $225 \text{ ф.} \times 3 = 675 \text{ ф.}$

К концу пятого года: $675 \text{ ф.} \times 3 = 2025 \text{ ф.}$

Чтобы прокормить это пятилетнее чудовище, весящее 2000 фунтов и потребляющее ежедневно количество пищи, равное $1/6$ – $1/7$ своего веса, как это имеет место у младенцев, требовалось бы ежедневно 300 фунтов продуктов питания.

В зависимости от механики роста ребенок ест мало, очень мало, много, очень много. Кривая

веса поднимается медленно или внезапно, а то и не меняется месяцами. Она неумолимо последовательна: недомогая, ребенок в течение нескольких дней теряет в весе, зато в последующие на столько же и прибавляет, повинувшись внутреннему голосу, говорящему: «столько, и не больше». Когда здоровый, но недокармливаемый по бедности ребенок переходит на нормальную диету, он за неделю восполняет недостачу и достигает своего веса. Если каждую неделю взвешивать ребенка, через некоторое время он уж угадывает, прибыл в весе или убыл: «На прошлой неделе я убыл на триста граммов, видно, нынче прибавлю на пятьсот. – Сегодня я вешу меньше, я не ужинал. – Опять я на пятьсот прибавил, спасибо...»

Ребенок хочет угодить родителям: неприятно огорчать мать, выполнение родительской воли приносит ему неисчислимую пользу. А значит, если не съест котлетку и не выпьет молоко, это оттого, что не может. Если же заставлять, повторяющееся через определенные промежутки времени расстройство желудка с соответствующей диетой отрегулируют нормальное увеличение в весе.

Принцип: ребенок должен есть столько, сколько хочет, не больше и не меньше. Даже при усиленном питании больного ребенка меню можно составлять лишь при его участии и вести лечение лишь под его контролем. Заставлять детей спать, когда им не хочется спать, преступление. Таблица, устанавливающая, когда и сколько часов спать ребенку, – абсурд. Определить необходимое для данного ребенка количество часов сна легко, если есть часы: надо определить, сколько он проспит не просыпаясь и проснется выспавшимся. Я говорю: «выспавшимся», а не «бодрым». Бывают периоды, когда ребенку требуется больше сна, и такие, когда ребенок, хотя и устал, хочет не спать, а просто полежать в постели.

Период утомления: вечером неохотно ложится – не хочется спать; утром неохотно поднимается – не хочется вставать. Вечером делает вид, что не спится, а то не позволят вырезать, лежа в постели, картинки, играть в кубики или в куклы, погасят свет и запретят разговаривать. Утром делает вид, что спит, а то велют сейчас же вставать и умываться холодной водой. С какой радостью приветствует он кашель или жар, которые позволяют оставаться в постели!

Период безмятежного равновесия: быстро заснет, но проснется ни свет ни заря, полон энергии, потребности движения, озорной инициативы. Его не остановят ни пасмурное небо, ни холод в комнате: босой, в одной рубашке, разогреется, прыгая по столу и стульям. Что делать?

Класть поздно спать, даже, о ужас, в одиннадцать часов.

Позволить играть в постели. Спрашивается, почему разговоры перед сном должны «перебивать сон», а нервничанье, что поневоле приходится быть непослушным, не «перебивает сон»?

Принцип – не важно, правильный ли – рано ложиться, рано вставать – родители ради собственной выгоды сознательно исказили; получилось: чем больше сна, тем полезнее для здоровья. К ленивой дневной скуке добавляют нервирующую скуку вечернего ожидания сна. Трудно вообразить более деспотичный, граничащий с пыткой приказ:

– Спи!

Люди, которые поздно ложатся спать, бывают больны потому, что ночью они пьянствуют и распутничают, а должны ходить на работу рано, и они недосыпают.

Неврастеник, который как-то встал на рассвете и чувствовал себя прекрасно, поддался внушению.

Что ребенок, рано ложась спать, меньше находится при искусственном освещении – не такой уж большой плюс в городе, где нельзя с зарей выбежать на лужайку, и он валяется при опущенных шторах в постели уже облевившийся, уже мрачный, уже капризный – дурное предзнаменование для начинающегося дня...

Я не могу здесь в нескольких десятках строк развить тему (это относится ко всем

затронутым в книге проблемам). Моя задача – пробуждать бдительность...

Взрослый – зрелый

Что представляет собой ребенок как отличная от нашей душевная организация? Каковы его особенности, потребности, каковы скрытые, не замеченные еще возможности? Что представляет собой эта половина человечества, живущая вместе с нами, рядом с нами в трагичном раздвоении? Мы возлагаем на нее бремя завтрашнего человека, не давая прав человека сегодняшнего.

Ребенок – это сто масок, сто ролей способного актера.

Иной с матерью, иной с отцом, с бабушкой, с дедушкой, иной со строгим и с ласковым педагогом, иной на кухне и среди ровесников, иной с богатыми и с бедными, иной в будничной и в праздничной одежде. Наивный и хитрый, покорный и надменный, кроткий и мстительный, благовоспитанный и шаловливый, он умеет так до поры до времени затаиться, так замкнуться в себе, что вводит нас в заблуждение и использует в своих целях.

В области инстинктов ему недостает лишь одного, вернее, он есть, только пока еще рассеянный, как бы туман эротических предчувствий.

В области чувств превосходит нас силой, ибо не отработано торможение.

В области интеллекта по меньшей мере равен нам, недостает лишь опыта.

Оттого так часто человек зрелый бывает ребенком, а ребенок – взрослым.

Вся же остальная разница в том, что ребенок не зарабатывает деньги и, будучи на содержании, вынужден подчиняться.

Ребенок неопытен.

Приведу пример, попытаюсь объяснить.

– *Я скажу маме на ушко.*

И, обнимая мать за шею, бормочет таинственно:

– *Мамочка, спроси доктора, можно мне булочку (шоколадку, компот).*

При этом поглядывает на доктора, кокетничая улыбкой, чтобы подкупить, вынудить позволение.

Старшие дети шепчут на ухо, младшие говорят обычным голосом...

Был момент, когда окружающие признали, что ребенок достаточно созрел для морали: «Есть желания, которые нельзя высказывать. Эти желания бывают двойные: одни вовсе не следует иметь, а если уж они есть, их надо стыдиться; другие допустимы, но только среди своих».

Нехорошо приставать; нехорошо, съев конфетку, просить вторую. А иногда вообще нехорошо просить конфетку: надо ждать, когда сами дадут.

Нехорошо делать в штанишки, но нехорошо и говорить: «Хочу пись-пись», будут смеяться. Чтобы не смеялись, надо сказать на ухо.

Порой нехорошо вслух спрашивать:

– *Почему у этого дяди нет волос?*

Дядя засмеялся, и все засмеялись. Спросить можно, да только шепотом, на ухо.

Ребенок не сразу поймет, что цель говорения на ухо – чтобы тебя слышало лишь одно доверенное лицо; и ребенок говорит на ухо, но громко:

– *Я хочу пись-пись, я хочу пирожное.*

А если и тихо говорит, все равно не понимает. Зачем скрывать то, о чем все присутствующие и так от мамы узнают?

У чужих ничего не надо просить, почему тогда у доктора можно, да еще вслух?

– *Почему у этой собачки такие длинные уши?* – спрашивает ребенок тихим-претихим шепотом.

Опять смех. Можно было и вслух спросить, собачка не обидится. Но ведь нехорошо

спрашивать, почему у этой девочки некрасивое платье? Ведь и платье не обидится?

Как объяснить ребенку, сколько здесь скверной зрелой фальши?

И как потом растолковать, отчего вообще нехорошо говорить на ухо?

Ребенок неопытен.

Смотрит с любопытством, жадно слушает и верит.

«Яблоко, тетя, цветочек, коровка» – верит!

«Красиво, вкусно, хорошо» – верит!

«Бяка, брось, нельзя, не тронь» – верит!

«Поцелуй, поздоровайся, поблагодари» – верит!

«Ушиблась, детусенька, дай мамочка поцелует; уже не больно».

Ребенок улыбается сквозь слезы, мамочка поцеловала, уже не больно. Ушибся – бежит за лекарством-поцелуем.

Верит!

– Любишь меня?

– Люблю...

– Мама спит, у мамы головка болит, маму будить нельзя.

Так он тихонько, на цыпочках подходит к маме, осторожно тянет за рукав и шепотом спрашивает. Он не разбудит, он только задаст вопрос. А потом: «Спи, спи, мамочка, у тебя головка болит».

– Там, наверху, Боженька. Боженька непослушных детей не любит, а послушным дает булочки, постряпушечки.

Где Боженька?

– Там, высоко, наверху.

Идет странный человек по улице, весь белый.

– Кто это?

– Пекарь, он печет булочки, постряпушечки.

– Да? Что он, Боженька?

Дедушка умер, и его в землю закопали.

– В землю закопали? – удивляюсь я. – А есть ему как дают?

– А его выкапывают, – отвечает ребенок, – топором выкапывают.

– Коровка дает молочко.

– Коровка? – спрашивает недоверчиво. – А откуда коровка берет молочко?

И сам себе отвечает:

– Из колодца.

Ребенок верит, ведь всякий раз, когда сам хочет что-нибудь придумать, он ошибается – приходится верить.

Неопытность

Ребенок неопытен.

Уронил стакан на пол. Вышло что-то очень странное. Стакан пропал, зато появились совсем другие предметы. Ребенок наклоняется, берет в руки осколок, порезался, больно, из пальца течет кровь. Все полно тайн и неожиданностей.

Двигает перед собой стул. Вдруг что-то мелькнуло перед глазами, дернуло, застучало. Стул стал другой, а сам он сидит на полу. Опять боль и испуг. Полно на свете чудес и опасностей.

Тащит одеяло, чтобы извлечь из-под него себя. Теряя равновесие, хватается за материну юбку. Встав на цыпочки, дотягивается до края кровати. Обогащенный опытом, стаскивает со стола скатерть. Опять катастрофа!

Ребенок ищет помощи, потому что сам не способен справиться. При самостоятельных

попытках терпит поражение. Завися же от других, раздражается.

И если даже и не доверяет или не совсем доверяет – его много раз обманывали, – ему все равно приходится следовать указаниям взрослых так же, как неопытному работодателю терпеть недобросовестного работника, без которого он не может обойтись, или как паралитику сносить грубости санитаря.

Подчеркиваю, всякая беспомощность, всякое удивление незнания, ошибка при использовании опыта, неудачная попытка подражать и всякая зависимость напоминают ребенка, несмотря на возраст индивида. Мы без труда находим детские черты у больного, у старика, солдата, заключенного. Крестьянин в городе, горожанин в деревне удивляются, как дети. Профан задает детские вопросы, человек несветский делает детские промахи.

Ребенок подражает взрослым

Лишь подражая, ребенок учится говорить и осваивает большинство бытовых форм, создавая видимость, что сжился со средой взрослых, которых он не может постичь, которые чужды ему по духу и непонятны.

Самые грубые ошибки в наших суждениях о ребенке происходят именно потому, что истинные его мысли и чувства затеряны среди перенятых им у взрослых слов и форм, которыми он пользуется, вкладывая в них совершенно иное, свое содержание.

Будущее, любовь, родина, Бог, уважение, долг – все эти окаменевшие в словах понятия рождаются, живут, растут, меняются, крепнут, слабеют, являясь чем-то иным в каждый период жизни. Надо сделать над собой большое усилие, чтобы не смешать кучу песка, которую ребенок зовет горой, со снежной вершиной Альп. Кто вдумается в душу употребляемых людьми слов, у того сотрется разница между ребенком, юношей и взрослым, невеждой и мыслителем; перед ним предстанет человек интеллектуальный независимо от возраста, класса, уровня образования и культуры, существо, мыслящее в пределах большего или меньшего опыта. Люди разных убеждений (я говорю не о политических лозунгах, подчас насильно внедряемых) – это люди с разным опытом. Ребенок не понимает будущего, не любит родителей, не догадывается о родине, не постигает Бога, никого не уважает и не знает обязанностей. Говорит «когда вырасту», но не верит в это, зовет мать «самой-самой любимой», но не чувствует этого; родина его – сад или двор. Бог для него добрый дядюшка или надоеда-ворчун. Ребенок делает вид, что уважает, уступая силе, воплощенной для него в том, кто приказал и следит. Надо помнить, что приказать можно не только с помощью палки, но и просьбой и ласковым взглядом. Подчас ребенок угадывает будущее, но это лишь моменты, своего рода ясновидение.

Ребенок подражает? А что делает путешественник, которого мандарин [16] пригласил принять участие в местном обряде или церемонии? Смотрит и старается не отличаться, не вызывать замешательства, схватывает суть и связь эпизодов, гордясь, что справился с ролью. Что делает человек несветский, попав на обед к знатым господам? Старается приспособиться. А конторщик в имении, чиновник в городе, офицер в полку? Не подражают ли они речью, движениями, улыбкой, манерой стричься и одеваться патрону? Есть еще одна форма подражания: когда девочка, идя по грязи, приподнимает короткое платьице, это значит, что она взрослая. Когда мальчик подражает подписи учителя, он проверяет до известной степени свою пригодность для высокого поста. Эту форму подражания мы легко найдем и у взрослых.

Эгоцентризм детского мировоззрения – это тоже отсутствие опыта.

От эгоцентризма личного, когда его сознание является средоточием всех вещей и явлений, ребенок переходит к эгоцентризму семейному, более или менее длительному в зависимости от условий, в которых воспитывается ребенок; мы сами укореняем его в заблуждении, преувеличивая значение семьи и дома и указывая на мнимые и действительные опасности, угрожающие ему вне досягаемости нашей помощи и заботы.

– *Оставайся у меня, – говорит тетя.*

Ребенок со слезами на глазах льнет к матери и ни за что не остается.

– *Он ко мне так привязан.*

Ребенок с удивлением и испугом смотрит на чужих мам, которые даже ему не тети.

Но настает минута, когда он начинает спокойно сопоставлять то, что видит в других домах, с тем, что есть у него.

Сначала ему хочется только такую же куклу, сад, канарейку, но у себя дома. Потом замечает, что бывают другие матери и отцы, тоже хорошие, а может, и лучше?

– *Вот если бы она была моей мамой...*

Ребенок городских задворков и деревенской избы приобретает соответствующий опыт раньше, познавая печаль, которую никто с ним не делит, радость, которая веселит лишь домашних, понимает, что день его именин – праздник лишь для него самого.

«А мой папа, а у нас, а моя мама» – это столь часто встречающаяся в детских спорах похвальба своими родителями скорее полемическая формула, а подчас и трагичная защита иллюзии, в которую хочешь верить, но начинаешь сомневаться.

– *Погоди, вот я скажу папе...*

– *Очень я твоего папу боюсь.*

И правда, папа мой страшен только для меня самого. Эгоцентричным я назвал бы и взгляд ребенка на текущий момент – по отсутствию опыта ребенок живет одним настоящим. Отложенная на неделю игра перестает быть действительностью. Зима летом кажется небылицей. Оставляя пирожное на завтра, ребенок отрекается от него поневоле. Ребенку трудно понять, что испорченный предмет может стать не сразу негодным к употреблению, а лишь менее прочным, быстрее поддающимся износу. Рассказ о том, как мама была девочкой, – интересная сказка. С удивлением, граничащим с ужасом, смотрит ребенок на чуждого пришельца, который зовет его отца – товарища своих детских лет – по имени.

– *Меня еще не было на свете...*

А юношеский эгоцентризм: все на свете начинается с нас? А партийный, классовый, национальный эгоцентризм? Многие ли дорастают до сознания места человека в человечестве и Вселенной? С каким трудом люди примирились с мыслью, что Земля вращается и является лишь планетой!

А глубокое убеждение масс, вопреки всякой действительности, что в XX веке ужасы войны невозможны?

Да и наше отношение к детям – не проявление ли эгоцентризма взрослых?

Я не знал, что ребенок так крепко помнит и так терпеливо ждет. Многие наши ошибки происходят оттого, что мы имеем дело с детьми принуждения, рабства и крепостничества, исковерканными, обиженными и бунтующими; приходится с трудом догадываться, какие они на самом деле есть и какими могут быть.

Наблюдательность ребенка

На экране кинематографа потрясающая драма. Вдруг раздается звонкий возглас ребенка:

– *Ой, собачка...*

Никто не заметил, а он заметил.

Подобные возгласы слышишь подчас в театре, в костеле, во время многих торжеств; они вызывают переполох среди ближних и улыбки в публике.

Не охватывая целого, не вдумываясь в непонятное содержание, ребенок, счастливый, приветствует знакомую, близкую деталь. Но ведь и мы радостно приветствуем в многочисленном чужом и стеснительном для нас обществе случайно встреченного знакомого...

Не будучи в состоянии жить бездеятельно, ребенок заберется в любой уголок, заглянет в

каждую щель, сыщёт и спросит; ему интересно все: и движущаяся точка – букашка, и блестящая бусинка, и услышанное слово или фраза. Как же похожи мы на детей в чужом городе, в необычной среде!..

Ребенок знает окружающих, их настроения, повадки, слабости, знает и, можно добавить, умело их использует. Угадывает расположение, чувствует лицемерие, схватывает на лету смешное. Читает по нашим лицам так, как крестьянин по небу, какую оно сулит погоду. Ведь и ребенок годами всматривается и изучает; и в школах, и в интернатах; эта работа по вниканию в нас ведется у них коллективно, общими усилиями. Только мы не хотим замечать и, пока они не нарушат наш драгоценный покой, предпочитаем обольщаться, что – наивный – ребенок не знает, не понимает, легко дает себя обмануть видимости. Иная точка зрения поставила бы перед нами дилемму: или открыто отречься от права на мнимое совершенство, или искоренить в себе то, что унижает нас в их глазах, делает посмешищем, обедняет.

Говорят, ребенок в поисках все новых эмоций и впечатлений ничем не может долго заняться, даже игра ему быстро надоедает: час тому назад друг уже ему враг, чтобы через минуту опять стать закадычным приятелем.

Наблюдение, в общем, правильное: в поезде ребенок капризничает, посадишь в саду на скамейку – сердится, в гостях – пристаёт, любимая игрушка заброшена в угол, на уроке вертится, даже в театре не усидит спокойно.

Учтем, однако, что в вагоне он был возбужден, устал, на скамейку его взгромоздили против воли, в гостях смущался, игрушку и товарища ему выбрали, учиться заставили, а рвался он в театр в твердой вере, что приятно проведет время.

Как часто похожи мы на ребенка, когда он, нацепив кошке бантик, потчует ее грушей, дает поглядеть картинки и удивляется, что негодяйка хочет тактично улизнуть или, отчаявшись, царапнет!

В гостях ребенку хотелось бы посмотреть, как открывается коробочка, которая стоит на подзеркальнике, и что там блестит в углу, и есть ли в большой книжке картинки, хотелось бы поймать золотую рыбку в аквариуме и съесть много-много шоколадок. Но он ничем не выдаст своих желаний, ведь это некрасиво.

– *Пойдем домой, – торопит дурно воспитанный ребенок.*

Ему обещали забаву: флажки, фейерверки, спектакль он ждал и разочаровался.

– *Ну как, весело тебе?*

– *Очень, – отвечает он, зевая или подавляя зевоту, чтобы не обидеть.*

Летние колонии. Рассказываю в лесу сказку. Во время рассказа поднимается и уходит один мальчик, затем другой, третий. Это меня удивило, назавтра спрашиваю их: один положил под куст палку, вспомнил про нее, когда я рассказывал, и испугался, как бы не взяли; у второго болел порезанный палец, а третий не любит вымышленных историй. Не уйдет ли и взрослый из театра, если пьеса его не занимает, докучает боль или оставил в кармане пальто портсигар?

У меня есть много доказательств того, что ребенок может неделями, месяцами заниматься одним и тем же и не желать перемены. Любимая игрушка никогда не теряет очарования. Одну и ту же сказку выслушает много раз с неослабным интересом. И наоборот, у меня есть доказательства того, что матерей раздражает однообразие интересов ребенка. Сколько раз, случалось, матери просят врача «разнообразить диету, каши и компоты ребенку уже надоели».

– *Вам они надоели, а не ребенку, – приходилось мне им объяснять.*

Скука

Скука – тема для солидных исследований.

Скука – одиночество, отсутствие впечатлений; скука – избыток впечатлений, шум, гам, суматоха.

Скука – нельзя, погоди, осторожно, нехорошо.

Скука нового платья, скованности и смущения, наказов и приказов и обязанностей.

Полускука балкона и выглядывания из окошка, прогулки, визиты, игры со случайными и неподходящими товарищами.

Скука – острая, как болезнь с высокой температурой, и хроническая, с рецидивами и осложнениями.

Скука – дурное самочувствие ребенка: значит, чрезмерная жара, холод, голод, жажда, переедание, сонливость и часы принудительного сна, боль и усталость.

Скука – апатия, безразличие, малоподвижность, неразговорчивость, понижение жизненного тонуса. Ребенок лениво подымается, ходит сгорбившись, шаркая ногами, потягивается, отвечает мимикой, односложно, тихим голосом, досадливо морщась. Нетребователен, но каждое обращенное к нему требование встречает в штыки. Отдельные непонятные и слабомотивированные внезапные взрывы.

Скука – усиленная подвижность. Ни минуты не усидит на месте, ничем не займется, капризен, недисциплинирован, злобен; обижает, задирает, досаждаёт, плачет и злится. Подчас нарочно идет на скандал, видя в ожидаемом наказании желанное сильное ощущение.

Часто мы видим сознательное упорство злой воли там, где существует банкротство воли; и избыток энергии там, где отчаяние усталости.

Скука приобретает иногда черты массового психоза. Не умея организовать игру или стесняясь, не подходя друг другу по возрасту и характеру или в необычных условиях, дети впадают в неистовство бессмысленного крика и шума.

Кричат, толкаются, опрокидывают и тянут за ноги, кружатся до потери сознания, падая на пол; взаимно подзадоривая друг друга, закатываются ненатуральным смехом.

Чаще всего «игру» (и это раньше, чем созреет естественная реакция) прерывает катастрофа: драка, порванная одежда, сломанный стул, ушиб посильней, а значит, замешательство и взаимные обвинения. Порой настроение крика и шума гаснет; раздаётся чье-нибудь «бросьте дурить» или «постыдились бы, что вы делаете», инициатива переходит в энергичные руки – и сказка, хоровое пение, беседа.

Боюсь, эти не слишком частые патологические состояния массовой, действующей на нервы скуки некоторые воспитатели склонны считать нормальной игрой детей, «предоставленных самим себе».

Даже игры детей, как нечто несерьезное, не дождалось солидных клинических исследований.

Следует помнить, что играют и взрослые, не только дети; что не всегда дети играют охотно; что не все, что мы зовем игрой, на самом деле игра; что многие детские игры – подражание серьезной деятельности взрослых; что игры на вольном просторе одни, а в стенах города или дома другие; и что мы можем рассматривать детские игры лишь с точки зрения места, которое они занимают в современном обществе.

Игры против скуки

Мяч. Погляди на усилия самого маленького поднять мяч с земли и проковылять по полу в задуманном направлении.

Погляди на изнурительные упражнения старшего, как он старается научиться ловить правой и левой рукой, заставить отскочить несколько раз от земли, от стены, подбить лаптой, попасть в цель. Кто дальше всех, кто выше всех, кто метче всех, кто больше всех. Соревнование, познание путем сравнения своей ценности, победы и поражения, совершенствование.

Неожиданности часто комического характера. Уже был в руках – и выскользнул, отскочил от одного и попал прямо в руки к другому; ловя мяч, стукнулись головами; улетел под шкаф и сам

оттуда покорно выкатывается.

Треволнения. Мяч падает на траву, поднять – значит рисковать. Потерялся – поиски. Едва не выбил стекло. Залетел на шкаф, как достать? Сопение. Ударил или не ударил? Кто виноват: кто криво бросил или кто не поймал?

Оживленный спор.

Индивидуализация, внесение разнообразия. Ребенок обманывает: делает вид, что бросает; целится в одного, кидает в другого; ловко прячет мяч, будто у него его нет. Бросил и дунул на мяч, чтобы быстрее летел; ловит и падает понарошку; пытается поймать ртом; ему бросили мяч, а он делает вид, что боится; притворяется, что мяч его ушиб. Колотит мячик: «Ты, мячик, я тебе дам!» «Там, в мячике, что-то стучит», – трясет и слушает.

Есть дети, которые сами не играют, а любят смотреть, подобно тому как смотрят взрослые на играющих в бильярд или в шахматы. И в игре в мяч бывают интересные, неверные и гениальные движения.

Целесообразность движений – лишь одна из многих сторон, которые делают этот вид спорта приятным.

Игры не столько стихия ребенка, сколько единственная область, где мы предоставляем ему более или менее широкую инициативу. Лишь в играх ребенок чувствует себя до некоторой степени независимым. Все остальное – мимолетная милость, временная уступка, на игру же у ребенка есть право.

Играя в лошадки, войну, сыщиков-разбойников, пожарных, ребенок дает выход своей энергии в мнимо целенаправленных движениях, на какой-то миг поддается иллюзии или сознательно убегает от подлинной жизни. Потому-то так ценят дети участие ровесников с живым воображением, разносторонней инициативой, большим запасом почерпнутых из книг мотивов и так покорно подчиняются их часто деспотичной власти – благодаря им легче облечь туманные грезы в видимость действительности. В присутствии взрослых и чужих дети стесняются, стыдятся своих игр, сознавая их ничтожность.

Сколько в ребячьих играх горького сознания недостатков подлинной жизни, сколько мучительной по ней тоски!

Палка для ребенка не лошадь, но, не имея настоящей лошади, приходится мириться и с деревянной. И если дети плывут на перевернутом стуле по комнате – это не катание на лодках на озере...

Когда у ребенка в плане дня купание без ограничений, лес с ягодами, удочки, птичьи гнезда высоко на деревьях, голубятня, куры, кролики, сливы в чужом саду, цветник перед домом, игра становится ненужной или меняет в корне характер.

Какой ребенок сменяет живую собаку на игрушечную, на колесиках? Какой ребенок отдаст настоящего пони за коня-качалку?

Ребенок обращается к игре поневоле, спасаясь от злой скуки, прячась от ужасающей пустоты, скрываясь от холодного долга. Да, ребенок лучше уж будет играть, чем зубрить грамматические правила или таблицу умножения.

Ребенок привязывается к кукле, щеглу, цветку в горшке, потому что пока еще у него ничего больше нет; узник или старик привязываются к тому же самому, потому что у них уже ничего нет. Ребенок играет во что попало, лишь бы убить время, не зная, что с собой делать, не имея другого выбора.

Мы слышим, как девочка преподает кукле правила хорошего тона, как пугает ее и отчитывает; и не слышим, как жалуется ей в постели на окружающих, поверяет шепотом заботы, неудачи, мечты.

– *Что я тебе скажу, куколка! Только никому не повторяй.*

– Ты добрый песик, я на тебя не сержусь, ты мне не сделал ничего плохого.

Это одиночество ребенка наделяет куклу душой.

Жизнь ребенка не рай, а драма.

Пастушонок охотнее будет играть в карты, чем в мячик: довольно набегался, гоняясь за коровами. Маленький продавец газет или мальчик на побегушках носят вонючую лишь поначалу; быстро учатся размерять усилия, раскладывая их на целый день. Не играет в куклы ребенок, которому приходится нянчить младенца; наоборот, бежит от неприятной обязанности. Значит, дети не любят работать? Труд детей бедняков утилитарен, не воспитывает, не рассчитан на их силы и индивидуальные склонности. Было бы смешно выдавать жизнь нищих детей за пример для подражания: и здесь скука, зимняя скука тесной лачуги и летняя – двора или придорожной канавы, скука лишь в иной форме. И ни родители, ни мы не можем заполнить ребенку дня так, чтобы ряд их, логично связанных друг с другом, раскрывал красочное содержание жизни, от вчера через сегодня к завтра.

Многочисленные игры ребят – работа.

Если вчетвером строят шалаш: копают обрезком жести, стеклом, гвоздем землю, вбивают колья, связывают их, накрывают крышей из веток и выстилают пол мхом, работая то напряженно и молча, то вяло, но зато проектируя улучшения, строя дальнейшие планы, делаясь результатами добытых наблюдений, – это не игра, а неумелая работа несовершенными орудиями над недостаточным материалом, стало быть малопродуктивная, но организованная так, что каждый в зависимости от возраста, сил и умения вносит столько усилий, насколько его хватает.

Если детская комната, вопреки нашим запретам, так часто бывает мастерской и складом хлама, а значит, складом материалов для предполагаемых работ, не в этом ли направлении обратить нам поиски? Быть может, для комнаты маленького ребенка нужен не линолеум, а воз полезного для здоровья желтого песка, изрядная вязанка палок и тачка камней? Быть может, доска, картон, фунт гвоздей, пила, молоток и токарный станок были бы более желанным подарком, чем игра, а учитель труда полезнее, чем преподаватель гимнастики или игры на пианино? Но тогда пришлось бы изгнать из детской больничную тишину, больничную чистоту и боязнь порезанных пальцев.

Разумные родители с неприятным чувством приказывают: «Играй» – и с болью слышат в ответ: «Все только играй и играй». А что поделаешь, коли нет ничего другого?

Многое изменилось. Игры и развлечения не только допускаются с пренебрежением, а введены уже в школьную программу; все громче требование школьных участков. Перемены с часу на час; психика среднего отца семейства и воспитателя не поспевают.

Вопреки тому, что сказано выше, бывают дети, которым и одиночество не слишком надоедает, да и в деятельности они не нуждаются. Этих тихоньких, которых чужие матери ставят в пример, дома «не слышно». Они не скучают, сами себе выдумают игру, в которую, прикажи, станут играть, прикажи, послушно бросят. Это пассивные дети; они хотят не много и не сильно, а потому легко уступают, и вымысел заменяет им действительность, тем более что этого-то и желают взрослые.

В толпе такие ребята теряются, страдают от холодного безразличия, не поспевают за ее бурным потоком. Вместо того чтобы понять, и здесь матери стремятся переделать, насильно навязать то, что лишь медленно, осторожно удастся выработать изнурительным усилием, опытом многих неудачных попыток, мучительного унижения.

Всякий неосмотрительный наказ ухудшает положение вещей. «Поди поиграй с ребятами» оскорбляет одного так же, как другого «Поиграли, и хватит».

Как же их легко узнать в толпе!

Например, хоровод в саду. Несколько десятков ребятшек поют, держась за руки, двое на

первых ролях в середине.

– Ну ступай же, поиграй с ними!

Девочке не хочется, она не знает игры, детей; когда раз как-то пробовала, ей сказали: «Нам не нужно, у нас и так много» или: «Да ты растяпа». Быть может, завтра или через неделю она и попробует опять... Но мать не хочет ждать, силком выталкивает. Робея, девочка нехотя берет за руки соседок, хочет, чтобы ее не замечали, и так и будет стоять, – быть может, и заинтересуется постепенно, быть может, и сделает первый шаг к примирению с новой коллективной жизнью... Тут мать совершает новую бестактность – думает приохотить ее более живым участием:

– Девочки, почему у вас все одни и те же в кругу? Вот эта еще не была, выберите ее!

Одна из коноводок отказывается, две другие соглашаются, но неохотно.

Бедная дебютантка оказывается в недоброжелательном коллективе.

Сцена эта кончилась слезами девочки, гневом матери, замешательством среди участников хоровода.

Хоровод в саду как практическое упражнение в наблюдательности для воспитателя: количество подмеченных моментов. Общее наблюдение (трудное, всех занятых в игре детей), индивидуальное (одного произвольно выбранного ребенка).

Инициатива, начало, расцвет и распад игры. Кто подает сигнал, организует, ведет за собой, чей выход из игры конец сборищу? Кто выбирает соседей, а кто берет за руку двух случайных ребят? Кто охотно разлучается, чтобы дать место новому участнику, и кто протестует? Кто часто меняет место и кто придерживается одного? Кто в перерывах терпеливо ждет и кто торопит: «Ну, скорее! Ну, давайте начинать!»? Кто стоит неподвижно и кто переминается с ноги на ногу, размахивает руками, громко смеется? Кто и зевает, да не уходит, и кто бросает играть: потому ли, что неинтересно, потому ли, что обиделся; кто пристаёт, пока не получит главную роль? Мать хочет втолкнуть в хоровод совсем маленького ребенка – «Нет, он еще мал», а другой:

«Ну чем он помешает, пускай себе стоит».

Если бы игрой руководил взрослый, он ввел бы очередность, поверхностно справедливое распределение ролей и, считая, что помогает, внес бы принуждение. Двое и все одни и те же бегают (кошка и мышка), играют (в волчок), выбирают (при танце), а остальные, видно, скучают? Один смотрит, другой слушает, третий поет – про себя, вполголоса, а то и в голос, четвертый и хочет вступить в круг, да не решается, а сердце так и стучит... А десятилетний за правила-психолог быстро оценивает, захватывает и распоряжается.

При каждой коллективной деятельности, а значит, и в игре ребята, делая одно и то же, отличаются друг от друга хотя бы одним мелким штрихом.

И мы узнаем, чем ребенок является в жизни, среди людей, в действии, какова его не истинная, а рыночная цена, то впитывает в себя и что сам способен дать и как смотрит на это толпа, какова его самостоятельность, сопротивляемость массовому внушению. Из дружеской беседы мы узнаем, к чему он стремится, а наблюдая в толпе, – что способен осуществить; здесь – каково его отношение к людям, там – скрытые мотивы этого отношения. Если мы видим ребенка только одного, мы будем знать его односторонне.

Если имеет авторитет – как его приобрел, как использует; если не имеет – хочет ли иметь, страдает ли от того, что не имеет, злится ли, дует ли, завидует ли пассивно, добивается или отступает? Часто спорит или редко, справедливо или несправедливо, руководствуясь самолюбием или капризом, тактично или грубо навязывает свою волю?

Избегает вожаков или льнет к ним? «Послушайте, давайте делать вот так! Подождите, так, может, лучше! А я не играю! Ладно, скажи, как ты хочешь?»

Что такое спокойные игры детей, как не беседа, обмен мнениями, мечты на избранную тему,

драматизированная греза о могуществе? Играя, дети высказывают свои истинные взгляды, подобно тому как автор в романе или пьесе развивает главную мысль. Поэтому часто видишь здесь бессознательную сатиру на взрослых: дети играют в школу, наносят визиты, принимают гостей, угощают кукол, покупают и продают, нанимают и увольняют прислугу... Пассивные игру в школу принимают всерьез, хотят, чтобы похвалили; активные предпочитают роль озорников, и часто их выходки вызывают общие протесты – не выдают ли они невольно свое подлинное отношение к школе?

Не имея возможности выйти хотя бы в сад, ребенок тем охотнее путешествует по необитаемым островам и океанам; у него нет даже Полкана, который слушался бы его, но он лихо командует полками. Будучи ничем, хочет быть всем.

Но только ли ребенок? А политические партии? По мере приобретения влияния на общественные события не меняют ли они воздушные замки на ржаной хлеб реальных завоеваний?

Мы недолюбливаем некоторые детские игры, исследования и опыты. Ребенок ходит на четвереньках и лает, чтобы понять, как справляется с этим собака, пробует хромать, подражает горбатому старику, косоглазит, заикается, качается как пьяный, изображает увиденного на улице сумасшедшего, ходит закрыв глаза (слепой), затыкает уши (глухой), ложится неподвижно, удерживая дыхание (умер), смотрит через очки, затягивается папиросой, тайком пробует завести часы, обрывает у мухи крылья (как она полетит?), притягивает магнитом перо, интересуется строением уха (что там за барабанная перепонка?), горла (что там за миндалины?), предлагает девочке играть в доктора, надеясь, что увидит, как там у нее, бежит с зажигательным стеклом на солнце, слушает шум в раковине, бьет кремнем о кремьнь.

Все, в чем можно убедиться самому, он хочет увидеть, проверить, испытать; и так столько еще остается, чему надо верить на слово!

Говорят, месяц только один, а ведь везде его видно.

– Слушай, я встану за забором, а ты в огороде.

Закрыли калитку.

– Ну что, есть в огороде месяц?

– Есть.

– И здесь есть.

Переменились местами, проверили вторично: теперь точно знают, что месяцев – два.

Особое место занимают игры, цель которых – проверка силы, познание своей цены; а этого удается достичь, лишь сравнивая себя с другими.

Поэтому, у кого больше шаг, сколько шагов пройдет с закрытыми глазами, кто дольше простоит на одной ножке, не моргнет, не рассмеется, глядя в глаза, кто может дольше не дышать? Кто громче крикнет, дальше плюнет, выше пустит струю мочи или бросит камень? Кто соскочит с большего количества ступенек, прыгнет выше и дальше, дольше выдержит боль при стискивании пальцев? Кто скорее добежит, кто кого поднимет, перетянет, повалит?

«Я могу. Я умею. Я знаю, у меня есть».

«А я могу лучше. А я знаю больше. А у меня лучше».

А потом: «Мои папа и мама, они могут, у них есть».

Так приобретается уважение, занимается соответствующее положение в своей среде. А следует помнить, что благополучие детей зависит не исключительно от того, как их расценивают взрослые, но и – это в равной, а быть может, и в большей степени – от мнения сверстников, у которых иные, но тем не менее твердые правила оценки членов своего ребячьего общества и их прав.

Пятилетний ребенок может быть допущен в общество восьмилетних, а тех могут, в свою

очередь, принять к себе десятилетние, которые уже выходят одни на улицу и у которых есть пенал с ключиком и записная книжка. Такой, старше тебя на два класса, мальчик разрешит многие сомнения, за полпирожного или даже даром просветит и обучит:

Магнит притягивает железо, потому что он намагничен. Самые лучшие лошади – это арабские, у них тонкие ноги. У королей кровь голубая, а не красная. И у льва, и у орла, наверное, тоже голубая (надо про это еще у кого-нибудь спросить). Если мертвец схватит за руку, то уж не вырвешь. В лесу бывают женщины, у которых вместо волос на голове змеи; он сам видел на картинке и даже в лесу видел, только издали, потому что вблизи как взглянет такая женщина, так человек превращается в камень (врет небось?). Он видел утопленника, знает, как рождаются дети, и умеет из бумаги сделать кошелек.

И не только говорит, что умеет, но и сделал бумажный кошелек, а мама этого не умеет.

Не относись мы к ребенку, его чувствам, стремлениям, а значит, и к играм свысока, мы понимали бы, что он правильно делает, когда с одним охотно общается, а другого избегает, встречается поневоле и неохотно играет.

Можно подраться с самым лучшим приятелем и скоро помириться, а с немилым и без ссор не захочешь водиться.

С ним нельзя играть: чуть что – в плач, сразу обижается, жалуется, кричит и беснуется, хвастает, дерется, хочет верховодить, сплетничает, обманывает – фальшивый, нескладный, маленький, глупый, грязный и некрасивый.

Этакая одна пискля неотвязная портит всю игру. Посмотри, как остальные дети стараются его обезвредить!

Старшие ребята охотно примут в игру и малыша, и он может сгодиться, только пусть будет доволен второстепенной ролью, пусть не мешает. «Дай ему, уступи, позволь: он ведь маленький». Неправда: взрослые тоже детям не уступают...

Почему он не любит ходить туда в гости? В едь там есть дети, с которыми он охотно играет. Охотно, да только у себя или в парке. А там есть один человек, который кричит, там насильно целуют, прислуга обидела его, старшая сестра дразнится, и там собака, которую он боится. Самолюбие не позволяет ему назвать истинную причину, а мать считает, что капризничает.

Ребенок не хочет идти в парк. Почему? Большой мальчик грозился избить, гувернантка одной девочки обещала пожаловаться, и, когда он шел по газону за мячиком, садовник погрозил палкой; обещал принести мальчику марку, а она куда-то задевалась.

Бывают капризные дети, я перевидал их на врачебных приемах много десятков. Эти дети знают, чего хотят, только им этого не дадут: им нечем дышать, они задыхаются под тяжестью нежной заботы. Но если взрослые с патологически капризными детьми холодны, дети их презирают и ненавидят. Детей можно истязать неразумной любовью; закон должен взять их под защиту.

Мундир детства

Мы выдали детям мундир детства и верим, что они любят нас, уважают и доверяют и что они невинны, легковерны и благодарны. Безупречно играем роль бескорыстных опекунов, умиляемся мысли о приносимых нами жертвах, и, можно сказать, нам с детьми хорошо – до поры до времени. Дети сначала верят, потом сомневаются, стараются откинуть коварно закрадывающиеся подозрения, иногда пробуют с ними бороться, а увидев бесплодность борьбы, принимают нас обманывать, подкупать и эксплуатировать.

Выманивают просьбами, очаровательными улыбками, поцелуями, шуточками, послушанием, покупают за уступки, изредка тактично дают понять, что обладают некоторыми правами, подчас вынудят приставаниями, порой прямо спрашивают: «А что я за это получу?»

Сто разновидностей покорных и взбунтовавшихся рабов. «Нехорошо, вредно, грешно... Учительница говорила в школе... Ой, если бы мамочка узнала». «Не хочешь, как хочешь... Твоя учительница такая же умная, как и ты... Ну и пусть мама знает, что она мне сделает?»

Нам не нравится, когда ребенок, которого мы отчитываем, бормочет что-то себе под нос, в гневе с языка слетают искренние слова, а они нас не интересуют.

У ребенка есть совесть, только в мелких будничных стычках ее голос не слышен, зато выплывает наружу тайная ненависть к деспотичной (а значит, несправедливой) власти сильных (а значит, безответственных) мира сего.

Если ребенок любит веселого дядюшку, так за то, что благодаря ему он на какой-то момент свободен, что тот вносит жизнь, принес подарок. А подарок тем дорог, что удовлетворил давно лелеянную мечту. Ребенок намного меньше ценит подарки, чем мы думаем, и неохотно принимает от людей несимпатичных. «Ишь, купил», – кипятится униженный.

Взрослые не умные: не умеют пользоваться свободой, которой они обладают. Ведь такие счастливые, могут покупать все, что хочется, все им можно, а всегда на что-нибудь злятся и из-за чего-нибудь да кричат.

Взрослые не все знают ; часто отвечают лишь бы отделаться, или в шутку, или так, что нельзя понять; один говорит одно, другой другое, и неизвестно, где правда. Сколько звезд в небе? Как по-негритянски «тетрадка»? Как человек засыпает? А вода живая? И откуда она знает, что на улице из нее должен сделаться лед? Где ад? Как этот человек сделал, что в шляпе из часов поджарил яичницу: и часы не испортились, и шляпа цела – это чудо?

Взрослые не добрые. Правда, родители дают детям есть, но они и должны давать, а то мы умерли бы. Они ничего детям не позволяют: скажешь им, а они в смех, и вместо того, чтобы объяснить, нарочно еще дразнятся. И они несправедливые, их обманывают, а они верят. Любят, чтобы к ним подлизывались. Если они в хорошем настроении, так все можно, а сердятся – все мешает.

Взрослые лгут. Неправда, что от конфет бывают глисты и что, когда не ешь, снятся цыгане; что, когда балуешься огнем, ночью будешь рыбу ловить, а болтаешь ногами, так черта качаешь. Они не держат слова: обещают, а потом забывают, или увиливают, или не позволяют якобы за провинность, а ведь все равно не позволили бы.

Велят говорить правду, а скажешь, так обижаются.

Неискренние: в глаза одно, а за глаза другое. Не любят кого-нибудь, а притворяются, что любят. Только и слышится: «Пожалуйста, спасибо, извините, всего хорошего», – можно подумать, что и в самом деле. Усиленно прошу обратить внимание на выражение лица ребенка, когда он весело подбежит к взрослому и скажет в запале или сделает что-либо неполагающееся, а его резко и грубо одернут.

Отец пишет; вбегает ребенок с каким-то сообщением и тянет отца за рукав. Откуда ребенку знать, что на важном документе может сесть клякса? Отец взбешен, ребенок смотрит с недоумением: что вдруг случилось?

Опыт нескольких неуместных вопросов, неудачных шуток, выданных секретов, опрометчивых излиятий учит ребенка относиться ко взрослым как к прирученным диким зверям, на которых никогда нельзя вполне положиться.

Кроме пренебрежения и неприязни в отношении детей к взрослым, можно усмотреть и некоторое отвращение.

Колючая борода, шершавое лицо, запах сигары отталкивают ребенка. После каждого поцелуя он добросовестно утирает лицо – пока не запретят. Большинство детей не терпит, чтобы их брали на колени; если взять ребенка за руку, то он мягко и постепенно ее высвобождает. Толстой заметил эту черту у деревенских ребят, она присуща всем: не растленным, не отупевшим

от муштры.

О смраде пота и сильном запахе духов ребенок с омерзением говорит: «Воняет», пока ему не объяснят, что это гадкое слово, духи пахнут хорошо, только он пока не разбирается.

Все эти дяди и тети, у которых отрыжка, у которых все кости ломит, давление, горько во рту, сквозняк, сырость им мешает, боятся есть на ночь, кашель их душит, нет зубов, трудно подниматься по лестнице, красные, толстые, запыхавшиеся – все это такое противное.

Эти их ласковые словечки, поглаживания, потискивания и похлопывания, эта их фамильярность, бессмысленные вопросы, смех непонятно над чем.

«На кого она похожа? Ого, какой большой! Поглядите, вырос-то как!»

Конфузясь, ребенок ждет, когда же это кончится...

Им нипочем сказать при всех: «Эй, штаны потеряешь» или: «Рыбу будешь ночью ловить». Они неприличные... Ребенок чувствует себя более чистым, лучше воспитанным, более достойным уважения.

«Боятся есть! Боятся сырости! Трусы: я вон вовсе не боюсь. Боятся, ну и пускай сидят себе на печи; нам-то чего запрещают?»

Дождь – выскочит из-под навеса, постоит под ливнем и со смехом бежит обратно, приглаживая волосы. Мороз: согнет руки в локтях, подымет плечи, старается не дохнуть, пальцы коченеют, губы синие, а сам смотрит на похороны или на уличную драку, а потом бегом, чтобы разогреться: «Брр, замерз. Здорово!»

Бедные эти старенькие, все не по ним, все им мешает.

И пожалуй, едва ли не единственное доброе чувство, которое ребенок постоянно к нам испытывает, это жалость. Видно, что-то им да мешает, раз они такие несчастные. Папа, бедный, все работает, мама слабая, скоро умрут, бедные, не надо их огорчать.

Оговорка. Наряду со всеми этими чувствами, которые ребенок, несомненно, испытывает, наряду с возникающими у него и своими собственными мыслями, у ребенка есть понимание долга; он не освобождается полностью от навязываемых ему нами взглядов и внушаемых чувств. Активный – ярче и раньше, пассивный – позже и в смягченной форме переживают конфликты раздвоения личности. Активный размышляет самостоятельно, пассивному «открывает глаза» товарищ по доле и неволе; ни тот, ни другой не систематизируют, как это сделал я. Душа ребенка равно сложна, как и наша, полна подобных противоречий, в тех же трагичных вечных борениях: стремлюсь и не могу, знаю, что надо, и не умею себя заставить.

Воспитатель, который не сковывает, а освобождает, не подавляет, а возносит, не комкает, а формирует, не диктует, а учит, не требует, а спрашивает, переживает вместе с ребенком много вдохновенных минут, не раз следя увлажненным взором за борьбой ангела с сатаной, где светлый ангел побеждает.

Солгал. Взял потихоньку цукат с торта. Задрал девочке платье. Бросал камнями в лягушек. Смеялся над горбатым. Разбил статуэтку и составил, чтобы не было видно. Курил папиросы. Разозлился и проклял про себя отца. Поступил плохо и чувствует, что это он не в последний раз, что опять на чем-нибудь споткнется, – самого потянет или подговорят.

Бывает, ребенок делается вдруг тихим, покорным, услужливым. Взрослые это знают: «Верно, совесть нечиста». Нередко этой странной перемене предшествует целая буря чувств, плач в подушку, раскаяние и торжественная клятва. Бывает, мы готовы простить, получить бы лишь заверение – ах, не гарантию – иллюзию, что проступок больше не повторится.

«А я не буду другим. Не могу я этого обещать».

Эти слова диктует честность, а не обязательно упрямство.

– Я понимаю то, что вы говорите, только я этого не чувствую, – сказал двенадцатилетний мальчик.

Эту достойную всяческого уважения честность мы встречаем и у ребят с дурными наклонностями:

– *Я знаю, воровать не надо, это стыдно, грешно. Я не хочу воровать! Но я не знаю, украду я еще или не украду. Я в этом не виноват!*

Воспитатель переживает мучительные минуты, видя в беспомощности ребенка собственное бессилие.

Мы находимся во власти иллюзии, что ребенка может долго удовлетворять блаженное мировоззрение, где все просто, добро и разумно, что сумеем утаить от него наше незнание, слабость, противоречия, поражения и падения – и отсутствие формулы счастья. Наивно предписание педагогических самоучек воспитывать детей последовательно: чтобы отец не критиковал поступков матери, взрослые не говорили при детях о своих делах, а прислуга не лгала, что «хозяев нет дома», когда стучится нежеланный гость.

А почему зверей мучить нельзя, а мухи – сотнями! – гибнут в таких муках на липучке? Почему мама покупает красивое платье, а говорить про платье, что красивое, нехорошо? А кошка обязательно должна быть «притворчивая»? Сверкнула молния, няня перекрестилась – это Бог, говорит, а учительница говорит, что это электричество.

А за что надо взрослых уважать? И вора тоже? Дядя сказал: «Аж брюхо подвело», а так нехорошо говорить. Почему «сукин сын» – ругательство? Кухарка верит в сны, а мама нет. Почему говорится «здоров как бык», ведь и быки болеют? Утопленнику везет? А почему некрасиво спрашивать, сколько стоит подарок?

Как утаить, как разъяснить, не углубляя непонимания?

Ох эти наши ответы...

Мне дважды довелось выслушать, как объясняли ребенку перед витриной магазина, что такое глобус.

– *Что это за мячик?* – спрашивает ребенок.

– *Да такой уж мячик,* – объясняет няня.

А в другой раз:

– *Мама, что это за шар?*

– *Это не шар, а земля. Там и домики есть, и лошадки, и мамуся...*

– *И мамусяа?* – ребенок взглянул на мать с сочувствием и испугом и не возобновил вопроса.

Во что верит ребенок

Мы видим детей в бурных проявлениях радости и печали, когда дети отличаются от нас, и не замечаем внешне резко не выраженных настроений: тихой задумчивости, глубокой растроганности, горького недоумения, мучительного подозрения и унижительного сомнения, в которых на нас похожи. «Настоящим» ребенок бывает не только тогда, когда скачет на одной ножке, но и когда задумывается над сказкой жизни. Надо только исключить действительно «ненатуральных» детей, бессмысленно твердящих заученные или перенятые у взрослых фразы. Ребенок не может думать «как большой», но может по-своему, по-детски вникать в серьезные проблемы взрослых; недостаток знаний и опыта заставляет его мыслить иначе.

Я рассказываю сказку: волшебники, драконы, злые феи, заколдованные королевны, – вдруг раздастся с виду наивный вопрос:

– *А это правда?*

И слышу, кто-то тоном превосходства поясняет:

– *Вы ведь говорили, что это сказка.*

И персонажи и действия правдоподобны; все это могло бы быть, но всего этого нет, потому что мы предупредили: в сказках все неправда.

Человеческая речь, которая должна была развеять ужасы и чудеса окружающего мира,

наоборот, углубила и увеличила незнание. Раньше крохотная текущая жизнь личных потребностей нуждалась лишь в некотором количестве решительных ответов, теперь новая большая жизнь слова погрузила детей сразу во все вчерашние и завтрашние, отдаленные и отдаленнейшие проблемы. Нет времени не то что все разрешить, но и просто рассмотреть. Теоретические знания отрываются от повседневной жизни и становятся вне проверяемости.

Темпераменты – активный или пассивный – выражаются в складе ума: практическом или умозрительном.

Ребенок с практическим складом ума верит или не верит в зависимости от воли авторитета: верить удобнее, выгоднее; с умозрительным – расспрашивает, делает выводы, отрицает, бунтует и в мыслях, и в действиях. Бессознательную фальшь первого мы противопоставляем стремлению к истине второго; это ошибка, которая затрудняет диагностику и делает менее эффективной воспитательную терапию.

В психиатрических клиниках стенографист записывает монологи и беседы пациентов. То же самое предстоит будущим педологическим клиникам. Сегодня у нас есть лишь материал детских вопросов.

Жизнь – сказка. Сказка о мире животных.

В море рыбы, которые глотают людей. Эти рыбы больше корабля? А если она проглотит человека, человек задохнется; а если проглотит святого? А когда ни один корабль не разбился, что они едят? Такую рыбу можно поймать? А как могут жить в море простые рыбы? А почему тех рыб не выловят? Их много, миллион, да? А из такой рыбы можно лодку сделать? Это допотопные рыбы? У пчел есть королева, а почему короля нет? Он умер? Если птицы знают, как лететь в Африку, то они умнее людей, ведь они не учились. Почему ее называют сороконожкой, если у нее не сорок ног, а сколько их у нее? Все ли лисы хитрые? Могут они исправиться и почему они такие? Если кто-либо мучает и бьет собаку, то она все равно верная? А почему нельзя смотреть, когда собака вскакивает на собаку? А набитые звери раньше жили и можно ли набить человека? Очень ли неудобно улитке; а если вынуть ее, она умрет? Почему она такая мокрая, она рыба? Она понимает, когда говоришь: «Улитка, улитка, высунь рога»? Почему у рыб холодная кровь? Почему змее не больно, когда она меняет кожу? О чем муравьи разговаривают? Почему человек умирает, а звери дышат? Если порвать пауку паутину, он подохнет? Откуда он возьмет нитки на вторую паутину? Как из яйца может сделаться курица, яйцо надо в землю закопать? Страус ест камни и железо, так какие у него какашки? Откуда верблюд знает, на сколько дней запасать воду? Попугай нисколечко не понимает, что он говорит, умнее ли он собаки? Почему собаке нельзя подрезать язык, чтобы она заговорила? Робинзон первый научил попугая говорить, трудно ли научить и как это сделать? Дерево живет, дышит, умирает. Из маленького желудя вырастает дуб. Из цветка делается груша, это можно увидеть? Рубашки растут на деревьях? Учительница нам так в школе говорила (побожился), правда это? Отец ответил: «Не болтай вздор», мама – что не на деревьях, лен в поле растет, а в школе учительница сказала, что на уроке арифметики об этом нельзя говорить, она потом объяснит. Значит, это не враки; хоть бы одно такое деревцо посмотреть! Ну и что по сравнению с этими чудесами дракон? Драконов нет, но могли бы и быть. Как Кракус мог убить дракона, если его не было? Если сирен нет, так почему их рисуют?

Сказки о народах.

Негр черный, хоть не знай как мойся. А язык у него не черный и зубы тоже не черные. Это не черт: ни рогов, ни хвоста у него нет. И дети их тоже черные. Негры ужас какие дикие: едят людей. И в Бога не верят, а верят в лягушек. А до этого верили в деревья, глупые были; а греки тоже верили во всякие глупости, но были умные; так почему верили? Негры ходят на улице раздетые, и им вовсе не стыдно. Вставляют себе в нос раковины и думают, что красиво; почему

им никто не скажет, чтобы они так не делали? Счастливые негры: едят фиги, финики и бананы, и обезьяны у них есть, и не учатся вовсе, маленький мальчишка, а сразу на охоту идет.

У китайцев косы, это очень смешно. Французы умнее всех, а так смешно говорят: «нонбонпон». А немцы – «дердидас», капуста и квас. Евреи всего боятся, кричат «айвай» и обсчитывают. Еврей хоть не знай что, а должен обсчитать; они распяли Иисуса Христа. В Америке тоже есть поляки. Что они там делают, для чего им ломают ноги и велят просить милостыню или отдают в цирк? А приятно, должно быть, выступать в цирке! А если раз вывернуть руки, так всегда уже можно делать разные штуки? А бывают на свете гномы? А почему не бывают, а если не бывают, то откуда люди знают, какие они? Шел по улице маленький человечек, и все оглядывались; лилипуты уже никогда не вырастут, это они в наказание маленькие? Были ли финикийцы волшебниками: как они могли из песка делать стекло? А это трудно? Ходят ли горцы и по таким горам, которые огнедышащие? А моряки – народ? А могут они жить в воде? А кем труднее быть – водолазом или моряком и кто важнее?

Подчас вопрос вызывает у вас беспокойство:

– А если я весь-весь вымазался бы чернилами, негры меня узнали бы?

Ребенок с трудом мирится со сведениями, которые он не может применить на деле. Он тоже хотел бы так сделать, попробовать на вкус или по крайней мере увидеть вблизи.

Человек – сказка.

А бывают люди с глазами из стекла, могут ли их вынимать и можно ли ими видеть? Для чего парики и почему люди смеются, если кто-нибудь лысый? А есть люди, которые говорят животом, они говорят пупком? А зачем бывает пупок? Барабаны в ушах настоящие? Почему слезы соленые и почему море соленое? Почему у девочек волосы длинные, у них и там все по-другому? А на сердце грибы растут? Почему тогда на первоапрельских открытках грибы на сердце? А умирать обязательно? Где я был, когда меня не было на свете? Прислуга говорит, что можно так взглянуть, что захвораешь, а если три раза плюнешь, то не захвораешь. Что делается в носу, когда чихаешь? Сумасшедший – это больной? Пьяный – это больной? И что хуже: пьяный или сумасшедший? А почему я сейчас не могу узнать, как родятся дети? Буря оттого бывает, что леший помер? Лучше быть слепым или глухим? Почему дети умирают, а старики живут? Когда надо больше плакать, когда умрет бабушка или братик? Почему канарейка не может попасть на небо? Мачеха обязательно должна бить детей? А грудное молоко тоже коровье? Когда снится что-нибудь, это на самом деле так или только кажется? Отчего волосы рыжие? Почему нельзя иметь ребенка без мужа? Что лучше, съесть ядовитый гриб или чтобы тебя змея ужалила? Правда, если стоять под дождем, то скорее вырастешь? Что такое эхо, почему оно в лесу? Если сложить руку трубочкой и посмотреть, весь дом видно: как он там поместился? Что такое тень, почему от нее нельзя убежать? Правда, если поцеловать усами девочку, у нее вырастут усы? Правда это, что на зубах червячки, только их нельзя увидеть?

Сказка об авторитете

У детей много богов, полубогов и героев. Авторитеты делятся на видимые и невидимые, одушевленные и неодушевленные. Иерархия их неимоверно сложна. Мама, отец, бабушка, дедушка, тетя, дядя, прислуга, полицейский, солдат, король, доктор, старшие вообще, ксендз, учитель и более опытные товарищи.

Авторитеты видимые неодушевленные: крест, свиток Торы, молитвенник, иконы, портреты предков, памятники великих людей, чужие фотографии.

Авторитеты невидимые: Бог, здоровье, душа, совесть, усопшие, волшебники, дьяволы, ангелы, духи, волки, дальние родственники, которых часто вспоминают.

Авторитеты требуют послушания, что ребенку, увы, понятно, мучительно понятно. Авторитеты требуют любви, а с этим управиться уже гораздо труднее.

– Я люблю больше папу и маму.

Маленькие кокетничают непонятным ответом на непонятный им вопрос. Ребенок постарше терпеть не может этого вопроса: он унижает его и смущает. Он то очень любит, то так себе, раз уж это необходимо; а иногда ненавидит, да, это ужасно, но что поделаешь, коли ненавидишь.

Уважение – это столь сложное чувство, что ребенок не имеет своего мнения, полагаясь на опыт старших.

Мама приказывает прислуге, прислуга маму боится.

Мама и на бонну сердилась.

Мама должна просить у доктора разрешения.

Полицейский может маму оштрафовать.

А товарищу не нужно мою маму слушаться.

На папу на службе рассердился начальник, поэтому папа такой невеселый.

Солдат боится офицера, офицер – генерала, а генерал – короля. Здесь все понятно, и, может, поэтому мальчиков и занимают военные ранги; может, поэтому в школе дети так точно дозируют уважение – по классам, – что это тоже легко понять.

Очень достойны уважения посредники между видимыми и невидимыми авторитетами. Ксендз беседовал с Богом, доктор на дружеской ноге со здоровьем, солдат знаком с королем, а прислуга много знает о чарах, духах и кикиморах.

Но бывают моменты, когда самым достойным уважения оказывается пастух, который вырезает ножиком фигурку из дерева; этого ни мама, ни генерал, ни доктор не сумеют.

Вопросы и противоречия

Почему от фруктов, если они неспелые, болит живот? А здоровье в животе или в голове? Здоровье – это душа? Почему собака может жить без души, а человек умирает? Хворают ли врачи, умирают ли и почему? Почему все великие люди умерли? Правда ли, что есть люди, которые пишут книжки и живут? Все короли умирают, не жильцы они на этом свете. У королевы есть крылья? Мицкевич был святым? А ксендз видел Бога? Может ли орел долететь до неба? А Бог молится? Что делают ангелы, спят ли, едят ли, играют ли в мячик, кто им шьет платье? А дьяволам очень больно? Это дьяволы сделали ядовитые грибы ядовитыми? Если Бог прогневался на разбойников, то почему велит за них молиться? Когда Моисей увидел Бога, он его очень испугался? Почему папа не молится, Бог ему разрешил? Гром – это чудо? Воздух – это Бог? Почему нельзя видеть воздух? Сразу ли воздух входит в пустую бутылку или понемножку, откуда он знает, что там уже нет воды? Почему бедные проклинают? Если дождик не чудо, то почему никто не может сделать дождик? Из чего сделаны тучи? А эта тетя, которая далеко живет, живет в гробу?

Сколь наивна надежда родителей (только не называйте их прогрессивными), что, сказав детям: «Бога нет», они облегчают им понимание окружающего мира. Если Бога нет, то это что значит? Кто все это сделал, что будет, когда я умру, а откуда взялся первый человек? Это правда, что если не молишься, то живешь как скотина? Папа говорит, что ангелов нет, а я их своими собственными глазами видел. Если не грешно, то почему нельзя убивать? Ведь и курице больно?

Те же сомнения и тревожные вопросы.

Мрачная сказка, таинственная нищета.

Почему он голодный, почему он бедный, почему ему холодно, почему он не купит, почему у него нет денег, почему ему «так» не дадут?

Ты говоришь ребенку: «Дети бедняков грязные, употребляют нехорошие слова, в голове у них насекомые. Дети бедняков хворые, от них можно заразиться. Они дерутся, бросают камни и глаза выбивают. Во двор ходить нельзя и в кухню нельзя: ничего интересного там нет».

А жизнь заявляет: «Вовсе не хворые, весь день бегают, веселятся, пьют воду из колодца и

покупают вкусные-превкусные разноцветные конфетки. Ловко орудуя метлой, мальчишка подметает двор или снег чистит, а это очень приятно. И никаких насекомых у них нет, неправда это, и камнями не бросаются, и глаза целы, и не дерутся, а борются. Нехорошие слова смешные, а на кухне во сто раз приятнее, чем в комнатах».

Ты говоришь: «Бедных надо любить, уважать, они добрые и много работают. Надо быть благодарным кухарке, она готовит обед, и сторожу, он смотрит за порядком. Поиграй с детьми сторожа».

А жизнь: «Кухарка зарезала курицу, завтра мы ее будем есть, и мама будет есть, ведь курицу сварили и ей не больно, а вот кухарка так резала ее живую, мама даже смотреть не могла. Сторож утопил щенят, а такие они были хорошенькие! У кухарки шершавые руки, всё в грязной воде полощется. От мужика воняет, от еврея воняет. Про торговку не говорят «госпожа торговка», а просто «торговка», и про сторожа – просто «сторож». Бедные дети грязные, что ни покажи им, сразу: «Дай мне», а не дашь, шляпу сдернут и хохочут, а один даже плюнул, в лицо плюнул...»

Ребенок еще и не слышал про злых колдунов, а уже со страхом подходит к старику нищему подать грошик.

Ребенок знает, что и здесь ему всего не говорят, что и здесь кроется что-то нехорошее, чего ему не хотят или не могут объяснить.

Эти чудные манеры

Нехорошо класть палец в рот, ковырять в носу, шмыгать носом. Нехорошо просить, говорить: «Я не хочу», отодвигаться, когда тебя целуют, говорить: «Неправда». Нехорошо громко зевать, говорить: «Мне скучно». Некрасиво сидеть, опираясь локтями на стол, первому подавать руку взрослым. Некрасиво болтать ногами, держать руки в карманах, оглядываться на улице. Нехорошо делать вслух замечания и показывать пальцем.

Почему?

Эти запрещения и распоряжения имеют разные истоки, дети не могут уловить их суть и связь.

Нехорошо бегать в одной рубашке, и нехорошо плевать на пол.

Почему нехорошо отвечать на вопросы взрослым сидя? И даже с отцом на улице надо здороваться? А что делать, когда говорят неправду? Например, дядя говорит: «Ты девочка», а он мальчик; или: «Ты моя невеста», или: «Я тебя у твоей мамы купил» – ведь это ложь!

– Почему с девочками надо быть вежливым? – спросил у меня ученик.

– Это объясняется исторически, – ответил я.

– Почему ты написал «огорот», через «т»? – спросил я несколько минут спустя.

– Это объясняется исторически, – отвечал он со злой ухмылкой.

На тот же вопрос одна мать ответила:

– Видишь ли, девочке придется потом рожать детей, она будет болеть и т. д.

Вскоре брат и сестра опять поссорились.

– Ну, мамочка, ну какое мне дело, как она будет рожать детей! Я хочу, чтобы она не была плакса, она плакса.

Наименее удачным кажется мне чаще всего встречающееся объяснение:

– Над тобой станут смеяться.

Правда, оно удобное, эффективное, ребенок боится всего смешного.

Но станут смеяться и над тем, что он обо всем говорит матери и что собирается в будущем не играть в карты, не пить водку, не ходить в публичный дом. Да и родители из боязни всего смешного делают нелепые ошибки. И самую вредную ошибку: скрывают пороки ребенка и упущения в его воспитании; ребенок до поры до времени изображает перед гостями за щедрую плату хорошо воспитанного, а потом мстит.

Родной язык – это не нарочно подобранные для ребенка правила и нравоучения, а воздух, которым дышит его душа наравне с душой всего народа. Правда и сомнения, вера и обычаи, любовь и недоброжелательность, резвость и важность, всевозможное достоинство и низость, богатство и бедность – все, что создал в порыве вдохновения поэт и изрыгнул в пьяном трепе бандит, столетия истового труда и мрачные годы рабства.

Кто думал о том, кто писал, кто исследовал, как убивать бактерии и насыщать эту стихию кислородом? Быть может, оказалось бы, что не здоровое простонародное «обосрался», а салонное «согрешил» содержит в себе зародыши разложения?

«Бог в помощь. Бог его покарал. Черт меня дернул. Сущий рай. На седьмом небе. Дома ад. С богом. Как у Христа за пазухой. Бог подаст. Читает как пономарь. Святоша. Богомаз. Ни копейки за душой. Душа в пятки ушла. Черту душу продал бы. Грешки за ним водятся. Седина в бороду, бес в ребро. Морковкино заговенье. На здоровье. Твое здоровье. В пятницу дело пятится. Икота, кто-то вспоминает. Влюблена, пересолила суп. Нож упал, голодный мужик торопится. Типун тебе на язык. Одной ногой в могиле. Китайские церемонии. Цыганский пот. Русское авось. Барская милость. Хамская морда. Сиротская доля. Старый зануда. Старый дурак. Старая кочерга. Сопляк, пигалица, щенок, желторотый, молоко на губах не обсохло. Слепой? Нет, незрячий. Старый? Нет, древний. Калека? Нет, убогий. Собачья погода. Собачья смерть. Сукин сын, сукина дочь. Со злости бесится. Мечется как угорелая кошка. Волчий аппетит. Я из тебя котлету сделаю. Пустая голова. У него голова трухой набита. Втирает очки. Шариков не хватает. Лопну со смеху. Сухим из воды выйдет. Знает как свои пять пальцев. Будет из нее штучка. Отравляет мне жизнь».

– *Что это? Откуда взялось? Почему так говорят?*

– *«Бутылка» – имя существительное, «бутылка» – подлежащее. «Пробка» – имя существительное...*

– *Но почему: глуп как пробка? А этот человек, который выдумал грамматику, был умный?*

Дети не любят непонятных выражений, порой пытаются поразить ими окружающих. Дети не без выбора усваивают язык взрослых и некоторым нашим ходовым оборотам оказывают явное сопротивление.

«Слушай, дай мне. Эй, слышь, одолжи. Послушай, покажи».

«Слушай», «послушай» соответствуют нашему «пожалуйста». Просить – это «просить милостыню» (нищий просит милостыню). Ребенок не любит это унижительное выражение.

«Думаешь, я тебя просить буду! Не проси его! Стану я его там просить! Подожди, ты еще у меня напросишься!»

Я знаю один лишь особо торжественный оборот:

– *Эх ты какой, а я тебя так прошу!*

Выражением «видишь ли» ребенок заменяет не менее неприятное «прости, пожалуйста».

«Видишь ли, я это нечаянно. Видишь ли, я не хотел этого. Видишь ли, я не знал».

А богатство средств выражения, цель которых убедить, предостеречь, не допустить бурных сцен?

«Перестань, оставь, лучше не трогай, отстань, уйди. Да брось же! Я тебе добром говорю, перестань! Прошу тебя, перестань (просьба здесь – категорическое приказание). Да уйдешь ты? Слушай, перестанешь ты, наконец?»

Угроза: «Хочешь получить? Схлопочешь! Вот увидишь, пожалеешь. Заревешь ты у меня!»

Пренебрежительное сдваивание слов: «Ладно, ладно... Знаю, знаю... Погоди, погоди...»

Мы заставляем ребенка бояться. «Очень я боюсь! Думаешь, испугался! Буду я его там бояться!»

Каждая собственность ребенка спорна: нельзя отдать не спросив, нельзя портить, у него лишь право пользования (и тем более ценит он нераздельное обладание).

– Это твоя лавка, твой стол?

– Мой (или: А может, твой?).

– Я первый!

«Первый» занял место, начал играть, копать. Заботясь о своем покое, взрослые очень поверхностно решают споры ребят. «Это он начал! Он первый начал! Стою я, а он...»

Любопытна отрицательная форма: «Как я не двину ему! Как я не брошусь бежать! Как мы не примемся хохотать!»

Содержание этих рассказов – озорство; может быть, «не» является отголоском запретов.

«Ну помни, не надуй. Ты ведь слово дал. Нарушил слово!»

Кто не сдержал обещания, тот свинья. Взрослые обязаны это помнить. Богатый материал для изучения.

Что сказка, что правда

Ребенок, не вконец восстановленный против бедных людей, любит кухню, и любит не потому, что там сушеные сливы и изюм, а потому, что в кухне что-то происходит, а в комнатах ничего не происходит; и сказка там интереснее, и кроме сказки, услышит рассказ из всамделишной жизни, да и сам что-нибудь расскажет, и его выслушают с интересом, потому что на кухне он человек, а не собачонка на атласной подушке.

«Так сказку тебе сказать? Да уж ладно, скажу. Как это там было-то? Дай вспомню».

Прежде чем сказка начнется, у ребенка есть время принять удобную позу, оправить платье, откашляться, подготовиться к долгому слушанию.

«Идет она, идет по лесу. А в лесу темно, ничего не видать: ни дерева, ни зверя, ни камня. Темненько. Страшно ей, ух как страшно! Перекрестилась она раз – страх-то и поубавился, перекрестилась другой, дальше идет».

Я пробовал так рассказывать. Нелегкое это дело! Нам не хватает терпения, мы торопимся, мы не уважаем ни сказки, ни слушателя. Ребенок не успевает за темпом наших рассказов.

Умей мы так рассказать о полотне, которое делают из льна, быть может, ребенок не думал бы, что рубашки растут на деревьях, а на полях золу сеют...

А вот и подлинное происшествие:

– Утром встаю я, а в глазах у меня все двоится: вижу всего по два. Смотрю на печку – две печки, смотрю на стол – два стола. Я знаю, стол один, а вижу два. Протираю глаза – не помогает. А в голове так и стучит, так и стучит...

Ребенок ждет разрешения загадки, и, когда наконец дело доходит до незнакомого названия «тиф», он уже готов принять это новое слово.

– Доктор говорит: тиф...

Пауза. Рассказчик отдыхает, отдыхает и слушатель.

– Так вот, заболел я этим самым тифом...

Повествование продолжается.

Простой рассказ о том, что в деревне был мужик, который ни одной собаки не боялся, и что побился он раз об заклад и злого, как волк, пса взял на руки и понес, словно теленка, превращается в эпос. И как на свадьбе один бабой переоделся и никто не узнал. И как мужик искал украденную лошадь.

Немного заботливого отношения – и, быть может, на эстрадах появятся сказочники в сермягах и научат нас рассказывать детям так, чтобы они нас слушали. Заботиться надо, а мы все хотим запрещать.

А это правда?

Надо понять суть этого вопроса, который мы не любим и считаем лишним.

Если мама или учительница говорили, значит, это правда.

Ан нет! Ребенок уже убедился, что каждый человек обладает лишь частью знания и, например, кучер знает о лошадях даже больше, чем папа. А потом ведь не всякий скажет, хотя и знает. Порой просто не хотят, иногда подгоняют правду под детский уровень, часто утаивают или сознательно искажают.

Кроме знания, есть также вера; один верит, а другой нет; бабушка верит в сны, а мама не верит. Кто прав?

Наконец, ложь-шутка и ложь-похвальба.

– Правда ли, что земля – шар?

Все говорят, что правда. Но если кто-нибудь один скажет, что неправда, останется тень сомнения.

– *Вот вы были в Италии; правда это, что Италия как сапог?*

Ребенок хочет знать, сам ли ты видел или знаешь от других – откуда ты это знаешь; хочет, чтобы ответы были короткие, уверенные, понятные, одинаковые, серьезные, честные. Как термометр измеряет температуру? Один говорит – ртуть, другой говорит – живое серебро (почему живое?), третий – что тела расширяются (а разве термометр тело?), а четвертый – что после узнаешь.

Сказка про аиста обижает и сердит детей, как каждый шуточный ответ на серьезный вопрос, не важно, будь это «откуда берутся дети?» или «почему собака лает на кошку?».

«Не хотите, не помогайте, но зачем мешаете, зачем насмехаетесь надо мной, что хочу знать?»

Ребенок, мстя товарищу, говорит:

– *Я что-то знаю, но раз ты такой, я тебе не скажу.*

Да, он в наказание не скажет, а вот взрослые за что ребенка наказывают?

Привожу еще несколько детских вопросов: «Этого никто на свете не знает? Этого нельзя знать? А кто это сказал? Все или только он один? А это всегда так? А это обязательно так должно быть?»

Я не возобновлял бы попытку рассмотреть все этапы развития детей в небольшой брошюре.

Ребенок, который сперва радостно скользит по поверхности жизни, не зная ее мрачных глубин, коварных течений, скрытых чудищ и затаившихся вражеских сил, доверчивый, очарованный, улыбаясь красочной новизне, вдруг пробуждается от голубого полусна и с остановившимся взглядом, затаив дыхание, шепчет дрожащими губами в страхе:

– *Что это, почему, зачем?*

Пьяный еле держится на ногах, слепой нащупывает посохом дорогу, эпилептик падает на тротуар, вора ведут, лошадь поддыхает, петуха режут.

– *Почему? Зачем все это?*

Отец говорит сердитым голосом, а мама плачет, плачет... Дядя поцеловал прислугу, та ему в ответ погрозила, и они улыбаются и смотрят друг другу в глаза. Говорят, возмущаясь, о ком-то, что он темная личность и кости ему надо поломать.

– *Что это, почему?*

Ребенок не смеет спрашивать.

Чувствует себя маленьким, одиноким и беспомощным перед лицом таинственных сил.

Он, который раньше царил и чьи желания были законом – вооруженный слезами и улыбками, богатый тем, что у него есть мама, папа и няня, – замечает, что он у них только для развлечения, что это он для них, а не они для него.

Чуткий, словно умная собака, словно королевич в неволе, он озирается вокруг и заглядывает в себя.

Взрослые что-то знают, что-то скрывают. Сами они не то, чем себя выставляют, и от него требуют, чтобы он был не тем, что он есть на самом деле. Хвалят правду, а сами лгут и ему велят лгать. По-одному говорят с детьми и совершенно по-другому – между собой. Они над детьми смеются!

У взрослых своя жизнь, и взрослые сердятся, когда дети захотят в нее заглянуть: желают, чтобы ребенок был легковверным, и радуются, если наивным вопросом выдаст, что не понимает.

Смерть, животные, деньги, правда, Бог, женщина, ум – во всем как бы фальшь, дрянная загадка, дурная тайна.

Почему взрослые не хотят сказать, как это на самом деле?

И ребенок с сожалением вспоминает младенческие годы.

Когда ребенок «портится»

Второй период неуравновешенности, о котором я могу сказать определенно лишь то, что он существует, я назвал бы школьным. Название это – увиливание, незнание, отступное, одна из многих этикеток, которые пускает в оборот наука, создавая видимость у профанов, что она знает, тогда как еле начинает догадываться.

Школьная неуравновешенность – не перелом на грани между младенчеством и первым детством и не период созревания.

Физически – это изменение к худшему во внешности, сне, аппетите, пониженная сопротивляемость болезням, проявление скрытых наследственных изъянов, плохое самочувствие.

Психически – это чувство одиночества, душевный разлад, враждебное отношение к окружающим, предрасположенность к моральным инфекциям, бунт врожденных склонностей против навязываемого воспитания.

«Что с ним случилось? Я его не узнаю» – вот характеристика, которую дает мать.

А иногда: «Я думала, это капризы, сердилась, выговаривала ему, а он, видно, уже давно болен».

Для матери тесная связь замеченных физических и психических изменений неожиданна: «А я это приписывала плохому влиянию товарищей».

Да, но отчего среди многих детей он выбрал плохих, отчего они так легко нашли отклик, оказали влияние?

Ребенок, с болью отрываясь от самых близких, слабо еще сросшись с ребячьим обществом, тем сильнее обижается, что ему не хотят помочь, что не с кем посоветоваться, не к кому приласкаться.

Когда встречаешь эти небольшие изменения в интернате со значительным числом ребят, когда из сотни ребят сегодня один, завтра другой «портится», делается вдруг ленивым, неуклюжим, сонным, капризным, раздражительным, недисциплинированным и лживым, чтобы через год опять выравняться, «исправиться», трудно сомневаться в том, что эти массовые перемены связаны с процессом роста, известное знание законов которого дают объективные и беспристрастные измерительные приборы: весы и ростомер.

Предчувствую минуту, когда весы, ростомер и, может быть, другие изобретенные человеческим гением приборы станут сейсмографом скрытых сил организма и позволят не только опознавать, но и предвидеть.

Неправда, что ребенку подавай то стекло из окошка, то звезду с неба, что его можно подкупить потачками и уступками, что он врожденный анархист. Нет, у ребенка есть чувство долга, не навязываемое извне, любит он и расписание, и порядок и не отказывается от обязанностей и соблюдения правил. Требуется лишь, чтобы ярмо не было слишком тяжелым, не натирало холку и чтобы он встречал понимание, когда не устоит, поскользнется или, обессилив,

остановится перевести дух.

«Давай попробуй, а мы проверим, поднимешь ли, сколько шагов сделаешь с таким грузом и одолеешь ли столько ежедневно» – вот основное правило ортофрени. Ребенок хочет, чтобы с ним обходились серьезно, требует доверия, советов и указаний. Мы же относимся к нему шутливо, безустанно подозреваем, отталкиваем непониманием, отказываем в помощи.

Ребенок хочет, чтобы с ним обходились серьезно, требует доверия, советов и указаний. Мы же относимся к нему шутливо, безустанно подозреваем, отталкиваем непониманием, отказываем в помощи.

Мать, придя к врачу на консультацию, не хочет приводить фактов, предпочитает общую форму:

– *Нервная, капризная, непослушная.*

– *Факты, многоуважаемая, симптомы.*

– *Укусила подругу. Просто стыдно сказать. А ведь любит ее, всегда с ней играет.*

Пятиминутная беседа с девочкой: ненавидит «подругу», которая смеется над ней и ее платьями, а маму назвала «тряпичницей».

Другой пример.

Ребенок боится спать один в комнате, мысль о приближающейся ночи приводит его в отчаяние.

– *Почему же ты мне об этом не говорил?*

– *А вот именно, что говорил.*

Мать не посчиталась: стыдно, такой большой и боится.

Третий пример: плюнул на бонну, вцепился ей в волосы, с трудом его оторвали.

Бонна брала его ночью к себе в постель и велела прижиматься; грозила, что положит его в сундук и бросит в речку.

Потрясающе одиноким может быть ребенок в своем страдании.

Положительный период – безмятежное затишье. Даже «нервные» дети делаются опять спокойными. Возвращается детская живость, свежесть, гармония жизненных функций. Есть и уважение к старшим, и послушание, и хорошие манеры; нет вызывающих тревогу вопросов, капризов и выходок. Родители опять довольны. Ребенок внешне усваивает мировоззрение семьи и среды; пользуясь относительной свободой, не требует больше того, что получает, и остерегается выявлять те из взглядов, про которые знает, что их плохо примут.

Школа с ее прочными традициями, шумной и яркой жизнью, распорядком, требовательностью и заботами, поражениями и победами и друг-книжка – вот содержание его жизни. Факты не оставляют времени на бесплодное копание.

Ребенок теперь уже знает. Знает, что не все на свете в порядке, что есть добро и зло, знание и незнание, справедливость и несправедливость, свобода и зависимость.

Не понимает, так не понимает, какое ему в конце концов до этого дело? Он смиряется и плывет по течению.

Бог? Надо молиться, в сомнительных случаях к молитве добавить милостыню, так делают все. Грех? Придет раскаяние, и Бог простит. Смерть? Надо плакать, траур носят, вспоминают со вздохом – все так делают. Требуют, чтобы был примерным, веселым, наивным и благодарным родителям? Пожалуйста, к вашим услугам!

«С удовольствием, спасибо, простите, мамочка кланяется, желаю от всего сердца (а не от половинки)» – так это просто, легко, а приносит похвалу, обеспечивает покой.

Знает, когда, к кому, как и с какой обратиться просьбой, как половчее вывернуться из неприятного положения, как, кому и чем угодить, надо лишь взвесить, «стоит ли?».

Хорошее душевное самочувствие и физическое благополучие делают его снисходительным

и склонным к уступкам: родители по существу добряки, мир вообще симпатяга, жизнь, опуская мелочи, прекрасна.

Этот этап, который может быть использован родителями для подготовки и себя и ребенка к ожидающим их новым задачам, – время наивного покоя и беспечного отдыха.

«Помогли мышьяк или железо, хорошая учительница, каток, пребывание на даче, исповедь, материнские наставления».

И родители и ребенок тешат себя иллюзией, что уже столкнулись, преодолели трудности, тогда как столь же важная, как и рост, но наименее покорная современному человеку функция размножения начнет вскоре трагично осложнять все еще дрящущую функцию развития индивида – смутит душу и пойдет в атаку на тело.

И опять лишь старание обойти правду, маленькое облегчение в понимании этой правды и опасность ошибиться, что постиг истину, когда она лишь еле вырисовывается.

И период неустойчивости и уравновешенности – не объяснение явления, а лишь его популярное название. Тайны разгаданные мы пишем, как объективные математические формулы; другие же, перед которыми беспомощно остановились, пугают нас и сердят. Пожар, наводнение, град – катастрофы, но лишь с точки зрения наносимых убытков; мы организуем пожарную охрану, строим плотины, страхуем, оберегаем. К весне и к осени мы приспособились. С человеком же боремся безрезультатно, ибо, не зная его, не умеем согласовать наши жизни.

Сто дней ведут к весне. Еще нет ни единой былинки, ни единой почки, а в земле и в корнях уже чувствуется наказ весны, которая таится в укрытии, пульсируя, выжидая, крепчая под снегом, в нагих ветвях, в морозном вихре, чтобы вдруг вспыхнуть расцветом. Лишь поверхностное наблюдение видит непорядок в изменчивой мартовской погоде – там, в глубине, есть что-то, что логично с часу на час зреет, накапливается, строится в ряды; только мы не обособляем железного закона астрономического года от его случайных мимолетных скрещений с законами, менее известными или даже вовсе не известными.

Нет пограничных столбов между разными периодами жизни, это мы ставим их, так же как раскрасили в разные цвета карту мира, установив искусственные границы государств и меняя их каждые несколько лет.

«Он из этого вырастет, это переходный возраст, это еще изменится» – и воспитатель ждет со снисходительной улыбкой, вывезет же счастливый случай!

Каждый исследователь любит свой труд за муки поисков и упоение битвы, но добросовестный и ненавидит его – из страха перед ошибками, которыми он чреват, и лживостью результатов, к которым приводит.

Каждый ребенок переживает периоды стариковской усталости и бурлящей полноты жизненной деятельности; это не значит, что следует уступать и оберегать, но и не значит, что следует перебарывать и закалять. Сердце не поспевает за ростом, стало быть, дать ему покой или, может быть, побуждать к более живой деятельности, чтобы окрепло? Эту проблему можно решить лишь для данного случая и момента; надо, однако, чтобы мы завоевали расположение ребенка, а он заслуживал доверия.

А прежде всего надо, чтобы знание знало.

Надо подвергнуть коренному пересмотру все то, что мы приписываем сегодня периоду созревания, с которым мы серьезно считаемся, и правильно, что считаемся, только не преувеличенно ли, не односторонне ли, а главное, дифференцируя ли обуславливающие его факторы? Не позволит ли знакомство с предыдущими этапами развития объективнее присмотреться к этому новому, но одному из многих, периоду детской неуравновешенности (который обладает общими с ними чертами), лишая его нездоровой, таинственной исключительности? Не обрядили ли мы (несколько искусственно) созревающую молодежь в

мундир неуравновешенности и беспокойства, так же как детей – в мундир душевной ясности и беззаботности, и не поддавалась ли она внушению? Не повлияла ли наша беспомощность на бурность процесса? Не слишком ли много о пробуждающейся жизни, заре, весне, порывах и мало фактических данных?

Что перевешивает: явление общего буйного роста или развитие отдельных органов? Что зависит от изменений в кровеносной системе, сердце и сосудах и от недостаточного или качественно измененного окисления и питания тканей мозга и что от развития желез?

Если некоторые явления сеют среди молодежи панику, больно рая и собирая богатую жатву жертв, ломая ряды и сокрушая, – это не потому, что так должно быть, а потому, что так бывает в теперешних социальных условиях, где все благоприятствует такому ходу вещей на этом отрезке жизненной орбиты.

Легко поддается панике усталый солдат; еще легче, когда с недоверием смотрит на начальство или подозревает измену; еще легче, когда, раздираемый беспокойством, не знает, где он, что перед ним, с боков и за ним; но легче всего, когда атака обрушивается неожиданно-негаданно. Одиночество благоприятствует панике, сомкнутый строй, плечом к плечу, крепит спокойную отвагу.

Утомленная ростом, одинокая, блуждающая без разумного руководства в лабиринте жизненных проблем молодежь вдруг сталкивается с врагом, будучи слишком высокого мнения о его сокрушительной мощи, не зная, откуда он взялся и как укрыться и обороняться.

Период созревания

Еще один вопрос:

Не смешиваем ли мы патологии периода созревания с физиологией, не обоснован ли наш взгляд врачами, видящими лишь *maturitas difficilis* [17], созревание трудное, ненормальное? Не повторяем ли мы ошибок столетней давности, когда все нежелательные явления у детей до трех лет приписывались прорезыванию зубов? Быть может, то, что осталось нынче от легенды про «зубки», останется через сто лет и от легенды о «половом созревании».

Исследования Фрейда [18] сексуальной жизни детей запятнали детство, но не очистили ли тем самым юность? Любимая иллюзия о непорочной чистоте ребенка рассеялась и помогла рассеяться другой, но уже мучительной иллюзии: вдруг «в нем проснется животное и утопит в клоаке». Я привел это ходовое выражение, чтобы тем сильнее подчеркнуть, как фаталистичен наш взгляд на эволюцию полового влечения, которое связано с жизнью, как и рост.

Нет, не позорное пятно – этот туман ощущений, которым лишь осознанная или безотчетная развращенность придает преждевременно определенную форму; не позорное пятно и то смутное «что-то», которое постепенно, в течение ряда лет, все более явно окрашивает чувства двух полов, чтобы с наступлением зрелости полового влечения и полной зрелости половых органов привести к зачатию нового существа, преемника ряда поколений.

Половая зрелость: организм готов без вреда для себя дать здорового потомка.

Зрелость полового влечения: четко оформившееся желание нормального совокупления с индивидом другого пола.

У юношей половая жизнь начинается иногда даже раньше, чем созреет влечение; у девушек осложняется в зависимости от замужества или изнасилования.

Трудная проблема, но тем неразумнее беспечность, когда дитя ничего не знает, и недовольство, когда о чем-то догадывается.

Не затем ли мы грубо отталкиваем его всякий раз, когда его вопрос вторгается в запретную область, чтобы не отваживался обращаться к нам в будущем, когда начнет не только предчувствовать, но и чувствовать?

Чувства

Любовь. Ее арендовало искусство, приделало крылья, а поверх них натянуло смирительную рубашку и попеременно преклоняло колени и давало в морду, сажало на трон и велело на перекрестке завлекать прохожих – совершало тысячи нелепостей обожания и посрамления. А лысая наука, нацепив на нос очки, тогда признавала ее достойной внимания, когда могла изучать ее гнойники. Физиология любви имеет одностороннее назначение; «служить сохранению вида». Маловато! Бедновато! Астрономия знает больше, чем то, что солнце светит и греет.

И вышло, что любовь, в общем, грязна и сумасбродна и всегда подозрительна и смешна. Достойна уважения лишь привязанность, которая всегда приходит после совместного рождения законного ребенка.

Поэтому мы смеемся, когда шестилетний мальчуган отдает девочке половинку своего пирожного; смеемся, когда девочка вспыхивает в ответ на поклон соученика. Смеемся, подкараулив школьника, когда он любит «ее» фотографией; смеемся, что кинулась отворить дверь репетитору брата. Но морщим лоб, когда он и она как-то слишком тихо играют или, борясь, повалились, запыхавшись, на пол. Но впадаем в гнев, когда любовь сына или дочери расстраивает наши планы.

Смеемся, ибо далека, хмуримся, ибо приближается, возмущаемся, когда опрокидывает расчеты. Ранним детей насмешками и подозрениями, бесчестим чувство, не сулящее нам дохода. Поэтому дети прячутся, но любят друг друга.

Он любит ее за то, что она не такая маменькина дочка, как все, веселая, не ссорится, носит распущенные волосы, что у нее нет отца, что какая-то такая славная.

Она любит его за то, что не такой, как все мальчишки, не хулиган, за то, что смешной, что у него светятся глаза, красивое имя, что какой-то такой славный.

Прячутся и любят друг друга.

Он любит ее за то, что похожа на ангела с картины в боковом крыле алтаря, что она чистая, а он нарочно ходил на одну улицу посмотреть на «такую» у ворот.

Она любит его за то, что согласился бы жениться при единственном условии: никогда не раздеваться в одной с ней комнате. Целовал бы ее два раза в год только в руку, а раз по-настоящему.

Испытывают все чувства любви, кроме одного, грубо заподозренного, что звучит в резком: «Вместо того чтобы романами заниматься, лучше бы ты... Вместо того чтобы забивать себе любовью голову, лучше бы ты...»

Почему выследили и травят?

Разве это плохо, что они влюблены? И даже не влюблены, а просто очень, очень любят друг друга? Даже больше, чем родителей? А быть может, это-то и грешно?

А случись кому умереть?.. Боже, но ведь я прошу здоровья для всех! Любовь в период созревания не является чем-то новым.

Одни влюбляются еще детьми, другие еще в детском возрасте издеваются над любовью.

– Она твоя милка? Она уже тебе показала?

И мальчик, желая убедить, что у него нет милки, подставляет ей ногу или больно дергает за косу.

Выбивая из головы преждевременную любовь, не вбиваем ли мы тем самым преждевременный разврат?

Период созревания – словно все предшествующие не были постепенным созреванием, то медленным, то побыстрее. Приглядимся к кривой веса, и мы поймем усталость, неловкость движений, леность, полусонную задумчивость, воздушность, бледность, вялость, безволие, капризы и нерешительность, характерные для этого возраста, – скажем, большой «неуравновешенности» в отличие от прежних малых.

Рост – это работа, тяжчайший труд организма, однако условия жизни не позволяют пожертвовать ему ни одним часом в школе, ни одним днем на фабрике. А как часто рост протекает почти как заболевание – преждевременный, слишком бурный, с отклонением от нормы!

Девочки раньше формируются и радостно начинают демонстрировать это свое единственное преимущество.

«Я почти взрослая, а ты еще сопляк. Через три года я могу выйти замуж, а ты все еще будешь корпеть над книжкой». Любимому товарищу детских игр посылается презрительная улыбка.

Новое знание

Давнишняя тайная неприязнь к окружающим взрослым получает фатальную окраску.

Столь частое явление: ребенок провинился, разбил окно.

Он должен чувствовать, что виноват. Когда справедливо ему выговариваешь, реже встречаешь раскаяние, чаще бунт – гневно насупленные брови, взгляд исподлобья. Ребенку хочется, чтобы воспитатель именно тогда проявил доброту, когда он виноват, когда он плохой, когда его постигло несчастье. Разбито стекло, пролиты чернила, порвано платье – все это результаты неудачных начинаний, которые затевались, может быть, даже несмотря на предупреждения. Ну а взрослые, просчитавшись и потеряв на сделке, как воспримут претензии, гнев и брань?

Эта неприязнь к суровым беспощадным господам существует и тогда, когда ребенок считает взрослых высшими существами.

«Ага, значит, это так, значит, вот она, ваша тайна, значит, вы скрывали, и ведь есть чего вам стыдиться». Ребенок слышал и раньше, но не верил, сомневался, его это не касалось. Теперь он желает твердо знать, и у него есть у кого узнать, эти сведения ему нужны для борьбы с ними, взрослыми, наконец, он чувствует, что и сам уже замешан в это дело. Раньше было так: «Это я не знаю, а то знаю наверняка», а теперь ему все ясно. «Значит, можно и хотеть, да не иметь детей, значит, и у девушки может быть ребенок, значит, можно не рожать, если не хочешь, значит, за деньги, значит, болезни, значит, все?!»

А они живут, и ничего, они между собой не стыдятся.

Их улыбки и взгляды, запреты и опасения, смущение и недомолвки, все, ранее неясное, становится теперь понятным и потрясающе выразительным. «Ладно, ладно, сочтемся».

Учительница польского языка глаз не сводит с математика.

«Поди сюда, я тебе что-то скажу на ухо». И смех злобного торжества, и подглядывание в замочную скважину, и изображение сердца, пронзенного стрелой, на промокашке или классной доске. Старушка вырядилась. Старикан заигрывает. Дядя берет за подбородок и говорит: «Ээ, еще молодо-зелено...» Нет, уже не молодо-зелено, а «Я знаю». Они, взрослые, еще притворяются, еще пытаются лгать, – значит, преследовать, разоблачать обманщиков, мстить за годы рабства, за краденое доверие, за вынужденные ласки, за выманенные признания, принудительное уважение.

Уважать?! Нет, презирать, насмехаться и помнить. Бороться с ненавистной зависимостью. «Я не ребенок. Что думаю – мое дело. Не надо было меня рожать. Завидуешь мне, мама? Взрослые тоже не такие уж святые».

Или прикидываться, что не знаешь, пользоваться тем, что прямо сказать они не посмеют, и лишь насмешливым взглядом, полуулыбкой говорить: «Знаю», когда уста произносят: «Я не знаю, что в этом плохого, я не знаю, что вы от меня хотите».

Следует помнить, что ребенок недисциплинирован и зол не потому, что он «знает», а потому, что страдает. Мирное благополучие снисходительно, а раздражительная усталость агрессивна и

мелочна. Было бы ошибкой считать, что понять – это значит избежать трудностей. Сколько раз воспитатель, сочувствуя, должен подавлять в себе доброе чувство; должен обуздывать детские выходки ради поддержания дисциплины, чуждой его духу. Большая научная подготовка, опыт, душевное равновесие подвергаются здесь тяжкому испытанию.

«Я понимаю и прощаю, но люди, мир не простят». «На улице ты должен вести себя прилично – умерять слишком бурные проявления веселья, не давать воли гневу, воздерживаться от замечаний и осуждения, оказывать уважение старшим».

Даже при наличии доброй воли и стараний понять бывает трудно, тяжело; а всегда ли встречает ребенок в отчем доме беспристрастное отношение?

Его 16 лет – это родительских сорок с лишним, возраст печальных размышлений, подчас последний протест собственной жизни, минуты, когда баланс прошлого показывает явную недостачу.

– *Что я имею в жизни? – говорит ребенок.*

– *А я что имела?*

Предчувствие говорит нам, что и он не выиграет в лотерее жизни, но мы уже проиграли, а у него есть надежда, и ради этой призрачной надежды он рвется в будущее, не замечая – равнодушный, – что нас хоронит.

Помните, когда вас разбудил рано утром лепет ребенка? Тогда вы заплатили себе за труды поцелуем. Да, да, за пряник мы получали сокровища признательной улыбки. Пинетки, чепчик, слюнявчик – так все это было дешево, мило, ново, забавно. А теперь все дорого, быстро рвется, а взамен ничего, даже доброго слова не скажет... А сколько сносит подметок в погоне за идеалом и как быстро вырастает из одежды, не желая носить нарост!

– На тебе на мелкие расходы...

Ему надо развлечься, есть у него и свои небольшие потребности. Но принимает сухо, принужденно, словно милостыню от врага.

Горе ребенка отзывается на родителях, страдания родителей необдуманно бьют по ребенку. Раз конфликт так силен, насколько он был бы сильнее, если бы ребенок, вопреки нашей воле, сам, своим одиночным усилием не подготовил себя исподволь к тому, что мы не всемогущи, не всеведущи и не совершенны.

Если внимательно взглядеться не в собирательную душу детей этого века, а в ее составные части, не в массы, а в индивиды, мы опять видим две прямо противоположные душевные организации. Мы находим того, кто тихо плакал в колыбели, не скоро стал сам приподниматься, без протеста расставался с пирожным, смотрел издали на игры сбившихся в круг ребят, а теперь изливает свой бунт и боль в слезах, которые ночью никто не видит.

Мы находим того, кто кричал до синюхи, ни на минуту его нельзя было оставить со спокойной душой одного, вырывал у сверстника мяч, командовал: «Ну, кто играет? Возьмитесь за руки, быстро», – а теперь навязывает свою программу бунта и активное беспокойство сверстникам и всему обществу.

Нравственное созревание

Я усиленно искал объяснение мучительной загадке: отчего и среди молодежи, и взрослых так часто честная мысль должна скрываться и убеждать вполголоса, а спесь задает шик и криклива? И почему доброта – синоним глупости или бессилия? Как часто толковый общественный деятель и честный политик, сами не зная почему идя на попятную, нашли бы объяснение этому в словах Елленты [19]: «Я недостаточно дерзок на язык, чтобы отвечать на их остроты и ехидства, и говорить, рассуждать с теми, у кого на все готов наглый ответ альфонса, не умею». Что делать, чтобы в соках, движущихся в собирательном организме, присутствовали на равных правах активные и пассивные личности, свободно циркулировали элементы всех

воспитывающих сред?

«Я этого не прощу. Уж я знаю, что я сделаю. Хватит с меня всего этого», – говорит активный бунт.

«Брось. Ну зачем тебе это? Может, тебе это только кажется».

Эти простые слова, выражение честного колебания или простодушного смирения, действуют успокоительно, обладая большей силой убеждения, чем искусная фразеология тирании, которую вырабатываем мы, взрослые, желая закабалить детей. Сверстника не стыдно послушаться, но дать себя убедить взрослому, а уж тем более растрогать – это дать себя провести, обмануть, расписаться в своем ничтожестве; к сожалению, дети правы, не доверяя нам.

Но как, повторяю, защитить раздумье от алчного честолюбия; спокойное рассуждение от крикливого аргумента; как научить отличать «идею» от «внешнего лоска и карьеры»; как оградить догмат от издевательства, а молодую идею от многоопытной предательской демагогии?

Ребенок, шагнув вперед, вступает в жизнь – не в половую жизнь! – он созревает, но не в одном половом отношении. Если ты понимаешь, что никакого вопроса тебе не решить самому, без их участия; если ты им выскажешь все, что тут сказано, а после окончания собрания услышишь: «Ну, пассивные, пошли домой! – Не будь такой активный, а то схлопочешь. – Эй, ты, догматическая среда, ты мою шапку взял...», – не думай, что они над тобой насмеются, не говори: не стоит.

Мечты.

Игру в Робинзона сменили мечты о путешествии, игру в разбойники – мечты о приключении. Опять жизнь не удовлетворяет, мечта – это бегство от жизни. Нет пищи для размышлений – появляется их поэтическая форма. В мечте находят выход скопившиеся чувства. Мечты – это программа жизни. Умей мы их расшифровывать, мы увидели бы, что мечты сбываются.

<...>

Что толкает молодежь к богеме? Одних – развязность, других притягивает экзотика, третьих – напористость, честолюбие, карьера; и только этот, один-единственный, любит искусство, он один в этом артистическом мире на самом деле художник и не предаст искусства; и умер он в нищете и безвестности, но ведь и мечтал он не о злате и почестях, а о победе. Прочитайте «Творчество» Золя; жизнь куда более логична, чем мы думаем.

Она мечтала о монастыре, а очутилась в доме терпимости; но и там оставалась сестрой милосердия, которая в неприемные часы ухаживает за больными товарками по недоле, утоляя их печаль и страдание. Другую влекло к веселью, и она полна им в приюте для больных раком – даже умирающий улыбается, слушая ее болтовню и следя угасающим взглядом за светлым личиком...

Нищета.

Ученый о ней думает, изучая, предлагая проекты, выдвигая теории и гипотезы; а юноша мечтает, что он строит больницы и раздает милостыню.

В детских мечтах есть Эрос, но до поры до времени нет Венеры. Односторонняя формула, что любовь – это эгоизм вида, пагубна. Дети любят людей одного с ними пола, любят стариков и тех, кого они и в глаза не видели, даже кого вообще нет на свете. Даже испытывая половое влечение, дети долго любят идеал, не тело.

Потребность борьбы, тишины и шума, труда и жертв; стремление обладать, потреблять, искать; амбиция, пассивное подражательство – все это находит выражение в мечте, независимо от ее формы.

Жизнь воплощает мечты, из сотен юношеских мечтаний лепит одну статую действительности.

Первая стадия периода созревания. Знаю, но еще сам не чувствую, чувствую, но сам еще этому не верю, осуждаю то, что делает с другими природа; страдаю, ибо нет уверенности, что сам избежу этого. Но я невинен; презираю их, опасаясь за себя.

Вторая стадия: во сне, в полусне, в мечтах, в момент возбуждения игрой, несмотря на внутренний протест, отвращение и голос совести, все чаще и четче прорезывается чувство, которое к мучительному конфликту с внешним миром добавляет тяжесть конфликта с самим собой. Гонишь мысль, а она пронизывает тебя, как предвестник болезни – первый озноб. Существует инкубационный период сексуальных ощущений, которые сначала удивляют и пугают, а затем вызывают ужас и отчаяние.

Эпидемия разговоров шепотом по секрету и хихиканья угасает, будоражащие пикантности теряют прелесть, – ребенок вступает в период взаимных признаний; крепнет дружба – прекрасная дружба заблудившихся в чаще жизни сирот, которые клянутся друг другу, что не покинут, не оставят, не расстанутся.

Ребенок, сам несчастный, уже не встречает, с тревогой и угрюмым удивлением, заученной фразой чужое несчастье, страдание и лишение, а горячо им сочувствует. Слишком занятый и озабоченный собой, не может долго плакаться о других, но он найдет время для слезы о соблазненной и покинутой девушке, побитом ребенке, узнике в кандалах.

Каждый новый лозунг, идея находят в нем внимательного слушателя и горячего сторонника. Книжки он не читает, а глотает и молит Бога о чуде. Детский божеденька – сказка, потом – Бог, виновник всех бед, первоисточник несчастий и преступлений, тот, кто может и не хочет, – становится для него богом великой тайны, богом-всепрощением, богом-разумом превыше человеческой мысли, богом-пристанью во время бури.

Раньше: «Если взрослые заставляют молиться, значит, и молитва – вранье; если критикуют приятеля, видно, он-то и укажет мне путь», ибо как можно им верить? Теперь все иначе: враждебная неприязнь уступает место состраданию. Определения «свинство» недостаточно: здесь кроется что-то бесконечно более сложное. Но что? Книга только на первый взгляд, на минуту рассеивает сомнения, а ровесник сам слаб и беспомощен.

Бывает момент, когда можно вновь обрести ребенка – он ждет, он хочет тебя выслушать.

Что ему сказать? Только не про то, как оплодотворяются цветы и размножаются гиппопотамы и что онанизм вреден. Ребенок чувствует, что тут дело в чем-то значительно более важном, чем чистота пальцев и простыни, тут решается судьба его духовной основы – ответственности перед жизнью в целом.

Ах, снова стать невинным ребенком, который верит и доверяет не размышляя!

Ах, стать наконец взрослым, убежать от переходного возраста и быть таким, как они, как все.

Монастырь, тишина, благочестивые размышления.

Нет, слава, героические подвиги.

Путешествия, смена впечатлений.

Танцы, игры, море, горы.

Лучше всего умереть; к чему жить, к чему мучиться.

Воспитатель в зависимости от того, что он приготовил к этой минуте за те годы, когда он внимательно приглядывался к ребенку, может наметить ему план действий – как познать себя, как побеждать себя, какие приложить усилия, как искать свой путь в жизни.

Буйное своеволие, пустой смех, веселье юности.

Да, радость, что всем скопом, торжество во сне снившейся победы, взрыв неискушенной веры в то, что наперекор действительности мы перевернем мир.

Сколько нас, сколько юных лиц, сжатых кулаков, сколько здоровых клыков, не поддадимся!

Рюмка или кружка рассеивает оставшиеся сомнения.

Смерть старому миру, за новую жизнь, ура!

Не замечают того, чей насмешливый прищур глаз говорит: «дурачье», не видят другого, в чьем печальном взгляде читаешь: «несчастные», не видят и третьего, который, пользуясь моментом, хочет положить чему-то начало, принести клятву, дабы благородное возбуждение не потонуло в оргии, не расплескалось в бессодержательных возгласах.

Часто массовое веселье мы считаем избытком энергии, тогда как это лишь проявление раздраженной усталости, которая на какой-то момент, не чувствуя преград, приходит в обманчивое возбуждение.

Вспомни веселье ребенка в железнодорожном вагоне, когда ребенок, не зная, как долго будет ехать и куда, вроде бы и довольный новыми впечатлениями, капризничает от их избытка и ожидания того, что наступит, и веселый смех кончается горькими слезами.

Объясни, почему присутствие взрослых «испортит игру», стесняет, вносит принужденность...

Празднество, помпезность, у всех приподнятое настроение, взрослые так умело взволнованы, так вчувствовались в роль. А два этаких переглянулись и задыхаются, помирают со смеху, аж слезы текут от старания не прыснуть, и не могут удержаться от каверзного желания подтолкнуть локтем, шепнуть язвительное словечко, приближая опасность скандала. «Только, чур, не смеяться. Только ты не смотри на меня. Только ты меня не смеши».

А после праздника: «А какой у нее был красный нос! А у него галстук перекосялся. Покажи: у тебя это так хорошо выходит».

И бесконечное повествование о том, как это было смешно.

И еще одно: «Они думают, мне весело. И пускай себе думают. Еще одно доказательство, что они нас не понимают...»

Вдохновенный труд юности. Какие-нибудь приготовления, огромные усилия, действия с ясно очерченной целью, когда нужны быстрота рук и изобретательный ум. Здесь молодежь в своей стихии, здесь увидишь ты здоровое веселье и ясное возбуждение.

Планировать, принять решение, выложить всего себя и выполнить, а затем смеяться над неудачными попытками и преодоленными трудностями.

Юность благородна.

Если вы зовете это отвагой, когда ребенок не боится высунуться из окна пятого этажа; если вы зовете это добротой, когда ребенок подает хромоту нищему золотые часы, которые мама оставила на столе; если вы зовете преступлением, что ребенок кинул в брата ножом и выбил глаз, – хорошо, я согласен: молодежь благородна, не имея опыта в таких областях – широчайших, широтой в полчеловеческой жизни, – как работа по найму, социальная иерархия и законы общества.

Люди неопытные считают, что можно проявлять дружелюбие или неприязнь, уважение или презрение в зависимости от испытываемых чувств.

Люди неопытные считают, что можно добровольно завязывать и порывать отношения, мириться или не считаться с общепринятыми формами, соблюдать или нарушать правила общежития. «А мне начхать, плевать, какое мне дело, и пусть себе говорят, не хочу – и баста, а мне-то что?»

Еле дух перевел, хоть отчасти вырвался из-под родительской власти, ан глядь, новые пути, эхма! Потому, что кто-то богат или сиятелен, потому, что где-то кто-то может что-то подумать или сказать?

Кто из нас учит молодежь, какие компромиссы – жизненная необходимость, а какие можно избежать и какой ценой? Какие заставляют страдать, но не марают душу и какие развращают?

Кто указывает границы, в которых лицемерие – приличие (вроде неплевания на пол и невытирания носа о скатерть), а не преступление?

Мы говорили ребенку: люди будут смеяться.

Надо теперь добавить: и заморят голодом.

Вы говорите: идеализм молодежи. Иллюзия, что всегда можно убедить и исправить.

А что вы делаете с этим благородством? Вырываете его у своих детей с корнем, отираясь сладострастно об идеализм, веселье, свободу безымянной «молодежи», как прежде о невинность, обаяние, любовь своих детей. И создается иллюзия, что идеал такая же возрастная болезнь, как свинка или ветряная оспа, – этакая невинная обязанность, вроде посещения картинной галереи во время свадебного путешествия.

«И я был Фарисом [20] . Я видел Рубенса».

Благородство не может быть утренней мглой, оно сноп лучей. Если нас на это еще не хватает, давайте пока воспитывать просто честных людей.

Счастлив автор, который, кончая свой труд, сознает, что сказал в нем то, что знал, вычитал и оценил согласно принятым образцам. Сдавая такой труд в печать, он испытывает чувство спокойного удовлетворения, что дал жизнь зрелому жизнеспособному детищу. А бывает и иначе: автор не видит читателя, который требует от него рядовых знаний с готовыми рецептами и указанием способа их применения. Творческий процесс здесь иной: вслушивание в собственные не установленные и не доказанные внезапно рождающиеся мысли. Окончание труда здесь – холодный итог, мучительное пробуждение. Каждая глава взирает с упреком: «Покинул, прежде чем закончил!»

Последняя мысль в книге не завершает целого, а удивляет: «Как, уже? И больше ничего?» Стало быть, дополнить? Это значило бы еще раз начать, отбросив то, что уже знаю, столкнуться с новыми проблемами, о которых лишь догадываюсь; написать новую книгу, равно не законченную.

* * *

Ребенок вносит в жизнь матери дивную песнь молчания. От количества часов, которые мать проводит подле него, когда он сам еще ничего не добивается, а живет, от мыслей, которыми трудолюбиво его окутывает, зависит ее содержание, программа, сила и творчество; мать в тихом созерцании зреет для вдохновения, которого требует труд воспитания.

Не из книжки, а из себя. Тогда каждая книжка падет в цене, а моя, если убедила в этом, выполнила свою задачу.

В мудром одиночестве бодрствуй...

Я желаю написать книгу о городском интернате, где под наблюдением небольшого числа воспитателей, в собственном здании, при немногочисленном техперсонале воспитывается сто человек сирот – мальчиков и девочек школьного возраста.

Эта тема не может похвастать богатой литературой.

Обычно встречаешь или труды исключительно по гигиене, или страстную критику самого принципа массового воспитания детей.

В роли воспитателя я узнал яркие и мрачные тайны интерната – спальни, умывалки, зала, столовой, двора, уборной. Я знаю детей в будничном домашнем платье, а не в парадной школьной форме.

Эта книга может заинтересовать не только воспитателя тюрьмы-казармы, какой является интернат, но и тюрьмы с одиночками, какими для современных детей являются семьи.

Как в интернате, так и в семье детей истязают; более энергичные пытаются обмануть надзор, вырваться из-под неусыпного контроля – упорно и безнадежно борются за свои права. Боюсь, читатель захочет мне слепо поверить, тогда эта книга принесет ему вред. Поэтому предупреждаю: путь, который я избрал, стремясь к своей цели, ни самый короткий, ни самый удобный, но для меня самый лучший, раз это мой – собственный – путь. Я нашел его не без труда, не без мук и лишь когда понял, что все прочитанные книги – чужой опыт и чужие мнения – лгали.

Издатели печатают подчас золотые мысли великих людей; насколько было бы полезнее составить свод ложных высказываний классиков правды и знания. Руссо начинает своего «Эмиля» фразой, которую опровергает вся современная наука о наследственности [21]. Книга эта должна быть как можно короче, потому что я предназначаю ее в первую очередь моему юному товарищу, который попал в круговорот труднейших педагогических проблем, сложнейших жизненных обстоятельств и, ошеломленный и огорченный, взывает о помощи.

У бедняги нет времени на учебу. Ночью его два раза будили: у ребенка болел зуб, ребенок заплакал – пришлось утешать и лечить. Едва воспитатель уснул, будит второй; этому приснился страшный сон: мертвецы, разбойники... хотели убить, бросили в реку; воспитатель опять успокаивает, убаюкивает...

Человек сонный не может читать на ночь толстых педагогических трудов, у него слипаются глаза, а если он не выспится, то станет раздражаться, выходить из себя и не сможет проводить в жизнь спасительные идеи ученой книги. Я буду краток, чтобы не лишать воспитателя его ночного отдыха.

Днем у него нет времени на учебу. Только он сел за книжку, подходит ребенок с жалобой, что он писал, а его подтолкнули и вышла клякса и теперь он не знает, то ли начать все сначала, то ли оставить так, то ли вырвать страницу. Другой ребенок хромает: в башмаке гвоздь, не может ходить. Третий спрашивает, можно ли взять домино. Четвертый просит ключ от шкафа. Пятый подает носовой платок: «Нашел вот, а чей – не знаю». Шестой дает на хранение четыре гроша, которые получил от тетки.

Седьмой прибегает за платком: «Это мой платок, я его только на минутку положил на окно, а он уже взял!»

Там, в углу, маленький недотёпушка играет ножницами – насорит, порежется – кто ему их дал? Посредине комнаты горячий спор, готовый перейти в драку, – надо вмешаться.

Тот, у кого вчера болел зуб, носится теперь как угорелый и того и гляди опять кого-нибудь подтолкнет или опрокинет чернила, а ночью снова, может быть, у него разболится зуб.

Воспитатель должен очень захотеть, чтобы осилить хотя бы маленькую книжку.

Но он не очень хочет, потому что не верит. Любой автор с помощью многочисленных цитат докажет свою ученость. Еще раз повторит то, что общеизвестно. Все те же благочестивые пожелания, согревающая душу ложь, невыполнимые советы: «Воспитатель обязан... обязан... обязан...» А в конечном счете во всех мелких и важных делах воспитатель вынужден поступать как знает и как умеет, а главное – как может.

– Это хорошо в теории, – печально утешает себя воспитатель.

И испытывает неприязнь к автору за то, что тот, сидя в тишине, за удобным письменным столом, диктует предписания, не обязанный сам непосредственно соприкоснуться с подвижной, крикливой, надоедливой, непослушной оравой, рабом которой становится каждый, кто не хочет быть ее тираном, и из которой то один, то другой так основательно отравляют тебе изо дня в день жизнь, что с трудом скрашивают остальные.

К чему дразнить его миражом глубоких знаний, серьезных задач, высоких идеалов, когда он есть и должен остаться педагогической Золушкой и батраком?

Он чувствует, что утрачивает энтузиазм, который возникал в нем самопроизвольно, независимо от чьих-либо приказов. Раньше его тешила мысль, что вот, мол, он организует игру, приготовит детям сюрприз. Он желал внести новую радостную струю в серую однообразную жизнь интерната. А теперь доволен, если отметит у себя «все по-старому». Если никого не рвало, не били стекла и сам он не получил нагоняя, значит, день прошел хорошо.

Он утрачивает энергию: на мелкие проступки смотрит сквозь пальцы, старается меньше замечать, меньше знать – только самое необходимое.

Утрачивает инициативу: раньше, когда он получал конфеты, игрушки, у него сразу уже был план, как их лучше всего использовать. Теперь он быстро раздает лакомства: пускай уж поскорее съедят, а то опять не оберешься ссор, жалоб, претензий. Новая мебель или вещь, – значит, опять надо смотреть, следить, как бы не сломали, не попортили. Какие-нибудь цветы на окно, картинка на стену – сколько всего можно сделать, а он не знает, не хочет или не может. И просто уже не замечает.

Теряет веру в себя. Раньше дня не пройдет, чтобы он не подметил что-нибудь новое в детях или в себе. И дети к нему льнули, а теперь сторонятся. Да и любит ли он их еще? Бывает резок, иногда груб. Может быть, он станет скоро похож на тех воспитателей, для кого хотел быть примером и к кому питал неприязнь за их холодность, пассивность и недобросовестность? Он в обиде на себя, на окружающих, на детей. Неделю тому назад он получил письмо: больна сестра. Ребята узнали и отнеслись к его горю с уважением: легли спать тихо. Он был благодарен им.

А на завтра поступил новый воспитанник. Ребята выманили у него все привезенные из дома конфеты, и пенал, и картинки, пригрозив, что, если пожалуется, избыют, а участие в этой грязной истории принимали и те, кого он считал честными.

Ребенок закинет ему ручонки на шею, скажет «люблю» – и попросит новое платье.

Ведь тот же самый ребенок то умиляет тебя необыкновенным тактом, глубиной чувств, то оттолкнет хищным двуличием.

То «я хочу, я должен, я обязан», а то безнадежное «да стоит ли?»

Теоретические послышки и личный каждодневный опыт так смешались, что воспитатель потерял нить и, чем дольше думает, тем меньше понимает.

Он не понимает, что вокруг него происходит. Старается свести наказания и запреты к самым необходимым, дает детям свободу – недовольные, дети требуют еще.

Хочет вникнуть во все их заботы. Подходит к парнишке, который против обыкновения стоит в сторонке, тихий и равнодушный. «Что с тобой? Почему ты такой грустный?» – «Ничего... я не грустный», – отвечает тот неохотно. Воспитатель хочет погладить его по голове – мальчик резко

отстраняется.

Вот оживленно беседует кучка ребят. Воспитатель подходит – молчание. «О чем говорили?» – «Ни о чем». Ему кажется, дети его любят. И знает, что над ним смеются. Доверяют ему – и всегда что-нибудь да скроют. Как будто его словам верят, а охотно прислушиваются к сплетням.

Воспитатель не понимает, не знает ребят – чуждых, враждебных. Плохо ему.

А ты лучше порадуйся, о воспитатель! Ты уже отбрасываешь предвзятое сентиментальное представление о детях. Ты уже знаешь, что ты не знаешь. Это не так, как ты думал, значит, как-то по-другому. Сам того не понимая, ты уже на правильном пути. Сбился? Помни, блуждать в огромном лесу жизни – не зазорно. Даже плутая, гляди по сторонам с интересом, и увидишь мозаику прекрасных образов. Страдаешь? Истина рождается в муках.

Будь самим собой, ищи собственный путь. Познай себя прежде, чем захочешь познать детей. Прежде чем намечать круг их прав и обязанностей, отдай себе отчет в том, на что ты способен сам. Ты сам тот ребенок, которого должен раньше, чем других, узнать, воспитать, научить.

Одна из грубейших ошибок – считать, что педагогика является наукой о ребенке, а не о человеке.

Вспыльчивый ребенок, не помня себя, ударил; взрослый, не помня себя, убил. У простодушного ребенка выманили игрушку; у взрослого – подпись на векселе. Легкомысленный ребенок за десятку, данную ему на тетрадь, купил конфет; взрослый проиграл в карты все свое состояние. Детей нет – есть люди, но с иным масштабом понятий, иным запасом опыта, иными влечениями, иной игрой чувств. Помни, что мы их не знаем.

Не достигшие зрелости!

Спроси старика, он тебя и в сорок лет считает не созревшим. Да что там, целые классы общества не созрели, не вошли в силу. Целые народы нуждаются в опеке, они тоже не достигли зрелости, у них нет пушек!

Будь самим собой и присматривайся к детям тогда, когда они могут быть самими собой. Присматривайся, но не предъявляй требований. Тебе не заставить живого, задорного ребенка стать сосредоточенным и тихим; недоверчивый и угрюмый не делается общительным и откровенным; самолюбивый и своевольный не станет кротким и покорным.

А ты сам?

Если ты не обладаешь внушительной осанкой и здоровыми легкими, ты напрасно будешь призывать галдящих ребят к порядку. Но у тебя добрая улыбка и терпеливый взгляд. Не говори ничего: может быть, они сами успокоятся? Дети ищут свой путь.

Не требуй от себя, чтобы ты уже сразу был степенным, зрелым воспитателем с психологической бухгалтерией в душе и педагогическим кодексом в голове. У тебя есть чудесный союзник – волшебная молодость, а ты призываешь брюзгу – дряхлый опыт.

Не то, что должно быть, а то, что может быть.

Ты хочешь, чтобы дети тебя любили, а сам – обязанный добросовестно выполнять предписанную работу – должен втискивать их в душные формы современной жизни, современного лицемерия, современного насилия. Дети этого не хотят, они защищаются и должны быть на тебя в обиде.

Ты хочешь, чтобы они были искренни и хорошо воспитаны, тогда как формы светской жизни – лживы и искренность – это дерзость. Знаешь, что думал мальчик, которого ты вчера спрашивал, почему он грустный? Он подумал: «Да отстань ты от меня». Он уже не искренний, не сказал, что думает, а только недовольно отстранился – и даже это тебя задело.

Жаловаться не положено, ябедничать скверно – а как же постичь их дела, страдания, грехи? Не наказывать, не награждать. А должны быть и режим и сигнал, которого дети слушались бы.

По звонку все должны собраться к обеду. Ну а если опоздают, не придут, не захотят прийти?

Ты должен быть для них образцом, а куда ты денешь свои пороки, недостатки и смешные стороны? Попробуешь скрыть. Наверное, тебе это удастся: ведь чем старательней ты будешь скрывать, тем старательней дети станут притворяться, что не видят, не знают, и потешаться над тобой, только самым тихим шепотом.

Трудно тебе, даже очень трудно – согласен! Но трудности есть у каждого, а вот разрешать их можно по-разному. Ответ будет лишь относительно точен. Ведь жизнь не задачник по арифметике, где ответ всегда один, а способов решения самое большее два.

Обеспечить детям свободу гармонического развития всех духовных сил, высвободить всю полноту скрытых возможностей, воспитать в уважении к добру, к красоте, к свободе... Наивный, попробуй! Общество дало тебе маленького дикаря, чтобы ты его обтесал, выдрессировал, сделал удобоваримым, и ждет. Ждут государство, церковь, будущий работодатель. Требуют, ждут, следят. Государство требует официального патриотизма, церковь – догматической веры, работодатель – честности, а все они – посредственности и смирения. Слишком сильного ломает, тихого затрет, двуличного порой подкупит, бедному всегда отрежет дорогу – кто? Да никто – жизнь!

Ты полагаешь, ребенок – это пустяки, сирота-птенец, выпавший из гнезда, умри он и никто не заметит, порастет могила травой? Попробуй испытай, и ты убедишься, что это не так, и заплачешь. Прочти историю приюта Прево [22] в свободной республиканской Франции.

Ребенок имеет право желать, домогаться, требовать, имеет право расти и созревать, а достигнув зрелости, приносить плоды. А цель воспитания: не шуметь, не рвать башмаки, слушаться и выполнять приказания, не критиковать, а верить, что все они ему во благо.

Нет, заповедь: люби ближнего своего – это гармония, простор, свобода. Глянь вокруг – улыбнись!

Новый воспитанник.

Ты его остриг, обрезал ему ногти, вымыл, переодел, и вот он уже похож на всех.

Он уже даже умеет кланяться, не говорит «я хочу», а «пожалуйста», знает, что, когда входит кто-нибудь чужой, надо поздороваться. Он уже на школьном вечере прочитает стишок, вытрет грязные ноги; не плюнет на пол, пользуется носовым платком.

Не обольщайся, что ты вычеркнул из его памяти тяжелые воспоминания, дурные влияния, горький опыт. Эти чистые и чисто одетые дети долго еще останутся душевно смятыми, обливавшими, больными; есть нечистые раны, которые приходится терпеливо лечить месяцами, да и то еще остаются рубцы, всегда готовые опять загноиться.

Интернат для сирот – это клиника, где встречаются всякие недомогания души и тела при слабой сопротивляемости организма, где отягощенная наследственность мешает, задерживает выздоровление. И если интернат не будет моральным курортом, есть угроза, что он станет очагом заразы.

Ты запер двери интерната на все запоры, но тебе не сделать так, чтобы не просачивался вредный уличный шепот и не врывались непрофильированные свирепые голоса, которых не заглушить моральному песнопению. Воспитатель может опустить глаза и притвориться, что не знает, но тем пагубнее будут знать дети.

Ты говоришь: я иду на компромиссы, принимаю тот детский материал, который дает жизнь, и склоняю голову перед неизбежными условиями работы, хотя они и очень тяжелы; но я требую свободы в деталях и помощи и облегчений в самой технике работы.

Наивный, ты ничего не можешь требовать.

Начальник поставит тебе в упрек, что на полу валяются бумажки, что маленький увалень набил себе шишку, что фартучки недостаточно чистые, а постели недостаточно гладко застланы.

Ты хочешь удалить ребенка из интерната, считая это необходимым для блага остальных. Тебя просят не исключать: а может, исправится?

В комнатах холодно, у большинства твоих анемичных детей поморожены пальцы. Уголь, тепло – дороги, но ведь холод заставляет детей свертываться и физически и духовно. Нет, надо детей закалять.

Ты удивляешься, что из двух яиц выходит неполная ложка яичницы. Ты слышишь грубый ответ, что это не твое дело.

Твой товарищ по работе, наверное, знал, где ключ от шкафа, может быть, сам спрятал и нарочно заставил искать. По вечерам он уходит, оставляя спальню без присмотра, но «не позволит лезть не в свое дело» – в его спальню, к его ребятам.

Деспотический каприз и неосведомленность начальства, нечестность администрации, недоброжелательность и недобросовестность товарища по работе. Добавь: грубость техперсонала, скандал с прачкой из-за утерянной якобы тобой простыни, с кухаркой из-за подгоревшего молока, со сторожем из-за натопанной лестницы.

Если воспитателю удастся найти более приличные условия работы, его счастье. Если же именно такие, пусть не удивляется и не возмущается, а трезво рассчитает свои силы и энергию на более длительный срок, чем несколько первых месяцев.

Интернат с высоты птичьего полета. Гомон, движение, юность, веселье.

Этакое славненькое государство наивных маленьких человечков.

Сколько детей, а так чисто. Гармония форменной одежды, ритм хорового пения.

Сигнал – и все умолкают. Молитва – ребята садятся за стол. Ни драк, ни ссор.

Мелькнет славная мордашка, блеснут веселые глазки.

Этакая бедненькая крохотулька.

Воспитатель добрый, спокойный. Кто-то подбежал с вопросом – ответил. Шутливо погрозил кому-то пальцем – тот понял и послушался. Кучка самых преданных окружает вас тесным кольцом.

– *Вам тут хорошо?*

– *Хорошо.*

– *Вы любите своего воспитателя?*

Кокетливо потупившись, улыбаются.

– *Некрасиво не отвечать, когда вас спрашивают. Любите?*

– *Любим.*

Приятный труд, благородная задача. Малые заботы, незначительные потребности – детский мирок.

– *Нате пряники, это вам.*

Ребята вежливо поблагодарили. Ни один не протянул руки первым.

Случайный гость, взгляни лучше на тех ребят, что стоят в стороне.

Где-то в темном углу один хмурый такой, палец обвязан тряпочкой. Двое постарше о чем-то шепчутся с иронической улыбкой, внимательно провожая вас взглядом. Несколько ребят заняты и даже не замечают, что пришел кто-то посторонний. Кто-то делает вид, что читает, чтобы к нему не обратились с трафаретным вопросом. Кто-то, пользуясь тем, что воспитатель занят, потихоньку удирает, чтобы безнаказанно нахулиганить.

Есть такой, который с нетерпением ждет, когда ты уйдешь, так как хочет что-то спросить у воспитателя. Другой нарочно подходит, чтобы его видели. Еще один притаился, желая подойти последним и побыть с вами наедине; он знает, тогда воспитатель скажет: «Это наш певец, это наша маленькая хозяйка, это жертва трагического случая». Под одинаковой одеждой бьется сто разных сердец, и каждое – особая трудность, особый характер работы, особые хлопоты и

опасения.

Сто детей – сто людей, которые не когда-то там, не еще... не завтра, а уже... сейчас... люди. Не мирок, а мир, не малых, а великих, не «невинных», а глубоко человеческих ценностей, достоинств, свойств, стремлений, желаний.

Вместо того чтобы спрашивать, любят ли, спроси лучше, чем это достигается, что они слушаются, что в интернате мир, программа, порядок.

– Нет наказаний...

– Ложь.

Каковы твои обязанности?

– Быть бдительным.

Если хочешь быть надзирателем, можешь ничего не делать. Но если ты воспитатель, у тебя шестнадцатичасовой рабочий день без перерывов и без праздников, день, состоящий из работы, которую нельзя ни точно определить, ни заметить, ни проконтролировать, – и из слов, мыслей, чувств, имя которым – легион. Внешний порядок, кажущаяся воспитанность, дрессировка напоказ требуют только твердой руки и многочисленных запретов. И дети всегда мученики страха за их мнимое благополучие; страх этот – источник тягчайших несправедливостей.

Воспитатель, так же как и надзиратель, хорошо знает, что, если ударить по глазу, ребенок может ослепнуть, что ему постоянно угрожает перелом руки или вывих ноги, но помнит и многочисленные случаи, когда ребенок едва не лишился глаза, чуть не выпал из окна, сильно ушиб, а мог сломать ногу, что действительные несчастья относительно редки, а главное, застраховать от них невозможно.

Чем ниже духовный уровень воспитателя, бесцветнее его моральный облик, больше забот о своем покое и удобствах, тем больше он издает приказов и запретов, диктуемых якобы заботой о благе детей.

Воспитатель, который не хочет неприятных сюрпризов и не желает нести ответственность за то, что может случиться, – тиран.

Тираном станет и воспитатель, неумело заботящийся о нравственности детей.

Болезненная подозрительность может пойти так далеко, что уже не детей разного пола и не любых двоих уединившихся ребят, а собственные руки ребенка мы будем считать врагами.

Когда-то, где-то, кто-то безмянный продиктовал запрет: не держать руки под одеялом.

«А раз мне холодно, а раз мне страшно, а раз я не могу заснуть?»

Если в комнате тепло, ребенок не только руки, он весь раскроется. И если он сонный, он через пять минут спит. И сколько еще подобных бессмысленных подозрений, основанных на незнании ребенка!

Раз я заметил, как несколько старших мальчиков, таинственно пошептавшись, повели малышей в уборную. Малыши возвращались в сильном смущении. Мне стоило больших усилий усидеть на месте и продолжать писать.

А забава была невинная. Один из ребят (он работал у фотографа) накрыл фартуком коробку из-под сигар; желающих сниматься он устанавливал у стенки, под краном, и, когда малыши с приятным выражением лица ждали, что их сейчас снимут, им по счету «три» пускали на голову струю холодной воды.

Превосходный урок разумной осторожности для малышей! Облитые водой, они уже не пойдут в уборную по первому таинственному приглашению.

Воспитатель, слишком односторонне следящий за нравственностью детей! Боюсь, у тебя самого не все благополучно.

Удобные и неудобные дети

Теоретик делит детей на категории согласно темпераментам, типам интеллекта и

склонностям, практик знает прежде всего детей «удобных» и «неудобных»: обычных, с которыми не приходится возиться, и исключительных, на которых идет уйма времени. «Неудобные» дети: самый младший, ниже обычного возраста; самый старший, критически настроенный и своенравный; вялый, несобранный и хилый; и горячий, настырный.

Ребенок, который перерос интернатскую дисциплину, которому она в тягость, которого унижает режим спальни, столовой, молитвы, игры, прогулки.

Ребенок, у которого из уха течет гной, вскочил чирей, сошел ноготь, слезятся глаза, болит голова, жар, кашель.

Ребенок, который медленно одевается, умывается, причесывается, ест. Последним стелет постель, последним вешает полотенце, тарелку его и стакан всегда приходится дожидаться, задерживает уборку спальни и со стола и отправку посуды на кухню.

Ребенок, который поминутно обращается к тебе с вопросами, жалуется, требует, плачет, клянчит, который не любит общества других детей и назойливо тянется к тебе, вечно чего-нибудь не знает, что-нибудь да просит, в чем-либо нуждается, хочет сказать что-то важное.

Ребенок, который грубо ответил, обидел кого-нибудь из техперсонала, поссорился, подрался, бросался камнями, нарочно что-то сломал или порвал, отвечает на все «не хочу».

Ребенок впечатлительный и капризный, которому больно от пустяшного замечания, хмурого взгляда, для которого холодное безразличие – наказание.

Симпатичный шалунишка, который заткнет тебе камешками умывальник, покатается на дверях, открутит кран, закроет вьюшку, отвинтит звонок, запачкает стену синим карандашом, исцарапает гвоздем подоконники, вырежет на столе буквы. Убийственно изобретательный и неутомимый.

Вот похитители твоего времени, тираны твоего терпения, ферменты твоей совести. Ты борешься с ними, а знаешь, что это не их вина.

В шесть часов утра дети встают. Тебе нужно только сказать: «Дети, вставать!» – ничего больше. На самом же деле, если ты велишь сотне ребят встать, восемьдесят «удобных» встанут, оденутся, умоются и будут готовы к новому сигналу «завтракать». Восемьмерым же ты должен повторить это дважды, пятерым – трижды. На троих тебе придется прикрикнуть. Двоих разбудить. У одного болит голова: хворает или, может быть, притворяется? Девяносто ребят одеваются сами, двоим же ты должен помочь, а то не успеют. У одного потерялась подвязка, у другого отморожен палец и башмак не надевается. Еще у одного на шнурке сделался узелок. Кто-то кому-то мешает стелить постель. Кто-то не дает мыло, еще кто-то толкается, или брызгается, умываясь, или перепутал полотенца, или льет на пол. Надел правый башмак на левую ногу, не может – оборвалась пуговица – застегнуть фартук; кто-то, видно, взял блузу – минуту назад была! Кто-то плачет: «Это мой тазик, я всегда в нем умываюсь», – но ведь тот сегодня первый пришел. Восемьдесят ребят ты наплатил пятью минутами своего времени, десять ребят поглотили у тебя по минуте, а с двумя ты провозился почти полчаса.

То же самое будет и завтра, только не этот, а тот потеряет, заболит, плохо постелит постель. То же самое будет и через месяц, и через год, и через пять лет.

Ты должен был только сказать: «Ребята, вставать!» – и все. А ведь ты не успел бы.

Не успел бы, не найди один из «удобных» ребят пропавшую подвязку или блузу, не принеси другой ребенку с отмороженным пальцем запасных башмаков, не развяжи узелка третий.

Ведь за подвязкой надо было лезть под кровать, башмаки принести из дальней комнаты, а над узлом изрядно попотел твой заместитель, орудуя сначала ногтями, потом зубами, потом найденным вчера гвоздем и, наконец, одолженным с этой целью вязальным крючком.

Помощник

Ты не можешь не заметить, что один ребенок чаще теряет, а другой чаще находит, один

делает узлы, а другой развязывает. Один часто болеет, а другой всегда здоров. Один требует помощи, а другой сам тебе помогает. Предположим, ты не испытываешь нерасположения к первым и благодарности ко вторым.

Но вот сегодня с трудом встает тот, который вчера долго разговаривал, лежа в постели. Младший стелет постель лучше, чем старший. Тот, у кого болит горло, пьет воду из-под крана, хотя ты и предупредил, что вода холодная, а он потный. Сам подумай, что ты тогда скажешь, хотя ты и знаешь, и понимаешь, и со всем миришься и прощаешь. Чем больше этих «неудобных», тем больше из твоих шестнадцати рабочих часов уйдет на возню, беготню, воркотню и тем меньше останется времени на «высокое», «чистое» (читай раздел «Воспитатель обязан»).

И меньше времени, и меньше сил...

Помощь, которую дети оказывают воспитателю, может быть совершенно бескорыстной. Ребенок помогает, раз ему хочется, помогает, раз сегодня хочется, а за завтра он не отвечает.

Но такой капризный, самолюбивый и честный помощник возьмется не за каждую работу. Он легко остынет, повстречайся неожиданная трудность; обидится, вырази воспитатель неудовольствие; сомневается, спрашивает, нуждается в проверке и в указаниях. Сам он навязывать тебе свою помощь не будет; его надо найти, поощрить, ободрить; попроси – сделает это охотно, прикажи – не захочет. Полагаться на него нельзя, он может подвести, когда более всего нужен.

Надзиратель легко найдет среди ребят помощника другого типа. Ловкий, энергичный, наглый, двуличный и корыстный, он сам навяжет свою помощь; прогони его – он вернется, нужен – вырастет как из-под земли, по глазам увидит, чего ты хочешь, выполнит любое поручение, возьмется за все.

Если выполнит плохо – вывернется, наврет. Отчитай его – прикинется тише воды, ниже травы. Такой всегда рапортует: «Все в порядке».

Если недобросовестный, неспособный или просто вымотавшийся *воспитатель*, не входя в малые ребячьи дела и заботы, передоверит такому дежурному свою власть, тот его выручит, легко заменит. И из ребенка, который отыщет, позовет, принесет, уберет, присмотрит, напомним, знает, слышал, скажет, он скоро превратится в настоящего заместителя. Это не невинная школьная подлиза, это грозный фельдфебель интерната-казармы.

Дежурному легче справиться с ребятами, чем взрослому. *Надзиратель* и ударит, так не изо всей силы, пригрозит сдержанно, накажет, так за провинность. А надзиратель из ребят ударит не по мягкому месту, а по голове или в живот, ведь это больнее, пригрозит не наказанием, а с виду наивным: «Погоди, вот зарежу тебя ночью складным ножом»; хладнокровнейшим образом обвинит невинного и заставит признаться в несовершенном преступлении: «Скажешь, что съел, взял, сломал», – и малыш, трепеща, повторяет: «Это я сломал, это я украл».

Основная масса детей боится его больше, чем *воспитателя*, ведь дежурный все знает, он с ними все время вместе. Непослушные дети ненавидят, редко мстят, чаще подкупают.

Теперь у маленького тирана завелись уже помощники, заместители. Он уже ничего не делает сам, только командует, доносит на противников и отвечает за все перед начальством.

Нужно хорошо различать: это не фаворит, не любимчик, это настоящий помощник, доверенный слуга – наушник. Он заботится об удобствах хозяина, хозяин его терпит и, хотя и знает, что он врет, обманывает и наживается на нем, не может без него обойтись – а впрочем, ждет местечка получше.

Таинственные угрозы исподтишка заменяют явные и шумные запрещенные драки: «Погоди вот, я скажу воспитателю. Погоди, уж и задам же я тебе ночью» – вот магические заклятия, которыми ловкий и двуличный заставит молчать, поддаться, смириться младшего, глупенького, более слабого и честного.

Уборная и спальня – вот два места, где свободно обмениваются тайнами и где концентрируется конспиративная жизнь интерната. Воспитатели ошибаются, полагая, что спальня и уборная требуют лишь односторонней бдительности.

Я знаю случай, когда мальчик подполз ночью к кровати врага и щипал его, драл за уши, таскал за волосы, предупреждая: «Тише! Крикнешь, разбудишь воспитателя, и тебя исключат».

Я знаю случай, когда мальчику нарочно наливали ночью в постель воды, чтобы надзиратель подложил позорную клеенку.

Я знаю случай, когда дежурный коротко, до самого мяса обстригал ногти нелюбимым товарищам. Другой дежурный нарочно приготовил холодную ванну мальчику, с которым был в ссоре.

В интернате может укорениться террор злых сил, отравляя атмосферу, ширя моральные эпидемии, калеча и опустошая. В этой атмосфере лжи, принуждения, укрывательства, гнета, насилия, тайных расправ, ложных доносов, страха и молчания, – в атмосфере, насыщенной миазмами морального гниения, вспыхивают эпидемии онанизма и уголовных преступлений.

Воспитатель, попав в подобную клоаку, бежит прочь, а если не может убежать, обо всем утаивает. Дети быстро подметят, что *надзиратель* скрывает от начальства – что те ребята, кого похвалили, пользуются у него симпатией, а те, из-за кого пришлось выслушать замечание, ему антипатичны.

Между *надзирателем* и детьми заключается немое соглашение: будем делать вид, что все превосходно, а случись «что-нибудь такое» – скроем.

И до главного руководителя в его укромной канцелярии уже доходит немного, за стены же учреждения не выходит ничего. Дети совершают ряд недозволенных, заслуживающих наказания поступков, а он по недомыслию или по преступной небрежности все покрывает. Может, поэтому-то интернатские дети такие неразговорчивые и отвечают охотно лишь на самые банальные вопросы: «Тебе хорошо здесь? А ты послушный?» – и молчат, когда могут «засыпаться». Может, поэтому-то на интернате лежит печать каких-то дурных тайн, и разговор с ребенком, который то и дело переглядывается с *воспитателем*, стесняет и неприятен? В третьей части этой книги я расскажу, как при организации Дома Сирот мы обеспечили себе детскую помощь, не опасаясь каких-либо дурных последствий, потому что ввели гласность.

Любимцы

Будни с их хлопотами и возней имеют своих «удобных» и «неудобных» детей; дни торжественных ярмарок, дни показов – своих.

Для воспитателя, который ведет уроки пения, таким «удобным» будет ребенок с самым звонким голосом; для воспитателя – преподавателя гимнастики – самый ловкий гимнаст. Первый думает о показательном хоре, второй – о публичном состязании.

Дети способные, воспитанные, смелые принимают гостей во время парадного визита, выставляя в выгодном свете учреждение, хорошо свидетельствуя о воспитателе. Миловидный ребенок преподнесет букет достойной особе.

Разве воспитатель может не быть им за это благодарным? Но что из того, что ребенок спел, сыграл на скрипке, ловко провел свою роль в комической пьеске? Это не его заслуга. И, полный укоров совести, честный воспитатель старается подавить приятное волнение.

Правильно ли это? И может ли притворное равнодушие обмануть ребенка, а если обманет, то не обидит ли?

Для ребенка это важный, торжественный, памятный день; немного ошеломленный, а больше всего испуганный присутствием многочисленных сановников и вообще посторонних, ребенок подбежит к тому, кто ему близок, потому что ценит прежде всего его похвалу, ждет ее, имеет на то право...

Не позволяй им зазнаваться, но отличить их ты должен...

А что тогда будет с положением о безусловном равенстве всех детей? Но это положение – ложь.

У воспитателя-практика всегда есть дети, которые вызывают в нем приятное чувство, вознаграждая за потраченный труд, – дети воскресных дней его души, – он любит их независимо от подлинной их цены и пользы, которую они приносят.

Славные, потому что миловидные; славные, потому что ясноглазые, веселые, подвижные, улыбающиеся; славные, потому что тихие, серьезные, сосредоточенные, хмурые; славные, потому что маленькие, беспомощные, отвлекающиеся; славные, потому что критически настроенные, смелые, склонные к бунту.

В зависимости от духовного облика и идеалов воспитателя разным воспитателям близки и дороги разные дети.

Один импонирует своей энергией, другой трогает добродушием, третий будит воспоминания о твоём собственном детстве, четвертый вызывает искреннее беспокойство за его судьбу, в пятом боишься его порыва ввысь, в шестом – пугливой покорности. А среди всех этих многочисленных славных ребят ты любишь одного как самое близкое существо, кому желаешь всего самого лучшего, чьи слезы причиняют самую сильную боль, чьего расположения стремишься добиться и кем не хотел бы быть забытым. Как это случилось, когда? Ты не знаешь. Чувство пришло внезапно, без всякого повода, неожиданно, как любовь.

Не скрывай: тебя выдадут улыбка, голос, взгляд.

А остальные дети? Не бойся, они не обидятся: и у них есть любимцы.

Молодые и чувствительные воспитатели склонны любить этого самого тихого и запуганного, с печальными глазами и с тоской на душе. К этим забытым в тени и обращают они свое горячее чувство, хотят завоевать их доверие, ждут признаний: что чувствует, о чем думает этот ангел с утомленно опущенными крыльями?

Все ребята удивляются: «За что его любить, ведь он такой глупый?» И ребята, которые раньше обходили твоего любимца, считая круглым нулем, или, самое большее, толкали, если стоял у них на дороге, теперь сознательно, планомерно его преследуют. Ребята ревнуют, потому что выбор сделан неудачно.

Воспитатель вступает в неравную борьбу за любимца – и проигрывает. Поняв ошибку, воспитатель старается его полегоньку, незаметно от себя отстранить. Тот понял и отошел, печально глядя, как бы с упреком, своими влажными глазами. Воспитатель страдает и сердится и на себя, и на ребят.

Поэт, если бы ты знал, что в больших, осененных длинными ресницами глазах этого поэтичного ребенка скрыта одна только тайна – тайна наследственного туберкулеза, – ты, может быть, вместо признаний скорее ожидал бы приступов кашля и не целовал бы его, а поил рыбьим жиром с гваяколом [23]. Ты избавил бы и его, и себя, и остальных ребят от многих тяжелых минут.

Бывает, что ты полюбил ребенка без взаимности. Ему хочется играть в мяч, в войну, бегать наперегонки, а тебе хочется погладить, прижать к себе, приласкать. Это его сердит, раздражает, унижает, и он или отодвигается, или обвивает ручонками шею и просит новое платье. В этом виноват ты, а не он.

Бывает, что несколько человек из персонала добиваются расположения одного и того же ребенка; тогда маленький фаворит искусно лавирует, стараясь никого не обидеть. Ведь ты позволяешь ему позже ложиться спать, экономка сменит рваные чулки, а кухарка угостит яблоками или изюмом. Бывает, что чувственный или уже развращенный ребенок находит в ласке удовольствие. Он любит погладить твою руку, она такая мягкая! Скажет, что твои волосы

приятно пахнут, поцелует в ухо, или в шею, или в очереди каждый любимый пальчик. Смотри правде в глаза: это сладострастная ласка.

Низменные тайны

В ребенке заложены эротические чувства. Все живое должно расти и размножаться: этот закон природы охватывает людей, животных и растения. Половое чувство не появляется вдруг и из ничего; оно еще дремлет, но его тихое дыхание уже слышно. У детей есть явно или скрыто-чувственные движения, объятия, поцелуи, игры.

Но воспитателю нет надобности воздевать очи к небу, разводить в недоумении руками, отрещиваться с возмущением.

Сообщи жизни ребенка размах, чтобы он не скучал, позволь ему бегать и шуметь и спать сколько хочет, и половое чувство пустит ростки спокойно, не мараю и не принося вреда.

Пытливое око науки обнаружило сексуальное начало и в родительском чувстве. От него не свободны ни мать, кормящая грудью младенца, ни отец, прижавший к губам холодную руку умершего ребенка.

Потрепать по щечке, погладить по головке, подоткнуть одеяльце, даже помолиться за счастье своего дитяти, когда оно спокойно спит в колыбели, – все это нормальное проявление здорового эротического чувства, а бросать ребенка на прислугу и находить высочайшее удовольствие в пустой болтовне в кафе – его извращение.

Для извращенной, притупленной чувственности эти ощущения слишком слабы и уже неуловимы. Здесь мать должна осыпать поцелуями ножки, спинку и животик ребенка, чтобы испытать чувство, которое здоровая мать получает от легкого прикосновения. Простой честной чувственности мало, нужно сладострастие.

Ты удивляешься и, может быть, не хочешь мне верить?

А может, я сказал то, что ты уже сам предчувствовал, подозревал, но с гневом отвергал? Ибо ты не знаешь, что инстинкт размножения в его разнородных проявлениях колеблется от возвышенных творческих порывов до низменнейшего преступления.

Ты обязан дать себе отчет в чувстве, которое испытываешь к детям, и следить за ним, ибо дети могут растлить и тебя, своего воспитателя и воспитанника.

За четырьмя стенами дома, школы, интерната скрыты мрачные тайны. Иногда их на миг осветит молния уголовного скандала. И опять тьма.

Указанное насилие над детскими душами, которое допускается современным воспитанием, рабство, тайна и безапелляционная власть неизбежно таят в себе и произвол и преступления.

«Воспитатель – апостол... [24] Будущее народа... Счастье будущих поколений...»

Но где в этом моя собственная жизнь, мое собственное будущее, мое собственное счастье, мое собственное сердце? Я раздаю мысли, советы, предостережения, чувства, раздаю щедро. Когда поминутно подходит все новый и новый ребенок с новым и новым требованием, просьбой или вопросом, отнимая время, мысль, чувство, ты иногда с болью видишь, что ты, солнце этой толпы, сам остываешь и, светя им, теряешь за лучом луч.

Все детям, а что же мне?

Дети набираются знаний, опыта, моральных принципов; они обогащаются – я теряю. Как же мне дальше распоряжаться запасом душевных сил, чтобы не оказаться банкротом?

Допустим, у воспитателя нет молодости, предъявляющей свои права, семьи, сковавшей по рукам и ногам, одолевающих материальных забот, замучивших физических недомоганий. Отдав себя целиком святому делу воспитания, воспитатель не должен отказываться от чувств.

Как уберечь их от крушения?

Когда он возвращается в дом, который должен быть его домом, и не может сердечно приветствовать всех, разве не вправе он улыбнуться одному? Когда он покидает вечером спальню

и не может нежно попроситься со всеми, разве не вправе он одного или двоих выделить отдельным: «Спи, сынок, спи, баловник»? Или, распекая за мелкие провинности и произнося суровые слова, прощать взглядом?

Если даже он ошибается и выбрал не самого стоящего, ну что из этого? Приятное чувство от общения с ним покрывает ряд неприятных; полученной от любимого улыбкой воспитатель одарит многих.

Приказы и подчинение

Быть может, и есть воспитатели, которым все дети одинаково безразличны или ненавистны, но таких, которым все до одного были бы одинаково милы и дороги, нет.

Предположим, что существует абсолютное равенство. Нет ни «удобных», ни «неудобных», ни милых, ни немилых. Для всех одинаковые куски хлеба и порции супа, одинаковое количество сна и бодрствования, одинаковые строгости и поблажки и абсолютное тождество одежды, порций, режима, чувств. Несмотря на явную абсурдность, допустим, что так и должно быть. Никаких привилегий, никаких исключений, никаких отличий – все это портит.

И даже тогда воспитатель имеет право ошибаться, отвечая за последствия совершаемых им ошибок. Письма Песталоцци [25] о его пребывании в Станце – это прекраснейшее из произведений воспитателя-практика. «...Один из самых больших моих любимцев злоупотребил моей верной любовью и несправедливо стал угрожать другому ребенку; это возмутило меня, и я сурово дал ему почувствовать свое негодование».

О, диво: у великого Песталоцци были любимчики, Песталоцци гневался!

Ошибся, чересчур доверившись или захвалив, и в первую очередь был наказан сам: обманулся!

Подчас просто недоумеваешь, как быстро, как жестоко приходится воспитателю расплачиваться за совершенные им ошибки. Пускай он их тщательно исправляет.

К сожалению, иногда в самых важных вопросах это ему не под силу.

Не шуметь!

Ребята дают разрядку только части энергии, скопившейся у них в горле, в легких, в душе; только части крика, который живет в их мускулах. Послушные дети подавляют крик до предела возможного.

«Тише!» – вот девиз класса.

Нельзя шуметь за обедом.

Не шуметь в спальне!

Ребята шумят трогательно тихо, бегают до слез осторожно, чтобы не сдвинуть стол, обходят друг друга, уступают, только не было бы ссоры, только бы чего-нибудь не вышло, а то опять слышат ненавистное: «Только без шума».

Нельзя кричать и во дворе – беспокоят соседей. А единственная их вина – это то, что в городе каждый метр земли стоит дорого.

«Вы не в лесу». Циничное замечание, грубое издевательство над ребенком, что он не может быть там, где ему следует быть.

Разрешите им рассыпаться по лужайке – и не будет никакого крика, лишь милое щебетание человеческих пташек.

Если не все, то по крайней мере значительное большинство ребят любит двигаться и шуметь. От свободы двигаться и кричать зависит их физическое и моральное здоровье.

А ты, зная это, должен одергивать:

– Сиди спокойно и тихо.

Ты всегда делаешь ошибку: борешься со справедливым упорством ребенка:

– Я не хочу!

Не хочу ложиться спать, хотя часы пробили, ведь ароматный вечер улыбается мне кусочком звездного неба. Не хочу идти в школу, ведь ночью выпал первый снег и так весело на свете. Не хочу вставать, ведь холодно, грустно. Лучше не пообедать, а доиграть партию в лапту. Не буду просить прощения у учительницы, она наказала несправедливо. Не хочу готовить уроки, я читаю Робинзона. Не надену коротких штанов, засмеют.

Нет, ты это сделаешь.

Бывает, отдаешь приказ сердито, но без внутреннего убеждения, так как тебе самому приказали, а не исполнить нельзя.

Значит, слушайся уже не только меня, который взвешивает каждое распоряжение, прежде чем отдать, но и этих многочисленных безымянных, чьи законы жестоки и не справедливы.

Учись у них, уважай их, верь!

– Не хочу! – Это крик ребячьей души, а ты должен его подавить, ведь современный человек живет в обществе, а не в лесу.

Нет, ты это сделаешь.

Сделаешь, а то будет хаос.

Чем незаметней ты сломаешь сопротивление, тем лучше, а чем скорей и основательней, тем безболезненней обеспечишь дисциплину и достигнешь необходимого минимума порядка. И горе тебе, если, слишком мягкий, ты этого не сумеешь сделать.

В обстановке дезорганизации и расхлябанности могут нормально развиваться только немногие, исключительные дети, из десятков же не будет толка.

Хороший воспитатель – плохой воспитатель

Есть ошибки, которые ты будешь совершать всегда, потому что ты человек, а не машина.

Грустный, усталый, больной, ты с горечью замечаешь в ребенке черту характера, которая делает взрослых плохими и вредными: лживость, холодный расчет, пошлое чванство, дрянненькую хитрость, хищную жадность; не поступишь ли ты опрометчиво?

У меня не сходится счет. Поминутно кто-нибудь да входит, хотя вход в канцелярию детям в какой-то мере воспрещен. Последним входит мальчуган, неся мне в подарок букетик; букет я выбрасываю в открытое окно, а его самого вывожу за ухо за дверь.

К чему множить примеры неразумных и грубых поступков?

Но ребенок простит. Обидится, рассердится, а подумает и очень часто доверчиво припишет вину себе. Несколько наиболее впечатлительных ребят будут тебя избегать, когда ты злишься или занят. Но и они простят, если знают, что, в общем, им желают добра.

Это не какая-нибудь сверхъестественная интуиция, когда ребенок знает, кто его любит, а бдительность зависимого существа, которое обязано тебя изучить, раз в твоих руках его благополучие. Так, раб-чиновник до тех пор приглядывается и мучительно думает о своем шефе, пока не изучит все его привычки, вкусы, настроения – движения губ, жесты, блеск глаз. И знает, когда попросить отпуск или повысить жалованье, порой целые недели терпеливо выжидая подходящей минуты. Дайте им независимость, и они утратят эту наблюдательность.

Ребенок простит и бестактность, и несправедливость, но не привяжется к воспитателю-педанту или сухому деспоту. А всякую фальшь гадливо отбросит или поднимет на смех.

Воспитателю не избежать ошибок, вытекающих из порочного навыка к избитым выражениям и общепринятым поступкам и из обычного отношения к детям как к существам низшим, не отвечающим за себя, забавным своей наивной неопытностью.

Если станешь относиться к их заботам, желаниям, вопросам презрительно, шутливо или покровительственно, ты всегда кого-нибудь больно заденешь.

Ребенок имеет право требовать уважения к своему горю, хотя бы он потерял камешек, желанию, хотя бы хотел пройтись без пальто по морозцу, к нелепому на вид вопросу. Ты

безучастен к его потере, коротким «нельзя» отклоняешь просьбу, двумя словами «вот дурачок» пресекаешь сомнения.

А знаешь, почему мальчуган хотел надеть в жаркий день пелерину? На коленке, на чулке у него безобразная заплатка, а в саду будет девочка, которую он любит. У тебя нет времени, ты не можешь все время следить, вдумываться, искать скрытые мотивы явно нелепого желания, проникать в неисследованные тайники детской логики, фантазии, искания истины – приспособляться к стремлениям и вкусам ребенка.

Ты будешь делать эти ошибки, потому что не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Я вспыльчив. Олимпийское спокойствие и философское равновесие духа не мой удел. Плохо. Ну что же, коли иначе я не могу.

Когда меня как какого-нибудь эконома отругает хозяйка-жизнь, я злюсь, что раб-ребенок не понимает, с каким трудом я добываю для него цепи длиннее на одно звено, на грамм легче. Я вижу сопротивление там, где мне нельзя уступить, и говорю, как чиновник: «ты должен», а как естествоиспытатель: «тебе не сделать». То я – батрак – злюсь, что скот лезет в потраву, то я – человек – радуюсь, что дети живут. Попеременно я то тюремщик – слежу за предписанным циркулярами порядком, – то равный среди равных, раб среди сотоварищей-рабов, бунтую против деспота-закона.

Когда я врезаюсь лбом в проблему и бессилён, когда я слышу о грозных событиях и не могу их отворотить, я – сам страх, само предвидение, – глядя на их доверчивость и беззаботность, испытываю гневную скорбь и беспредельную нежность.

Когда я замечая в ребенке бессмертную искру похищенного у богов огня – блеск непокорной мысли, гордость гнева, порыв энтузиазма, осеннюю грусть, сладость жертвы, застенчивое достоинство, энергичные, радостные, уверенные, активные поиски причин и целей, настойчивость попыток, грозный голос совести, – я смиренно преклоняю колени, я хуже тебя, я слабый, я трус. Что же я еще для вас, как не балласт, мешающий вольному полету, паутина на ваших ярких крыльях, ножницы, кровавая обязанность которых срезать буйные побеги? Я стою у вас на дороге и беспомощно топчусь на месте, брюзжу, пристаю, замалчиваю, неискренне убеждаю – бесцветный и смешной.

Хороший воспитатель от плохого отличается только количеством сделанных ошибок и причиненного детям вреда.

Есть ошибки, которые хороший воспитатель делает только раз и, критически оценив, больше не повторяет, долго помня свою ошибку. Если хороший воспитатель от усталости поступит бестактно или несправедливо, он приложит все усилия, чтобы как-то механизировать мелкие надоедливые обязанности, ведь он знает, что все неладное от нехватки у него времени.

Плохой воспитатель свои ошибки сваливает на детей.

Хороший воспитатель знает, что стоит подумать и над пустяжным эпизодом, за ним может стоять целая проблема, – не пренебрегает ничем.

Хороший воспитатель знает, что он делает по требованию торжествующих властей, господствующей церкви, в силу укоренившейся традиции, принятого обычая, под железным диктатом существующих условий. И он знает, что диктат этот имеет в виду добро детей лишь постольку, поскольку учит гнуть спины, подчиняться, рассчитывать, приучает к будущим компромиссам.

Плохой воспитатель полагает, что дети и в самом деле должны не шуметь и не пачкать платье, а добросовестно зубрить грамматические правила.

Умный воспитатель не куксится, когда он не понимает детей, а размышляет, ищет, спрашивает их самих. И они его научат не задевать их слишком чувствительно – было б желание научиться!

Виды наказаний

«У меня наказаний нет», – говорит воспитатель, иногда и не подозревая, что не только есть, но и очень суровые.

Нет темного карцера, но есть изоляция и лишение свободы. Поставит в угол, посадит за отдельный стол, не позволит съездить домой. Отберет мячик, магнит, картинку, пузырек из-под одеколона, – значит, есть и конфискация собственности. Запретит ложиться спать вместе со старшими, не позволит на праздник надеть новое платье, – значит, и лишение особых прав и льгот. Наконец, разве это не наказание, если воспитатель холоден, недружелюбен, недоволен?

Ты применяешь наказания, ты только смягчил или изменил их форму. Дети боятся, будь это большое, маленькое или только символическое наказание. Понимаешь: дети боятся, – значит, наказания существуют. Можно высечь самолюбие и чувства ребенка, как раньше секли розгами тело.

Наказаний нет, я ему только объясняю, что он плохо поступил. А как ты это объяснишь?

Скажешь, что, если не исправится, будешь вынужден его исключить? Наивный! Ты грозишь смертью! И не исключишь: тот, кого в прошлом году исключили, был больной, ненормальный, а этот здоровый, симпатичный сорванец, из него выйдет дельный парень; ты его хочешь только поугубить. Ведь и нянька не отдаст ребенка нищему и не заведет его в лес, чтобы его волки съели, и она только грозит.

Вызовешь опекунов на беседу – еще более изощренная угроза.

Ты грозишь, что заставишь спать в коридоре, есть на лестнице, наденешь на него слюнявчик – всегда грозишь наказанием ступенью выше тех, которые в ходу.

Иногда угрозы бесплотны, неопределенны: «В последний раз тебе говорю! – Увидишь, все это плохо кончится! – Доиграешься, наконец! – Больше повторять не стану, делай что хочешь. – Теперь уж я за тебя примусь всерьез!» Само разнообразие оборотов доказывает, что они широко распространены, и добавлю, что ими злоупотребляют.

Иногда ребенок верит всецело и всегда хотя бы наполовину. «И что только теперь со мной будет?» Правда, воспитатель пока не наказал, ну а если накажет, то когда и как? Боязнь неизвестного, неожиданного. Если ты его наказал, – он уже обрел душевное спокойствие, а если ты ему только пригрозил, то, проснувшись на другой день, он готов будет тебя возненавидеть за то, что ты его так мучишь.

Можно угрозами держать детей в полном повиновении и при отсутствии критического отношения к себе думать, что это мягкий способ воздействия, тогда как на самом деле невыполненная угроза большое наказание...

Существует ошибочное, основанное на поверхностном наблюдении убеждение, что дети быстро забывают печали, обиды и решения. Только что плакал – и уже смеется. Едва поссорились, как уже вместе играют. Час назад обещал исправиться и снова шкодит.

Нет, дети долго помнят обиды, они припомнят тебе оскорбление, нанесенное год назад. А не выполняет вынужденное обещание потому, что не может.

Заразившись общим весельем, ребенок бегает и играет, но он вернется к своим невеселым думам в тиши – за книжкой или вечером перед сном.

Порой замечаешь, что ребенок тебя избегает. Не подбежит с вопросом, не улыбнется, проходя мимо, не войдет к тебе в комнату.

– А я думал, вы еще сердитесь, – ответит, если спросить.

И с трудом вспоминаешь, что на прошлой неделе ты сказал ему из-за какого-то мелкого проступка что-то не совсем приятное, несколько повысив голос. И самолюбивый или впечатлительный ребенок пережил в душе незаметно для тебя много неприятных минут.

Ребенок помнит.

Вдова в глубоком трауре, забывшись в шутливой беседе, громко рассмеется и тут же спохватится: «Ах, я смеюсь, а мой бедный муж...» Она знает: так надо. Ты быстро научишь детей этому искусству: сделай выговор, что он веселый, а должен быть грустным и сокрушенным, и он послушается. Мне не раз случалось видеть, как принимавший живое участие в играх мальчик делал печальное лицо, поймав мой грозный взгляд. «Ох, правда, неприлично веселиться, когда на тебя сердятся».

Помни, есть дети, которые только прикидываются, что им все равно: пусть, мол, воспитатель не думает, что они боятся, огорчены, помнят. А если цель наказания – сбить с них спесь, так это уже для них становится делом чести.

И это дети, которые, пожалуй, острее всего воспринимают и долго помнят.

Наказаний нет – только выговор, напоминания – слова. Ну а если под этими словами кроется желание опозорить?

«Взгляни, как выглядит твоя тетрадка! На кого ты похож! Ну и отличился! Поглядите-ка, что он устроил!»

А публика-товарищи обязаны иронически улыбаться и выражать удивление и презрение. Это делают не все – и чем ребята честнее, тем они сдержаннее в выражении нелестного мнения.

Существует другой вид наказания: упорное пренебрежение, унижительное примирение с существующим положением вещей.

– Ты еще не съел? Опять последний? Опять забыл?

Посмотришь укоризненно, вздохнешь с отчаянием, махнешь безнадежно рукой.

Сознавая свою вину, правонарушитель вешает голову, а иногда, полный внутреннего бунта и неприязни, косится исподлобья на травящую его свору, чтобы при случае задать кому следует.

– Дай мне то, дай мне это, – чаще, чем другие, повторял один мальчик.

В довольно резкой форме я приструнил его за эту некрасивую привычку. Год спустя, записывая детские прозвища, я столкнулся с отголоском моего бестактного выступления – у этого мальчика было мучительнейшее для самолюбия прозвище: «Дай-мне-это-попрошайка».

Высмеивание большое и очень болезненное наказание.

Ты взываешь к чувствам.

– Так вот как ты меня любишь? Так-то ты выполняешь обещание?

Ласковой просьбой, добродушным укором, поцелуем в залог желанного исправления ты наконец добиваешься нового обещания.

А у ребенка тяжело на душе: признательный за доброту и великодушное прощение, беспомощный, часто не веря в исправление, он возобновил обещание, решив еще раз вступить в жестокий бой со своей вспыльчивостью, ленью, рассеянностью – с собой.

– А что будет, если я опять забуду, опоздаю, ударю, дерзко отвечу, потеряю?

Порой поцелуй налагает более тяжкие оковы, чем розга. Разве ты не замечал, что если ребенок после данного обещания исправиться что-нибудь натворил, то уж держись: за первой провинностью следует и вторая, и третья?

Это боль понесенного поражения и досада на воспитателя за то, что, коварно вырвав у него обещание, он принудил его к неравному бою. И если ты вторично взовешь к его совести и чувствам, он тебя резко оттолкнет.

На гнев ты отвечаешь бурной вспышкой гнева, криком.

Ребенок не слушает, он только чувствует, что ты выкидываешь его из своего сердца, лишаешь расположения. Чужой, одинокий – вокруг пустота. А ты в исступлении обрушиваешь на него все, какие есть, наказания: угрозу, упреки, насмешку и более существенные меры. Обрати внимание, с каким сочувствием смотрят на него товарищи, как ласково стараются утешить:

– Это он только так говорит. Не бойся – это ничего, не горюй, он забудет.

И все это осторожно, чтобы не досталось от воспитателя и не влетело от взбунтовавшейся жертвы.

Всякий раз, учинив «великий скандал», я испытывал наряду с неприятным ощущением светлое чувство. Я был несправедлив к одному, но зато многих научил великой добродетели – солидарности в несчастье. Маленькие рабы знают, что такое боль.

Иногда, выговаривая ребенку, ты читаешь в его взгляде тысячу бунтовщических мыслей. «Ты, может, думаешь, я забыл? Я все помню».

Неумело изображая раскаяние, ребенок говорит тебе злыми глазами: «Я не виноват, что у тебя такая хорошая память».

Я: – Я был терпелив. Ждал, может, исправишься.

Он: «Эка беда. Не надо было ждать».

Я: – Я думал, ты в конце концов возьмешься за ум. Я ошибался.

Он: «Умные не ошибаются».

Я: – Раз я прощаю, ты, поди, думаешь, что тебе все можно?

Он: «Вовсе я так не думаю. И когда это только кончится!»

Я: – Нет, с тобой невозможно выдержать.

Он: «Болтай, болтай, ты сегодня зол как черт, вот и цепляешься...»

Подчас ребенок во время нагоняя проявляет удивительный стоицизм.

– *Сколько раз я тебе повторял: не смей прыгать по кровати! – мечу я громы и молнии. – Кровать – это тебе не игрушка. Хочешь играть – играй в мячик, решай кроссворды...*

– *А что это такое – «кроссворды»? – спрашивает он с любопытством.*

Вместо ответа я дал ему по рукам...

В другой раз, после бурного разговора, у меня спросили:

– *Скажите, пожалуйста, отчего когда кто-нибудь злится, он делается красный?*

В то время когда я напрягал голосовые связки и ум, чтобы обратить его на стезю добродетели, он, видите ли, изучал игру красок у меня на лице! Я поцеловал его – он был очарователен.

Дети правильно ненавидят огульные обвинения.

«С вами добром нельзя... Опять вы... Если вы не исправитесь...»

Почему за проступок одного или нескольких должны отвечать все?

Если повод к взбучке дал маленький циник, он останется доволен: вместо полной порции гнева ему досталась лишь часть. Честный же будет слишком потрясен, видя столько невинных жертв своего преступления. Иногда буря разражается над определенной группой детей: «совсем никудышные мальчишки» – или наоборот: «на редкость испорченные девчонки», чаще же всего: «старшие, вместо того чтобы показать пример... смотрите, как хорошо ведут себя малыши».

Здесь, кроме справедливого гнева невинных, мы вызываем смущение у тех, кого хвалим, которые знают за собой много грехов и помнят, как сами стояли у позорного столба. Наконец, мы даем возможность нехорошо торжествовать маленьким насмешникам: «ага... а видите... эге...»

Однажды я хотел особо торжественно прореагировать на невыясненную кражу. Я вошел в спальню к мальчикам, когда они уже засыпали, и, стуча в такт о спинку кровати, громко заговорил:

– Опять кража! С этим надо кончать. Жалко времени и труда на то, чтобы растить воров...

Эту же довольно длинную речь я повторил в спальне девочек. На другой день между мальчиками и девочками шел такой разговор:

– И у вас он орал?

– *Ясно, орал.*

– Говорил, что всех выгонит?

– Говорил.

– И стучал кулаком по кровати?

– Да еще как, изо всей силы.

– А по чьей он кровати стучал? У нас так по Манюськиной.

Каждый раз, выступая с огульным обвинением, я огорчал наиболее честных, раздражал всех и делал из себя посмешище в глазах критически настроенных: «Ничего, пусть себе немножко позлится – это ему полезно».

Разве воспитатель не понимает, что значительная часть наказаний несправедлива?

Драка.

– Он меня первый ударил.

– А он дразнился... Взял и не отдает!

– Я только так, ради шутки (помешал, испачкал)...

– Это он меня толкнул, а не я.

И ты наказал или обоих (почему?), или старшего, который должен уступить младшему (почему?), или того, кто по простой случайности ударил сильнее, вреднее для здоровья. Ты наказал, драться нельзя. А жаловаться можно?

Ребенок пролил, сломал.

– Я нечаянно.

Он повторяет тебе твои собственные слова: ты ведь велишь прощать, если ему причинят вред нечаянно.

– Я не знал... Я думал, можно.

Он опоздал, потому что... он это умеет делать, но...

Объяснения правильные, а тебе кажутся уверткой.

Это двойная несправедливость: ты и не веришь, хотя он говорит правду, да еще несправедливо наказываешь.

Иногда условное запрещение случайно становится категорическим, а то и вовсе перестает быть запрещением.

В спальне шуметь нельзя, а говорить вполголоса можно. Если тебе весело, ты и сам посмеешься над невинной проделкой, а если устал, прекратишь обычную для спальни болтовню, хотя бы только резко заметив: «Довольно болтать... Ни гу-гу... Кто скажет хоть слово...»

В канцелярию детям входить не разрешается, но они входят. Как раз сегодня у тебя месячный отчет, тебе нужен покой. Мальчуган не знал, вошел, и ему влетело. Если бы ты его даже не вывел за ухо, если бы только сказал: «Чего прилез? Вон сейчас же!» – твой гнев – незаслуженное наказание.

Во время игры в мяч он разбил стекло – ты простил, стекло бьют редко, не знаешь, кто, собственно, виноват, не любишь наказывать.

Но когда разбито уже четвертое стекло, когда разбил его хронический озорник, за которым вдобавок значится в школе плохая отметка, ты наказываешь – криком, угрозой, злостью.

– Я нечаянно, – отвечает он смело, а по-твоему, дерзко.

...Четвертое окно... озорник... плохой ученик... лентяй... еще дерзит... Воспитатель, уверяю тебя, ты дашь ему по рукам. А ведь ребенку не понять, да и не надо ему мириться с тем, что ты его наказал для примера, потому что, как менее впечатлительный, он удобный объект для эффектного наказания; и что ты подверг его наказанию не за один этот поступок, а за всю его деятельность в совокупности.

Он знает только, что детям А, Б, В ты простил, а его вот несправедливо наказал...

Допустим, ты поступил по-другому: отобрал у ребят мяч.

– Играть в мяч нельзя.

И это несправедливо: наказание коснулось десятка невинных ребят.

Еще мягче: ты предупреждаешь, что, если они еще раз разобьют стекло, ты отберешь мяч, то есть применяешь несправедливо наказание – угрозу – ко всем ребятам, хотя виноваты будут только четверо. И из этих четверых не все виноваты, потому что один разбил стекло, на котором уже была трещина, другой разбил не целиком, а только с уголка, а третий, правда, и разбил, но ведь его подтолкнули, и виноват, собственно, только этот четвертый, который всегда делает что-нибудь такое, из-за чего воспитатель злится.

Ты простил безоговорочно. Ты полагаешь, ты поступил правильно? Ошибаешься.

«Да, попробуй-ка я это сделать», – думает один.

«Ему все можно, – думает другой, – воспитатель его любит».

Опять несправедливость.

Есть дети, для которых насупленные брови, резкое замечание или мягкое: «Ты меня огорчил» – достаточное наказание. Но если ты желаешь такого ребенка простить, другие должны понять, почему ты это делаешь, и он сам должен понять, что ему можно не больше, чем остальным.

Иначе ты его избалуешь, распустишь и отдашь на растерзание затронутой в своих правах толпе. Ты совершишь ошибку, и он и остальные дети тебя накажут. Забудь на минутку о четырех выбитых стеклах, а собственно говоря, о двух, раз на одном уже была трещина, а у второго отбит только уголок. Забудь и погляди, сколько ребят, сбившись в кучки, обсуждают несчастный случай.

И в каждой кто-нибудь агитирует за тебя или против. «Правые» утверждают, что стекло дорогое и что у воспитателя будут неприятности в правлении – слишком, мол, добрый, дети не слушаются. У него всегда непорядок: следовало наказать строже.

«Левые» (сторонники игры в мяч):

– Ни во что играть нельзя, все запрещают. Сделай что-нибудь, сразу в крик, и пошло: угрозы, скандалы. Нельзя же целый день сидеть, точно кукла какая.

И только «центр» принимает все с доверием и смирением. Не улыбайся снисходительно – это не шутка, не мелочи; это и есть жизнь в казармах.

Значит, раз и навсегда, принципиально и во всех случаях отказаться от наказаний, предоставив детям полную свободу? А если своеволие ребенка-единицы ограничивает права массы? Своевольный и сам не учится, и другим не дает, и свою постель не постелит, и чужую разворошит, и свое пальто запропастит, да еще чужое возьмет – что тогда?

«Некрасиво жаловаться, я не разрешаю жаловаться».

А что делать ребенку, если его обокрали, оскорбили отца или мать, наговорили на него товарищам, если ему угрожают, подбивают на плохое?

Некрасиво жаловаться. Кто установил это правило? Дети ли переняли его от плохих воспитателей, или воспитатели от плохих детей? Потому что оно удобно только для плохих и самых плохих.

Тихих и беспомощных будут обижать, эксплуатировать, обирать, а позвать на помощь, потребовать справедливости – нельзя! Обидчики торжествуют, обиженные страдают.

Недобросовестному, неумелому воспитателю удобно не знать, что вытворяют ребята, он машет рукой на их споры, не умея их умно рассудить.

«Лучше всего пускай сами мирятся». И тут, когда дело коснулось его собственного удобства, его вера в них заходит так далеко, что он полагается на их разум, опыт, справедливость и предоставляет в столь важной области свободу действий.

Свободу? Ну нет: драться нельзя, ссориться нельзя, ты даже не разрешишь ему выйти из

игры, не дашь устранишься. Ребенок поссорился и не хочет – всего-навсего – рядом спать, сидеть за столом, ходить в одной паре. Такое справедливое, естественное желание – и нельзя.

Дети легко ссорятся? Неправда, они дружны и снисходительны. Попробуй засади человек сорок служащих в одну комнату на неудобные скамьи и держи по пяти часов кряду за ответственной работой под неусыпным надзором начальника, – да они глаза друг другу выцарапают! Вслушайся в детские жалобы и изучай их, и ты найдешь способ во многом им помочь. Сосед задел локтем тетрадку, и поперек страницы поехала некрасивая черта, или перо воткнулось в бумагу, разбрызгивая чернила. Самая частая жалоба в классе.

Особый характер носят жалобы на переменах.

– Он не дает играть, он мешает...

Перемена приводит некоторых ребят в дикое, полубессознательное состояние. Носятся, скачут, толкаются, бессмысленные крики, бестолковые движения, безответственные поступки. Вот он бежит куда глаза глядят, наталкиваясь на идущих, размахивая руками, издавая возгласы, наконец, ударяет первого встречного ученика. Обрати внимание, как часто тот, кого толкнули или ударили, сердито обернется и молча посторонится.

А есть дети, которые пристанут ни за что ни про что и не отстанут. «Уйди, оставь» для них сигнал как раз не уходить. Ребята не любят таких, презируют за отсутствие самолюбия и такта и жалуются: «Мы играем, а он... Господин воспитатель, он всегда... Стоит нам начать играть, как он...»

Жалобщик в гневе («вскипятился»), в голосе отчаяние. Перемена короткая, жалко каждой драгоценной минуты, а тут отравляют, крадут у тебя последние минуты свободы...

Помни, ребенок обращается к тебе только в крайнем случае, выведенный из терпения, беспомощный, не желающий драться. Он зря теряет время и рискует получить небрежный или резкий ответ. У тебя должна быть наготове привычная фраза, это сэкономит тебе работу мысли.

– Мешает? Позови-ка его сюда, – говорю я.

Часто все на этом и кончается. Надо было отогнать нахала, тот, видя, что товарищ пошел жаловаться, спрятался, – значит, цель достигнута.

Если жалобщик возвращается: «А он не хочет идти», – я грозно говорю тогда: «Скажи, чтобы немедленно явился».

Вообще дети жалуются очень редко и неохотно. Если некоторый процент жалуется часто, надо это изучить и подумать почему. Ты никогда не узнаешь детей, пренебрегая их жалобами. «Господин воспитатель, можно? Разрешите? Вы мне позволите?»

Мне кажется, воспитатель, который не любит жалоб, в равной мере не переносит и просьб. Желая, однако, и тут подыскать убедительную мотивировку, он ссылается на принцип, гласящий:

– Все дети на равных правах. Никаких исключений, никаких привилегий.

Справедливо ли это? Или, может быть, только удобно?

Просьбы и уступки

Необходимость часто отвечать: «Нельзя. – Не позволяю. – Не разрешаю» – неприятная необходимость. Когда нам кажется, что мы свели запреты и приказы до минимума, нас сердит, если ребята требуют дальнейших уступок.

Иногда мы и признаем справедливость просьбы, да запрещаем, так как одна удовлетворенная просьба вызывает целый ряд просьб других детей. Мы стремимся достичь идеала, чтобы дети знали определенные границы и большего не требовали.

Но если ты взвалишь на себя тяжелую обязанность не просто отклонять детские пожелания, а выслушивать их, если будешь их записывать и разбивать по рубрикам, ты убедишься, что бывают желания повседневные и совершенно исключительные.

Постоянные назойливые просьбы о перемене места за столом. Мы позволили ребятам раз в

месяц меняться местами. Об этой незначительной реформе можно было бы написать обширную монографию, столько в ней положительных сторон, а обязаны мы ею исключительно неотвязным просьбам.

Горе ребятам и воспитателю, который умеет подавить каждое не предусмотренное регламентом желание. Благодаря им, как и благодаря жалобам, ты познаешь большинство тайн детской души.

Кроме детей, которые обращаются к воспитателю по своему делу, бывают просьбы через послов. «Он спрашивает, не разрешите ли вы ему? а можно ему?..»

Долгое время этот вид просителей меня злил, и по многим причинам.

Часто послами бывают дети, у которых и своих дел хватает, и уже успели тебе с ними надоесть; приходят обычно они не вовремя, когда ты торопишься, занят, не в настроении; просьбы часто такие, что ответ должен бы быть явно отрицательным; это создает впечатление протекции – а не припишет ли посол себе заслугу благоприятного решения? Наконец, в этом есть вроде как бы неуважение: «Приди-ка сам, изволь побеспокоиться, а не проси через адвоката».

Бесплодность борьбы с такими просьбами заставляла искать более глубокую причину этого явления. И я нашел ее.

Я обнаружил общечеловеческую, а не чисто детскую тонкость души.

Резкий ответ не обижает просящего за другого, лично не заинтересованный проситель не видит недовольного лица, кривой усмешки, нетерпеливого жеста. Ему важен отказ как таковой.

Мне случалось видеть, как настоящий проситель наблюдал издали, какой эффект вызовет его просьба, готовый по первому зову подойти и дать разъяснения.

Когда мы ввели в Доме Сирот систему письменного общения с детьми, количество просьб через послов значительно сократилось, и у нас появился готовый ответ: «Пусть напишет, чего он хочет и почему».

Отвечать на детские вопросы

До тошноты часто повторяется *ex cathedra* [26] предписание отвечать детям на вопросы. И, слепо поверив в него, бедный воспитатель вступает в конфликт с совестью, потому что не может, не умеет, не обладает достаточным терпением непрерывно выслушивать вопросы и вечно давать ответы. И даже не подозревает, что чем чаще он бывает вынужден отделаться коротким «не надоедай» от маленького пристава, тем он лучше как воспитатель.

«Я хорошо написал, вычистил башмаки, вымыл уши?»

Если первый спрашивает, потому что у него есть сомнения, то уже следующие желают только обратить на себя внимание, прервать начатую работу, получить лишнюю похвалу.

Бывают вопросы трудные, на которые лучше не отвечать совсем, чем отделяться поверхностным, непонятным объяснением. Поймет, когда будет изучать физику, космографию, химию. Поймет, когда будет изучать физиологию.

А вот этого никто не знает, даже взрослые, даже учитель, – никто.

Следует принять во внимание самого ребенка: вдумчивый он или поверхностный, что побудило его спросить – беспредметное ли любопытство или желание разрешить мучающий его вопрос, тайну природы, этическую проблему – и, наконец, возможность ответа. И мое «посмотри в книжке – тебе не понять – не знаю, спроси у меня через неделю» или «не морочь мне голову» будет результатом многих правильно учтенных обстоятельств.

Я смотрю с подозрением на воспитателя, который утверждает, что он терпеливо отвечает детям на вопросы.

Коли не врет, он, возможно, настолько чужд детям, что они действительно редко и лишь в виде исключения обращаются к нему с вопросами.

Если жалобы, просьбы и вопросы – ключ к познанию детской души, то сделанное шепотом

признание – настезь распахнутые в нее ворота.

Вот добровольное признание, сделанное через несколько месяцев после имевшего место факта: «Мы очень на вас были злы, он и я. Вот мы и уговорились, что один из нас заберется ночью через окно к вам в комнату, возьмет очки и выбросит в уборной, а потом подумали, что ведь жалко выбрасывать, что мы только спрячем. Мы не спали и ждали до двенадцати часов ночи. Когда я уже встал, чтобы идти, один мальчик проснулся и пошел в уборную. Но я потом все равно опять встал. Влез я в окно – сердце во как колотится! Очки лежали на столе. Вы спали. Я их взял и спрятал у себя под подушкой. Потом-то мы испугались. Не знали, что и делать. Потом он сказал: „Надо положить на место“. А я ему сказал, чтобы он положил. А он не захотел. Тогда я опять встал, но уже в комнату не влезал, а просто положил и немножечко еще подтолкнул».

Зная обоих, я понимаю, откуда исходила инициатива, как выработывался план действий и почему месть не была доведена до конца.

Одному этому факту можно было бы посвятить целый трактат, такой это богатый материал для размышлений.

Что мы ждем от ребенка

Улыбаясь ребенку – ждешь в ответ улыбку. Рассказывая что-нибудь любопытное – ждешь внимания.

Сердишься – ребенок должен огорчиться.

Это значит, ты получаешь нормальную реакцию на раздражение. А бывает и по-другому: ребенок реагирует парадоксально. Ты имеешь право удивиться, обязан задуматься, но не сердись, не дуйся.

Ты подходишь к ребенку с дружеским чувством, а он отворачивается с досадой, а то и явно тебя избегает: может быть, это ты перед ним виноват, а может быть, это он провинился, сделал что-нибудь плохое и честность не позволяет принять незаслуженную ласку. Возьми это на заметку и через неделю или месяц попроси объяснить: может быть, он забудет, может быть, скажет, а может быть, по его улыбке или смущению ты поймешь, что он помнит, только не хочет сказать. Воспитатель, отнесись к его тайне с уважением.

Однажды я приструнил ребят:

– Что это за шушуканья по углам? Прячетесь в классной комнате... Вы же знаете, я этого не люблю!

Ответом мне были: стоическая покорность, злостное упрямство, своевольная ясность духа. Мое внимание должно было бы привлечь явное отсутствие раскаяния; я не понял и подозревал преступные козни наших неслухов. А это ребята в секрете репетировали комическую пьеску, которой думали нас порадовать. Еще сегодня я краснею при мысли, как я был смешон в своем ожесточении.

«У моего мальчика от меня нет секретов, он делится со мной всеми своими мыслями», – говорит мать. Я не верю, что это так, но верю, что она этого требует, и знаю, что она делает ошибку.

Пример:

Мальчик видит на улице похороны. Величественная процессия – фонари, торжественность. За гробом следует ребенок: в своем отделанном черным крепом платье он участник исполненного таинственной поэзии обряда. И у мальчика мелькает мысль: должно быть, это приятно, когда мама умирает... И он с ужасом смотрит на мать. Ой, он не хочет, чтобы мама умирала, и откуда только такие мысли?

Ну можно ли, позволительно ли такую мысль высказать? И вправе ли мы тревожить ребенка в момент грозного конфликта с совестью?

Если ребенок поверит тебе свою тайну, радуйся, потому что его доверие – высочайшая награда, лучшее свидетельство. Но не принуждай его к откровенности, у него есть право на тайну; не принуждай ни просьбами, ни хитростью, ни угрозами, все способы одинаково недостойны и не сблизят тебя с воспитанником, а скорее разъединят.

Надо убедить детей в том, что мы уважаем их тайны, что вопрос «Не можешь ли ты мне сказать?» не значит «ты должен». Пусть на мое «почему» он ответит искренне, без уверток: «Я не могу вам этого сказать. – Я вам потом когда-нибудь скажу. – Никогда не скажу».

Однажды я заметил, как одиннадцатилетний мальчик подошел к девочке, которую он любил, и что-то шепнул ей. В ответ она покраснела, опустила голову и недоуменно пожала плечами. Несколько дней спустя я спросил его, с чем он тогда к ней обратился. Никакого замешательства, искреннее желание вспомнить.

– Ах да, я спросил у нее, сколько шестнадцатью шестнадцать.

Я был ему так благодарен – столько он пробудил во мне хороших задушевных мыслей.

Другой случай.

Мне стало известно, что с одной девочкой, когда она шла вечером через сад, случилась какая-то загадочная история. Наши ребята ходят в город без провожатых и в одиночку – это входит в программу воспитания, и отказаться от этого было бы очень жаль. Мы решили удвоить бдительность. Случай в саду меня сильно беспокоил. Я потребовал, чтобы она во всем созналась, припугнув, что иначе не буду пускать одну.

Она сказала, что, когда шла по саду, пролетающая птичка испачкала ей шляпку: «Сделала мне на голову». Мне кажется, из нас двоих я был более сконфужен.

Будь мы более деликатны по отношению к детям, как часто нам приходилось бы стогать со стыда за ту нечистоплотность жизни, которую они застали и от которой мы их не в силах уберечь.

К стыду доносчика

Тихий шепот признаний подчас бывает шепотом доносов.

Не возмущайся лицемерно: ты выслушаешь доносчика, твоя обязанность выслушивать.

– Он вас ругает, обозвал нехорошим словом.

– Откуда ты знаешь, что он меня ругает?

– Нас много слышало.

Значит, услышал случайно, не подслушал.

– Ну ладно, только зачем ты мне это говоришь?

Смущение: ну сказал и сказал.

– И что ты хочешь, чтобы я ему сделал?

Смущение: не знает, что он хочет, чтобы я тому сделал.

– Ну а знаешь ты, почему он меня ругал?

– Разозлился, что вы...

Суть доноса – ерундовская, цель – неясная. Наверное, думал заинтересовать воспитателя, импонировала мысль, что вот, мол, владеет великой тайной и делится ею со старшим.

– А ты сам не ругаешься, когда злишься?

– Иногда и ругаюсь.

– Не делай этого, это дурная привычка.

Не читай ему нравочений, может быть, он хотел тебе добра, а если нет, несколько ставящих в тупик вопросов и отсутствие интереса к сообщению – достаточное наказание.

Преступная цель: желал отомстить.

– Старшие мальчики говорят разные свинства, и у них какие-то неприличные картинки есть и стихи.

– Какие такие картинки и стихи?

Не знает. Он спрятался и подслушивал. А говорит потому, что такие картинки иметь не разрешается. Он хочет, чтобы этих мальчишек наказали.

– А ты, случайно, не просил показать тебе картинку?

Просил, да они не захотели, сказали, что он мал еще.

– А я могу им сказать, от кого я узнал?

Нет, нельзя: они его побьют.

– Раз ты мне не позволяешь сказать, от кого я это знаю, то я не могу им ничего сделать.

Они могут подумать на кого-нибудь другого и побьют его.

Ну ладно, он не боится: поступайте как знаете.

– Спасибо, что сказал. При случае я поговорю с ними, попрошу больше этого не делать.

Я говорю ему «спасибо»: он заметил то, что я сам обязан был заметить. А разговор о том, что месья уродлива, я откладываю на после. На сегодня довольно, он ожидал другого эффекта – выстрел не попал в цель.

Дело, может быть, очень серьезное, цель – благая.

Он был в доме, где скарлатина. – Малыши забиваются в раздевалку и курят, они дом поджечь могут. – Икс подговаривает Игрека украсть. – Зет относит сторожу еду и взамен получает яблоки. – Вчера на улице какой-то господин предлагал девочке пойти в кондитерскую и прокатиться на автомобиле.

Ребенок знает, зачем он это говорит. Заметив опасность или заслуживающий наказания поступок, он колебался, не знал, что делать, и вот приходит посоветоваться, потому что тебе доверяет. Ребята рассердятся, будут избегать его, – что ж, ничего не поделаешь. Он свой долг выполнил: предостерег.

Я должен относиться к нему как к товарищу, который помог мне решить трудный вопрос. Ребенок оказал мне большую услугу. А теперь мы вместе с ним думаем, как быть дальше.

Помни, всякий раз, когда к тебе подходит ребенок с чужой тайной, он тебя обвиняет: «Ты не выполнил свой долг: не знаешь. А не знаешь потому, что ты пользуешься у детей доверием, да только относительным – дети тебе доверяют, да не все».

После того как ты узнал, не спеши. Не давай бесчестному доносчику торжествовать: «Я, мол, обратил внимание, я, мол, выполнил важную миссию». Твой долг защитить честного ребенка от мести – вражды. Откладывая обсуждение дела в долгий ящик, ты получаешь возможность, усилив бдительность, заметить все сам.

Дальше: если, заметив провинность, ты немедленно бьешь тревогу, дети могут быть уверены, что, раз ты молчишь, ты не знаешь.

«Откуда вы знаете, а когда вы это узнали, а почему вы сразу не сказали?» – вот о чем чаще всего спрашивают ребята, когда напоминаешь им старый грех.

Еще раз: не спеши. Выжди удобный момент и поговори с ребенком, когда он дружелюбно настроен, а само дело с течением времени перестало быть важным и актуальным.

Ох, это было давно, месяц тому назад. И он тебе откровенно расскажет, что его толкнуло на дурной поступок, и как он его совершил, и что чувствовал до, во время его и после.

Дальше: не рассердишься, у тебя будет время обдумать, взвесить, подготовиться. От разумного решения зависит подчас все твое дальнейшее отношение к ребенку или к группе ребят.

Пользуясь твоим хорошим настроением, он просит у тебя ящик с ключиком.

– С большим удовольствием. Будешь лучше прятать свои неприличные картинки, чтобы малыши не нашли.

Пристыжен, ошеломлен, удивлен.

Теперь он захочет с тобой поговорить. Не спеши! Чуть остыв, он сам отдаст тебе картинку

(утратит прелесть новизны), скажет, от кого получил, кому давал посмотреть.

Чем ты спокойнее говоришь, тем всё проще, чем умнее, тем ближе к сути дела.

Мой принцип: «Пусть дитя грешит».

Не будем стараться предупреждать каждое движение, колеблется – подсказывать дорогу, оступится – лететь на помощь. Помни, в минуты тягчайшей душевной борьбы нас может не оказаться рядом. «Пусть дитя грешит».

Когда со страстью борется еще слабая воля, пусть дитя терпит поражение. Помни: в конфликтах с совестью вырабатывается моральная стойкость. «Пусть дитя грешит».

Ибо если ребенок не ошибается в детстве и, всячески опекаемый и охраняемый, не учится бороться с искушениями, он вырастает пассивно-нравственным – по отсутствию возможности согрешить, а не активно-нравственным – нравственным благодаря сильному сдерживающему началу.

Не говори ему: *«Грех мне противен»*.

Скажи лучше: *«Не удивляюсь, что ты согрешил»*.

Помни: «Ребенок имеет право солгать, выманить, вынудить, украсть. Ребенок не имеет права лгать, выманивать, вынуждать, красть».

Если ребенку ни разу не представился случай выковырять из кулича изюминки и тайком съесть их, он не мог стать честным и не будет им, когда возмужает.

– *Возмутительно!*

Лжешь.

– *Я тебя презираю!*

Лжешь.

– *Никогда я от тебя этого не ожидал... Значит, даже тебе нельзя доверять?*

То-то и плохо, что не ожидал. Плохо и то, что безоговорочно доверял. Никудышный ты воспитатель: не знаешь даже, что ребенок – человек.

Ты возмущаешься не потому, что видишь грозящую ребенку опасность, а потому, что ребенок может испортить репутацию твоего учреждения, твоей педагогической системы и лично твою; ты заботишься исключительно о себе. Позволь детям ошибаться и радостно стремиться к исправлению.

Ложь и дитя

Детям хочется смеяться, бегать, шалить. Воспитатель! Если для тебя жизнь – кладбище, позволь им в ней видеть лужайку. Сам во власянице – банкрот бренного счастья или кающийся грешник – имей мудрую снисходительную улыбку.

Здесь должна – должна царить атмосфера полной терпимости к шутке, проказе, насмешке и подвоху и наивному греху лжи. Здесь не место суровому долгу, каменной серьезности, железной необходимости, непоколебимому убеждению.

Всякий раз, впадая в тон монастырского колокола, я делал ошибку.

Верь мне, интернатская жизнь потому нам кажется мутной, что мы требуем от нее слишком высокого идейного уровня. В сотый раз повторяю: в казарменной обстановке интерната не воспитаешь ни дивно цельной честности, ни пугливой чистоты, ни девственной невинности чувств, не знающих, что зло существует.

И не потому ли ты так любишь этих своих честных, беззаветных, кротких, что знаешь, как им будет тяжело на свете?

Да и может ли обойтись любовь к правде без знания дорог, которыми ходит кривда? Разве ты желаешь, чтобы отрезвление пришло внезапно, когда жизнь кулаком хама смажет по идеалам? Разве, увидав тогда твою первую ложь, не перестанет сразу твой воспитанник верить во все твои правды? Если жизнь требует кльков, разве вправе мы вооружать детей одним румянцем стыда да

тихими вздохами?

Твоя обязанность – воспитывать людей, а не овец, работников, не проповедников: в здоровом теле здоровый дух. А здоровый дух не сентиментален и не любит быть жертвой. Я желаю, чтобы лицемерие обвинило меня в безнравственности!

Дети лгут.

Лгут, когда боятся и знают, что правда не выйдет наружу.

Лгут, когда им бывает стыдно.

Лгут, когда ты их заставляешь сказать правду, которую они не хотят или не могут сказать.

Лгут, когда им кажется, что так надо.

– Кто это пролил?

– Я, – признается кто-нибудь и попытается оправдаться, если знает, что ты ему за это скажешь только: «Возьми тряпочку и подотри» – и, самое большее, добавишь: «Разиня».

Он признается и в серьезном проступке, если будет знать, что воспитатель станет усиленно доискиваться, решив во что бы то ни стало узнать правду.

Пример: нелюбимому мальчику налили в постель воды. Никто не признается. Я предупредил, что, пока виновный не сознается, не выпущу никого из спальни. Прошел тот час, когда старшие отправляются на работу; приближается время завтрака.

Завтракать ребята будут в спальне. В школу они не пойдут, и так опоздали. В спальне шепот: совещаются. Часть ребят, безусловно, не виновата, остальные в разной степени под подозрением. Ребята уже, наверное, догадываются, кто мог это сделать, возможно, уже знают, возможно, уговаривают сознаться.

– Господин воспитатель...

– Это ты сделал?

– Я.

Наказание было бы излишне: подобный проступок не повторится...

Позволь ребенку хранить тайны: если ты дашь ему право сказать: «Знаю, но не скажу», – он не станет лгать, что не знает.

Позволь ребенку свободно признаваться в чувстве, не отвечающем установленной заповеди.

«Как вас дети любят», – говорит какая-нибудь сентиментальная особа.

Бывает, заключенные любят снисходительных надзирателей. Но есть ли хоть один ребенок, который не был бы в обиде на своего воспитателя? Какое-нибудь неприятное распоряжение, какая-нибудь когда-то сказанная резкость, затаенное желание, которое он не откроет, «раз все равно из этого ничего не выйдет». Если ребята думают, что они любят, то потому, что старшие им говорят, что так должно быть; другие не хотят отставать; некоторые и сами в толк не возьмут, любят они или ненавидят; а все они, видя мои недостатки, хотели бы меня немножко переделать, сделать лучше. Бедняги не знают, что самая большая моя вина – это то, что я перестал быть ребенком.

«Как вас дети любят».

Как ребята подбежали, прильнули ко мне, обступили, когда я пришел с войны! Но разве они не больше обрадовались бы, появившись в зале неожиданно белые мыши или морские свинки? Мать, отец, воспитатель! Если ребенок полюбил тебя глубокой, всегда одинаково бескорыстной любовью, пропиши ему водные процедуры или даже немного брома.

Можно ли воспитать нравственность?

Бывают минуты, когда ребенок тебя безгранично любит, когда ты ему нужен, как никто: когда он болен и когда он испугался ночью страшного сна. Помню ночь, проведенную в больнице у постели больной девочки. Время от времени я давал ей вдыхать кислород.

Девочка дремала, крепко держа меня за руку. Каждое движение моей руки сопровождалось

словами: «Мама, не уходи», которые она шептала в полузабытьи, не открывая глаз. Помню, как, весь дрожа, в приступе безнадежного отчаяния, вошел ко мне мальчик, перепуганный сном о мертвецах. Я взял его к себе в кровать. Он рассказал сон, рассказал о покойных родителях и о своем пребывании после их смерти у дяди. Мальчик говорил задушевым шепотом, может быть, желая вознаградить за прерванный отдых, а может, из страха, что я усну раньше, чем от него отступятся злые видения...

У меня есть письмо мальчика, полное жалоб на меня и на Дом Сирот. Мальчик написал его на прощание. В письме он жалуется, что я не понимал его и был к нему злой и несправедливый. В доказательство, что он умеет ценить доброту, приведен пример: он, мол, никогда не забудет, что, когда у него однажды болел ночью зуб, я не сердился, что меня разбудили, и не брезговал, клал ему на зуб ватку с лекарством. За все свое двухлетнее пребывание в Доме Сирот он один этот факт считал достойным сердечного упоминания.

А воспитатель обязан удалять больных детей из интерната и ночью после целого дня работы спать.

Не будем требовать от детей ни индивидуального, ни коллективного самопожертвования.

Папа, у которого много работы, мама, у которой болит голова, усталый воспитатель – все это может тронуть раз или несколько раз; если же это постоянно – утомит, надоест, будет злить. Мы можем запугать детей так, что при первой же нашей гримасе боли или выражении недовольства они начнут говорить шепотом и ходить на цыпочках, но будут делать это нехотя, с перепугу, а не из чувства привязанности.

Да, дети будут послушные, серьезные – у воспитателя горе. Но пусть это случается редко, как исключение. А разве мы, взрослые, всегда готовы уступать капризам, причудам и достопочтенным взглядам старцев?

Я думаю, многие дети вырастают в отвращении к добродетели потому, что ее безудержно внушают, перекармливая хорошими словами. Пусть ребенок сам открывает необходимость, красоту и сладость альтруизма.

Всякий раз, указывая детям на их обязанности по отношению к семье, младшим братьям и сестрам, я боюсь, что делаю ошибку.

Ребята сами принесут домой выигранные в лото картинки и конфеты, потому что им приятно видеть радость братишки, – а может быть, это только самолюбие? Что и они дают – как взрослые?

Ребенок берет в сберкассе накопленный им рубль и отдает сестре на башмаки. Прекрасный поступок! Но знает ли ребенок цену деньгам? Может быть, это просто легкомыслие?

Не сам поступок, а побуждение характеризует нравственный облик и потенциальные возможности ребенка. Ребенок подавлен нашим авторитетом, обязанностью быть нам благодарным, уважать нас. Ребенок все это чувствует, но по-другому, по-своему.

Ребята уважают тебя за то, что у тебя есть часы, что ты получил письмо с иностранной маркой, что имеешь право носить при себе спички, поздно ложиться спать, подписываешься красными чернилами, что ящик у тебя запирается на ключ, – за то, что ты обладаешь всеми привилегиями взрослых. Намного меньше ребята уважают тебя за образование, в котором всегда усмотрят недостатки: «А вы умеете говорить по-китайски? А считать до миллиарда?»

Воспитатель рассказывает интересные сказки, а кухарка и сторож знают еще интереснее. Воспитатель играет на скрипке, а товарищ, играя в лапту, подкидывает мяч выше.

Добродушным детям импонируют все взрослые; настроенные же критически не склоняют головы ни перед нашим умом, ни перед нашей нравственностью. Взрослые врут, жульничают, они неискренние, прибегают к некрасивым уловкам. Если взрослые не курят потихоньку, то только потому, что могут курить открыто, ведь они делают что хотят.

Чем больше ты заботаешься о поддержании авторитета, тем больше его роняешь; чем ты осторожнее, тем скорее его потеряешь. Если ты только не смешон до последней степени, не абсолютно туп и не стараешься по-дурацки вкрасться в доверие у ребят, заигрывая и делая поблажки, они станут тебя на свой лад уважать.

На свой лад – это как? Я не знаю.

Ребята будут смеяться, что ты худой и высокий – толстый – лысый, что у тебя на лбу бородавка, что, когда ты сердисься, у тебя шевелится нос, а когда смеешься, голова уходит в плечи. И станут тебе подражать, и захотят быть худыми или толстыми и шевелить носом, когда сердятся. Позволь им в какую-нибудь исключительную минуту в редкой задушевной беседе сказать тебе по-товарищески, что они о тебе думают.

– *Вы такой странный. Иногда я вас люблю, а иногда так просто убил бы со злости.*

– *Когда вы что-нибудь говорите, кажется, что все это правда. А подумалось и видишь, что вы ведь это только так говорите, потому что мы дети.*

– *Никогда нельзя узнать, что вы о нас на самом деле думаете.*

– *И выходит, что и посмеяться над вами нельзя, раз вы только иногда смешной.*

Никто не запротестовал, что я в повести «Слава» [27] позволил одному из героев украсть. Я долго колебался, но не мог поступить иначе: этот паренек, с такой силой желаний и таким живым воображением, должен был один раз украсть.

Ребенок крадет, если ему чего-нибудь так крепко хочется, что он не в силах устоять.

Ребенок крадет, когда чего-нибудь очень много, – значит, одно можно взять.

Крадет, когда не знает, кто хозяин.

Крадет, если у него самого украли.

Крадет, раз ему нужно.

Крадет, потому что его подговорили.

Объектом кражи может быть камушек, орех, обертка от карамельки, гвоздик, спичечная коробка, осколок красного стекла.

Бывает, что все дети воруют, что детские кражи допускаются. Эти маленькие, не имеющие цены предметы составляют не то личную, не то общую собственность.

– *Нате вам лоскутки, играйте.*

А перессорятся – что тогда?

– *Перестаньте ссориться: вон у тебя сколько, дай и ему.*

Ребенок подает тебе найденное им сломанное перышко:

– *Возьми и выброси.*

Ребенок нашел разорванную картинку, шнурок, бусинку. Если можно выбросить, значит, можно и взять себе?

И мало-помалу перышко, иголка, кусочек резинки, карандаш, наперсток, наконец, каждый валяющийся на окне, столе или на полу предмет становится как бы общей собственностью. И если в семье из-за этого каждый день сотня ссор, в интернате их будут тысячи.

Есть два способа: один – недостойный – не позволять детям держать у себя разный «хлам» и другой – правильный – у каждой вещи есть свой хозяин и все, что найдено, должно быть возвращено по принадлежности. Каждую пропавшую вещь надо немедленно разыскать. Таким образом, ребенок получает ясное указание; остается только один, первый вид кражи; и поддаются подчас искушению украсть не самые плохие дети.

Обман – это только разновидность кражи, кража замаскированная. Выпрашивание подарков, явно нелепые пари, азартные игры и игры в «зелень» и в «косматое», наконец, выменивание «ценных» предметов (перочинный нож, пенал, коробка из-под шоколада) на предметы, ничего не стоящие. Наконец, долги без указаний срока.

Чаще всего воспитатель, заботясь о своем удобстве, запрещает меняться, делать подарки, играть из корыстных соображений. Этот запрет отрезает раз и навсегда пострадавшему путь к жалобе, и так уже преданной анафеме.

Сотни наиболее жизненных, любопытных, своеобразных дел не доходят до воспитателя, а одно, очень уж броское и потому разоблаченное, позволяет ему блеснуть ораторским талантом, проповедью, полной жизненной неправды. Следует запрет еще более решительный – и опять тишь да гладь до следующего скандала. Запрет имеет силу ненадолго – жизнь сметает его.

Сколько же этих отвратительных, деморализующих, обидных дел по поводу невыполненных обязательств, выманенных подарков, сознательно жульнических сделок!

Ребенок, потеряв чужой мяч или перочинный ножик, может стать рабом.

Воспитатель, который приходит со сладкой иллюзией, что он вступает в такой маленький мирок чистых, нежных, открытых сердечек, чьи симпатии и доверие легко снискать, скоро разочаруется. И вместо того, чтобы винить тех, кто ввел его в заблуждение, и себя самого, что поверил, он будет дуться на детей, подорвавших его веру в них. А разве они виноваты, что тебе показали заманчивые стороны работы и скрыли шипы?

Среди детей столько же плохих людей, сколько и среди взрослых; только у детей нет то ли надобности, то ли возможности себя проявить.

Все, что творится в грязном мире взрослых, существует и в мире детей. Ты найдешь здесь представителей всех типов людей и образцы всех их недостойных поступков. Дети подражают жизни, речам и стремлениям воспитавшей их среды, ибо имеют в зародыше все страсти взрослых.

И если я завтра встречаю группу детей, я уже сегодня обязан знать, кто они. Там будут ласковые, пассивные, добродушные, доверчивые ребята – вплоть до самых злостных, явно враждебных и полных двуличной инициативы или притворно уступчивых, конспиративно злостных малолетних преступников и интриганов.

Я предвижу необходимость борьбы за режим и безопасность и бездушных и честных. Я призыву к сотрудничеству положительные элементы ребячьей толпы, противопоставлю их злым силам. И только после того, как ясно представлю себе границы педагогических влияний на данном участке, разверну планомерную воспитательную работу.

Природа детской популярности

Я могу внедрить традиции правды, порядка, трудолюбия, честности, искренности, но я не в силах изменить природу ребенка. Береза так и останется березой, дуб дубом, лопух лопухом. Я могу пробудить то, что дремлет в душе ребенка, но не могу ничего создать заново. И буду смешон, если стану сердиться из-за этого на себя или на него.

Я заметил у честных воспитателей нелюбовь к неискренним детям. Я хотел бы обратить внимание воспитателей на то, что рабство, в каком мы держим детей, воспитывает в них ложь, умение злоупотреблять нашим расположением, лицемерное угодничество, комедию привязанности из расчета. Поражены этим недугом в разной степени все.

Загляни в души твоих «неискренних». Бедные дети! Иногда это самолюбивые, но без реальных к тому данных (а может, просто непонятые?); иногда это слабые физически и некрасивые, всеми гонимые; иногда это приучаемые на стороне к ханжеству, калечимые и порченные как тобой самим, который их не любит, так и теми, кто, не замечая фальши их привязанности, благодарности и образцовости, наделяет их особыми правами.

Если такой холодный, злой ребенок подошел к тебе и приласкался, ты, хотя и знаешь, что он это сделал из расчета, не вправе его оттолкнуть. Может быть, он просто не умеет по-другому, а может, другие, которые тебя обманывают привлекательнее и ловчее, еще более лживы, ибо вошли в роль?

Среди тех, кто вертится около тебя больше, чем тебе бы хотелось, может, есть слабые и нелюбимые, желающие, чтобы ты окружил их заботой, защитил от обид?

Может, кто-нибудь им шепнул: будь поприветливее, дай букетик, поцелуй – и попроси. Может быть, ребенок следует указанию машинально, вопреки своей сухой, но искренней натуре, а значит, по приказу, неловко и неумело?

Меня удивило, когда один из мальчиков, сдержанный, старчески сухой, замкнутый в себе мизантроп, стал вдруг со мной душевным – первым смеялся над моими шутками, шел впереди, прокладывая дорогу, предупреждал желания. Делал он это неловко, явно желая привлечь внимание к своим поступкам. Так продолжалось довольно долго, мне было неприятно, но я скрывал. Когда наконец он попросил принять в Дом Сирот его младшего брата, я почувствовал, как на глаза мои навертываются слезы: бедняга, каких ему стоило усилий быть так долго тем, чем он по существу не был!

Ребята, не любимые другими ребятами, и ребята-любимцы, коноводы. Важная тема, разработка ее дала бы ключ к загадочным жизненным успехам не за счет душевных качеств или силы, а чего-то неуловимого и нам неизвестного.

У красивых, здоровых, веселых, инициативных, смелых, талантливых ребят всегда есть товарищи, союзники, поклонники; у чересчур честолюбивых бывают и враги. Отсюда враждебные лагеря. В детском коллективе случаются и мимолетные любимцы, дети возвышают их, чтобы потом порадоваться их падению.

Неудивительно, если ребенка, который умеет организовать игры, знает сказки, любит и умеет играть, охотно принимают товарищи; он оделяет своей веселостью и задором, как другой яблоками и грушами. И в конце концов, что и любить детям, как не изобилие сластей или богатства духа, дающего им радость?

Дети не любят размазней и надоед, но кто они, эти размазни и надоеды, как не слабые телом и бедные духом? Вот и идут они к воспитателю: ведь ничего не давая ребятам сами, они ничего и не получают взамен.

Так оно и должно быть, что больше всего на тебя посягают, теснее всего тебя обступают не наиболее стоящие дети. Не требуй для них всей полноты прав, они и сами немногого требуют. Но и не отталкивай их.

Ребенок старается, а я добавлю, и имеет право использовать все свои плюсы, все положительное, что в нем есть, чтобы обратить на себя внимание: приятную внешность, ловкость, память, хорошо подвешенный язык, звучный голос, происхождение. Если, не переубедив, мы станем ему мешать, мы вызовем у него неприязнь, и он усмотрит в нашем поступке придирку, а может, и зависть.

– Это наш певец, это наш гимнаст.

Может быть, это неправильно? Может быть, это портит? А может быть, только придает ребенку храбрости прямо сказать то, что думает: да, он гордится, что лучше всех поет, что он самый ловкий.

Разве не бестактнее грубо сказать: «Думаешь, раз хорошо поешь, раз у тебя отец войт [28], так уж тебе все можно?»

Или: «Думаешь, обманул своей улыбкой?»

Или: «Ты целуешь, потому что тебе что-то надо!»

Да, это так, но ты и сам так поступаешь.

Разве не подменяешь ты памятью отсутствие собственных мыслей или способностью логически мыслить отсутствие памяти? Не стараешься добиться послушания с помощью улыбки, так как не умеешь или не любишь прибегать к угрозам? Не хочешь исправить, целуя? Разве сам ты не скрываешь своих пороков и недостатков? Почему ты лишаешь ребенка права, которым

пользуешься сам, хотя и располагаешь колоссальными преимуществами возраста и власти?

У огромного большинства детей еще нет ума. У них смекалка. Локк называет смекалку обезьяной разума [29]. Чем более благоприятные условия созревания создашь ты своим воспитанникам, тем скорее твои забавные обезьянки превратятся в людей.

Когда нужно терпение

Дети опаздывающие – вот мерило терпения воспитателя.

Звонок. Непосвященные не знают, сколько нужно усилий со стороны воспитателя и сколько упорства и доброго желания со стороны детей, чтобы эта сотня по данному сигналу явилась в полном составе.

Еще только одна строка не переписанного до конца стиха, один номер в лото, одно слово неоконченного разговора, не до конца главы, а только до точки дочитанная сказка.

Уходя из класса, ты ждешь, чтобы закрыть дверь. Крича и толкаясь, летят сломя голову все, кроме одного или двух, и ты обязан ждать, пока они в последнюю минуту чего-нибудь не наденут или не вынут.

Выдаешь башмаки, пальто – то же самое.

И ты стоишь и ждешь у открытого шкафа – у лампы, чтобы ее погасить, – у ванны, чтобы спустить воду, – у стола, чтобы собрать посуду, ждешь этого одного или двух, чтобы начать или закончить какую-нибудь работу. А у них вечно то затеряется шапка перед самым уходом, то сломается перо в начале диктанта.

«Скорее! Ну, пошевеливайся!.. И долго это будет продолжаться?.. Когда же ты, наконец, соизволишь?..»

Не сердись, такими они и должны быть. Запрещение на первый взгляд не обременительное. Но борешься безрезультатно: ребята не слушаются.

Не сердись.

Мы запретили по вечерам разговаривать в спальне.

– Целый день в вашем распоряжении, могли наболтаться. А теперь спать.

Видно, что-то не позволяет подчиниться этому, казалось бы, справедливому требованию, раз ребята разговаривают вполголоса, шепотом. Стоит шум. Прикрикнешь – тишина, но ненадолго. Сегодня, завтра, вчера – то же самое. Значит, осталось только взяться за палку – применить насилие – или дознаться, в чем дело.

– О чем ты вчера разговаривал в спальне?

– Я ему рассказывал, как мы жили дома, когда еще папка живой был.

– Я у него спросил, почему поляки не любят евреев?

– Я говорил, пусть исправится, тогда вы на него не будете злиться.

– Я говорил, что, когда я вырасту большой, я поеду к эскимосам и научу их читать и строить дома.

Грубым окриком: «Тихо там» – я прервал бы эти четыре разговора.

Вместо проступка перед тобой раскрылись сокровенные думы и заботы твоих детей. В шуме и ярмарочной суеде нет места тихим признаниям, печальным воспоминаниям, дружеским советам, вопросам по секрету. Тебе надоедает шум с утра и до ночи и хочется перед сном хотя бы минуту покоя – того же хотят и дети... По утрам ты запрещаешь им разговаривать до определенного часа? А что делать тому, кто проснулся раньше, кто каждый день просыпается раньше?

И в этой бесцельной борьбе за утреннюю тишину в спальне одержали победу дети, а я сделал открытие, если и не решающее, то, уж во всяком случае, первостепенного значения.

Условности против искренности

Мне часто случалось задавать детям вопросы: «Что поддельываешь, что у тебя слышно,

почему ты такой невеселый, как поживают твои домашние?»

И часто слышать в ответ: «Да ничего, все в порядке, я не невеселый».

Я был доволен: на то, чтобы показать ребенку, что я им интересуюсь и к нему расположен, я тратил ничтожные доли минуты. Проходя мимо, я часто гладил кого-нибудь по головке.

Через некоторое время я обратил внимание на то, что дети не любят ни эти ласки, ни вопросы. Одни отвечали нехотя, как бы с некоторым смущением; другие с холодной сдержанностью, а то и с иронической улыбкой. Раз ко мне обратился по довольно важному делу мальчик, всего минуту назад давший стандартный ответ на вопрос. От поглаживания по головке дети, в другое время нежные и чувствительные, явно уклонялись.

Признаюсь, это меня раздражало, я сердился и наконец понял. В этих привычных, небрежно брошенных вопросах ребенок не видит ни искреннего интереса, ни возможности обратиться с просьбой. Он прав: подавая целую коробку конфет, ты рассчитываешь, что гость возьмет одну и не самую большую. Ты потчуешь ребенка долей минуты, он дает тебе требуемый ответ: «Все в порядке», но, исполнив долг вежливости, остается в обиде на тебя за притворный интерес к его особе, не желая, чтобы к нему обращались, чтобы только отделаться, мимоходом.

– Ну как, вам лучше? – спрашивает врач на обходе в больнице.

По тону голоса и движениям больной видит, что врач торопится, и нехотя отвечает:

– Спасибо, лучше.

Дети не привыкли к фальши светских условностей и, добавлю, к обычной лжи нашей разговорной речи. «Просто руки опускаются. – За обедом должно быть тихо как в церкви. – На нем все так и горит. – Что ни возьмет в руки, все ломает. – Сто раз тебе говорил, больше уже я повторять не стану».

Для ребенка все это ложь.

И как ему только не стыдно говорить, что у него руки опускаются, раз он ими все время двигает? А в церкви вовсе не тихо. Штаны не сгорели, а порвались, когда он лез через забор, и их можно заштопать. Он очень много вещей берет в руки и не ломает, а если одна и сломалась, так это с каждым может случиться. Сто раз не говорили, а самое большее пять, и еще не раз повторят.

– Ты что, оглох?

Нет, не оглох. Этот вопрос – тоже ложь.

– На глаза мне не показывайся!

И это запрещение – ложь, ведь велят же ему обедать вместе со всеми?

Сколько раз ребенок готов взбунтоваться, предпочитая получить несколько колотушек, «только бы это противное пиление кончилось!».

Быть может, убежденный в том, что воспитателей надо уважать, ребенок страдает, видя, как это уважение рассыпается в прах? Ведь насколько ребенку легче подчиняться, когда он действительно убежден в их моральном превосходстве.

Мы ввели в Доме Сирот реформу: за завтраком, обедом и ужином ребята получают хлеба сверх нормы, сколько хотят. Нельзя только разбрасывать и оставлять недоеденным. Бери столько, сколько можешь съесть. Ребята не сразу приобретают соответствующий навык, ведь для многих свежий хлеб – лакомство.

Вечер, ужин окончен, малышей послали спать.

В этот момент одна из старших девочек, откусив небольшой кусочек хлеба, демонстративно швыряет остаток порции на стол, за которым я сижу, и идет дальше, шаркая ногами. Я был так изумлен, что не нашелся ничего сказать, кроме: «Гадкая, наглая девчонка». В ответ презрительное пожатие плечами – слезы – обиженная, она направляется в спальню. Я удивился, когда застал ее вскоре в постели и уже спящей.

Несколько дней спустя я понял причину этого, казалось бы, явно нелепого поступка, когда та же самая девочка заявила, что хочет ложиться спать раньше, вместе с маленькими.

Самолюбивая, она не сразу могла решиться на такое унижение – ложиться спать вместе с малышами. И вот полусознательно или подсознательно спровоцировала меня на вспышку гнева, чтобы иметь повод обидеться, расплакаться и раньше, чем положено, лечь спать...

Несколько слов о ее шаркающей походке.

Ходила она, не поднимая ног, а везя их по полу. Некоторым детям это нравилось, и они стали ей подражать. Эта старческая походка у ребенка казалась мне неестественной, смешной, безобразной и, добавлю, какой-то неуважительной. Несколько позже я заметил, что такая походка не только естественна, но и свойственна детям в период интенсивного развития. Это походка усталых.

Когда я занимался частной практикой, я не раз спрашивал:

– А вы не заметили, что у вашего ребенка изменилась походка?

– Да, да, идет, надуется, точно принцесса какая. Ну просто беда, а иной раз и злость разбирает. Волочит ноги, словно столетняя старуха или бог весть как наработалась. Разве уже этот один пример не доказывает, как тесно связан духовный мир с его физиологической основой?

Воспитатель-врач

Как ошибаются те, кто считает, что, бросив больницу ради интерната, я предал медицину! После восьми лет работы в больнице я достаточно ясно понял, что все, что не настолько случайно, как проглоченный гвоздь или сбившая ребенка машина, можно познать лишь в результате многолетнего клинического наблюдения, и притом ежедневного, в мирные периоды благополучия, а не изредка, во время болезни-катастрофы.

Берлинская больница и немецкая медицинская литература научили меня думать о том, что мы уже знаем, и постепенно и систематически идти вперед. Париж научил меня думать о том, чего мы не знаем, но желаем, должны и будем знать.

Берлин – это будничные заботы и усилия. Париж – это праздник завтра с его ослепительным предчувствием, могучей надеждой, неожиданным триумфом. Силу желаний, боль неведения, наслаждения поисков дал мне Париж; технику упрощений, изобретательность в мелочах, гармонию деталей я вынес из Берлина.

Великий синтез ребенка – вот о чем грезил я, когда, раскрасневшись от волнения, читал в парижской библиотеке удивительные творения французских классиков-клиницистов.

Медицине я обязан техникой исследования и дисциплиной научного мышления.

Как врач я констатирую симптомы: я вижу на коже сыпь, слышу кашель, чувствую повышение температуры, устанавливаю при помощи обоняния запах ацетона изо рта ребенка. Одни я замечаю сразу, те, что скрыты, ищу.

Как у воспитателя у меня тоже есть свои симптомы: улыбка, смех, румянец, плач, зевок, крик, вздох. Как бывает кашель сухой, с мокротой и удушливый, так бывает и плач в три ручья, в голос и почти без слез.

Симптомы я устанавливаю беззлобно. У ребенка жар, ребенок капризничает. Я стараюсь снизить температуру, устраняя по мере возможности причину, ослабляю напряжение каприза, насколько это удастся, без ущерба для детской психики.

Когда я не знаю, почему мое вмешательство как врача не приносит желательного результата, я не сержусь, а ищу.

Когда я замечаю, что мое распоряжение не достигает цели и приказ не исполняется многими или одним, я не сержусь, а исследую.

Иногда на первый взгляд мелкий, ничего не значащий симптом говорит о великом законе, а изолированное явление глубоко связано с важной проблемой. Как для врача и воспитателя для

меня нет мелочей: я внимательно наблюдаю то, что кажется случайным и малоценным. Легкая травма иногда разрушает хорошо устроенные послушные, но хрупкие функции организма. Микроскоп открывает в капле воды заразу, опустошающую города. Медицина показала мне чудеса терапии и чудеса человеческих усилий подсмотреть тайны природы. Работая врачом, я много раз видел, как человек умирает и с какой безжалостной силой, разрывая материнское чрево, пробивается в мир к жизни созревший плод, чтобы стать человеком.

Благодаря медицине я научился кропотливо связывать распыленные факты и противоречивые симптомы в логичную картину диагноза. И, обогащенный сознанием мощи законов природы и гения научной мысли человека, останавливаюсь перед неизвестным: ребенок.

Сердитый взгляд воспитателя, похвала, выговор, шутка, совет, поцелуй, сказка в качестве награды, словесное поощрение – вот лечебные процедуры, которые надо назначать в малых и больших дозах, чаще или реже, в зависимости от данного случая и особенностей организма.

Существуют аномалии, искривления характера, которые надо терпеливо лечить у ортофрениолога.

Существует врожденная или благоприобретенная душевная анемия.

Существует врожденная слабая сопротивляемость моральной заразе.

Все это можно распознавать и лечить. Слишком поспешный и потому ошибочный диагноз и несоответствующее или чрезмерно энергичное лечение приводят к ухудшению.

Голод и пресыщение в сфере духовной жизни так же материальны, как и в жизни физической. Ребенок, изголодавшийся по советам и указаниям, поглотит их, переварит и усвоит, а перекормленный моралью – испытает тошноту.

Ребьячья злость – одна из самых важных и любопытных областей.

Рассказываешь ему сказку – не слушает. Ты не понимаешь почему, но вместо того, чтобы удивиться, как естествоиспытатель, выходишь из себя, сердисься.

– Не хочешь слушать, ладно... Потом и попросишь – не расскажу.

– Ну и не надо, – отвечает ребенок.

А и не скажет, так подумает: по жесту, по выражению лица видишь, что он не нуждается в твоей сказке.

Целуя и обнимая маленького сорванца, я просил его исправиться. Мальчуган расплакался и сказал с отчаянием:

– Ну разве я виноват, господин воспитатель, что вы как раз не любите озорных, а только растян? Вон велите-ка ему стать озорным, он тоже вас не послушает.

Его слезы не означали раскаяния. Он не протестовал против моих ласк и приторных речей, считая их заслуженным суровым наказанием за свои многочисленные прегрешения. Он только думал о своем будущем безнадежно: «Этот симпатичный, но глупый воспитатель не может понять, что я не могу быть другим. Зачем он так строго наказывает меня поцелуями, я ненавижу, когда целуют, дал бы уж лучше подзатыльник или велел бы все лето ходить в рваных штанах».

Суммируя результаты, которые дало клиническое наблюдение в больнице, я спрашиваю: а что же нам дал интернат? Ничего.

Я спрашиваю у интерната: *сколько часов сна необходимо ребенку?* В учебниках гигиены приводится какая-то переписываемая из книжки в книжку неизвестно кем составленная таблица. Таблица гласит, что чем ребенок старше, тем меньше нуждается в сне – ложь. В общем, дети требуют меньше сна, чем мы привыкли думать и, добавлю, чем мы бы хотели. Количество часов сна колеблется в зависимости от стадии развития, в какой находится ребенок: часто тринадцатилетние ложатся спать вместе с маленькими, а десятилетние в это время бодры и не слушаются книжных предписаний.

Тот же самый ребенок сегодня не может дождаться звонка, чтобы вскочить с постели,

независимо от погоды и температуры в спальне, а через год вдруг становится вялым, просыпается с усилием, потягивается, медлит и от холода в спальне приходит в отчаяние.

Аппетит у ребенка: не ест, не хочет, отдает другим, увиливает, обманывает, только бы не есть. Проходит год: не ест, а просто пожирает – крадет из буфета булки.

А любимые и ненавистные блюда? На вопрос, какие у него два самых сильных огорчения, мальчик отвечает: «Первое, что у меня умерла мама, а второе, что меня заставляют есть горошницу».

А бывают дети, которые съедают и по три порции горохового супа.

Но разве можно говорить об индивидуальных особенностях, не зная общих законов?

А эта детская манера горбиться, когда ребята через некоторое время выпрямляются и опять сутулятся? Бледные набирают румянца и снова бледнеют. Уравновешенные становятся вдруг капризными, упрямыми, непослушными, чтобы через некоторое время опять прийти в равновесие – «исправиться».

Сколько мышьякового распутства и ортопедического надувательства исчезло бы в медицине, знай мы весны и осени развития ребенка! Да и где детей исследовать, как не в интернатах? Задача больницы – изучать болезни, резкие изменения, яркие симптомы; вся же ювелирная отделка гигиены, микронаблюдение малейших отклонений должны вестись в интернате.

Мы не знаем детей, хуже того – знаем по предрассудкам. Просто стыд берет, когда на какие-то два-три произведения, действительно писавшихся у колыбели, ссылаются все до омерзения. Просто стыд берет, когда первый попавшийся добросовестный работник становится авторитетом чуть ли не во всех вопросах. Мельчайшей детали в медицине посвящена более обширная литература, чем в педагогике целым разделам науки. Врач в интернате почетный гость, а не хозяин. Неудивительно, что кто-то съязвил, что реформа интерната – это реформа стен, а не душ.

Здесь все еще царит не изучение, а нравоучение.

Читая старые клинические работы, мы видим кропотливость исследований, которая вызывает у нас порой смех и всегда удивление: например, подсчитывалось количество сыпинок на коже при сыпных заболеваниях; врач дни и ночи не отходил от больного. Медицина теперь вправе несколько забросить клинику – возложить надежды на лабораторию. А педагогика, перескочив через клинику-интернат, сразу взялась за лабораторные работы.

Я провел в интернате каких-нибудь три года (за это время можно успеть приглядеться) и не удивляюсь, что собрал целую сокровищницу наблюдений, планов и предположений; в этом эльдорадо еще никто не был, о его существовании не знают.

Мы детей не знаем.

Границы воспитания

«Ребенок дошкольного возраста», «школьный возраст» – это полицейское деление там, где существует школьная рекрутчина. Период прорезывания молочных зубов, постоянных зубов, период полового созревания. Нечего удивляться, что при современном состоянии наблюдений за ребенком мы заметили только зубы и волосы под мышками.

Мы не умеем объяснить даже те противоречия в детском организме, которые бросаются в глаза: с одной стороны, жизнеспособность клеток, с другой – уязвимость.

С одной стороны, возбудимость, выносливость, сила; с другой – хрупкость, неуравновешенность, утомляемость. И ни врач, ни воспитатель не знают, является ли ребенок существом «неутомимым» или хронически усталым.

Сердце ребенка? Знаю. У ребенка два сердца: центральное, переутомленное и периферийное, в эластичных сосудах. Поэтому пульс так легко исчезает, но зато и легко восстанавливается. Но почему у одних детей под влиянием сильного возбуждения пульс замедленный, сперебоями, а у других учащенный и без перебоев? Почему одни бледнеют, а

другие краснеют? Кто прослушивал сердце у ребят, перескочивших сто раз через веревочку? Не в том ли причина кажущейся живучести, неутомимости ребенка, что у него нет опыта расходования энергии до предела? Почему пульс у девочек под влиянием сильного возбуждения более частый, чем у мальчиков; и что это значит, когда у мальчика пульс реагирует «по-девчачьи», а у девочки – «по-мальчишески»?

Все это вопросы не интернатского врача, а интернатского врача-воспитателя.

Воспитатель говорит: «Мой метод, мой взгляд». И он вправе так говорить, даже если имеет слабую теоретическую подготовку и всего несколько лет работал.

Но пусть он докажет, что этот метод или взгляд подсказаны ему опытом работы в таких-то условиях, в такой-то области, на таком-то материале. Пусть обоснует свою позицию – приведет примеры, подкрепит аргументами. Даю ему право даже на то, что является самым трудным и рискованным: право предрекать, предсказывать, что выйдет из данного ребенка.

Но пусть его никогда не покидает сознание, что он может ошибаться. Пусть ни один из его взглядов не станет ни непререкаемым убеждением, ни убеждением навсегда. Пусть сегодняшний день всегда будет только переходом от суммы вчерашних наблюдений к завтрашней, еще большей.

Каждый вопрос и каждый факт должны рассматриваться независимо от общих воззрений. Факты противоречат друг другу, и только по количеству их там и здесь можно делать предположения об общих законах.

Только при соблюдении всех этих условий работа воспитателя не будет ни монотонной, ни безнадежной. Каждый день принесет что-либо новое, неожиданное, необыкновенное, обогатит еще одним данным.

Необычная или редкая жалоба, ложь, спор, просьба, проступок, проявление непослушания, жульничества или геройства станут для него тогда столь же ценны, как для коллекционера или ученого редкая монета, окаменелость, растение, положение звезд в небе. И только тогда он полюбит каждого ребенка разумной любовью, заинтересуется его духовной сущностью, потребностями и судьбой. Чем ближе он станет ребенку, тем больше заметит в нем черт, достойных внимания.

И в исследовании найдет и награду, и стимул к дальнейшему исследованию, к дальнейшим усилиям.

Пример:

Злая, некрасивая, приставучая девчонка. Принимает участие в игре только для того, чтобы ее расстроить. Задирает, чтобы пожаловаться, когда обидают. Проявишь внимание – наглет. Слабое умственное развитие, стремлений нет, чувствительность отсутствует, никакого самолюбия, бедное воображение.

Я люблю ее как естествоиспытатель, который приглядывается к какому-нибудь жалконькому злему существу – и поди ж ты, уродился этакий уродец, такая Золушка природы!

Я строго предупредил:

– Чтобы ты мне не смел вставать с постели!

И вернулся к прерванным вечерним перевязкам.

Когда через минуту в спальне раздалось тревожное: «Господин воспитатель!» – я уже знал, что это значит. Ясно, не послушался и встал, чтобы свести счеты с приятелем.

Я молча дал ему несколько шлепков по руке и, накинув ему на плечи одеяло, повел к себе в комнату.

Раньше, полгода тому назад, он упирался бы, вырывался, хватался за спинки кроватей и дверные косяки. Сегодня у него уже есть опыт нескольких неудачных попыток, и он идет. Удивительно точно размерен шаг: чуть быстрее значило бы, что сдается, чуть помедленнее –

было бы уже сопротивлением. Я слегка подталкиваю его ладонью, лишь настолько, чтобы знал, что он идет недобровольно. Он идет, а на его лице тень, словно душу его окутала черная туча и вот-вот прольется ливнем.

...Стоит, опершись о стенку, опустив голову, не дрогнет.

Я кончаю мелкие процедуры: мажу йодом поцарапанный палец, вазелином – потрескавшиеся губы, капля глицерина на руки, ложка микстуры от кашля...

– Можешь идти.

Я иду следом, – а ну, как ударит по дороге? Нет, покосился только, замедлив шаг, может быть, дожидаясь, – пусть только тронет, пусть скажет: «Ага, в углу стоял!»

Дошел до своей кровати, лег, накрылся с головой одеялом, может быть, нарочно притих, чтобы я шел к себе.

Я хожу между рядами кроватей.

Малый был уже на пути к исправлению, а сегодня опять плохой день. Хлопнул дверью со зла, а дверь стеклянная. Стекло треснуло. А сказал, что это ветер, сквозняк, – я поверил.

Когда прыгали через веревочку, не хотел соблюдать очередь, а не дали, обиделся, не прыгал и всем мешал. Ребята наябедничали. Ужина не съел: не понравилась булка, а дежурный не захотел обменять.

Трудно объяснить ребятам, что ему следует больше прощать, чем им.

Шум засыпающей спальни стихает. Особенная минута, удивительно тогда легко и хорошо думается.

Моя научная работа. Кривые веса, графическое изображение развития, данные изменения роста, прогноз соматической и психической эволюции. Столько надежд – какой же результат?

А если никакого?

А разве мало с меня испытывать чувство радостной благодарности, что дети растут и крепнут? Разве уже одно это недостаточная награда за труд? Разве не вправе я бескорыстно чтить природу: пусть зеленеют всходы?

Вот журчащий ручей, вот нива, сад, шумящий листвой.

И задавать вопросы зернам колышущихся колосьев, спрашивать капли об их назначении?

К чему обкрадывать природу, пусть хранит свои тайны.

Вот спят дети. И пожалуй, у каждого есть хоть один грех: например, оборвал и не пришил пуговицу. Как все это мелко в перспективе грозного завтра, когда ошибка порой мстит за себя целой разбитой жизнью. Такие спокойные и тихие...

Куда мне вести вас? К великим идеям, высоким подвигам? Или привить лишь необходимые навыки, без которых изгоняют из общества? Но научив сохранять свое достоинство? Имею ли я право за эти жалкие крохи еды и заботы в течение нескольких лет требовать, приказывать и желать? Может быть, для любого из вас свой путь, пусть на вид самый плохой, будет единственно верным?

Тишину сонных дыханий и моих тревожных мыслей нарушает рыдание.

Я знаю этот плач, это он плачет. Сколько детей, столько видов плача: от тихого и сосредоточенного, капризного и неискреннего до крикливого и бесстыдно обнаженного.

Неприятно, когда дети плачут, но только его рыдание – сдавленное, безнадежное, злое – пугает. Сказать «нервный ребенок» – этого мало. Как часто, не зная существа дела, мы удовлетворяемся мудреным названием. Нервный, потому что говорит во сне, нервный, потому что чувствительный, – живой – вялый – быстро утомляющийся – не по летам развитый – рогепеге, как говорят французы.

Редко, но бывают дети, которые старше своих десяти лет. Эти дети несут напластования многих поколений, в их мозговых извилинах скопилась кровавая мука многих страдальческих

столетий. При малейшем раздражении имеющиеся в потенции боль, скорбь, гнев, бунт прорываются наружу, оставляя впечатление несоответствия бурной реакции незначительному раздражению.

Не ребенок плачет, то плачут столетия; причитают горе да печаль не потому, что он постоял в углу, а потому, что их угнетали, гнали, притесняли, отлучали. Я поэтизирую?

Нет, просто спрашиваю, не найдя ответа.

Чувства должны быть очень напряжены, если любой пустяк может вывести из равновесия. И должны быть негативными, раз с трудом вызовешь улыбку, ясный взгляд и никогда – громкое проявление детской радости. Я подошел к нему и произнес решительным, но ласковым шепотом:

– Не плачь, ребят перебудуешь.

Он притих. Я вернулся к себе. Он не заснул.

Это одинокое рыдание, подавляемое по приказу, было слишком мучительно и сиротливо.

Я встал на колени у его кровати и, не обращаясь ни к какому учебнику за словами и интонациями, заговорил монотонно, вполголоса:

– Ты знаешь, я тебя люблю. Но я не могу тебе все позволить. Это ты разбил окно, а не ветер. Ребятам мешал играть. Не съел ужина. Хотел драться в спальне. Я не сержусь. Ты уже исправился: ты шел сам, не вырывался. Ты уже стал послушнее.

Он опять громко плачет. Успокаивание вызывает иногда прямо противоположное действие, возбуждает. Но взрыв, выигрывая в силе, теряет в продолжительности.

Мальчик заплакал в голос, чтобы через минуту затихнуть.

– Может, ты голодный? Дать тебе булку?

Последние спазмы в горле. Он уже только всхлипывает, тихо жалуясь исстрадавшейся, обиженной, наболевшей душой.

– Поцеловать тебя на сон грядущий?

Отрицательное движение головы.

– Ну, спи, спи, сынок.

Я легонько дотронулся до его головы.

– Спи.

Он уснул.

Боже, как уберечь эту впечатлительную душу, чтобы ее не залила грязь жизни?

...Скажи лучше, с какими надеждами ты сюда шел, какие питал иллюзии, какие повстречал трудности, как страдал, столкнувшись с действительностью, какие делал ошибки, как, исправляя их, был вынужден отступать от общепринятых взглядов, на какие шел компромиссы...

Я многим обязан летним колониям. Здесь я впервые столкнулся с детским коллективом и на практике изучил азбуку самостоятельной педагогической работы.

Полный иллюзий, лишенный опыта, юный и сентиментальный, я думал, что, многого желая, я многого и достигну.

Я верил, что добиться любви и доверия ребячьего мирка легко; в деревне ребятам следует дать полную свободу, мой долг – быть со всеми равным, каждый малолетний грешник, отнесись к нему хорошо, сразу раскается.

Я стремился сделать детям чердаков и подвалов их четырехнедельное пребывание в колонии «сплошной полосой веселья и радости», без единой слезы. Бедные мои милые друзья, вы, кто, как и я тогда, не может дождаться, когда наконец настанет эта минута! Мне жаль вас, если, расхоложенные с самого начала, поколебленные в самых основах, приписывая вину себе, вы не сумеете быстро восстановить душевное равновесие. Чужой опыт искушает вас, говоря: «Видишь? Не стоит! Поступай как я: заботься о собственном удобстве, не то полетишь ко всем чертям на радость завистникам, не принесешь пользы детям, которым хочешь служить. Не стоит!»

Ты зависишь от людей опытных. Они, что ни говори, справляются со своим делом, а ты, сознайся искренне, стоишь, опустив руки, в недоумении.

Бедняги, как мне вас жаль!

Такая легкая и благодарная задача! У тебя тридцать детей (из ста пятидесяти) и никакой программы. Делай как знаешь. Игры, купание в речке, экскурсии, сказки – полная свобода инициативы. Экономка позаботится о еде, товарищи-воспитатели в случае чего помогут, прислуга присмотрит за порядком, деревня одарит вас прекрасными местами, солнышко – ласковыми улыбками.

Ожидая с нетерпением дня отъезда, я обдумывал отдельные второстепенные детали, не предчувствуя ближайших серьезных задач. Раздобыл граммофон и волшебный фонарь, достал фейерверки, купил про запас шашки и домино, – может быть, их не окажется среди игрушек?

Я знал, что детей придется переодеть в колониистское платье, разместить кого в спальне, кого у себя, и уж конечно, изучить фамилии и лица моих тридцати ребят, а может быть, и всех ста пятидесяти. Но я об этом совершенно не думал – сделается, мол, само собой! Думая о детях, я не задавался вопросом, кто они.

Я поддался обаянию стоявшей передо мной задачи, наивно поверив в ее легкость.

Как запомнить тридцать фамилий, подчас трудных и схожих, и тридцать лиц? Ни в одном из учебников об этом не упоминается, а без этого нет авторитета воспитателя и нельзя приступить ни к какому систематическому воспитанию.

Здесь возникают вопросы: какие дети и какие фамилии прежде всего запоминаются? Каковы индивидуальные особенности зрительной памяти воспитателя? И как все это сказывается на судьбах детей и вообще на работе воспитателя в учреждениях со значительным количеством ребят?

Опыт показывает, что одни дети запоминаются сами, других надо запоминать. Здесь нельзя полагаться на время, потому что, прежде чем наконец ты всех изучишь, ты наделаешь много ошибок, зачастую ставя себя в неловкое положение.

Скорее всего запоминаются калеки и ребята с особой приметой, необычные – очень

маленькие или очень высокие, самые старшие, горбатые, рыжие, на редкость красивые или безобразные. Порой фамилия привлекает внимание воспитателя еще до того, как он увидел самого ребенка. Часто успех папирос или лекарства зависит от удачного названия или упаковки, – к сожалению, то же бывает и с людьми.

Из целого моря впечатлений мы выхватываем легче всего запоминающиеся; при оценке человеческих качеств – то, что проще всего заметить и правильно оценить.

Для ребенка, обладающего некоторыми положительными качествами или умеющего в них принарядиться, важно, конечно, чтобы его знали. Ведь мы общаемся главным образом с детьми, которых мы знаем, – даем им поручения, то есть возможность сблизиться с нами, найти общий язык, отличиться. И они чувствуют себя увереннее, ближе к нам – они уже привилегированные.

Ребенку приятнее обратиться с просьбой или вопросом к воспитателю, который его знает, да и воспитатель охотнее выслушает ребенка, о котором он слышал, кого помнит, знает в лицо. То, чего заурядному ребенку приходится добиваться, ребенку с запоминающейся внешностью или фамилией дается само собой.

Остающиеся в тени ребята, чувствуя несправедливость или, наоборот, поверив в простоте души в свою никудышность, сторонятся тебя еще больше. Теперь, желая ближе познакомиться, ты должен суметь подойти к ним. Иначе ты их лишаешь своей помощи и совета, предоставляя в конфликтах с толпой ребят собственным силам и переживаниям.

В каждой конторе, на каждой фабрике, в каждой казарме есть свои обездоленные судьбой потому лишь, что начальник незнаком с ними, не знает о них, не помнит. Так подчас пропадают зря ценные силы.

И дети, быстро приобретя опыт, ждут при первой встрече с тобой: маленький Мицкевич или Собеский [30] – шутивого вопроса, красивенький – приветливой улыбки, а дурнушка-рыжик или Баран наперед знают, что от нового окружения жди новой беды. И если ты на красивенького, самоуверенного лишь подольше и повнимательнее взглянул, а злополучную фамилию прочел быстрее и тише, ты уже оправдал надежды первого и подтвердил опасения второго.

На основании внутренних достоинств и недостатков скорее всего познаешь вспыльчивых или надоедливых и плохо воспитанных или воспитанных лучше, чем обычно. Сами о себе дают знать, сея тревогу, проделки озорников и плаксивые визги зануд; дети из бедных семей доставляют хлопоты своим одичанием; дети из более обеспеченных семей и подхалимы привлекают внимание хорошими манерами. Будут там, наконец, и ребята проворные и себе на уме, которые силком навяжут тебе помощь, совет, справку.

И все эти дети: красивенькие, с громкой фамилией или из состоятельных семей – настойчиво требуют, чтобы я признал их и выдвинул на первый план из серой толпы, которая должна остаться в тени, и удивляются, если я не делаю этого сразу, и возмущаются, если я этого вообще не хочу делать, и используют все способы борьбы, какие в ходу у взрослых.

Молоденький князь в школе для богатых, сынишка войта в народной школе если сами не додумаются и не потребуют, так их кто-нибудь подучит – требуй, а не получил, чего хотел, мсти: «Скажи, что учитель бьет, не молился, нехорошо отзывается о начальстве, плохо учит, совсем с нами не занимается». Или испачкают тебе мелом стул, загадят уборную, устроят беспорядок во время инспекторского обхода, взбунтуют бесцветных и равнодушных и втянут в некрасивую историю самых невинных, как раз тех, кого ты желаешь оградить от обид.

Радостно ожидая дня отъезда в колонию, я по своей наивности не подозревал, сколько нужно такта и осмотрительности, чтобы овладеть грозной оравой ребят.

Я не испытывал никаких опасений и тогда, когда увидел, что некоторых я должен был по нескольку раз уговаривать не высовываться из окон вагона и не выскакивать на площадку. Уже один мальчик собирался было встать в дверях и последить, а другой записывать фамилии

непослушных. Я отверг оба проекта, резко заметив:

– За собой следи, и тебе не стыдно записывать товарищей?

– Они мне не товарищи, – презрительно буркнул мальчишка.

Я по-детски возмутился.

Были и такие, которые умирали от жажды; этим я терпеливо и безрезультатно объяснял, что сразу по приезде на место они напьются молока.

Я слишком уж заботливо утешал мальчика, ревавшего потому, что его разлучили с матерью; чересчур старательно следил, как бы кто не выпал из окна, и, желая сдружиться с группой, тратил драгоценное время на пустые разговоры, вроде: «А ты уже был в деревне? А тебе жалко, что с тобой не едет младший братишка?»

Я принял от ребят деньги и открытки, стараясь поскорее покончить с этим низменным занятием: шутливо пробирая, когда кто-нибудь давал уже смятые и запачканные открытки, и с досадой успокаивая тех, кто, видя, как я бесцеремонно обращаюсь с их собственностью, предупреждал, что его открытки чистые, а сдаваемая на хранение монета новая и блестящая. Что делать с зубными щетками, которые они тоже хотели было мне отдать, я не знал: «Пускай пока побудут у вас».

Покинув с чувством облегчения поезд, я гордо констатировал, что все обошлось благополучно и все ребята налицо. Оставалась еще часть пути на лошадях.

Будь у меня крупица опыта, я мог бы предвидеть, что ребята, не предупреди их, бросятся как попало к телегам; юркие и предприимчивые захватят самые удобные места, а неуклюжие перетеряют мешки с одеждой и с этими своими несчастными зубными щетками; ребят придется пересаживать и поднимется крик и суматоха.

Порядок целиком зависит от умения предвидеть. Предвидя, я могу все предотвратить.

Отправляясь на более или менее длительную прогулку, я обязан предупредить ребят, чтобы они сходили в уборную, не то шепнут мне по секрету, что им хочется в уборную, в трамвае или на улице...

На прогулке мы подходим к колодцу с оградой. Я останавливаю ребят:

– Встаньте парами. Будете подходить к колодцу по четыре человека.

Не предупреди я, никакие усилия не помогли бы сохранить порядок. И выйдет ли драка, потопчут ли ребята газон или развалят ограду, – виноваты не дети, а неопытность воспитателя.

Все это мелочи; такой опыт при желании приобретается быстро, но отсутствие его сказывается моментально, определяя порой все дальнейшие взаимоотношения ребят и воспитателя.

Путь в колонию был для меня сущей мукой. Когда первый мальчик соскочил с телеги – надоело ехать, – мне следовало велеть ему сесть обратно, а я не сделал этого. И вот дети, проделав остаток пути частью на телегах, частью пешком, отчаянно голося, толкаясь и теряя мешки и молитвенники, возбужденные и ошеломленные, вваливаются на веранду. Ни в одном учебнике педагогики не сказано, что там, где тридцать ребят переодеваются в казенную одежду, обязательно найдутся несколько таких, кому все рубашки будут длинны или узки в плечах или в вороте.

Груды белья и верхней одежды, вертлявая разошедшаяся ребятня и отсутствие опыта у воспитателя... Переодев нескольких, и я и дети убеждаемся, что одни добрые желания не заменяют сноровки.

С нескрываемой радостью я принял помощь экономки, которая безо всяких усилий и спешки быстро управилась не только с детьми, но и с бельем (его я успел-таки перепутать). Нескольких недовольных слишком длинными рукавами, отсутствием пуговиц или тем, что широки штаны, она успокоила, обещав завтра же все уладить.

Секрет ее триумфа, а моего поражения состоял в том, что я хотел, чтобы все было к лицу, хорошо сидело и вдобавок было красиво, а она знала, что это невозможно; я занялся несколькими (остальные ждали в нетерпении), а она сразу раздала половину рубашек, малышам – самые маленькие, средним и самым большим – большие, предоставив собственной их инициативе более точную подборку по фигуре. То же со штанами и блузами. В результате ловкие и хозяйственные ребята оказались одетыми в свой размер, а нерасторопные и непрактичные – словно маленькие ярмарочные клоуны. Но – а это главное – когда позвонили к ужину, все ребята были переодеты, а их собственное платье упаковано в мешки, снабжено номерками и сдано в кладовую.

Как рассадить детей за столом?

Я не учел и эту проблему. В последнюю минуту я наспех решил, исходя из главного принципа «свобода»: пускай сидят как хотят. Я не подумал, что, в сущности, только четыре угловых места особые, а все остальные одинаковые, и, значит, из-за этих четырех мест будут ссоры, и тем крупнее, чем больше найдется на эти места любителей.

Я не учел, что споры из-за этих четырех мест будут повторяться за каждой едой, что те, кто занял их первыми, станут упорствовать, ссылаясь на право первенства, а остальные – на право равенства.

Я не учел, что при постоянной смене мест и симпатий ребята будут менять и соседей, а значит, опять ссоры при раздаче молока и супа, обладающих свойством проливаться и пропадать для еды.

Я не учел и того, что при постоянной смене мест мне будет труднее изучить ребят.

Я даже был так глуп, что предоставил детям самим выбрать себе кровати: где кто хочет. Ей-ей, если бы мне самому дали выбрать, я не знал бы, на чем остановиться. Распоряжение это было так явно нелепо, что я быстро его отменил, однако не настолько быстро, чтобы и тут не обошлось без крика и суматохи. Я уложил детей по списку и почувствовал огромное облегчение, когда наконец настала относительная тишина.

Я неясно представлял причины своего поражения, но был слишком ошеломлен, чтобы искать их источники.

Экономка в третий раз звала меня ужинать; остальные надзиратели давно покинули свои спальни.

Я считал, что в первый вечер не следует оставлять ребят одних: ребята могут перетрусить, плакать, но опытная экономка утверждала, что они устали и уснут. И как ей было не поверить? Действительно, большинство уже спало. Я ушел, но ненадолго: пришлось вернуться и сделать перевязку мальчику с рассеченным пряжкой лбом; второму воителю подбили глаз: цвет синяка менялся в течение ряда дней с красного на желтый, с желтого на черный и с черного на грязно-серый.

– Неплохо для начала сезона, – сказала экономка.

Я нашел ее замечание резким и обидным, и тем более несправедливым, что она сама уговорила меня уйти из спальни.

Следовало учесть, что если одни дети и уснут, то другие, возбужденные переменой обстановки, не смогут уснуть и, только тронь, перессорятся и передерутся. Я готовился не мирить несогласных, а утешать тоскующих и печальных, но – о диво! – тот, кто хныкал дорогой, теперь крепко спал.

Я не заметил главного: такой серьезный поступок, как драка, является грозным предзнаменованием, показывая, что мой авторитет пошатнулся уже в первый день моей незадачливой деятельности.

Добавлю, что все лицо у одного из участников драки было в оспинках; вероятно, это

сыграло некоторую роль в ссоре, столь фатально закончившейся для моих радужных надежд. «Ни единой слезы» стояло в программе; а слезы были уже по дороге в колонию, и теперь – кровь.

Ночью я спал плохо. Кто-то из ребят, не привыкший спать один на узкой кровати, съехал с набитого свежей соломой матраца и с шумом свалился на пол. Кто-то то ли застонал, то ли забормотал во сне; то опять мне представилось, что мальчик с подбитым глазом может потерять зрение. Нервы были натянуты как струны.

Я проработал десять лет репетитором и не был ни юнцом, ни новичком на педагогической ниве, прочел массу книг о детской психике. Несмотря на это, я был бессилён постичь тайну коллективной души ребячьего общества. Что оно выдвигает какие-то новые требования, которые застали меня врасплох, не подлежало сомнению.

Самолюбие мое страдало, овладевала усталость, – как, уже?

Может быть, я и тешил ещё себя надеждой, что после первого, как-никак исключительного, дня наступят те долгожданные, излучающие улыбку, но что делать, чтобы обеспечить себе спокойное завтра, я не знал.

Основная моя ошибка была та, что я отмахнулся с досадой от помощи прошлогоднего дежурного: на первых порах он был бы незаменим. И пусть стоял бы в дверях вагона и следил, и пусть даже записывал бы, если так у них всегда было. И пусть сказал бы, как сделать, чтобы ребята не прятали от меня деньги, и как ребята обычно сидят за столом, и как спят, и куда ходят купаться.

Анализ всех этих ошибок был бы бесконечно поучителен. К сожалению, если я и делал записи, то опуская неудачи, раны были слишком свежи и чувствительны. Теперь, четырнадцать лет спустя, я уже не помню подробностей. Знаю лишь, что ребята жаловались, что они голодные и болят ноги от хождения босиком; что на вилках песчинки и холодно без пелерин; знаю, опытный надзиратель возмущался, глядя на беспорядок и разболтанность у меня в группе, а экономка давала указания касательно благополучия моей особы, которой я, слишком усердствуя, наносил урон. Знаю, сторож жаловался, что ребята загадили лес и разрушали веранду – вытаскивали кирпичи из столбов; что моя группа, когда умывается, расходует больше всех воды, а ведь её приходится накачивать в бак.

Наконец, на пятый или шестой вечер настало и это, самое худшее.

Ребята лежали в постели в полутемной спальне, как вдруг начался кошачий концерт.

Кто-то резко свистнул, кто-то запел, ещё один залаял, зарычал, опять кто-то свистнул, и все это с некоторыми паузами, в разных углах зала.

Я понял.

А ведь у меня были сторонники среди ребят. Я беседовал с ребятами, объяснял им, обращался к ним с просьбами, встречая и понимание, и хорошее отношение. Но я не умел ни выявить, ни тем более организовать положительные элементы моей группы. И вот самолюбивые и неискренние ребята, чьи надежды я обманул, а помощь с презрением отверг, быстро стакнулись между собой, воспользовавшись моей неопытностью, и, увидя мою слабость, бросили вызов.

Я медленно ходил между кроватями; ребята, как примерные, лежали с закрытыми глазами, кое-кто даже натянул на голову одеяло – и глумились напропалую, бросали вызов, бунтовали.

У нас в гимназии был учитель, вся вина которого заключалась в том, что, слишком снисходительный, он не мог справиться с классом. С ужасом вспоминаю оргии злобных выходов, которыми мы его преследовали.

Так умеют мстить ненавистной власти лишь рабы, почуяв свою силу. И в каждой школе-деспоте всегда есть среди персонала подобная жертва, которая молча страдает, одинаково страшась начальства и детей.

За эти несколько минут, которые длились целую вечность, я пережил многое.

Так вот ответ на мое доброе отношение, энтузиазм, труд? Острая боль пронзила мое сердце. Хрустальный дворец мечты рухнул, разбившись вдребезги.

Гнев и уязвленное самолюбие: я стану посмешищем в глазах тех, кого превосхожу чувствами, кого хотел переубедить, увлечь примером, быть может, заставить себя ценить.

Я встал посреди зала и спокойно, глуховатым голосом заявил: «Поймаю, отколочу». Сердце готово было выскочить, губы прыгали. Меня прервал свист. Я схватил свистуна и выдрал за уши, а когда он было запротестовал, пригрозил вышвырнуть на веранду, где бегала спущенная на ночь с цепи собака.

Знаете, кого я ударил? Того, который свистнул всего один раз, в первый раз. Зачем он это сделал, он не умел объяснить.

Какой превосходный урок дали мне дети!

В белых перчатках, с бутоньеркой в петлице я шел к голодным, холодным и обездоленным за приятными впечатлениями и сладкими воспоминаниями. Я хотел откупиться от своих обязанностей несколькими улыбками и дешевыми фейерверками; я даже не потрудился выучить фамилии, раздать белье, позаботиться о чистоте в уборной.

Я ждал от ребят симпатии, закрывая глаза на пороки, возвращенные в закутках столичной жизни.

Я думал о развлечениях, не о работе; бунт ребят показал мне отрицательные стороны радостных каникул.

И что же? Вместо того чтобы подвести итог своим ошибкам, я, обозлясь, науськал на парнишку собак.

Мои коллеги пришли сюда поневоле, ради заработка; я – ради идеи; может быть, дети почуяли фальшь и покарали.

Под вечер следующего дня один мальчик предупредил меня, что волнения повторятся и, вздумай я бить, ребята не дадутся – припасли палки.

Надлежало действовать быстро и энергично. Я поставил на окно яркую лампу и сразу, как вошел, забрал палки и отнес к себе: завтра, мол, возвращу.

Поняли ли они, что их предали, оробели ли из-за яркого света, зачеркнуло ли их планы отсутствие оружия для самообороны, – достаточно, что я победил.

Заговор, бунт, измена, репрессии – так ответила жизнь на мои мечтания.

– Завтра я с вами поговорю, – гласило грозное обещание вместо сентиментального «спокойной ночи, детки», которым я потчевал их первые вечера.

Как победитель я проявил такт.

И опять жизнь научила меня, что истоки нашего благополучия порой лежат там, где, как полагали мы, постигла нас катастрофа, что бурный кризис – часто начало выздоровления.

Я не только не потерял расположения ребят, наоборот, наше взаимное доверие возросло. Для них это был мелкий эпизод, для меня – переломное событие.

Я понял, что дети – сила, которую можно привлечь к совместной работе или оттолкнуть, сила, с которой приходится считаться. Эту истину, по странному стечению обстоятельств, я постиг благодаря палке. Проводя на другой день в лесу беседу, я впервые говорил с ребятами, а не ребятам, и говорил не о том, какими я хочу, чтобы они были, а о том, какими они сами хотят и какими могут быть. Может быть, именно тогда я впервые понял, что у детей можно многому научиться, что и дети требуют, ставят условия и делают оговорки, и имеют на то право.

Форменная одежда тяготит детей не потому, что она одинакового покроя и цвета, а потому, что часть детей из-за несоответствующей одежды испытывает физические страдания. Сапожник не учтет особенностей ноги ребенка, если зоркий воспитатель не заметит их, не поймет и не укажет. Дайте нюне удобную обувь, и он, может быть, станет подвижным и веселым. По уставу

колонии дети летом должны ходить босиком – это большая радость для тех, кто и в городе ходил босым, и пытка для некоторых с исключительно нежной кожей. Малокровным и малоподвижным ребятам нужна более теплая одежда. Как отличить каприз от действительной потребности в интернате, если это нелегко сделать даже в семье? Как установить границу между тем, к чему ребенок легко привыкает, что составляет мимолетное неудобство, и тем, что является особенностью его организма, индивидуальным отличием единицы в толпе?

В интернате существует единая для всех норма сна. И тут доза сна рассчитана на среднюю детскую потребность, хотя отклонения значительны. У тебя всегда будут вечно сонные дети и такие, с которыми ты вынужден тщетно бороться за утреннюю тишину в спальне. Ведь это суцая мука для ребенка – лежать в постели и не спать, как и вставать, когда он еще сонный. Наконец, единая для всех норма питания, которая не учитывает возраст и совершенно обходит стороной различие appetitов детей приблизительно одного возраста.

Вот откуда у нас в интернате несчастные дети, неудобно или недостаточно тепло одетые, вечно ключющие носом или, наоборот, нарушающие дисциплину в отношении сна, полуголодные и голодные.

Все это вопросы первостепенной важности, решающие в деле воспитания.

Нет более печального зрелища, чем голодные ребятки, рвущиеся за добавкой или ссорящиеся из-за куска хлеба; нет фактора более деморализующего, чем торговля пищей.

На этой почве возникают острейшие разногласия между добросовестным воспитателем и добросовестной экономкой. Воспитатель быстро поймет, что голодающего ребенка не перевоспитаешь, голод – дурной советчик.

Родители могут сказать: «Хлеба нет» – и не потеряют из-за этого любви и уважения; воспитатель имеет право сказать так лишь в виде исключения, повторяю, лишь в виде исключения и лишь тогда, когда он сам голодает.

Разницу между обычным средним детским рационом и большим аппетитом следует восполнять хлебом – кто сколько хочет и может съесть.

Знаю, ребята станут носить хлеб в карманах, прятать под подушку, оставлять на подоконниках и топить в уборных. Так будет с неделю, при неумных воспитателях – с месяц, но не дольше. Можно наказать ребенка, который так поступает, но нельзя угрожать:

– Мы вам перестанем выдавать хлеб.

Более предусмотрительные тогда, опасаясь обещанных репрессий, станут делать запасы.

Знаю, ребята будут обжираться хлебом, а нормальная еда пойдет на помойку. Наверное, там, где неопрятно приготовленная невкусная пища столкнется с не вконец изголодавшимися ребятами, она будет вынуждена отступить перед не слишком заманчивым, но и не противным вчерашним хлебом.

Знаю, объестся тот или другой дуралей – заботы, волнения; но, верьте мне, он это сделает раз, другой – не больше; не имеют опыта лишь те, за кем слишком следят.

Несогласия будут даже там, где между экономкой и надзирателями царит полная гармония. Если дети сыты, часть приготовленной еды иногда остается. Жаркий день, спешка из-за экскурсии, чуть подгорело молоко – а уж экономка с попреками:

– Половина каши не съедена, а вот хлеб, который нашли под верандой...

Пусть воспитатель выпьет для примера полный стакан подгорелого молока; пусть предупредит ребят, что, если они не съедят суп, прогулки не будет; и пусть дает хлеба вволю, но небольшими кусками; пусть посчитается с печальями экономки, но выдача хлеба должна остаться, нельзя капитулировать, ни на один день нельзя.

Воспитатель склонен относиться несерьезно к заботам экономки; экономка склонна видеть эту несерьезность и там, где ее нет. Но при обоюдном добром желании несогласия будут лишь

такие, какие и должны быть между людьми, которые работают в одной области, но на разных участках. Надо быть тактичным, а воспитателю, который, всплыв, может забыться и сказать: «Занимайтесь лучше своими горшками и не суйтесь к детям», – я напомним, что экономка имеет полное право ответить:

– А вы вашим ребятам получше зады подтирайте, а то прачка никак белье не отстирает.

В самом деле, если экономка обязана следить за чистотой на кухне, то воспитатель и за чистотой белья. Добрая воля подскажет им правила тактичного поведения, вразумит, что оба они служат одному и тому же доброму делу.

Если только она налицо, эта добрая воля.

Дети уже сыты. Ты считаешь, что преодолел сопротивление – нет, оно лишь притаилось. Возможно, суп сегодня нарочно пересолен, а рис разварился в кисель. Возможно, порции мяса нарочно большие и, кроме того, картошки вволю, а на десерт прокисшие вишни: «пусть, мол, у него ребята расхвораются, увидит, чем это пахнет». Весь рис в помойном ведре, после соленого супа ребята набухают воды, и крыжовник или кислое молоко довершат остальное.

Помни, юный воспитатель, если ребенок бывает изоциренно жесток, он это делает бессознательно, по подсказке. Коварство же взрослого, которому ты помехой, безгранично.

Обездоленные и забытые мстят здесь за пережитые обиды. Обманутые в честолюбивых стремлениях тешат себя здесь бесконтрольной властью, требуя почета, милостиво принимая услуги, деспотично повелевая. Серые и неспособные, смиренные и лицемерные найдут здесь хлеб ценою молчания и самой грязной работы. Если ты мешаешь им, не надейся, что они уступят без долгой, упорной и яростной борьбы; слишком быстрая и легкая победа таит в себе зачатки поражения: враг ждет, когда ты устанешь, а тем временем старается усыпить твою бдительность или собрать против тебя улики. Если поздно вечером к тебе в комнату вошла молоденькая горничная с поручением от экономки, это может быть простой случайностью, а могло и иметь особую цель. Чем ты моложе и неопытнее, тем осмотрительнее ты должен поступать, осторожнее говорить и быть начеку, когда что-нибудь уж очень легко тебе дается.

Хочешь ли ты плыть по течению, подчиняясь власть имущим, опираясь на ловкачей и проныр, помыкая маленькими людьми, подавляя непокорных и непослушных; хочешь ли ты во все вникать, удовлетворять каждое справедливое требование, не допускать злоупотреблений и выслушивать жалобы, – у тебя должны быть враги, будь ты министр или скромный воспитатель. Если ты слишком рьяно, неосмотрительно и уверенно вступишь в бой, ты обожжешься разок-другой и, быть может, потеряешь охоту продолжать экспериментировать ценою душевного спокойствия, а подчас и ценою средств к существованию и всей своей будущности. Чем легкомысленнее взлет, тем опаснее падение...

А впрочем, не верь мне, я лгу, я старый брюзга. Действуй, как тебе велит сердце, стремительно, напористо, без компромиссов и колебаний... Выживут тебя – придут новые, встанут на твое место, поведут дальше. С нечестным – никаких сделок, разгильдяя – прочь с дороги, подлеца – в морду. У тебя нет опыта – тем лучше. Если опыт указывает дорогу, которой ты можешь ползти всю жизнь, так ты его не захочешь: лучше час, да парить в небе... А победят тебя... что ж, не будешь достопочтенным для седых и лысых, зато для юных останешься героем.

Не останавливайся на половине дороги.

Брось кукситься – сам хотел...

Не говори, что тебя не предупредили, ввели в заблуждение, обманули...

Речь моя о позавчерашнем шуме была приблизительно такова: «Я побил мальчика – я поступил плохо.

Я пригрозил выбросить его на веранду, где его покусает собака, – это очень гадко. Но кто виноват в том, что я совершил два гадких поступка? Виноваты ребята, которые нарочно шумели,

чтобы я разозлился. Возможно, я наказал невиновного. Но кто виноват? Виноваты ребята, которые нашалили и попрятались, пользуясь темнотой. А вчера почему было тихо? Потому что горела лампа. Значит, это вы виноваты, что я поступил несправедливо. Мне очень стыдно, но пускай и вам будет стыдно. Я сознался, а теперь вы сознайтесь. Дети бывают хорошие и плохие. Каждый плохой ребенок может исправиться, коли захочет, я ему в этом охотно помогу. Но и вы помогите мне остаться хорошим, чтобы я с вами не испортился. Мне очень досадно, что у одного из вас подбит глаз, а у другого забинтована голова, что пан Х вами недоволен и что на вас жалуется сторож».

Потом каждый говорил: хороший он и послушный, или так себе, или и сам не знает, какой он; потом говорили: очень им хочется исправиться, или только немножко, или вовсе не хочется. Все это мною записывалось. Я узнал, кто правые, кто левые и кто центр в группе...

Бывают же сборники политических и судебных речей и проповедей. А почему нет печатных речей воспитателей к ребятам? Всем кажется, что это легко – говорить с детишками. Некоторые обращения к детям я писал по неделе и больше.

Мы все вместе решали, что делать, чтобы ребята не загаживали лес, не шумели за столом, не бросали куда попало хлеб и шли по сигналу купаться или к столу.

Я продолжал делать все те ошибки, от которых желаю вас уберечь, но уже заручился у части ребят моей группы обещанием мне помогать.

Глупости сами мстили за себя тщетностью усилий и бесполезной тратой энергии. Ребята пожимали плечами, порой старались переубедить меня; часто я уступал. Помню разговор об отметках по поведению. Я не хотел ставить оценок: все заслуживают пятерку, каждый старается быть хорошим, а если не может, наказывать не за что.

– Не напишу я, что у меня пятерка, он подумает, что я плохо себя веду.

– Вон у других воспитателей – у сорванца и то хоть тройка, да есть, а я послушный – и у меня ничего.

– Если я сделал что-нибудь плохое и вы поставили мне отметку, я знаю, что с этим уже покончено.

– Без оценок и слушаться не хочется, а почему, сам не знаю.

– А я не так. Когда вы ставите отметки, а я сделал что-нибудь плохое, я думаю: и пусть ставит мне тройку. А не поставите – неприятно.

Обдумайте каждый из доводов, и вы увидите, какие важные тут затронуты вопросы и как ясно обозначились индивидуальные особенности ребят.

Я уступил: каждый сам называет заслуженную им отметку; некоторые с огорчением: «Не знаю».

Я довольно долго придерживался ложного взгляда, что номер унижает ребенка. Я упорно не хотел ставить ребят в пары, сажать по порядку номеров за стол. А дети номерам рады: ему девять лет и у него девятый номер, у него двадцатый номер, а тетка его живет как раз в доме № 20. И разве унижает театрального зрителя, что у него номер на билете? Воспитатель обязан знать ребят, уметь назвать в душевной беседе уменьшительным именем, каким зовет мама. Надо знать и семью воспитанника – спросить о больной сестренке, о дяде, оставшемся без работы.

Если кровати закрепляются по порядку номеров, пятерым из тридцати шести захочется поменять место: одному захочется спать рядом с братишкой, другому – потому что сосед разговаривает во сне, третий хочет быть поближе к комнате воспитателя, а четвертому страшно.

Ребята ходят купаться парами по порядку номеров; если кто-либо хочет поменять место, чтобы пойти вместе с приятелем, номер не должен служить препятствием, пусть ребенок сменит пару или место. Уже в первые дни пребывания в колонии номер может стать как бы фамилией, сквозь которую проглядывает личность ребенка, пока не проклюнется наконец полностью его

нравственный и умственный облик. Тогда неизбежный номер не приносит вреда.

Я нес свои чувства детям, а те не хотели их, плохо переносили, пугались. Я наивно считал, что за четыре недели можно исцелить любое страдание, залечить всякую рану. Я терял время попусту.

Я окружал заботой наименее стоящих ребят, вместо того чтобы оставить их в покое.

С умилением вспоминаю, как, идя навстречу моим просьбам, ребята принимали в игру таких, которые мешали играть, и уступали задирам, еще больше наглевшим от поблажек.

Даю чудесный мяч не умеющему толком играть глупышу, и он носит его в кармане, ведь у всех равные права на мяч: я давал его «справедливо», по очереди.

Я добивался от честных ребят, не желавших брать на себя невыполнимые обязательства, «добровольного» обещания исправиться.

И радовался, что дело идет на лад, не считаясь ни с бессонными ночами, ни с шедшими на убыль силами.

К ребятам, их спорам, делам и играм я относился свысока – все это были для меня тогда «мелочи».

Работа в летних колониях тяжелая, но зато благодарная. Ты сразу получаешь большое число ребят; в любом же другом интернате они добавляются по одному или небольшими группами к уже имеющимся, прошедшим известную обработку. Присмотр за детьми на большой территории тоже нелегкое дело. Особенно тяжела первая, организационная неделя, да и последняя требует от воспитателя усиленной бдительности: ребята, все мысли которых обращены к городу, снова во власти городских привычек.

Добросовестный и неопытный воспитатель может тут почти безболезненно испытать свои силы; на живой работе он быстро ознакомится с проблемами воспитания в интернате и, не отвечая за дальнейшее, может объективнее оценить свои пороки и недостатки. Осознав ошибки, он имеет возможность в следующем сезоне, с новой партией ребят, без свидетелей прошлых ошибок начать все заново, на новых основаниях.

Ему не надо экономить силы и рассчитывать энергию и душевный подъем на большой срок. Устал – лето кончится, отдохнет.

Приобретенный опыт в первый месяц даст ему радостное сознание наличия прогресса в следующем, он быстро заметит разницу, а это поощрит его к дальнейшим усилиям.

Кажется лишь, что работа первого сезона потеряна невозвратно: во втором сезоне будут приятели, знакомые или родственники ребят, бывших в первом сезоне. Поговори с ними, и ты увидишь, что они уже знают тебя и твои требования: еще до того, как тебя увидят, они уже чувствуют к тебе симпатию и готовы признать твой авторитет.

Второй сезон начался под более счастливой звездой.

Получив накануне отъезда список, я принялся заучивать подряд все фамилии. Некоторые внушали доверие, иные – опасения. Я не шучу, сами подумайте, как это звучит: маляр Пылица, крестьянин Улита, сапожник Недоля.

Вооружившись тетрадью и карандашом, я записывал все, что поразило меня в ребенке при первом знакомстве. Оценками первого впечатления были плюсы, минусы или знаки вопроса против фамилии. Короткое «симпатичный, сорванец, ротозей, неряха, дерзит» – первой характеристикой, которая могла подтвердиться или не подтвердиться, но давала общее представление о ребенке.

Так библиотекарь разбирает партию книг, с любопытством обшаривая взглядом заглавие, формат, обложку. Приятное занятие: ого, будет что почитать!

Я отметил особо рекомендованных ребят, ребят, которых провожало много народу, у кого было много подарков в дорогу, и опоздавших. Уже есть в тетрадке первые вопросы, просьбы,

советы, тем и любопытные, что они первые.

Если один роняет регистрационный листок, а сосед поспешно поднимает его и подает улыбаясь; если один быстро и громко отвечает, когда его вызывают по списку: «Здесь», а за другого отвечает мать; один отталкивает того, кто занял его место, а другой жалуется; один вежливо кланяется, а другой угрюмо озирается по сторонам – все это имеет для воспитателя громадное значение и, подмеченное и запечатленное в памяти или в записной книжке, служит ценным познавательным материалом.

Забирая у ребят почтовые открытки, я кладу их в пронумерованные и сложенные вдвое листки бумаги, потому что одни открытки разлинованы, другие засалены или помяты.

Совершенно справедливо обижались ребята в первом сезоне, что им дают, когда они пишут домой, не их открытки.

Деньги я завертывал в пронумерованные бумажки и завязывал в носовой платок, тоже приготовленный накануне. Это – вклад, чужая собственность, тем более неприкосновенный, что сделан по принуждению. Отдавая свои десять грошей, ребенок вверяет тебе все состояние: ты обязан относиться к нему серьезно.

В дверях вагона стоял дежурный, у каждого окна – тоже. У меня было время перекинуться несколькими словами с каждым ребенком, и записная книжка опять пополнилась новыми деталями.

Я отмечал, кто кланчал попить, ябедничал, подрался у окошка.

В третий раз продефилировала передо мной вся группа, когда я ставил химическим карандашом номера на мешках. И тут, когда я называл фамилию, одни подходили быстро, а других приходилось выкликать по нескольку раз.

Были и такие, которые, вместо того чтобы глядеть в окно, с любопытством следили, обступив меня, за тем, что я делал. И опять кто-то плакал: я послал одного мальчика его утешить, у него это лучше выйдет, а впрочем, пускай даже поплачет.

Я предупредил, что на станции нас будут ждать повозки и чтобы ребята сходили в уборную сейчас, в вагоне; что нельзя помногу забираться на повозку и нельзя по дороге слезать и что если у кого окажется не его размера одежда, завтра же ему ее обменяют. Два прошлогодних колониста помогут раздать молоко, трое других – одежду.

Я старался завязать деловую дружбу, а не пустой флирт. Я отметил, у кого грязные уши, длинные ногти, грязная рубашка: если мать перед отъездом не привела ребенка в порядок, значит, она не только бедна, но и небрежна; иногда такой ребенок живет самостоятельно, без надзора, а то и вовсе нет матери. Когда я переодену их и умою, эта деталь будет утрачена.

Я соглашался на любое предложение помочь мне, в чем-либо меня выручить. Я знал, что моя задача – организация и контроль, что самому мне всего не одолеть и что я сдам экзамен на хорошего воспитателя, если у меня будет время на наиболее важные дела и на заботу о детях, исключительных по своему здоровью, темпераменту, запущенности, никудышности или большой духовной ценности. И когда переодетые ребята сели по порядку номеров за стол, я стал изучать лица.

Я уже сейчас знал свою группу лучше, чем в прошлом сезоне после нескольких дней работы. Одного я узнаю по веснушкам, другого по бровям, третьего по родимому пятнышку на носу, четвертого по форме черепа. Всегда остается несколько таких, в ком ты усматриваешь несуществующее сходство и долгое время путаешь. Этих трудностей школьный учитель не знает, ученики у него закреплены неподвижно на партах; зато хорошо знают их школьный надзиратель, инспектор, директор. И легко шалить такому неприметному, коли ответ за себя и за других держат два-три козла отпущения.

«Ага, попался, тебе не впервой, ты всегда». А настоящий виновник посмеивается

втихомолку.

Я потому так настаиваю на быстром ознакомлении со всеми ребятами, что всякие вредные предубеждения (как в пользу ребенка, так и против него) вытекают именно из этого незнания детей.

Я не очень, кажется, удалюсь от истины, если скажу, что у миловидного, со славной рожицей ребенка есть все данные считаться хорошим, а у некрасивого или с каким-нибудь физическим недостатком – плохим. Отсюда одинаково несправедливое предубеждение некоторых воспитателей против красивых детей. Еще раз повторяю: воспитатель, который не знает хотя бы одного из своих воспитанников, безусловно и в любом случае окажется плохим воспитателем.

Вечером, когда все уже были в постели, я провел беседу о ребятах предыдущего сезона: «Я расскажу о ребятах, которые спали на пятой, одиннадцатой, двадцатой и тридцать второй кроватях. Один из них оказался очень славным малым, другой был всегда и всем недоволен, третий очень растолстел, а с четвертым как-то ночью случилась беда: он сделал под себя, и ребята сначала нехорошо смеялись над ним, а потом убедились, что это слабый и больной мальчик, и взяли над ним шефство. И где-то они теперь и о чем думают?»

В этих четырех взятых из жизни рассказиках были и мораль, и распорядок дня, и более сложные проблемы колониистского житья-бытья.

Я предупредил ребят, что делать, если они ночью испугаются или слишком рано завтра проснутся.

И все заснули – кроме двоих.

У одного дома остался больной дедушка, и мальчик все о нем думал; а другому мать говорила на сон грядущий «спокойной ночи». Этого последнего, одного из тридцати восьми, надо было в тот вечер, чтобы он мог заснуть, поцеловать.

И я подумал, что как раз его, одного из самых впечатлительных, я мог в прошлом сезоне при общей сумятице и возбуждении отругать или выдрать по ошибке за уши.

Уже в первый вечер у меня осталось время на записи: в одной тетрадке – о первом дне в колонии, в другой – о каждом ребенке. И о доброй половине ребят я хоть что-то, хоть самую малость, а уже записал.

Назавтра чуть свет я уже был в спальне и опять, прежде чем ребята разбегутся и смешаются, учился узнавать свою группу.

В течение всего дня я спрашивал то одного, то другого, как его зовут.

– А меня, господин воспитатель? А меня как зовут? Похожих друг на друга или тех, кто казался мне похожим, я ставил рядом и изучал, а ребята указывали мне приметы, по которым можно их различить. С каждым часом прибывали все новые детали, посвящавшие меня в личную жизнь или в ту или иную область духовной жизни ребенка.

Быстро, словно по волшебству, под влиянием деревни и ласковой руки воспитателя смятые души сперва с удивлением и страхом, а потом все доверчивее и радостнее начинают тянуться к тому, что красиво и гармонично.

Но существует предел возможностей воспитателя, и его не перейдешь никаким чудом. Проснется душа чуткая и богатая, уставшая от неблагоприятных условий; убогую же и вялую еле станет на болезненную гримасу. Тебе жаль? У тебя всего лишь четыре короткие недели...

Врожденная самобытная честность жадно прильнет к новым формам светлой жизни, двуличие с досадой отвернется.

Бывают злаки, которые оживают от одного дождя, и совсем увядшие и больные, бывают и сорняки, с трудом воспринимающие культуру.

Внимательно присматриваясь к тому, как организуется ребятащее общество, я понял трудности

первого сезона.

Положительные ребята еще только осматриваются на новом месте, робко и сдержанно знакомясь и сближаясь, а отрицательные силы уже успели организовать, задать тон и добиться послушания.

Ребенок, который понимает необходимость режима, ограничений и приспособления, помогает работе воспитателя пассивно, не мешая ему, подчиняясь имеющей в виду общее благо программе. Тот же, который хочет использовать, злоупотребив, добрую волю, щепетильность, некоторую неуверенность, доброжелательность или слабость воспитателя, действует сразу активно и наступательно.

Диву даешься, как может двенадцатилетний мальчишка, разлученный с семьей, в новых для него условиях, под присмотром воспитателей, среди незнакомых ребят не чувствовать ни стеснения, ни замешательства и уже в первый день требовать, оказывать сопротивление, составлять заговоры, выискивать друзей, перетягивать на свою сторону пассивных и безынициативных – объявить себя диктатором и бросить демагогический лозунг.

Нельзя терять ни минуты, ты обязан тотчас выявить его и вступить в переговоры. Ты заранее ему враг, как каждая власть, которая требует и запрещает; убеди его, что ты не такая власть, какую он до сих пор встречал.

Пример:

В вагоне я делаю мальчику замечание, что выходить на перрон нельзя. Выходит, зову – молчит. На мой выговор отвечает с презрением: «А что тут такого? Я пить хотел». Я спрашиваю фамилию.

– Господин воспитатель тебя записал.

– Подумаешь, важность...

Уже на него поглядывают с любопытством, уже у него сторонники – он уже импонирует. Чтобы узнать его, подчас довольно одного «ладно, ладно» или пожатия плечами.

Если так в первый день, подумай, что будет завтра или через неделю?

Этим же вечером я поговорил с ним. Разговор был серьезный, деловой, равного с равным: мы выработали условия его пребывания в колонии.

В городе он продает газеты на улице, играет в карты, пьет водку, знаком с полицейским участком.

– Хочешь здесь остаться?

– Так себе.

– Не нравится?

– Еще не знаю.

– А зачем приехал?

– Женщина тут одна меня уговорила...

Сказал ее имя, фамилию и на всякий случай дал неверный адрес.

– Слушай, парень, я хочу, чтобы ты мог тут пробыть весь месяц. Об одном прошу: надоест, скажи мне, я дам тебе на билет, и ты вернешься в Варшаву; только не убегай и не подстраивай так, чтобы я отсылал тебя якобы против твоей воли. Я позволю тебе делать все, что хочешь, но порядка не нарушать и к детям не лезть. Спокойной ночи.

И подал ему руку.

Не пытайся обращаться с ним как с ребенком, он тебе прыснет в лицо или изобразит раскаяние, а сам отвернется и бросит что-нибудь язвительное, метко схваченное, чтобы поднять тебя на смех. Все, только не притворная сентиментальность; почувствовав к тебе презрение, он использует ее, чтобы тебя осмеять.

Был и второй такой.

В задушевной беседе с глазу на глаз, когда не глядела на него глупая, покорная и трусливая ребятня, которую он презирал, он открылся мне, расчувствовался и обещал исправиться.

На такие беседы нельзя ссылаться и не надо требовать выполнения обещаний.

Когда несколько дней спустя он хватил по лбу плоской подтолкнувшего его во время еды мальчика и я бестактно, в резкой форме, напомнил о данном мне обещании, он ответил ненавидящим взглядом. Через несколько дней он выкрал одежду, переоделся в лесу и пошел на вокзал.

Я хотел бы обратить внимание молодых работников, которые не знают детей из беднейших слоев, на одно обстоятельство: среди этих детей есть и вполне воспитанные и совсем запущенные дети. Эти две категории детей не только взаимно избегают друг друга, не любят, не ценят. Но дети, воспитываемые в семьях, боятся детей уличных. Невдумчивый социолог не видит колоссальной разницы между нравственным и безнравственным ребенком: оба, дескать, бедные, живут в предместьях, в бедных районах, принадлежат к одной среде. А ведь поэтому первый и боится второго, поэтому он ему и опасен. И никто не вправе заставлять их дружить.

В последнюю неделю сезона часто слышишь, как силком навязанные незадачливые друзья грозят:

– погоди, вернешься в Варшаву, уж я тебе отплачу.

Я был свидетелем отчаянных усилий определенной группы лиц открыть детские клубы в Варшаве. Я читал и книжечку с отчетом о предпринимаемых в том же направлении попытках в Москве [31]. Одна и та же ошибка вызывала одни и те же трудности. Когда школьники потребовали исключения хулиганов, заведующая школой сказала с упреком: «Мой сынишка играет с ними, а вы не желаете; нехорошо!»

Ее сынишка мог играть: его не изобьют, когда он вечером будет возвращаться с работы домой, и ему никто не крикнет: «Эй, ты, что это за краля с тобой?», когда пойдет в воскресенье с двоюродной сестрой в костел; к нему не пристанут: «Одолжи гривенник на папиросы». Если ее сынишка пойдет с мамой и тетей на прогулку и к нему подбежит маленький оборвыш, а тетя в ужасе спросит: «Откуда у твоего Антося такие знакомства?», мама тоном превосходства ответит: «Это его товарищ по клубу» – и посмеется над богобоязненной отсталостью старой тетки.

Но мать-работница совершенно справедливо испугается и станет остерегаться такой дружбы.

Если взрослый рабочий вправе не желать дружить с пьяницей или вором даже не потому, что это опасно, а просто потому, что марает доброе имя, сын рабочего вправе, более того, обязан избегать дурной компании.

А если хулиган лишь прикидывается хорошим, чтобы благодаря случайной встрече проникнуть в среду таких ровесников, к каким он иначе не попал бы? Чтобы извлечь выгоду из знакомства?

Допускать товарищеские отношения между детьми, совершенно разными по своим нравственным качествам и жизненному опыту, кого лишь бедность объединяет в одну среду, – это значит вовлекать какую-то часть из них в дурную компанию, легкомысленно испытывать их моральную стойкость.

Я настаивал:

– Играйте вместе.

Подзадоривал:

– Вас тридцать, а он один. Значит, вы все не можете исправить одного, а он один испортит вас всех?

– А что мы должны делать, чтобы его исправить? Он не хочет с нами играть, а соглашается, так всю игру расстраивает.

Правы были дети, не я.

Лишь значительно позже я понял, что если воспитатель хочет держать вместе с обычными детьми детей безнравственных, на нем лежит вся ответственность и обязанность за всем следить. Детям этот труд не под силу.

Даже самое, казалось бы, прекрасное теоретическое положение должно быть подтверждено. Даже самая очевидная истина, если она трудно применима на практике, должна быть добросовестно критически пересмотрена. Мы значительно опытнее детей, мы многое знаем, чего дети не знают, но что они думают и что чувствуют, они знают лучше нас.

Если ребенку чего-либо хочется, а почему – он не говорит, он или скрывает истинную причину, или не вполне ее сознает. Искусство воспитателя в том и заключается, чтобы узнать, порой догадаться, часто доискаться этих полусознанных мотивов.

– Тут что-то кроется, – чем чаще воспитатель так думает, тем он быстрее будет совершенствоваться и тем вернее избежит ошибок, вытекающих из ложных теоретических положений.

Я навязывал детям общество разболтанных, физически неполноценных или несимпатичных ребят.

Это было бессмысленно.

Ребята играют в горелки. Слабосильный ребенок не умеет ни убежать, ни ловить. А нечестный нарочно будет так убежать, чтобы его быстрее поймали, он сам хочет гореть. Если ты заставишь ребят играть с ними, ребята будут их избегать, не станут ловить.

Да и вообще, кто из взрослых сядет играть в карты с шулером или таким, который не умеет играть?!

Вы даете мячик, но с условием, что и тот будет играть. Надо ли удивляться, что ребята неохотно идут на это? И можно ли их винить за то, что чувствуют к нему неприязнь? И не побьют ли, если из-за него проиграют, и кто тогда будет виноват? Забота о детях этого типа требует большого такта. Надо следить не только за тем, чтобы их не обижали, но чтобы и они никому не мешали.

«Вечно его дожидайся. Вечно он игру расстроит. Опять из-за него воспитатель на нас сердился: что-то запретил, отобрал, чем-нибудь пригрозил».

В первом сезоне я вел целые бои из-за какого-нибудь растяпы, во втором с умилением наблюдал, как величайший забияка взял добровольно под защиту самого тихонького мальчика. Не пренебрегай!

Мальчишки играли в камушки. Игра эта была известна детям бедняков еще в Древнем Риме. Играющий кидает на стол или на пол пять камушков. Потом он подбрасывает один из камушков и, прежде чем его подхватить, должен быстро схватить со стола один из четырех остальных. Есть несколько степеней трудности. Для этой игры нужна ловкость и пять небольших камушков.

Жалобы, что кто-либо забрал один или все камушки, повторялись беспрестанно. Я в то время был противником жалоб.

– Мало тебе тут камней? Найди другие.

Три ошибки сразу.

Во-первых, у каждого есть право на собственность, хотя бы это был самый пустяковый, не имеющий никакой цены предмет. А что убыток легко возместить, ничего не значит.

Пусть тот, кто забрал мои камушки, ищет себе другие. Тот, кто взял их, поступил явно безнравственно, по меньшей мере несправедливо: присвоил чужую собственность.

Я сам попробовал играть в камушки и убедился, что не все камушки одинаково удобны. Слишком круглые, когда их бросаешь на стол, чересчур разлетаются, а слишком угловатые ложатся чересчур кучно.

Для игрока пять подобранных по форме и цвету камушков все равно что пять коней одной масти и роста, пять жемчужин в колье, пять натасканных охотничьих собак.

Всегда найдутся свидетели, которые видели, помнят, подтвердят, чьи это камушки. Справедливость была на стороне ребят.

«Он оскорбил мою мать». После длительного колебания: «Он назвал меня сукиным сыном». Как воспитатель я обязан знать, что не один отец награждает подобным эпитетом насолившего ему фабричного мастера или домовладельца, когда тот не хочет ему чинить печку.

– Вы ведь знаете, какой он злюка. Раньше он со всеми дрался, а теперь только ругается – исправился. Правда, сукиным сыном зовут, когда уж очень кого хотят обидеть; зовут еще и негодяем, и мерзавцем. Чаще всего зовут со зла, подчас вовсе того не думая. Не думает же кто-нибудь всерьез, что мальчишка мерзавец, раз не дал поиграть мячика или нечаянно подтолкнул за игрой в чижа? Просто бывают люди вспыльчивые и бывают спокойные...

Я видел, ребята удивились, что я так громко и четко произношу это зачумленное слово. А делал я это потому, что все, что говорится шепотом, бродит, загнивает и дразнит воображение, и нет ничего вреднее в воспитании, чем ложная скромность. Если есть слова, о которых ты боишься говорить, что ж тогда делать с поступками? Воспитатель не может бояться слов, мыслей и поступков ребят.

Тот, кто хочет быть воспитателем детей бедняков, пусть помнит, что медицина различает *graxis pauperum* и *graxis aurea* [32], пусть помнит, что бывают развратники, говорящие изысканным языком, и герои добродетели – сквернословы. Ты должен знать среду, из которой вышли твои воспитанники.

Было бы слишком рискованно утверждать, что бедные дети морально устойчивее богатых. К нам поступают тревожные сигналы относительно тех и других. Мне кажется, верно лишь одно: наблюдения велись в этих человеческих клетках, в городских квартирах, где отсутствие свободного пространства, запрещение кричать и бегать, лень и скука заставляют детей обращаться к сильным, но не беспокоящим окружающих впечатлениям и эмоциям.

На основании наблюдений над детьми в летних колониях я категорически утверждаю, что нормальный ребенок всегда предпочтет играть в мяч, бегать наперегонки, купаться, лазать по деревьям, чем забиваться тайком в угол для неведомых мечтаний.

Можно спокойно позволить мальчикам и девочкам разбрестись по лесу и не слишком присматривать за ними: они так увлекутся земляникой и грибами, что скорее надо ждать драки из-за трофея в виде гриба или ограбления сильнейшими, чем проявлений нежности.

Укромный закоулок городского двора в бедном районе и пространство между шкафами в богатой буржуазной квартире скрывают тайны, каким нет места на лужайке и в поле.

Только не держите детей ради своего удобства в постелях по одиннадцати часов в сутки – дети, особенно летом, не спят больше 8–9 часов.

Я с удивлением убедился в колонии, что дети не обижаются на приказы и запреты, цель которых – поддержание мира и порядка, и охотно подчиняются им. А если кто нарушит, то чистосердечно сознается и выразит сожаление или, самое большее, скажет:

– Сам знаю, что плохо, да что поделаешь, коли по-другому не могу.

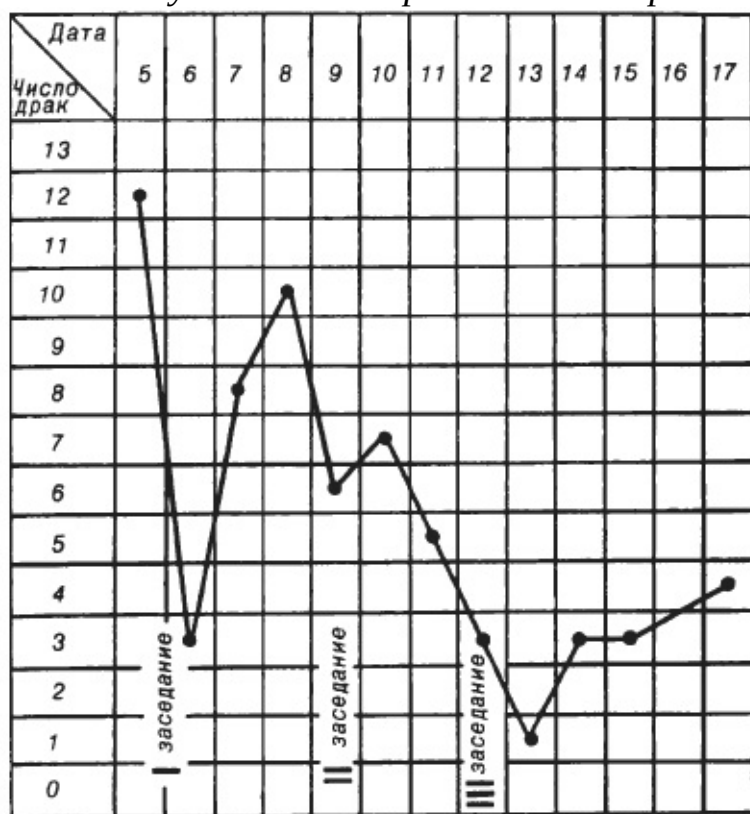
Есть дети, которые ведут отчаянную борьбу с врожденными склонностями как раз во имя этой общей гармонии. Не следует усложнять им чрезмерными требованиями эту борьбу, а то они к ней потеряют охоту или станут дичиться.

Воспитатель обязан давать себе отчет в том, какие запреты и приказы категорические и какие допускают известные отступления.

Категорически запрещается купаться одному в речке, в определенных случаях – лазать на деревья. Категорически запрещается опаздывать к обеду, в известных случаях – опаздывать,

когда становятся в пары.

5 июля на 30 детей 12 драк; общее собрание: не драться; на завтра лишь 3 драки, и опять 8, 10, 6 драк. Второе общее собрание (в лесу) насчет необходимости жить дружно. И опять 7, 5, 3 драки. Третье общее собрание под лозунгом «Один день без потасовок». Как результат коллективного усилия на завтра лишь одна драка.

Опоздал – догонит, хоть за версту, ведь подвижный ребенок не захочет стоять и ждать, пока все соберутся.

Детям исключительным с общего согласия исключительные законы – вот труднейшая и вместе с тем благороднейшая задача для воспитателя.

Если на сто пятьдесят ребят один плавает так, что ему ничто не грозит (живет у самой Вислы, по полдня в воде, без труда переплывает реку), то ему можно с согласия ребят разрешить купаться даже одному. Ты должен иметь известную смелость и взять на себя ответственность за его жизнь.

Детям свойствен социальный инстинкт. Дети могут отнестись к известному начинанию настороженно потому, что не доверяют взрослым или не поняли, но быстро одобряют его, если сами примут участие. Что сделать, чтобы ребята не разбрасывали хлеб по лесу, не опаздывали к обеду, не дрались и не ругались? Если даже подобные обсуждения и не помогут искоренить зло, они наверняка повысят моральный уровень многих ребят, укрепят чувство солидарной ответственности и общественного долга.

Записывай, сколько ребят опаздывало и сколько регистрировалось драк в день до обсуждения. Регистрируй после обсуждения, выведи график, и ты убедишься, что драки стали реже. Драки опять участились – второе обсуждение.

Задача даже самой хорошей речи – вызвать энтузиазм, способствовать начинанию, не останавливаться на достигнутом.

Одни слову приписывают слишком большое значение, слишком много ждут от него, другие недооценивают, обманувшись. И те и другие заблуждаются. Одними словами ничего не сделаешь, но и без слов работа станет. Слово – всегда союзник, не заместитель.

Ты можешь ждать от слова только такого действия.

Общее собрание из-за непорядка в уборной.

«Когда пожар или наводнение, лучшие бегут на помощь, рискуя жизнью. Когда надо сделать что-нибудь трудное или неприятное, всегда впереди лучшие из лучших. Вот и нам надо выполнить трудную, неприятную работу, и мы обращаемся к нашим лучшим... Так кто из вас берется добровольно дежурить в уборной по полдня каждый?»

Понятно, записываются многие. Но это лишь начало.

На первые два дня ты выбираешь энергичных, легко вдохновляющихся, но неустойчивых: труднее всего придется в первые несколько дней, а раз дело новое, ребята выполнят его с большим запалом. Объясни им, почему они первые.

Предложение спорщика не принимаешь, боишься склок, ребята не любят его и станут делать назло.

Отстраняешь и слишком вспыльчивого:

– Еще подерешься, не берись-ка ты лучше за это дело.

Серьезных назначаешь на следующие дни: знаешь, что не остынут.

Тихонького откладываешь еще на позже:

– Тогда уже будет легче, а завтра ты не справишься.

Предупреждаешь дежурного, что найдется такой, который назовет его «говночистом» или «сторожем в уборной»:

– Не обижайтесь на дуралея.

Предупреждаешь, что должен делать дежурный, когда маленький недотепа загадит уборную нечаянно, и что – когда это будет сделано нарочно, назло, и как быть, если не удастся засечь виновного.

Ты должен снабдить дежурного метлой и тряпкой. Должен сам заходить туда в часы наибольшей посещаемости (утром или после обеда) и подежурить с четверть часика, а в сомнительном случае самому взять тряпку в руки и вытереть.

Ты напрасно сердисься, воспитатель: «Сколько раз говоришь им!» Это не помогает и не поможет. Так зачем говорить? Одни и сами поймут, что данное добровольно обещание обязывает, а недобросовестному я скажу: «А зачем обещал?» Это важный козырь. У ребенка нет цинизма взрослых, которые ответят тебе:

– Обещанного три года ждут.

Воспитателю не обойтись без помощи ребят, конечно, при условии неусыпного надзора и частой смены юных коллег (не то заважничают, ведь власть портит!). Надо мягко и осторожно объяснить, что дежурство не дает никаких особых прав, что это должность почетная.

Дежурных по обслуживанию за столом я сменял ежедневно из-за существовавшего обычая накладывать им большие порции. Этим я усложнял работу экономки, но считал, что иначе нельзя.

В летних колониях у меня были дежурные по постелям (по одному на каждый ряд), по подаванию тазов для мытья, по укладыванию на место игрушек, дежурный, следивший, чтобы ребята аккуратно вешали полотенца на спинках кроватей.

Дежурные, задачей которых было подбирать битые стекла, чтобы ребята, бегая, не порезали себе ноги.

При исполнении этих несложных обязанностей детей проще узнать, чем на уроках в школе: там усложняют картину способности, подготовка, случай. Здесь ребенок виден сразу: азартный он, непостоянный, самолюбивый, забияка, добросовестный или нечестный.

Если присматриваться в первые дни, как дети знакомятся друг с другом, легко убеждаешься, что положительным элементам группы нужна помощь, поддержка и прежде всего неусыпная и осторожная защита от тех немногих, кому твоя система негодна.

Если власти обязаны охранять общество от насилия и злоупотреблений со стороны вредных элементов, то воспитатель обязан охранять ребят от кулака, угроз и оскорблений, а ребячью собственность (будь то камушек или палочка) от присвоения, а также охранять ребячью организацию (не важно, играют ли ребята в мяч или строят домики из песка).

Раз выполнив эту большую работу, потом достаточно лишь не допускать отклонений и искривлений.

Все сэкономленное с помощью ребят время мы можем посвятить воспитанию тех, кем мы желали бы особо заняться, потому что мы хотим или должны это делать, так как это ребята стоящие, опасные для коллектива или просто выходящие из нормы.

А ведь бывают не только исключительные дети, но и исключительные обстоятельства, которые берут у нас много времени. Вдруг ребенок заболел; стемнело, а четверо еще не вернулись из лесу; пожаловались, что ребята кидались камнями или шишками в нищего или воровали.

Чем больше ребят, тем больше и исключительных ребят и обстоятельств.

Гнев тут не поможет: так должно быть. Весь смысл хорошей организации в том и заключается, чтобы, несмотря на это, все шло своим чередом, мелкие дела делались сами собой и ты мог всегда сказать: «Хозяйничайте сами, я занят».

Уверенность в себе и разумное предвидение светлы и снисходительны, неопытность капризна и неуравновешенна.

На тридцать – сорок ребят у тебя всегда будет один ненормальный или аморальный, один очень запущенный, один злой, антиобщественный, со всем несогласный и всеми нелюбимый, один вспыльчивый, с необыкновенно яркой индивидуальностью и один болезненный или слабосильный.

Так должно быть!

Ты организуешь экскурсию: один заболел, другой надует, еще один не хочет идти, раз все хотят идти:

– Подумаешь, экскурсия!..

Один будет искать шапку, другой от возбуждения подерется, третьему в последнюю минуту понадобится в уборную, четвертый куда-то делся.

Дорогой у кого-то заболят голова или ноги, кто-то порежется, кто-то разобидится, кому-то захочется пить.

Рассказываешь сказку. Один обязательно прервет тебя:

– Скажите, пожалуйста, а это какой червяк?

Другой:

– Он мне в ухо тычет соломинкой.

Третий:

– Ой, овцы идут!

Юная обида в тебе грозит: «Если кто-нибудь еще раз прервет...»

А опытная снисходительность с улыбкой переживает, когда пройдет стадо.

Небольшое, но ценное замечание. Если ты трудолюбив, добросовестен и более одарен как воспитатель, не суди товарищей строго. Не давай им почувствовать свое превосходство. Если ты желаешь детям добра, ты должен избегать всяких столкновений с коллегами.

Я был самым усердным воспитателем в колонии, да это и не могло быть иначе. Я стосковался по работе с детьми, другим воспитателям она приелась. Меня привлекала простота деревенской жизни, они не видели очарования ни в набитых соломой матрацах, ни в простокваше.

Как-то раз, когда с одним мальчиком случилась беда и из-за этого вышел спор с прачкой, я

сам выстирал у колодца загаженную рубашку и простыню. Я видел (я на это и рассчитывал) смущение прачки, замешательство экономки, недоумение товарищей по работе. Но сделай это кто другой, он, возможно, услышал бы презрительное:

– И прекрасно. Пускай знает, чем это пахнет. Его мальчишка.

Надо избегать рассчитанных на эффект красивых жестов. Если во внешне очень положительных поступках скрыта фальшь, они раздражают больше, чем слова.

И уж никогда не следует считать своей особой заслугой, если ты в первые дни или недели работы на новом месте усердствуешь или вводишь мелкие улучшения. Будь это иначе, это свидетельствовало бы о тебе как нельзя хуже: новый работник и должен больше всех усердствовать и видеть недостатки, которые усталому и ко всему привыкшему глазу не заметны. Я уже говорил об этом во вступлении, повторял и еще раз повторю: воспитателю приходится быть и санитаром, он не может ни пренебрегать этой обязанностью, ни отказываться от нее; ребенка с ночным недержанием мочи – ребенка, которого рвет, – с нарывом в ухе – ребенка, который обмарался, – с сыпью на теле или на голове – воспитатель должен посадить на горшок, умыть и сделать перевязку. И он должен это делать без тени отвращения.

Пусть воспитатель делает что хочет, пусть практикуется в больнице, в приюте для раковых больных, в детских яслях, но он обязан закалиться.

Воспитатель детей бедняков должен приучить себя и к физической нечистоте. Педикулез – постоянное заболевание убогой детворы всего мира, и воспитатель должен время от времени найти вошь и у себя на одежде. Об этой болезни ему не положено говорить с возмущением или отвращением – родители, братья и сестры ребенка относятся к этому явлению спокойно и объективно; также спокойно и объективно следует и заботиться о чистоте ребят.

Воспитатель, которого от грязных ребячьих ног тошнит, который не выносит неприятных запахов и теряет на целый день душевный покой, если – о ужас! – найдет вошь на своем пальто, – пусть идет как можно скорее работать в лавку, контору, куда хочет, только пускай больше не остается в народной школе и интернате, потому что нет ничего унижительнее, чем зарабатывать на хлеб с отвращением.

– Я хороший воспитатель, а грязь ненавижу, – говоришь ты, пожимая плечами.

Лжешь: он у тебя во рту, в легких, в крови – воздух, который испортили дети.

Меня, к счастью, от этого смертного греха воспитателей избавила раз и навсегда моя врачебная практика. «Фи» для меня не существует. Быть может, именно потому мои воспитанники любят чистоту.

Гениальный французский энтомолог Фабр гордится, что он произвел свои эпохальные наблюдения над насекомыми, не умертвив ни одного. Фабр наблюдал их полеты, обычаи, радости и заботы. Внимательно присматривался к насекомым, как они резвились в солнечных лучах, сражались и гибли в сраженьях, искали еду, строили убежища, делали запасы. Он не возмущался, а мудрым взглядом прослеживал могущественные законы природы в их еле заметных проявлениях. Фабр был учителем в народной школе. Он наблюдал невооруженным глазом.

Воспитатель, будь Фабром детского мира!

Каким должно быть здание

Техника организации жизни интерната в ее мельчайших и вместе с тем решающих деталях зависит от здания, в котором интернат размещен, и территории, где это здание построено.

Сколько жестоких попреков обрушивается на головы детей и персонала из-за ошибок строителя, сколько ненужных затруднений, хлопот, огорчений приносит малейший недосмотр в плане строительства! А если возможна переделка, как трудно определить это и убедить в ее необходимости! А ведь бывают ошибки, которые не исправишь.

Дом Сирот был сооружен под знаком недоверия к детям и к персоналу: «Все видеть, знать, все предотвратить». Громадный рекреационный зал – это открытая площадь, рынок. Человеку бдительному достаточно одного взгляда, чтобы охватить все. То же с большими, казарменного типа спальнями. У такого здания есть значительные преимущества, оно позволяет быстро изучить ребенка; характерное для летних колоний и сборных пунктов, откуда ребята переходят в другие, построенные иначе интернаты, оно утомляет тем, что в нем нет «спокойного угла». Шум, гам, беготня, толкотня – ребята жалуются, и жалуются справедливо.

Если можно было бы в будущем надстроить этаж, я высказался бы за гостиничную систему: коридор, а по обеим сторонам небольшие комнаты...

Кроме изолятора для больных, необходимо выделить помещение для детей, которые временно недомогают. Ушиб ребенок ногу, голова болит, не спал ночью, перевозбужден ли, – пускай у него будет укромный уголок, где он может некоторое время побыть один или с товарищем. Такой ребенок, слоняющийся между разыгравшейся ребятней и всем мешающий, обиженный и одинокий, вызывает сочувствие, а иногда и гнев у окружающих...

Уборная для ночного пользования и писсуар должны находиться в непосредственной близости от большой спальни, если даже не в самой спальне. Отделять их тамбурами, коридорчиками нет смысла. Чем дальше упрятана уборная, тем она грязнее.

Укромная квартира директора в стороне от ребят лишает его возможности участвовать в педагогическом процессе. Директор будет осуществлять контроль над канцелярией и бухгалтерией, переписываться с властями, представляя интересы своего учреждения, но так и останется чужаком гостем, а не хозяином интерната. Ведь интернат – это «мельчайшие и вместе с тем решающие детали», об этом не следует забывать. Архитектор должен поместить руководителя учреждения так, чтобы он вынужден был стать воспитателем, чтобы он видел и слышал ребенка не только тогда, когда ребенок по вызову входит к нему в кабинет.

Я где-то читал, что филантропия, не излечивая общество ни от одного из социальных недугов и не удовлетворяя ни одну из его потребностей, выполняет две важные задачи:

Выявляет язвы, которые государство еще не заметило или недооценило. Филантропия изучает, начинает действовать и, видя свое бессилие, требует помощи, наконец, навязывает эту обязанность обществу или государству, которые могут оказать содействие во всей полноте.

Другая задача – это новаторство, поиски новых путей в том, что выполняется государством схематично, косно и по дешевке.

Кроме государственной, повсюду существует и частная опека над сиротами. Эта опека лучше: внушительнее здания, обильнее еда, не столь стесненный бюджет, гибче педагогическая система. Однако тиранию бюрократизма здесь могут заменять бесчисленные и опасные капризы влиятельного благотворителя.

Если мы примем во внимание, что иногда вся инициатива и все усилия руководства сводятся к угождению вкусам неопытных попечителей, не знакомых ни с трудностями, ни с тайнами

массового воспитания детей, мы поймем, почему более ценные личности еле снисходят до работы в благотворительных воспитательных учреждениях, а разные подонки и сухари так и льнут.

Знай богатые покровители, какой яд для учреждений неподходящий сотрудник, они, может быть, зареклись бы раз и навсегда навязывать и даже просто рекомендовать лиц, «правда, неподходящих, но заслуживающих поддержки». Система протекций – злодеяние, преступление.

Здесь следует сказать и о протежируемых детях.

– Этого ребенка нужно принять. Исключительное положение.

И вот ребенка приняли – во вред другим, без пользы для него самого. Всякое даже не принуждение, а легкий нажим на воспитателя, чтобы он взял ребенка вопреки своему убеждению, недопустим.

Воспитатель должен иметь право сказать: «Это вредный ребенок». И мы обязаны ему верить. Воспитатель должен иметь много разных прав, ведь интернатская работа нелегка. В вопросах воспитания голос воспитателя – решающий.

Воспитатель должен иметь в своем распоряжении некоторую ежемесячно поступающую сумму: бывает, вещи, которые могут кому-либо показаться ненужными, крупные расходы, которые, казалось бы, можно отложить на потом, для воспитателя необходимы и безотлагательны.

Важный момент:

Если в интернате несколько попечителей, обязательно нужно завести книжку, в которую попечители вписывали бы свои замечания, требования и вопросы. Замечаний и требований станет меньше, попечители будут осмотрительнее, не будет противоречивых распоряжений.

Несколько слов о почетных сотрудниках. Они приносят значительную пользу, беря на себя ту заботу, на которую у поглощенного ежедневной будничной работой персонала не остается ни времени, ни сил. Один приходит и рассказывает сказку, другой забирает детей на прогулку, еще кто-нибудь дает дополнительные уроки. Только нужно, чтобы эти люди не обременяли собой персонал, как можно точнее соблюдали режим, справлялись со всем сами, ни о чем не спрашивая и ничего не требуя.

Год строительства Дома Сирот был знаменательным годом. Никогда я не понимал так хорошо красоты труда и реального действия. Сегодняшний квадратик на плане, то есть на бумаге, преобразался завтра в зал, комнату, коридор. Я, привыкший к спорам о взглядах, принципах, убеждениях, теперь присутствовал на стройке! Каждое принятое с ходу решение подхватывалось рабочим и воплощалось навечно. Каждую идею нужно было оценить и рассчитать с точки зрения затрат, возможностей, целесообразности. И мне кажется, что воспитатель – недоучка, если он не знает, что из дерева, железа, картона, соломы, проволоки можно изготовить десятки предметов, которые облегчают, упрощают работу, экономят драгоценное время и мысль. Полочка, табличка, вбитый в соответствующем месте гвоздь разрешают многие острые проблемы... Дом должен быть готов в июле, но и в октябре он не был закончен. И вот в один пасмурный, дождливый полдень в дом, битком набитый рабочими, въехали шумные, прозябшие, возбужденные, дерзкие, вооруженные палками и дубинками ребята из деревенского детдома. Ребятам дали поужинать и уложили спать. Бывший приют помещался во взятом в аренду и не приспособленном для этой цели здании. Случайная мебель, изношенная донельзя одежда, неумелые заботы глупой экономки и шустрой кухарки...

Новый дом – новый порядок

Я рассчитывал: вместе с новым помещением, новыми условиями и разумной заботой о детях дети примут и новый режим. А они, и это прежде, чем я отдал себе отчет в создавшемся положении, объявили войну! Я полагал, опыт работы в колониях застрахует меня от неприятных

неожиданностей. Я ошибся. Во второй раз я столкнулся с детьми как с опасной толпой, перед которой я был бессилён, во второй раз в муках опыта начали выковываться непреложные истины.

По отношению к новым требованиям ребята заняли позицию абсолютного сопротивления, ее не могли сломить никакие слова, принуждение же вызывало враждебность.

Новый дом, о котором мы весь год мечтали, становился ненавистным. И только значительно позже я понял привязанность ребят к их старой жизни... Ее беспорядок, цыганская нищета быта и ничтожность средств давали широкий простор инициативе, взлету отдельных мощных, но кратких усилий, вдохновенности буйных дурачеств, удалству, потребности в самозабвении и беспечности. Порядок появлялся вдруг и ненадолго благодаря авторитету нескольких ребят. Здесь же должен был быть, в силу обезличенной необходимости, постоянный порядок. Вот почему растерялись и подвели меня те дети, на помощь которых я больше всего рассчитывал. И мне кажется, воспитатель, вынужденный работать в домах, где жизнь бедна и не налажена, не должен очень уж вздыхать по идеальному порядку и комфорту – в них скрываются большие трудности, большая опасность.

В чем проявлялось сопротивление детей? В мелочах, понять которые может только воспитатель. И незначительны они, и неуловимы, а докучают, так как их много.

Ты говоришь ребятам, что отходить с хлебом от стола нельзя; один тебя спрашивает: «Почему?», некоторые прячут хлеб, еще один демонстративно встает: «А я не успел съесть». Нельзя ничего прятать под подушку или матрац: «Да ведь из ящика у меня возьмут». Находишь под подушкой книжку – он, дескать, думал, «книжку можно». Запираешь умывалку: «Скорее». В ответ: «Я сейчас». – «А почему полотенце не на месте?» – «Вы ведь торопите». Один обиделся, трое ему подражают. За обедом пронесся слух, что в супе червяк, – и вот заговор готов: не будут есть суп.

Ты видишь двух-трех явных главарей сопротивления и упорства, угадываешь десяток тайных. Видишь, как тебе коварно портят то, что ты считал уже прочно вошедшим в быт, и встречаешь непредвиденные трудности в любом начинании. Наконец перестаешь разбирать, где случайность, непонимание и где заведомо злая воля. Пропадает ключ. Через минуту он находится, и ты слышишь ироническое замечание:

– Вы, верно, думали, что это я спрятал?

Да, думал...

На вопрос: «Кто это сделал?» – получаешь постоянно в ответ: «Не знаем». «Кто пролил, разбил, сломал?» Объясняешь ребятам, что в том, что случилось, нет ничего страшного, просишь признаться. Молчат – не из страха, а как заговорщики...

Бывало, говоришь, а голос у тебя дрожит и на глазах беспомощные слезы.

Эти тяжелые минуты должен пережить каждый молодой воспитатель, каждый новый воспитатель. Пусть он не опускает руки, пусть не говорит прежде времени: «Не умею, нельзя работать». Слова его только с виду не оказывают действия, коллективная совесть пробуждается медленно: день ото дня будет расти число сторонников доброй воли воспитателя и его разумной системы – крепнуть лагерь приверженцев «нового курса».

Один из наших отъявленных сорванцов разбил во время уборки довольно дорогой фаянсовый писсуар. Я не сердился. Несколько дней спустя этот же мальчуган разбил бутылку с пятью литрами рыбьего жира. И на этот раз я его только слегка пожурил.

Помогло: союзник...

Как легко работается, если воспитатель чувствует, что овладел оравой, и какой это ад, когда воспитатель мечется, бессильный, а ребята знают это, чувствуют и мстительно травят. Как велика угроза обратиться к системе грубейшего насилия в угоду собственной безопасности.

Полсотни ребят, переведенных из бывшего приюта в Дом Сирот, были для нас как-никак

величиной известной; их роднили с нами общие переживания и надежды, а с панной Стефанией [33], воспитательницей Дома Сирот, и взаимное большое чувство. Эти ребята, хотя и сопротивлялись попыткам организовать их, были способны к организации. Вскоре были приняты пятьдесят новеньких – новые трудности. В нашем детдоме устроили школу для проходящих, что позволило мне установить, какая пропасть лежит между аристократом-учителем и замарашкой-воспитателем.

Организационный год окончился для нас полной победой. На сто детей одна экономка, одна воспитательница, сторож и кухарка. Мы перестали зависеть от тирании случайных воспитателей и приютского техперсонала. Хозяевами, сотрудниками и руководителями дома стали дети. Все, что следует ниже, дело рук самих ребят.

Доска объявлений

На стене на видном месте, не высоко и не низко, висит доска, на которую прикрепляются кнопками приказы, сообщения и объявления.

Без доски объявлений жизнь – сплошная мука. Говоришь четко и ясно:

– Такие-то дети, скажем А, Б, В, Г, пойдут, возьмут, сделают то-то, то-то и то-то.

Немедленно к тебе подбегают Д, Е, Ж.

– А я тоже? А я? А он?

Ты повторяешь, не помогает.

Ты говоришь им:

– Подите достаньте...

Опять вопросы, шум, неразбериха.

– А когда? А куда? Зачем?

Расспросы, просьбы, толкотня выматывают тебя и выводят из терпения. Но иначе и быть не могло. Ведь не все слышали, не все поняли, не все ребята вполне уверены, что они это точно знают, наконец, и сам воспитатель в такой суматохе мог что-нибудь проглядеть.

В хаосе текущих дел воспитателю приходится давать непродуманные, неразработанные, а значит, часто порочные распоряжения, ведь всегда в последнюю минуту что-нибудь выплывает. Доска объявлений сразу же заставляет (а потом и приучает) воспитателя заблаговременно обдумать план каждого мероприятия.

Воспитатели не умеют общаться с детьми при помощи письма. Большая ошибка!

Я повесил бы доску объявлений даже там, где большинство детей не умеют читать. Дети, не зная букв, научатся хотя бы узнавать свое имя, ощутят свою зависимость от тех детей, которые читают, почувствуют потребность читать.

ОБЪЯВЛЕНИЕ «Завтра в десять часов утра будет выдаваться новая одежда. Так как не вся одежда готова, не получают новую одежду А, Б, В, Г... Старую одежду будут принимать Е и Ж...»

ОБЪЯВЛЕНИЯ

«Кто нашел или хотя бы видел ключик на черной тесемке?»

«Кто разбил окно в умывалке, признавайся!»

СООБЩЕНИЯ

«Вчера в спальне мальчиков было грязно».

«Ребята рвут книжки и бросают ручки где попало».

«Говорят не „маморальная вода“, а „минеральная вода“».

«Через месяц будет Пасха. Вносите предложения, как лучше провести праздники».

«Кто хочет переменить место в спальне (за столом), пусть придет завтра в классную комнату в 11 часов утра».

Сообщения, предостережения и пожелания вывешивают теперь не только воспитатели, но и дети. И чего там только нет! Доска точно живая. И ты диву даешься, как это ты без нее

обходился?!

– Скажите, пожалуйста, а я тоже?..

– Посмотри на доску объявлений.

– Да я не умею читать.

– Попроси того, кто умеет...

Доска объявлений дает широкий простор для инициативы и воспитателей и детей. Календарь, температура, важные газетные сообщения, картинка, шарада, кривая драк, список поломок и повреждений, список сбережений, вес, рост. Коли есть время и охота, ребенок останавливается перед ней, словно перед витриной магазина, и глазает.

А можно вывешивать и сведения о столицах. Какие есть столицы, сколько в каждой жителей, какие цены на продукты питания. Всего сразу и не придумать...

Почтовый ящик

Воспитатель, который уже признал пользу письменного общения с детьми, быстро убедится в необходимости почтового ящика.

Доска объявлений вооружает воспитателя привычным, а значит, не требующим особого труда ответом «прочти». Почтовый ящик дает ему возможность отложить любое решение, ответив «напиши». Ведь часто легче написать, чем сказать. Нет воспитателя, который не получал бы писем с вопросами, просьбами, жалобами, извинениями и признаниями. Так всегда велось, почтовый ящик только закрепляет разумный обычай.

Ты вынимаешь вечером пригоршню исписанных неумелой рукой листочков и потому, что вокруг тебя тишина и покой, читаешь внимательнее, раздумывая над тем, чему не придал бы значения по недостатку времени днем.

«Я могу завтра пойти в город? Мамин брат приехал».

«Ко мне ребята пристают».

«Вы несправедливый: всем карандаши чините, а мне не хотели».

«Я больше не хочу спать около двери, потому что мне ночью кажется, что кто-то входит».

«Я на вас сержусь».

«А учительница мне в школе сказала, что я уже лучше себя веду».

«Я хотел бы с вами поговорить об одном очень важном деле».

Иногда найдешь стишок без подписи: вспомнилось – взял и написал, а потом не знал, что с ним делать, и бросил в почтовый ящик.

Вытащишь и анонимку с нецензурной руганью или угрозами.

Письма бывают обычные, изо дня в день одни и те же, и крайне редкие, необыкновенные. О том, что повторяется изо дня в день, ты успеешь еще подумать не сегодня, так завтра. Над содержанием необыкновенного письма думаешь дольше.

Почтовый ящик приучает детей:

1) Ждать ответа. Не сразу, не по первому требованию.

2) Отличать мелкие, мимолетные огорчения, заботы, желания, сомнения от серьезных огорчений, забот, желаний, сомнений. Чтобы написать, надо принять какое-то решение. Да и так дети часто хотят взять обратно уже опущенные в ящик письма.

3) Думать, мотивировать.

4) Хотеть и уметь.

– Напиши и опусти в почтовый ящик.

– Да я не умею писать.

– Попроси кого-нибудь, кто умеет.

В начале работы я сразу же совершил ошибку, от которой хочу предостеречь других: я отсылал (не без иронии) к почтовому ящику хронических надоед.

Раскусив каверзу, они совершенно справедливо обижались и на меня, и на ящик.

– Теперь с вами совсем нельзя говорить.

Подобный упрек я слышал и от воспитателей: не слишком ли это официально, письменно общаться с детьми?

Я лично утверждаю, что почтовый ящик не затрудняет, а, наоборот, облегчает словесное общение с детьми. Я выбираю детей, с которыми необходимо поговорить по-товарищески, по душам или со всей серьезностью, и могу выбрать подходящий для себя и для ребенка момент. Почтовый ящик экономит время, благодаря ему день у меня становится длиннее.

Бесспорно, бывают дети, которые не любят писать, но, пожалуй, это исключительно те, кто рассчитывает на свое обаяние – улыбку, поцелуй, кокетство, – на особое расположение, удачный момент. Эти дети желают заставить, а не просить. Тот, кто уверен в своей правоте и полагается лишь на нее, подает заявление и спокойно ждет решения.

Полка

Полка может служить дополнением к доске объявлений. В Доме Сирот полки нет, но потребность в ней ощущается. Итак, на такой полке стоят: словарь, сборник пословиц, энциклопедия, план и описание города Варшавы, календарь, хрестоматии, руководства по играм: теннису, футболу и т. д. Несколько комплектов шашек для общего пользования. Библиотека ребятам необходима; выдача настольных игр в определенные дни и часы и надзор дежурного гарантируют их сохранность; а в сущности, должна же быть какая-то опытная станция для изучения свободно проявляемых социальных инстинктов ребенка?

Ничего не поделаешь, ребята будут рвать, ломать и терять.

На полке есть место и для детских тетрадок. Один записывает полюбившиеся ему песенки, другой шутки и прибаутки, третий загадки, четвертый сны. Тетрадь учета драк и ссор, опозданий, потерь, поломок и повреждений. Издаваемые самими ребятами выпуски типа листовок и ежемесячники: естественно научные, туристские, литературные и общественные.

Сюда дежурные складывают рапорты и дневники. Сюда же можно класть и дневник воспитателя. Не каждый дневник обязательно держать под замком. Мне кажется, дневник, в котором воспитатель делится пережитыми им разочарованиями, трудностями, ошибками и впечатлениями, как приятными и радостными, так и тяжелыми, может иметь большое воспитательное значение.

Здесь место и книжке учета: кто, когда и зачем идет в город и когда возвращается – и нотариальной книжке. Дети охотно обменивают, продают и перепродают свою мелкую собственность. Мы не должны смотреть на это как-то недоброжелательно и тем более запрещать. Если перочинный нож или ремень является собственностью ребенка, почему ему нельзя обменять их на пенал, магнит или увеличительное стекло? Если мы боимся нечистых сделок, споров, ссор, давайте введем нотариальные книжки, которые предотвратят злоупотребление. Если дети легкомысленны и неопытны, дадим им возможность приобрести опыт! (Так как я придаю дневнику воспитателя большое значение, приведу несколько отрывков из своего дневника:

– Сегодня я несправедливо рассердился на одного из ребят.

Несправедливо! Но я не мог поступить иначе. Ну что делать, если моя обязанность – стоять на страже равноправия? Что сказали бы ребята, разреши я одному делать то, за что наказываю других?..

– Вечером у меня в комнате собрались ребята старшего возраста. Мы говорили о будущем. Почему им так хочется стать взрослыми? Дети наивны, они думают, что быть взрослым – это значит делать все, что хочешь. Они не видят оков на нашей зрелой воле.

– Снова кража. Я знаю, где сто детей, обязательно один из них вор (один ли?). А однако, я не

могу с этим смириться.

Я в обиде на всех, словно все в этом замешаны.

– А вот и исправился! Я было боялся поверить раньше времени, но вот уже несколько недель внимательно приглядываюсь. Может, нашел себе хорошего товарища? Ох, если бы так и осталось!

– Опять я узнал об одной некрасивой истории. Делаю вид, что ничего не знаю. Так это неприятно – то и знай ворчать, бранить, злиться, дознаваться.

– Станный мальчик. Все мы его уважаем. Он мог бы иметь большое влияние на товарищей, а сторонится всех наших начинаний. На удивление чуждый всем и замкнутый ребенок. И это в нем не эгоизм и не враждебное отношение.

Он просто не может по-другому, а жаль...

– Уж такой нынче приятный денек! Все ребята здоровые, веселые, деятельные. Все шло как-то хорошо, быстро и складно. Таких бы денечков побольше!)

Шкаф находок

Воспитатель косо поглядывает на содержимое детских карманов и ящичков. И чего там только нет: картинки, открытки, шнурки, гвозди, камни, тряпочки, бусы, коробки, пузырьки, цветные стеклышки, марки, птичьи перья, шишки, каштаны, ленточки, засушенные листья и цветы, вырезанные из бумаги фигурки, трамвайные билеты, обломки чего-то, что уже было, завязи чего-то, что еще только чем-то станет. У каждой мелочи имеется своя, часто очень путаная история, свое особое происхождение, свое особое значение, иногда очень большое для ребячьей души.

Тут есть и воспоминания о прошлом, и порыв к будущему. Маленькая раковинка – это мечты о морском путешествии; винтик и несколько проволочек – аэроплан, гордое стремление к полетам; глаз давно разбитой куклы – память о любимом существе, которого уже нет и не будет. Найдешь и фотографию матери, и завернутые в розовую промокашку два гроша – подарок покойного дедушки.

Прибывают новые предметы, часть старых теряет прежнее значение. Ребенок меняет, дарит, а потом жалеет и отбирает.

Я боюсь, что невежда-воспитатель, не понимая, а значит, ни с чем не считаясь, в гневе на то, что заедают выдвигаемые ящички и рвутся карманы, обозленный из-за вечных споров и беспокойства, что у ребят то все пропадает, то опять находится – понакидано, понабросано, понашвыряно, в приступе плохого настроения возьмет да и соберет все эти сокровища в кучу и выбросит весь мусор в печку.

Он совершает неслыханное злоупотребление, варварское злодеяние. Как ты смеешь, дубина, распорядиться чужой собственностью? Как ты смеешь потом требовать от детей, чтобы они что-нибудь уважали и кого-нибудь любили?

Ты сжигаешь не бумажки, а любовь к традициям, мечты о красивой жизни.

Задача воспитателя – добиваться, чтобы у каждого ребенка было что-то, что являлось бы не безымянной собственностью учреждения, а его личной собственностью, и чтобы он мог эту свою собственность хранить в безопасном месте. Когда ребенок кладет что-нибудь в свой ящик, он должен быть уверен, что у него это никто не тронет; ведь две бусинки – это для него драгоценные сережки, обертка от шоколада – акции рантье, дневник – сданный в архив секретный документ. Мало того, твой долг помочь ребенку найти потерянные им предметы.

Так значит, стеклянный шкаф для находок. Ведь у каждого, даже самого мелкого, предмета есть свой хозяин. Закатилось ли что-нибудь под стол, забыто ли на окне или наполовину засыпано песком во дворе, – все это должно попасть в шкаф. Чем меньше в данном интернате «ничьих» предметов, чем больше собственных мелочей, тем сильнее тебя до печет обязанность

постоянно получать и выдавать находки и выслушивать жалобы на то, что «у меня пропало». А как ты поступаешь с тем, что тебе отдают как находку? Кладезь в карман: пример бесчестного отношения.

В Доме Сирот есть почтовый ящик находок. Дежурный из ящика перекладывает их в стеклянный шкаф и в определенные часы возвращает владельцам.

В период острой борьбы за порядок я передавал в «шкаф находок» каждую валявшуюся без призора шапку, не повешенный на место фартук, забытую на столе книжку.

Ларек

Законные, справедливые требования ребят: тетрадка, карандаш, перо, шнурок для ботинок, иголка, наперсток, пуговица, мыло – и так с утра до вечера. Сущее наказание! Вечно у них что-нибудь кончается, ломается, обрывается, вечно им что-то нужно – ни минуты покоя!

Значит, ларек – маленькая комнатка или, пожалуй, скорее даже шкаф, в конце концов, может быть, даже просто ящик. Но ты выдаешь раз в день, в определенное время. Кто опоздал или забыл, должен ждать до следующего дня. О чем тут спорить?!

Выдавая, ты записываешь, кто, что и когда получил.

Если ты обвинишь ребенка в том, что он ломает перья, у тебя будет возможность подтвердить это фактами, цифрами, сравнить с другими. Некоторые предметы выдаются в ларьке бесплатно, другие продаются по низкой цене.

Вешалка для половых щеток

Следовало бы озаглавить: дежурства. Я предпочел написать «вешалка для половых щеток», чтобы подчеркнуть, что дежурство ничего не даст, если мы одновременно не добьемся от ребят уважения к половой щетке, тряпке, помойному ведру, совку для мусора.

Рабочие инструменты уже завоевали некоторое уважение. И хотя книга по-прежнему продолжает занимать привилегированное положение, молоток, рубанок, клещи вышли уже из своего убежища в темном углу или из ящика под кроватью, а швейная машина даже допущена на господскую половину.

В Доме Сирот мы извлекли щетку и тряпку из чулана под лестницей и поместили их не только на видном, но и на почетном месте – рядом с парадным входом в спальню. И странное дело, на свету все это «простонародье» облагородилось, приобрело одухотворенность и стало ласкать взоры своей эстетической внешностью.

На две спальни у нас шесть половых щеток. Будь их меньше, сколько споров, ссор и драк прошло бы перед нашими глазами! Если мы придерживаемся взгляда, что хорошо вытертый стол равноценен старательно переписанной странице, если мы заботимся о том, чтобы труд воспитывал и формировал ребенка, а не просто хотим заменить детским трудом труд домашней прислуги, мы должны этот вопрос изучить, и не кое-как, а основательно, распределив работу между всеми, – и проверять, и наблюдать, и менять дежурных, и посвятить этому много времени и мыслей.

Сто ребят – это сто работников, поддерживающих порядок и ведущих хозяйство, сто разных уровней, сто разных степеней силы, знаний, темпераментов или характеров, безразличия или желания быть полезным.

Упорядочение дежурств – это не начало, а окончание организационной работы, не какая-нибудь одна беседа, а несколько месяцев напряженной работы рук и зоркой творческой мысли.

Прежде всего надо знать работу и знать детей. Я видел в интернатах такую невероятную небрежность при распределении обязанностей, что дежурства деморализовывали, выматывали ребят, учили их ненавидеть всякую помощь интернату.

Бывают дежурства легкие, не требующие ни физической силы, ни умения, ни особых душевных качеств, легко контролируемые, выполняемые пассивно, без применения орудий

труда, например: расставить стулья, подобрать бумажки.

Кто вытирает пыль, у того уже есть тряпочка, за которую он отвечает.

В классах, где четверо дежурных, требуется координация действий.

Дежурства бывают утренние и вечерние, ежедневные и еженедельные (раздача белья, купание, стрижка волос), разовые (выколачивание матрасов), летние (уборные во дворе) и зимние (уборка снега). Каждый месяц составляется и вывешивается новый список дежурных. Этому предшествует подача ребятами заявлений.

Например: «Я хочу быть дежурным по спальне». «Я хочу убирать класс и заведовать банными простынями». «Я хочу дежурить по умывалке, а если это нельзя, то в раздевалке». «А я хочу в уборной и еще хочу быть подавальщицей за восьмым столом».

На каждое дежурство есть свои кандидаты, которые подают заявки на вакантные должности, договариваются между собой, добиваются согласия, ведут многочисленные переговоры.

Плохому дежурному приходится изрядно набегаться, наволноваться и наобещать, чтобы закрепить за собой место. «Я с тобой не хочу, ты дерешься, опаздываешь – ты ленивый».

К сожалению, мы не учитываем и десятой доли этой большой воспитательной работы. У каждой должности есть свои плохие и хорошие стороны, и каждая работа требует умения ладить с людьми. На новом дежурстве ребенок сталкивается с неожиданными радостями и трудностями. То, что он делает что-то новое, заставляет его стараться, а чуть работа приелась, появляется необходимость напрячь энергию, чтобы завоевать облюбованное место или удержаться на старом.

Здесь достигается полное равноправие возрастов и полов: младший, но старательный быстро продвигается по работе, мальчик слушается девочку.

Там, где на одном участке несколько дежурных, один из них старший. На каждом этаже есть свой ответственный дежурный. В этом делении нет ничего искусственного. Заведовать работой другого – тяжелая обязанность, ответственность – неприятная вещь. Люди, не посвященные во все детали нашей работы, предъявляли нам обвинения по поводу этой градации. Каждый должен сам себя контролировать; однако не все и не всегда в жизни получается так, как оно должно быть. Некоторый процент небрежных, недобросовестных и легкомысленных встречается и среди ребят; впрочем, надо ведь не только контролировать, кто-то должен и учить, и помогать. И тут воспитатель, если он желает иметь время на более длительные беседы с отдельными детьми, обязан прибегнуть к письменной форме общения с основной массой ребят. Поэтажные и старшие дежурные по важнейшим видам хозяйства отчитываются каждый вечер в своем дежурстве, подавая дневники.

Хотя в Доме Сирот только часть дежурств платные, я лично придерживаюсь мнения, что оплачиваться должны все дежурства. Мы желаем воспитать хороших граждан, но у нас нет необходимости воспитывать идеалистов. Дом Сирот заботится о детях, у которых нет родителей, не из милости и, заменяя в материальном отношении умерших родителей, не имеет права не предъявлять к детям требований. Почему мы не должны, и как можно раньше, научить ребенка понимать, что такое деньги и плата за труд, чтобы ребенок знал цену независимости, которую дает заработок; чтобы ребенок знал плохие и хорошие стороны владения собственностью? Ни один воспитатель не вырастит из сотни детей сотню идеальных людей; а объявись несколько самородков, горе им, если они не будут уметь считать.

Ибо деньги дают все, кроме счастья; нет, дают даже и счастье, и разум, и здоровье, и нравственность. Но ты покажи ребенку, что деньги приносят и несчастье, и болезни, и лишают рассудка. Пусть ребенок на заработанные им деньги обьестся мороженым, и пусть у него заболит живот; пусть он из-за гривенника поссорится с товарищем; пусть проиграет, потеряет, пусть у него их украдут; пусть и пожалеет, что купил; пусть польстится на доходное дежурство и

убедится, что не стоило; пусть оплатит причиненный им ущерб.

Опекунская комиссия

Вместо объяснений привожу дневник одного из наших сорвиголов, адресованный к девочке-опекунше [34], вместе с ее замечаниями.

16 апреля

«Я хотел бы быть столяром. Когда я поеду путешествовать, я смогу тогда сделать себе сундук и в этот сундук положу разные свои вещи и одежду и уеду, и куплю саблю и ружье. Если нападут дикие звери, я буду защищаться. Я очень люблю Гелю, но на девочке из Дома Сирот я не женюсь».

Замечание опекунши: *«Геля тоже тебя любит, но не очень, потому что ты хулиган. А почему ты не хочешь жениться на девочке из нашего детдома?»*

«Я не хочу брать жену из нашего детдома потому, что мне будет стыдно. Когда я поеду путешествовать, чтобы открыть часть света, я научусь хорошо плавать даже в океане. Я поеду в Америку, буду много работать, заработаю денег, куплю себе автомобиль и поеду на этом моем автомобиле через всю Америку. А сначала я поеду к дикарям и проживу там три недели. Спокойной ночи».

Замечание опекунши: *«Спокойной ночи. А ты будешь мне писать?»*

«Я и Р. разговаривали о том, как мы жили дома. Я сказал, что у меня отец был портным, а у Р. отец сапожник. А теперь мы словно в тюрьме, потому что мы не дома. И если у кого нет ни отца, ни матери, то жизнь у него пропащая. Я рассказал ему, как отец посылал меня за пуговицами, а Р. отец посылал за гвоздями и т. д. Я забыл».

Замечание опекунши: *«Пиши разборчивее».*

«Вот как будет. Когда я вернусь из путешествия, я женюсь».

Посоветуй, на ком мне жениться: на Доре, на Геле или на Мане. Я не знаю, кого взять в жены. Спокойной ночи».

Замечание опекунши: *«Дора сказала, что ты еще сопляк. Маня не соглашается, а Геля смеется».*

«Ведь я не просил тебя их спрашивать, я только написал, кого я люблю. Теперь я ужасно расстроился, мне стыдно, я ведь только тебе одной написал, кого я люблю. И что теперь будет? Ведь мне стыдно к ним подойти. Пожалуйста, скажи мне, за какой стол мне сесть, чтобы хорошо себя вести, и напиши мне какую-нибудь длинную-предлинную сказку. И пожалуйста, никому не показывай, а то я теперь боюсь писать. И мне очень хочется знать, как выглядит австралиец, какие они там».

Замечание опекунши: *«Раз ни Доре, ни Мане, ни Геле не стыдно, так и тебе нечего стыдиться. В маленькой тетрадке сказки не пишут. Если ребята тебя примут, садись за третий стол. Австралийца я постараюсь тебе показать. А твой дневник я больше не стану показывать».*

«Хоть бы мне уже исполнилось двенадцать лет! То-то было бы счастье! Когда я стану уезжать, я со всеми попрощаюсь. Я не знаю, что писать».

Замечание опекунши: *«Ты сказал, что тебе столько всего хочется написать и что ты не знаешь, хватит ли тебе бумаги, а теперь не знаешь, что писать?»*

«Пожалуйста, посоветуй мне что-нибудь, у меня страшное горе и нечистая совесть. Вот это какое горе: не знаю почему, но на уроках у меня из головы не идет один мой недостаток – и боюсь я его, – как бы я не украл. Я не хочу никого огорчать и стараюсь исправиться. И чтобы об этом моем недостатке не думать, я думаю о путешествиях. Спокойной ночи».

Замечание опекунши: *«Ты очень хорошо сделал, что написал мне об этом. Я с тобой поговорю и что-нибудь посоветую. Но когда я говорю, чур, не обижаться».*

«Я уже исправился. Я дружу с Г., и он меня уже исправил. И я очень стараюсь. А почему мне можно ходить в город только раз в две недели? Ведь я такой же, как и все, чем они меня лучше? А они ходят каждую неделю, а я раз в две недели. Я хочу быть таким, как все. Бабушка просила меня приходить каждую неделю, а мне стыдно сказать, что меня не пускают».

Замечание опекуниши: «Ты сам знаешь, почему тебе нельзя ходить в город, как все. Я попрошу, но сомневаюсь, удастся ли».

«У меня и так были неприятности, потому что когда меня выгнали из школы, то должны были выгнать и из Дома Сирот, если меня не примут обратно в школу. А теперь я уже опять хожу в школу. Я уже знаю 35 народов. И у меня есть книжка о путешествиях. Правильная книжка. Мне очень хочется какую-нибудь коробку. Пожалуйста, ответь».

Замечание опекуниши: «Я дам тебе коробку, у себя поищу или где-нибудь достану. А ты можешь мне написать, зачем тебе эта коробка?»

«Мне эта коробка очень нужна, у меня много вещей: письма, книжки, очень много нужных вещей... Теперь я уже ни с кем не дружу, мне не с кем. А когда эта тетрадка кончится, мне дадут новую? Я некрасиво написал, на двух линейках. Я буду писать обо всем, буду записывать всякие огорчения, что я сделал плохого и о чем думаю. Мне надо написать очень много разных любопытных вещей».

Мальчику было девять лет, опекунише – двенадцать.

Общее собрание

Мыслей у детей не меньше, и они не беднее и не хуже, чем у взрослых, только они другие. В нашем мышлении образы линялые, ветхие, чувства тусклые и словно покрытые пылью. А дети думают сердцем, не умом. Поэтому нам так трудно найти с детьми общий язык, поэтому нет более сложного искусства, чем умение с ними говорить. Долгое время мне казалось, что с детьми нужно говорить просто, понятно, занимательно, образно, убедительно. Теперь я думаю по-другому: мы должны говорить коротко и с чувством, не подыскивая слова и выражения, говорить искренне. Я предпочел бы теперь сказать ребятам: «Мое требование к вам несправедливо, оскорбительно, невыполнимо, но я обязан это от вас требовать», чем обосновать такое требование и ждать, чтобы ребята признали за мной правоту.

Собрать детей, разжалобить или, наоборот, отругать их и добиться нужного тебе постановления – это не собрание.

Собрать детей, произнести речь, разжечь их и выбрать нескольких, чтобы они взяли на себя обязательства и ответственность, – это не собрание.

Собрать детей, сказать, что я не могу справиться и пускай они сами что-нибудь придумают, чтобы было лучше, – это не собрание.

Галдеж, бестолочь – голосуют, лишь бы отделаться, – это пародия на собрание.

Частые речи и частые собрания с целью поставить или разрешить какие-либо животрепещущие вопросы опошляют этот способ вызова коллективной реакции.

Собрание должно иметь деловой характер, замечания ребят выслушиваться внимательно и честно – никакой фальши или нажима, – решение откладывать до того момента, когда воспитатель выработает план действий. Если воспитатель может что-либо не знать, не уметь или не мочь, то и ребята имеют право не знать, не уметь или не мочь.

И никаких невыполнимых обещаний! Обещают глупые и бездумные, а умные и честные сердятся или вышучивают.

Чтобы найти общий язык с детьми, надо поработать.

Само собой это не приходит! Ребенок должен знать, что он может взять слово, что это стоит делать, что это не вызовет гнева или неприязни, что его поймут. Мало того, он должен быть уверен, что товарищи его не высмеют и не заподозрят в желании подмазаться к воспитателю.

Собрание требует чистой и достойной моральной атмосферы.

Нет более бессмысленной комедии, чем нарочито подстроенные выборы и голосования с заранее известным результатом.

Кроме того, ребята должны научиться вести собрание.

Ведь совещаться всем скопом нелегко. И еще одно условие. Принуждать к участию в обсуждениях и голосованиях не надо. Есть дети, которые не хотят участвовать в обсуждениях. Надо ли их заставлять?

– Болтают и болтают, а толку чуть.

– К чему собираться, и так ведь по-своему сделаете.

– Что это за собрание, когда никто ничего сказать не может, сразу же все смеются или сердятся.

Пренебрегать этой критикой или объяснять вообще дурным отношением не следует. И правильно, что ребята, способные критиковать, жалуются...

Если я теперь отношусь к собраниям со всей строгостью, то в начале своей работы в Доме Сирот я переоценивал их значение, злоупотребляя словом.

Как бы то ни было, собрания пробуждают коллективную совесть, укрепляют чувство общей ответственности, словом оставляют след. Однако будьте осторожны. В ребячьей толпе нет и не может быть абсолютного товарищества и солидарности. С одним у меня общего только крыша над головой и звонок на подъем, с другим – школа, с третьим – одни и те же склонности, с четвертым у меня – дружба, с пятым – любовь. Дети имеют право жить группами и отдельно, своим умом и трудом.

Газета

Воспитательное учреждение без газеты кажется мне беспорядочным и безнадежным топтанием на месте и брюзжанием воспитателей, повторением одного и того же без определенной цели и без контроля над детьми, чем-то временным и случайным, без традиции, без воспоминаний, без перспектив.

Газета – это прочное звено, она связывает неделю с неделей и сплачивает детей, воспитателей и техперсонал в единое целое.

Газету читают вслух всем детям.

В газете находит свое выражение каждое изменение, улучшение или реформа, каждый недочет, каждое пожелание. Можно писать о них в двух строках в хронике, в статье и в передовой. Можно только отметить: «А подрался с Б». Или: «Все чаще и чаще происходят драки. Вот опять имела место драка между А и Б. Мы не знаем, из-за чего они подрались, но разве обязательно каждый спор должен кончаться дракой?» Или: «Долой кулачную расправу!» Или: «С этим надо раз и навсегда покончить».

Под сенсационным заголовком излагается вопрос о драках.

Для воспитателя, который обязан понять ребенка и себя, газета – прекрасный регулятор его слов и поступков. Газета – это живая хроника его работы, усилий, ошибок, трудностей, с которыми он боролся. Газета – это подтверждение его способностей, свидетельство его деятельности, защита перед возможными упреками. Газета – это научный документ, которому нет цены.

Может быть, вскоре в учительских семинариях будут введены лекции по педагогической журналистике.

Товарищеский суд

Если я посвящаю суду непропорционально много места, то это делается в убеждении, что детский товарищеский суд может положить начало детскому равноправию, привести к конституции, заставить взрослых провозгласить декларацию прав ребенка. У ребенка есть право

на серьезное отношение к его делам и на справедливое их рассмотрение. До сих пор все зависело от доброй воли и хорошего или плохого настроения воспитателя. Ребенок не имел права протестовать. Деспотизму надо положить конец!

Кодекс товарищеского суда

Если кто-нибудь совершил проступок, лучше всего его простить. Если он совершил проступок потому, что не знал, теперь он уже знает. Если он совершил проступок нечаянно, он станет осмотрительнее. Если он совершил проступок потому, что ему трудно привыкнуть поступать по-другому, он постарается привыкнуть. Если он совершил проступок потому, что его уговорили ребята, он больше уже не станет их слушать.

Если кто-нибудь совершил проступок, лучше всего его простить в надежде, что он исправится.

Но суд обязан защищать тихих ребят, чтобы их не обижали сильные, суд обязан защищать добросовестных и трудолюбивых, чтобы им не мешали разболтанные и лентяи, суд обязан заботиться, чтобы был порядок, потому что от беспорядка больше всего страдают добрые, тихие и добросовестные люди.

Суд – это еще не сама справедливость, но он обязан стремиться к справедливости; суд – это еще не сама истина, но он жаждет истины.

Судьи могут ошибаться. Судьи могут наказывать за поступки, которые и им самим случается совершать, и называть плохим то, что и им самим доводится делать.

Но позор тому судье, который сознательно вынесет несправедливый приговор.

Как подавать в суд?

На видном месте висит доска. На этой доске каждый может записать свое дело: свою фамилию и фамилию того, на кого он подает в суд. Можно подать в суд на себя самого, на любого ребенка, на любого воспитателя, на любого взрослого.

Каждый вечер секретарь вписывает дела в книгу, а на следующий день собирает показания. Показания могут даваться устно или письменно.

Судьи

Суд собирается раз в неделю. Судьи выбираются жеребьевкой из тех ребят, на которых за всю неделю ни разу не подавали в суд. На каждые пятьдесят дел выбирается по пяти судей.

Может получиться так, что имеется, например, сто двадцать дел. Значит, надо пятнадцать судей. А такого количества ребят, у которых не было бы на неделе ни одного дела, нет. Тогда тянут жребий все, а на группы разбиваются так, чтобы никому не приходилось вести своего дела.

Решения принимаются согласно кодексу, причем секретарь имеет право с согласия судей передавать некоторые дела на рассмотрение судебного совета или на расширенное судебное заседание, чтобы их разбирали при всех или все всё слышали и точно знали. Секретарем суда является воспитатель. Приговоры заносятся в книгу и зачитываются перед всеми. Недовольные приговором могут подавать свои дела на повторное рассмотрение, однако не раньше, чем по истечении месяца.

Судебный совет

Судебный совет должен состоять из воспитателя и двух судей, избираемых на три месяца тайным голосованием.

Кроме вынесения приговоров, судебный совет занимается разработкой обязательных для всех законов.

Поскольку у судей из совета тоже могут быть свои судебные дела, в судебный совет выбираются пять судей, судят же каждое дело только трое.

Секретарь

Секретарь не судит, а только собирает показания и зачитывает их на заседаниях суда.

Секретарь ведет судебную доску, книгу показаний и приговоров, стенную доску поломок и повреждений, заведует фондом материальных потерь, ведет кривую приговоров и редактирует газету.

Забота суда о порядке

Если кто-нибудь опаздывает, шумит, мешает, не кладет вещи на место, не соблюдает очередь, сорит, разводит грязь в доме, входит туда, куда вход запрещен, пристаёт, ссорится и дерется, он нарушает порядок. И надо подумать, как с ним быть.

Суд может или простить, или сказать, что обвиняемый поступает плохо, или просить совет позволить нарушителю уклониться от соблюдения режима. Совет может дать ему время подумать о своем поведении. Совет может позволить кому-нибудь одному делать то, что никому не разрешается. Пускай этот один будет исключением.

Забота о выполнении обязанностей

Кто не хочет учиться или работать и делает все небрежно, тот причиняет себе вред и никому не приносит пользы.

Если суд не помогает, надо обратиться в совет, – может быть, этот мальчик болен, может быть, ему надо дать время привыкнуть, а может быть, совсем освободить от работы?

Забота о людях

Разные ребята живут у нас вместе. Этот маленький, а тот большой; один сильный, а другой слабый; этот умный, а тот не такой умный; один веселый, другой печальный; один здоровый, а у другого что-нибудь болит. Суд смотрит за тем, чтобы большой не обижал маленького, маленький не мешал старшему. Чтобы умный не эксплуатировал и не высмеивал тех, кто поглупее. Чтобы забияка не лез сам, но чтобы и его не задевали. Чтобы веселый не подстраивал глупых шуток над невеселыми.

Суд должен следить, чтобы каждый имел то, что ему нужно, тогда не будет несчастных и озлобленных.

Суд может простить, а может и сказать, что кто-нибудь поступил неправильно, плохо, очень плохо.

Забота о собственности

Сад, двор, дом, стены, двери, окна, лестницы, печи, стекла, столы, лавки, шкафы, стулья, постели – если обо всем этом не заботиться, все будет поломано, попорчено, станет грязным и некрасивым. То же самое и с пальто, костюмами, шапками, носовыми платками, тарелками, кружками, ложками – если их потеряют, порвут, сломают, разобьют, жалко ведь, да? То же и с книжками, ручками, игрушками – портить их не надо, их надо беречь.

Иногда убыток невелик, а иногда и велик; иногда огорчение маленькое, а иногда и большое. Тот, кто принес убыток, подает на себя в суд, который решает, должен ли подававший покрыть убыток сам, или это будет сделано из судебного фонда.

Все вышесказанное относится и к личной собственности.

Забота о здоровье

Болезнь, увечье и смерть – все это большие несчастья.

Стекло можно вставить, мячик купить; ну а что сделаешь, если кому-нибудь глаз выбили?

Если даже несчастья и не случилось, все равно надо помнить, что следует быть осторожным. Судебный совет решает, сколько висеть на судебной доске объявлению о несчастном случае или о болезни по своей вине.

Неизвестно кто...

Кто это сделал, неизвестно. Никто не хочет признаться. Если очень стараться, узнать всегда можно. Но так неприятно искать, следить, подозревать. Если что-нибудь случилось и неизвестно, кто это сделал, то подают в суд на неизвестного. На неизвестного заводят дело, судьи судят и

вывешивают приговор на судебной доске. Если этот поступок позорит все учреждение, совет постановляет пришить на знамени учреждения черный траурный лоскут.

Все так делают

Если что-нибудь часто повторяется, а всех ведь под суд не отдашь, следует хорошенько подумать, как быть.

– Все опаздывают. Никто не вешает шапку.

Неправда, не все опаздывают, а многие. И один делает это два раза в неделю, а другой раз в месяц. Но что налицо беспорядок – да, верно.

Совет решил вывесить график поведения и, если это понадобится, предпримет и еще что-нибудь, чтобы не было непорядка.

Исключения

Кто-нибудь один не может привыкнуть, кто-нибудь один нарушает режим. Перепробовали всё – не помогает.

Как быть?

– Если мы позволим одному то, что всем запрещается, или освободим от того, что обязаны делать все, выйдет что-нибудь плохое или не выйдет?

Судебный совет может сделать для кого-нибудь исключение до тех пор, пока тот сам не заявит, что больше не хочет. Совет постановляет, помещать этих «исключительных» на судебную доску объявлений или не помещать.

Ст. 1–99

Существует девяносто девять статей оправдывающих или таких, где говорится: суд дела не разобрал. После такого суда все остается так, словно суда и вовсе не было, или – и это единственное следствие проступка – нарушителя обязуют стараться больше так не делать.

Ст. 100

Суд не говорит, что он виновен, не объявляет ему порицания, не сердится на него. Но, рассматривая статью сотую как самое маленькое наказание, суд включает это наказание в кривую судебных приговоров.

Ст. 200

Статья двухсотая гласит: «Он поступил неправильно».

Ничего не поделаешь. С каждым может случиться. Мы просим его больше так не делать.

Ст. 300

В статье трехсотой говорится: «Он поступил плохо».

Суд осуждает.

Если при статьях сотой и двухсотой суд просит, чтобы этого больше не было, при трехсотой суд требует, чтобы это больше не повторялось.

Ст. 400

Статья четырехсотая – большая провинность.

В статье четырехсотой говорится: «Ты поступил очень плохо» или: «Ты поступаешь очень плохо».

Статья четырехсотая – это последняя попытка, последнее желание избавить виновного от стыда, последнее предостережение.

Ст. 500

В статье пятисотой говорится: «Кто совершил такой поступок, кому до такой степени нет дела до наших просьб и требований, тот или не уважает себя, или не думает о нас. Поэтому и мы его больше не можем щадить. Приговор с именем и фамилией публикуется в газете на первой странице».

Ст. 600

Суд вывешивает сроком на неделю приговор на судебной доске объявлений и публикует его в газете. Если кто-нибудь получил шестисотую статью за то, что поступает так постоянно, можно вывесить кривую его поведения и на более долгий срок, но тогда вместо полных имени и фамилии ставятся инициалы.

Ст. 700

Кроме того, что несет за собой статья шестисотая, по статье семисотой о содержании приговора оповещают семью. Может быть, виновного придется исключить. Значит, надо предупредить семью. Если сразу скажешь: «Забирайте его домой», – родные могут обидеться, что, мол, не предупредили, скрыли.

Ст. 800

Статья восьмисотая как бы говорит: «Суд не помогает. Может быть, наказания, какие раньше применялись в воспитательных учреждениях, и помогли бы, но у нас таких наказаний нет.

Даем виновному неделю на размышление. За эту неделю ни он не может подавать на кого-нибудь в суд, ни на него никто не будет подавать в суд. Посмотрим, исправится ли он и надолго ли».

Приговор публикуется в газете, вывешивается на доске объявлений, оповещается семья.

Ст. 900

Статья девятисотая гласит:

«Мы потеряли надежду, что он может исправиться сам, без посторонней помощи».

Приговор этот как бы говорит: «Мы ему не верим».

Или: «Мы его боимся».

И наконец: «Мы не хотим иметь с ним никакого дела».

Другими словами, по статье девятисотой виновный исключается из интерната. Однако он может и остаться, если кто-нибудь возьмет на поруки. И, уже исключенный, может вернуться, если найдет себе опекуна.

Опекун отвечает перед судом за все его провинности.

Опекуном может быть воспитатель или кто-нибудь из ребят.

Ст. 1000

Тысячная статья гласит: «Исключаем».

Каждому исключенному предоставляется право по истечении трех месяцев ходатайствовать об обратном принятии в интернат.

Кривая приговоров

Как в больнице у каждого больного есть своя кривая температуры, так и на судебной доске объявлений висит график морального здоровья интерната, и по нему можно узнать, как идут дела – плохо или хорошо.

Если на заседании суда вынесено четыре приговора по статье сотой ($100 \times 4 = 400$), шесть приговоров по статье двухсотой ($200 \times 6 = 1200$) и один по статье четырехсотой, то всего будет: $400 + 1200 + 400 = 2000$, и мы отмечаем в графике, что за эту неделю обвинительные приговоры дали цифру две тысячи.

Вступление

Я боялся, что на меня станут сердиться.

Скажут: «Голову ребятишкам морочит».

Или: «Подрастут, будет еще у них время обо всем этом подумать».

Или: «И так не очень-то слушаются, ну а теперь пойдут критиковать взрослых...»

«...Покажется им, что все знают, и заважничают».

Давно, очень давно я хотел написать такую книжку, да все откладывал.

Ведь это – первый опыт.

Опыт может и не удался.

А если даже и удастся, промахи неизбежны. У того, кто делает что-либо новое, должны быть ошибки. Я буду начеку. Постараюсь, чтобы книжка вышла занимательная, хотя это и не описание путешествия, и не историческая повесть, и не рассказ о природе.

Я долго думал и все не знал, как назвать книжку. Пока один мальчик не сказал:

– Много у нас, у ребят, огорчений оттого, что мы не знаем, как правильно жить. Иногда взрослые объяснят спокойно, а больше сердятся. А ведь неприятно, когда сердятся. Понять трудно, спросить нельзя. И в голову лезут разные поперечные мысли. Так и сказал: «поперечные мысли».

Я взял лист бумаги и написал: «Правила жизни».

Вижу: правду мальчик сказал – хорошо получилось.

И я составил план.

Я напишу о доме, о родителях, о братьях и сестрах, о домашних развлечениях и огорчениях.

Потом – об улице.

Потом – о школе.

Потом я напишу о ребятах, которые думают про то, что они видят дома, на улице и в школе. Каждый из вас ведь не только играет, но и смотрит, и слушает, что говорят другие, и сам размышляет. Это не повесть и не школьный учебник, а научная книга. Одни предпочитают авантурные романы, сказки, необыкновенные приключения, печальные или смешные. А другие говорят, что самые занятные книжки – это как раз научные.

По школьному учебнику учатся, повесть – та читается легко, а научная книга заставляет человека самого много думать. Немножко прочтет, а потом вспоминает разные вещи, а иной раз и удивляется, и размышляет, так ли это на самом деле.

Ведь бывает, что один говорит одно, а другой другое.

У ребят свои дела, свои огорчения, свои слезы и улыбки, свои взгляды – молодые, молодая поэзия. Часто ребята прячутся от взрослых, стыдятся, не доверяют, боятся, что станут высмеивать.

Ребята любят слушать разговоры взрослых – и очень хотят знать.

Хотят знать правила жизни.

Самые близкие нам люди

Первое слово младенца – «мама».

Не помню, сказал ли мне кто, в книге ли я прочел, что самое древнее слово, которое придумали первобытные люди, было именно «мама», а потому слово «мама» похоже во многих языках.

По-гречески – метер, по латыни – mater, по-французски – mere, по-немецки – Mutter.

Моя мама – ma mere – meine Mutter – mea mater – миа метер.

Уже младенец знает свою мать. Еще ни говорить, ни ходить не умеет, а уже тянет ручонки к матери. Узнает ее и на улице, когда она подходит, еще издали улыбается.

Даже ночью узнает по голосу, по дыханию. Даже слепые от рождения и ослепшие дети, касаясь рукой лица матери, узнают ее и говорят: «Мама – мамуся – мамочка».

Один мальчик сказал так:

– Я и раньше думал, только теперь мысли у меня трудные. А когда я был маленький, мысли были легкие.

Какие же это «легкие мысли» о матери? Мама добрая, веселая или сердитая, или печальная, здоровая или больная. Мама позволяет, дает, запрещает, хочет или не хочет.

Позже видишь и других матерей, не только свою. И узнаешь, что есть матери молодые, веселые, улыбающиеся, есть озабоченные, усталые, заработавшиеся, есть очень образованные и не очень, богатые и бедные, в шляпе или в платке.

Неприятно, если мама вышла и долго не возвращается. Бывает, мама каждый день ходит на работу или надолго уедет. Тяжко думать, что есть на свете сироты.

А еще позже услышишь или прочтешь в газете, что какая-то мать подбросила ребенка. Он даже не помнит мать, и нет у него фотографии и ничего на память. И так поступила как раз мама, та, которая должна быть самой близкой, еще ближе, чем отец!..

– Папочка – папа.

И опять: «Легкие» мысли про то, что отец работает, получает деньги и дает маме. Но не всегда так: случается, что отец болен или не может найти работу. Иногда отец работает дома, иногда где-нибудь в городе, или часто ездит в другой город, или уехал далеко-далеко и только шлет письма. «Легкие» мысли бывают тогда, когда родители здоровы, дома все есть, все живут дружно и нет огорчений.

Я, пишущий эту книгу, знаком с очень многими семьями, и в каждом доме хоть немножко, да по-другому.

И мои взрослые мысли очень трудные и длинные. Ты, любезный читатель, можешь сосчитать, сколько у тебя знакомых домов и товарищей. Я уже не могу: много, очень много.

Я знаю мальчика, живущего у бабушки, и девочку, которую взяла к себе тетка. А очень многие дети живут у совсем чужих людей: в лечебницах, интернатах, приютах, пансионах.

Родители живут в деревне, где нет школы, поэтому отправляют ребенка в город. Или родители в городе, а доктор велел устроить ребенка на курорт.

В школе знакомишься с ребятами, говоришь с ними и узнаешь каждый раз что-то новое. Читаешь книги и начинаешь понимать, что людям живется по-разному: одним хорошо, другим плохо.

Каждый хочет, чтобы дома у него все были спокойные, веселые и не было огорчений. Но надо примириться с тем, что не всегда и не все хорошо. Один день радостный, другой печальный, одно удастся, другое нет. То солнце светит, то дождик идет.

– Ничего не поделаешь, такая уж жизнь, – сказал один мальчик.

Что лучше, быть у родителей одному или иметь брата? или сестру? Лучше быть младшим или старшим?

Ребенок был в семье один, а потом родился братишка. Радоваться этому?

Может быть маленький брат, большой брат и почти взрослый. Может быть один старший, другой младший. Маленький брат, большая сестра. Большой брат, маленькая сестра.

Что лучше?

Я не могу ответить, не знаю, и никто этого не знает.

– А ты как хотела бы?

– Я хотела бы, чтобы было так, как есть, – сказала одна девочка.

Бывают люди всегда веселые, всегда довольные. Им все нравится. У них и в мыслях нет, чтобы что-то было по-другому. А другие часто и легко сердятся.

Если можно что-нибудь изменить, стоит об этом поразмыслить; если же все должно остаться так, как есть, не надо дуться как мышь на крупу. И уж всегда можно жить дружно и с маленькими, и с большими, и с братом, и с сестрой – и это действительно зависит от нас самих.

Я знаю одного мальчика, у него был больной брат. Удивительная была болезнь. Даже родителям казалось, что он просто непослушный, невоспитанный, своевольный. Ходил, ел, спал, как все, только ни минуты не мог усидеть на месте и все трогал, хватал, портил. Если он что-нибудь хотел, а ему не давали, он бросался на пол, колотил по полу ногами, плевался, кусался и кричал так громко, что раз даже полицейский пришел: думал, мальчишку избивают, а над детьми издеваться воспрещается.

Лишь тогда родители вызвали докторов.

– Балованный, капризный – это верно. Но он болен: нервный, не понимает.

– Что делать?

– Надо отдать в специальное заведение, для дома он слишком труден. Вы с ним не сладите. Надо знать, как с таким обращаться. Станете уступать, будет хуже. Этого недостаточно – только не раздражать.

Родителям жалко было отдавать больного мальчика.

Я сказал:

– Вы должны думать о здоровом. Общество больного брата для него вредно.

И тогда этот маленький мальчик закричал:

– Я не хочу, чтобы его из-за меня увозили. Пусть остается, я отдам ему все игрушки. Там – я знаю, – там его будут бить.

Я написал об этом совсем не потому, что все обязаны так поступать. Можно требовать доброты, но не самопожертвования.

Братья и сестры могут жить дружно, но не надо удивляться, что время от времени возникают ссоры.

Из-за чего? Из-за мяча, из-за места за столом, из-за чернил; кому первому мыться, кто должен поднять бумажку. Один хочет петь, а другой – чтобы было тихо. Один хочет играть, а другой читать.

Бывают ссоры, когда сразу видно, кто прав, а кто не прав, и такие, когда это не очень-то ясно. Тогда один должен уступить – добровольно или по приказу. Иной раз ребята и подерутся, и поплачут.

А хуже всего – это когда маленький мешает старшему делать уроки. Толкает, надоедает, лезет на стол, трогает чернильницу. Старшему хочется поскорее кончить, ведь не каждый может долго сидеть и все время думать. Он пишет, малыш подталкивает, а в школе попадает, что писал нестарательно.

Не всегда у взрослых есть время и терпение точно дознаться, как было дело. И они говорят:

– Уступи малышу!

Или:

– Уступи девочке.

Или:

– Старшему следует уступить.

Я убедился, что самое худшее как дома, так и в школе – это вынужденные уступки. Они действуют лишь на короткое время. Потом будет еще хуже. Несправедливость раздражает. Остается чувство досады. Остается обида. Я убедился, что лучше совсем не вмешиваться, чем судить, не разобравшись в причине распри. Взрослым иногда кажется, что ссора вышла из-за

сущего пустяка. Из-за чепухи...

Нет. Братья и сестры часто добровольно уступают и прощают. Нередко взрослые жалуются, что:

- Целый день они ссорятся.
- Вечно они ссорятся.
- Не перестают ссориться.
- Ни минуты без ссоры.

Преувеличение.

Если подсчитать, то у недружных братьев и сестер выпадет две-три-четыре ссоры на день. Допустим, каждая ссора длится пятнадцать минут, – значит, все вместе час. Час – это много, но не целый же день. И может быть, лучше один час войны, чем постоянная злость и тихая, все возрастающая неприязнь.

Я убедился, что пренебрежительное отношение старших братьев и сестер к младшим обижает и сердит. И наоборот, сердит и раздражает, когда младшие требуют для себя прав, какими пользуются старшие.

– Я тоже хочу, – говорит малыш.

– Раз так, ни тот ни другой!

И из ложного принципа равенства или для примера старшему что-нибудь не дают или не позволяют. И если после возникнет ссора, дело тут не в пустяках, а во взаимной неприязни.

Бывают дни хуже и лучше. Уже было гораздо лучше, совсем хорошо, и вдруг опять начинают.

Почему?

Прежде чем что-нибудь предпринять, надо изучить, узнать, расспросить, потому что как можно, не зная, советовать и поучать? Я убедился, что не следует спешить на помощь. Лучше подождать, пока ребята успокоятся.

Я убедился, что добра больше, в десять раз больше, чем зла, и поэтому можно спокойно переждать, когда злость пройдет. Не только человек, каждое живое существо предпочитает мир войне, и, значит, не следует обвинять детей в пристрастии к ссорам.

Если в семье есть бабушка и дедушка, может быть, это для ребят лучше. Если мама сегодня сердитая, может быть, бабушка утешит; мама откажется, может быть, бабушка поможет.

У бабушки больше времени, – значит, выслушает внимательнее. Любопытно рассказывают старые люди. И вообще, как это удивительно: бабушка помнит маму маленькой девочкой, а папу юношей. А еще раньше бабушка сама была ребенком.

Помнит старые времена. Другие тогда были улицы и дома, другие лампы и часы, даже люди были другие. Не было многих изобретений, и книг, и игрушек, развлечений.

И из людей – одни уже умерли, других еще не было на свете...

И приходят в голову «трудные» мысли, уже не только о том, что сейчас есть, а и о том, что было и что будет.

Удивительно...

Что лучше – дом или квартира?

Люди живут в больших городах, маленьких городишках и в деревнях.

Родным домом может быть хата, усадьба, комнатка в деревянном доме, комната или несколько комнат в высоком каменном здании и дворец. Дом может быть собственностью родителей или сниматься у домовладельца, которому ежемесячно платят за квартиру. Кто не может платить, должен съехать.

Маленькие дети ничего этого не знают, их «легкие» мысли такие: «Здесь мои мама и папа, здесь моя кровать и игрушки, здесь я сплю и ем, и спешу сюда, когда холодно и идет дождик».

Как птица в свое гнездо.

И только позже ребенок знакомится с другими квартирами – смотрит и немножко смущается, немножко боится. Видит других мам, другие столы, кровати и шкафы. Удивляется, думает, сравнивает и наконец твердо знает.

Уже большой мальчик из небольшого городка сказал:

– Я думал, в Варшаве высокие горы, и море, и корабли, и кругом одни памятники, как на кладбище. Сам не знаю, что я думал.

Часто правда переплетается со сном и сказкой. Одна большая девочка сказала:

– Я не могу себе представить, как это люди живут зимой в деревне. Кругом снег, холодно, а они сидят там!

Только когда человек хорошо познакомится со своим жилищем, он начинает интересоваться тем, что далеко и по-другому. Как бы путешествует мысленно по неведомым странам.

Ребенку изрядно приходится потрудиться, чтобы узнать свой дом. Кто постарше, тот даже уже и не помнит, как он разглядывал комнату, пол, потолок и стены, сколько видел непонятных вещей, сколько его подстерегало неожиданных сюрпризов и тайн. Удивительная лампа, неодинаковая днем, вечером и ночью.

Часы, которые тикают и бьют. Что в них, почему и зачем. Мама взглянет на часы и знает, что скоро придет папа. Словно часы знают, что делается вне дома, знают, когда будет темно, и бьют, чтобы люди ели, ложились спать, вставали, ни на минуту не перестают шептаться на стенке.

Удивительное зеркало. Совсем не такое, как картина.

В нем можно увидеть разные вещи. Если перед зеркалом встанет мама, будет две мамы.

– А это я!

Ребенок поднимает руку, высовывает язык, держит кошку, приподнимает фартучек – в зеркале то же самое. Висят картины и фотографии – и что-то говорят и объясняют, а малыш любит их или не любит, радуется или боится.

Опрокинул стул – испугался, больно; упал, ушибся о стол, о шкаф. Свалился откуда-нибудь. Ударили дверь. Обжегся о плиту. И плита тут что-то делает, все тут что-нибудь да значит. Иногда хорошо и весело, а иногда бранят. За что?

Говорят, что испортил, сломал, запачкал. Приключается с малышом и беда: написал на пол, сам не знает, как это вышло. Опять огорчение.

Но бывают и победы: впервые сам влез на подоконник, впервые дотянулся до дверной ручки, впервые дорвался до щетки и метет или вытирает тряпкой пыль.

Ребенок постарше, который ходит в школу, уже все это забыл. А жаль: помни он, как ему самому было трудно, не судил бы малыша строго.

Покажу на примере, что и старшим детям не все понятно: почему, например, взрослые не позволяют прыгать на диване? Говорят «портится», а ведь это вовсе не так; а уж как приятно прыгать, как высоко подбрасывают пружины. Дети не знают, что есть дорогие вещи, которые покупаются на долгие годы. Диван от прыганья сразу не испортится, но через год-другой порвутся веревки, которыми связаны пружины, и придется платить обойщику за починку, а то и за новую обивку.

Малышу родители иногда позволяют попрыгать, не хочется запрещать, и малыш легкий, не так уж испортит.

А на большого очень сердятся, денег нет на ремонт.

Родители сердятся, если царапать ножиком стол, щелкать выключателем, зажигать спички, играть в комнате в мячик. И, надо признать, они правы.

Помню, я разбил, играя в мяч, дорогую вазу. Долго удавалось мне ничего не бить – может быть, целый год. Я обещал бросать мячик только о пол, и мама позволила. И вот то ли я слишком

сильно ударил, то ли забыл об обещании. Ваза дрогнула, закачалась и упала. Когда ребята приходят ко мне в комнату, я всегда ставлю лампу и будильник в безопасное место. Не хочу, чтобы у ребят были неприятности, а у меня убыток. И всем советую так делать: лучше вовремя отодвинуть чернила, чем сердиться, что пролили.

Взрослые не очень любят, когда у ребят гости, и хотят знать, спокойные ли твои товарищи и хорошо ли воспитаны. И сердятся, если что-нибудь приключится: наприглашал, мол, озорников. А ведь неприятно отказывать, когда товарищ просит:

– *Я приду к тебе?*

Тихому мальчику даже чай пролить неприятно; а уж всегда так бывает, что, когда слишком стараешься, что-нибудь да не выйдет. Поэтому тихие не любят ходить по знакомым, предпочитают поскучать. А все потому, что не знают, как навещать товарищей и как принимать, чтобы и гостя не обидеть, и самому не иметь неприятностей.

А жаль...

Плохо, что как раз у хороших ребят всегда столько опасений, а бесстыжим на все плевать и именно у чужого они делают все то, что им запрещают дома.

Один мальчик пригласил к себе товарищей. Конечно, мама позволила. Но пришел один непрошенный. Даже в школе он всегда играл как-то дико, и его звали «бешеный».

А что было делать? Гость!

Хорошо поиграли. Только тот разошелся и разбил большое зеркало, и мама велела всем убираться вон.

– *Ты зачем его звал?*

– *А вот именно и не звал.*

– *Надо было так ему и сказать.*

Мальчик не знал правила, которое учит, что не с каждым можно быть деликатным.

А я знаю случай, когда гость взял у мамы со столика золотые часы.

Где большая квартира, там легче. Тогда дети и взрослые меньше мешают друг другу. А чем больше народу и теснее, тем больше горестей, запретов и убытков. Кто виноват?

Никто.

Я читал в книжке, что когда у тебя неприятность и ты знаешь, из-за чего она, тебе уже не так больно. А маленькие не знают.

Там, где есть детская, реже скажут:

– Не бегай, не шуми.

Хотя и не всегда так бывает, ведь богатые менее терпеливы, больше думают о своем покое и удобстве.

Очень трудно сказать, где лучше.

Один мальчик, у которого семья ютилась в одной комнатушке, побывал в гостях у богатого товарища и сказал так:

– *Хорошо там. У него своя комната. Всякие ковры, картины. Игрушек столько... Только я не хотел бы там жить. У нас лучше – веселее.*

Иногда человеку кажется, что он хочет, чтобы все было по-другому, не так, как есть. Как бы завидует: тому, мол, лучше. Но на самом деле редко кому хочется быть другим, иметь другую маму и жить в другом месте. Не хочется, чтобы все было совсем по-другому. Хочется только немножко изменить, подправить.

А впрочем, люди бывают разные: один более привязчивый, другой менее.

В тесной квартире могут царить любовь и согласие и быть весело, а в большой – жить недружно, одни строгости да скука. Одинок ребенок может быть и тут и там.

Трудно даже сказать, лучше жить в большом городе или в маленьком. В маленьком дети

боятся пожара, в большом – машин и воров. В большом больше развлечений, книжек, кинотеатров, зато в маленьком дальние экскурсии, хороши весна и осень, больше цветов, птиц.

Как приятно ухаживать за растениями, сколько радости, когда сажаешь в горшки семена и они всходят, строгаешь подпорки, пересаживаешь, поливаешь, выставляешь под дождик, окуриваешь! А канарейка в клетке, а рыбки в аквариуме или хотя бы в банке? А в маленьком городке и голуби, и кролики, и собаки, и цыплята...

– Я хочу, чтобы было так, как есть, – сказал один мальчик.

Иногда родители живут в деревне. Там, где жили еще и дедушка, и прадедушка.

Взрослые говорят, что маленькие любят переезжать. И я раньше так думал. Но нет.

Иногда переезжать весело. Каждый рад, когда на лето едет в деревню. И каникулы – и лето – и не навсегда. Хорошо переехать в более веселый дом, где есть балкон, и больше окон, и ближе парк. И родители довольны, говорят, что будет удобно. Но даже и тогда жалко дом, который ты знаешь, и соседей. Пусто делается, когда выносят вещи...

А бывают и совсем невеселые переезды, когда кто-нибудь умер или у родителей стали плохи дела.

Часто переезд вызывает тревожное чувство: как-то будет в чужом городе, в дальнем краю? Неужели никогда я не увижу того, что было?

Не всегда маленькие быстро забывают и привыкают.

Иногда у взрослых, занятых на новом месте новыми делами, нет времени думать о прошлом. А ребенок тоскует.

Взрослые дома

Надо прямо сказать, иногда родители многое позволяют, делают мало замечаний, а иногда действительно слишком уж часто слышишь: «Не смей, нельзя, не тронь, перестань, не так, потом». Или: «Поди, возьми, играй, ешь, спи».

Одному легко слушаться, другому трудно. Спокойному ребенку легче, а беспокойный сердится. Говорит: «Мучают, надоедают, покоя не дают, над душой стоят, лезут».

А взрослые про такого: «Непослушный, плохой, баловник».

Вот тогда-то и приходят (как сказал один мальчик) «*поперечные мысли*».

То есть хочется делать наперекор. А взрослые знай свое: «Упрямый, строптивый, пакостник, озорник».

Но маме, а еще больше папе приходится уступать. Обычно, хотя и не всегда, более строг бывает отец. Так ли, эдак ли, только каждый знает, что у мамы и у папы есть право приказывать и запрещать.

На маму и папу трудно долго обижаться. Нельзя сказать, чтобы их не любили.

Вот ребенок и старается, а если надо, и повинится, и попросит прощения. Даже тогда попросит, когда не считает их вполне правыми.

Иногда бабушка слишком снисходительна, и можно не слушаться. Но потом бабушку делается жалко. Да и опасно: выйдет из себя и нажалуется маме или папе. А свяжись со взрослым братом или сестрой – наверняка поколотят...

Правило жизни гласит: «Никогда ничего не скрывать от родителей». Иногда ребенку кажется, что он беспомощен и незащищен, но если бы родители все знали, помогли бы.

Иногда ребенку кажется, что и он виноват. Ничего: родители простят и помогут. А нет родителей, можно пожаловаться тетке, дяде, бабушке, даже полиции, если уж совсем никого нет.

Неприятно это слушать тому, кому хорошо, кого окружают любящие люди. Что ж? Пускай знает, не будет тогда кукситься по пустякам...

Разные люди бывают на свете: и взрослые, и подростки, и малыши. Разные люди бывают: и тети и дяди. И взрослые гости.

Чужие тети бывают приятные и неприятные. Вообще взрослые точно так же, как и твои ровесники, делятся на тех, кого ты любишь и не любишь.

Один только поздоровается, а потом все с мамой разговаривает; иногда даже обидно, что не обращает внимания. А другой отпустит неудачную шутку или задаст вопрос, на который не всегда хочется отвечать. «А ты это любишь, а ты это умеешь делать, а ты это хочешь?» Или с подарком придет. Взрослым кажется, что дети лакомки и жадные. Нет. Если кого не любишь, и подарок от него не мил.

Хуже, когда гости вмешиваются, делают замечания.

И уж хуже всего, когда ласкают и целуют. Или руку тебе так крепко стиснет, что больно, или облюнявит, целуя, или посадит на колени. По какому праву?

Всегда беспокойно на сердце, когдаходишь ко взрослым гостям, никогда не известно, что тебя ждет.

Общее правило жизни гласит, что со взрослыми надо быть вежливым, а с гостями и любезным. Но и взрослые должны быть вежливыми и не делать неприятностей.

Раз знакомый отца подхватил мальчика и, взмахивая им, сказал:

– Вот брошу тебя в воду!

Шли тогда по мосту.

Все это вышло так внезапно, что мальчик закричал и расплакался. Взрослые стали смеяться и стыдиться:

– Такой большой и такой глупый. Трусишка!

А этот господин, вместо того чтобы извиниться и больше не напоминать, потом еще всякий раз приставал:

– Привет, моряк! Здорово, герой!

Противный!

Бывают и такие гости, которым доставляет удовольствие раздражить человека. Иные стараются подладиться. А в общем, детям часто непонятно: над чем они смеются?

Раз в гостиной собралось многочисленное общество.

Мальчику велели угостить конфетами. Конечно, приятно угощать, да только чем-нибудь своим и одного, того, кого любишь. Но ничего не поделаешь: велели. А мальчик поскользнулся и чуть не упал. Перепугался: ведь мог просыпать конфеты. А все стали смеяться над ним и подшучивать.

Есть гости, с которыми надо быть исключительно любезным. Какой-нибудь приятель отца, кто-нибудь, кто приехал издалека или надолго уезжает. Тут еще больше приходится стараться, это хуже даже, чем экзамен. Детей заставляют декламировать, петь при гостях. Ох, как это подчас неприятно!

Иногда незнакомый гость приводит с собой ребенка, и вам говорят:

– Идите играйте.

А не всегда можно играть по приказу.

Взрослые знают, как и с кем разговаривать, с кем надо быть сдержанным, а с кем можно чувствовать себя свободно. Знают, как завести разговор, хотя и не очень хотелось бы. (А ведь начало всего труднее.)

И взрослые не конфузятся так, как дети. За ними не следят и не сердятся, когда они скажут что-нибудь или сделают не так, как надо. И могут выбирать, с кем хотят познакомиться.

Похоже на то, что с младшим каждый вправе заговаривать, даже если его мало знает или не знает вовсе.

И я раньше так думал, а научил меня уму-разуму один маленький мальчик; я ему очень благодарен.

Я тогда был военным врачом. Наш отряд стоял в небольшом городке. Этот мальчик играл у себя перед домом.

Я шел мимо и сказал:

– Здравствуй!

– Почему ты не отвечаешь? – сердито спросила у него мать.

– Да я его совсем не знаю, – ответил мальчик.

С тех пор я стал осторожнее.

Улица

Не все любят улицу, и не все одинаково по ней ходят.

Я знаю мальчика, которого мама вынуждена просто гнать на улицу.

– Ну выйди ненадолго.

– Зачем?

– Прогуляешься немножко.

– Куда?

– Купишь мне то-то и то-то.

– Да я не знаю где, да я, может быть, куплю плохо.

Мальчик и умен, и весел, и совсем здоров, а предпочитает сидеть дома.

– Не люблю слоняться попусту, – говорит.

Бывают такие, которые, конечно, и пойдут, да только с мамой или с кем-нибудь из взрослых.

Или с приятелем, который скажет, куда идти.

– Не люблю один ходить.

А бывают и такие, которые неохотно ходят со взрослыми, им даже товарищ не нужен.

– Приятнее всего одному.

Можно остановиться там, где хочется, и смотреть, сколько понравится.

Разные бывают люди на свете: один любит как раз то, что другому неприятно; каждый хочет, каждого интересует что-нибудь свое.

Один любит главные улицы с большим движением, где много людей и машин, а другого шум и толкотня раздражают. Один любит знакомые улицы, а другой выбирает те, где еще никогда не был. Любит ходить на реку, едет за город.

– Я воображаю, что я путешественник, посещаю незнакомые города и дальние страны, – говорит мальчик.

Один присматривается ко всему, а другой ходит задумавшись и даже не замечает, что вокруг. Такому все равно, идет ли он мимо высоких домов с красивыми витринами или старых деревянных лачуг.

– Когда хожу по городу, у меня больше всяких мыслей.

Да, так: не увидишь – не подумаешь.

Увидел нищего – и думаешь о бедных; увидел похороны – думаешь о тех, кто умер; увидел калеку, слепого, пьяницу – и думаешь о том, зачем это только люди пьют водку и курят папиросы; увидел офицера – задумываешься о войне; тут скандал или драка, там полицейский ведет вора...

Другому хотелось бы обсудить все с приятелем, а этот предпочитает сам себе задавать вопросы и сам отвечает.

– Люблю глазеть на витрины.

Остановится перед книжным магазином, кондитерской, кинотеатром, цветочным киоском, перед магазином канцелярских принадлежностей, фарфоровых изделий, перед часовщиком и сапожником.

А иные знают, где продаются спорттовары или велосипеды, фотоаппараты, почтовые марки, радиопринадлежности. И толпятся только тут.

У одного в кармане нет ни гроша, а ему хоть бы что, а другой лучше будет дома сидеть, чем пойдет на улицу без денег.

Один говорит:

– А зачем мне деньги? У меня все есть. Ничего мне не надо.

А другой:

– Что за удовольствие смотреть, если нельзя купить?

Один любит и умеет покупать, другому стыдно, не хочется. Один покупает всегда в одном и том же магазине и даже не думает, что где-то может быть дешевле и лучше, а другой покупает каждый раз в новом месте, чтобы сравнивать.

– Давай зайдём, спросим, сколько стоит.

– Иди один, я подожду у магазина.

Один покупает лишь тогда, когда нужно, и лишь то, что нужно, а другому хочется иметь все новое, что в первый раз видит.

– Зачем тебе это?

– Увидим, может, пригодится.

Взрослые говорят, что дети тратят деньги на сладости. Да, конечно, только не все дети и не всегда. Один любит фрукты и не любит конфеты; другой вообще никогда ничего не покупает из еды, зато хочет, чтобы у него были хорошие краски, или циркули, или картинки, солдатики, книжки, или долго копит деньги на одну, зато дорогую вещь. Или тратит все деньги на кино.

Неправда, что ребята любят ходить на картины, на которые дети не допускаются. Я знаю мальчика, который ходил в кино раз в неделю, но ежедневно просматривал кадры рекламы, чтобы не попасть по ошибке на фильм про любовь.

Улица требует знания многих правил жизни. Ребята, которые проводят ежедневно по многу часов на улице, знают их. Только прошу не думать, что это уличные мальчишки.

Обычно валят в одну кучу: «газетчики, уличные мальчишки».

И думают, что газетчики – это испорченные мальчишки, которые курят папиросы и говорят нехорошие слова.

Нет. Уличным может быть мальчик, за которым дома очень даже следят и неохотно пускают одного. Но стоит ему вырваться на улицу, он словно ума лишается. Ему кажется, что в толпе можно делать все, что хочешь, в голову лезут разные злобные шалости. Толкает, задирает и всячески хулиганит и все выискивает, какую бы еще штуку отмочить и удрать. Подберет себе такого же товарища или товарищей и вместе с ними рыщет и шkodит. Горе девочке, дворнику, торговке, еврею, малышу! Такой словно нарочно хочет, чтобы все видели, что он хулиган. И тупо и зло смеется, когда обругает кого-нибудь или напугает.

Я знаю тихих и разумных газетчиков, которые и должны, да не любят проводить ежедневно по многу часов на улице.

«Ах, счастливчик!» – думает о них уличный мальчишка, за которым присматривают родители.

Нет, тяжел, неприятен и опасен труд маленького газетчика. Через несколько дней от беготни и крика начинаешь уставать. Болят от беганья ноги, надорвано криком горло.

Беспокоишься, как бы продать газеты, и боишься потерять деньги, и как бы их не украли и не подсунули фальшивую монету, и как бы не ошибиться, давая сдачу, и не попасть под машину или трамвай. Газетчики перебегают улицу быстро и ловко, но настороженно, напрягая внимание.

В школе невнимательный получит лишь плохую отметку, а тут минутное невнимание – и увечье на всю жизнь.

Юные газетчики и продавцы конфет это понимают и знают правила, которые для их счастливых ровесников остаются тайной. Знают, как избежать несчастного случая и встречи с нечестными людьми: ведь плутов и авантюристов в большом городе всегда хватает. Говорят даже, что есть люди, которые крадут, похищают детей.

Один мальчик рассказал о таком своем приключении.

Стоит он у кино и смотрит кадры. К нему подходит большой, уже почти совсем взрослый парень и спрашивает:

– Пошли в подъезд, хочешь, я тебя бесплатно проведу?

Ладно, пошли они в подъезд.

– Снимай сапоги, мы пройдем черным ходом.

Снял дурачок сапоги.

– Давай подержу.

Привел в какие-то сенцы.

– погоди, я схожу погляжу, открыли ли кинозал.

Ушел и, ясное дело, не вернулся.

– Пришлось мне идти домой босиком. Я к дяде побежал, боялся, мама поколотит.

Еще один рассказ (уже другого мальчика):

– Какой-то хорошо одетый господин спросил меня, не хочу ли я заработать злотый, дал письмо и велел отнести на пятый этаж. Иду я с письмом, стучу, дверь открыл какой-то верзила, похожий на бандита, взглянул на конверт и как даст мне по морде – и толкнул меня, я чуть с лестницы не скатился. Я даже не знаю, что в этом конверте было. А того, кто дал мне письмо, я больше не видел.

Эти два случая еще не так плохо кончились, а могло быть и хуже.

Поэтому родители правильно предупреждают ребят, чтобы они ни с кем из посторонних на улице в разговор не вступали и не ходили по чужим квартирам.

Иногда спросит у тебя кто-нибудь улицу или про трамвай, или старушка попросит перевести на другую сторону.

Приятно оказать услугу, но долгих разговоров лучше не заводить. Можно вполне вежливо ответить, как это сделала одна девочка:

– Простите, пожалуйста, но мама не разрешает мне разговаривать на улице.

Иногда пьяницу или сумасшедшего сразу узнаешь, а иногда они выглядят как нормальные люди. Лучше быть осторожнее.

Живая, веселая, любопытная бывает улица, а подчас и очень печальная и печальные будит мысли.

Дома родители стараются, чтобы все вели себя хорошо, подавали хороший пример, никого не обижали, а на улице ты видишь разных людей, разные дела, слышишь разные слова.

Портит ли это ребенка?

Мне кажется, нет. Тот, у кого сильная воля и кто знает, каким он хочет быть, выработает для себя свои собственные правила жизни и не будет, видя что-нибудь неумное и злое, ни подражать этому, ни брать с этого пример.

Человек не только помнит, но и забывает, не только ошибается, но и исправляет свои ошибки, не только теряет, но и находит. Можно научиться запоминать то, что хорошо и полезно.

Я знаю многих, кого улица совсем не испортила, а закалила, выработала сильную волю и помогла стать честными и рассудительными людьми.

Школа

Много книжек печатают про школу, да только для взрослых и совсем не пишут про школу для учеников. Просто удивительно! А ведь ученик столько в ней проводит часов, так много о ней

думает, столько видит в ней радостей и горестей!

Я часто говорю с учениками младших классов про школу; одни любят и хвалят, другие жалуются, но знать по-настоящему школу, ее историю никто не знает: все думают, что все всегда было так и так и останется.

Я знаю: маленький ребенок думает, что мама всегда была мамой, а бабушка бабушкой и что всегда была именно такая квартира и так же тикали на стенке часы. Ему кажется, что и город, и улица, и магазины были всегда такие же, как теперь.

И ученику кажется, что парты, доска, губка, мел везде такие же, как у него в школе, так же выглядят учителя и так же выглядят книжки, тетрадки, ручки, чернила.

Конечно, родители вспоминают, что в их времена было по-другому, но столько слышишь всякой всячины, что не всегда знаешь, правда это или сказка.

Один мальчик после экскурсии в королевский замок сказал:

– Вот теперь я верю, что короли были на самом деле.

Пожалуй, в каждом большом городе должен быть музей истории школы, и в этом музее должны быть такие классы, какие были сто и пятьдесят лет назад, старые парты, древние карты и старинные книги, одежда учеников, игрушки и даже розга, которой тогда еще секли ребят.

Во время японской войны я был в Китае, видел китайские школы и купил у одного учителя линейку, которой бьют учеников. На одной стороне линейки было написано красной краской: «Тот, кто учится, станет умным, полезным человеком»; надпись на другой стороне была черная [36]. Эту линейку я потом показывал, и все разглядывали ее с большим интересом.

Мне кажется, знай ученик, какие школы были раньше и какие они в других местах еще и теперь, он меньше жаловался бы и больше любил свою школу, легче мирился бы с тем, что в школе подчас бывают неприятности, устаешь и скучаешь.

Если поговоришь с учеником по душам, всегда услышишь жалобу на трудный предмет, на приставалу соседа, на строгого учителя, на то, что много задают и что много разных забот, а развлечений мало.

А спросишь, не хочет ли он лучше сидеть дома, скажет:

– Хочу ходить в школу.

Школьник рад, что учитель не пришел, что раньше отпустили домой, любит праздники, но он хочет оставаться учеником.

Случалось, мне надо было убедить мальчика, что дома учиться лучше.

– Сам видишь, ты слабенький, тебе трудно рано вставать. Ты сможешь дольше лежать в постели. Ты простуживаешься, кашляешь, а в школу надо ходить и в дождь, и в стужу. В школе ты должен пять часов сидеть спокойно, а дома можно и поиграть подольше, и пойти в сад. Если у тебя болит голова, можно не сделать уроков, и на тебя не рассердятся. Учение дается тебе с трудом... Товарищи задирают, дразнят...

Мальчик слушает-слушает и говорит:

– Это ничего, я хочу в школу.

Почему? Почему школа приятна и нужна?

Дома думают обо всех и занимаются разными делами; комнаты и обстановка дома для всех; школа думает только об ученике; каждый зал, каждая парта, каждый уголок именно для ученика. Все свое время в школе учитель отдает ученику. Здесь не услышишь неприятного: «У меня нет времени. Не знаю. Оставь меня в покое. Не морочь мне голову. Мал еще».

Во-вторых, школа упорядочивает день; знаешь, что будет впереди, куда идти и что делать. У тебя есть план, каждый час на что-нибудь предназначен. Тебе не скучно, даже приходится торопиться.

Правда, иногда не хочется вылезать из теплой постели или выходить в дождик на улицу. Но

часы призывают спешить, и тебе некогда размышлять, что приятно, а что неприятно, что ты чувствуешь и чего хочешь.

Один одевается быстро и вообще любит все делать быстро; другой наденет чулок и отдыхает, зашнурует башмак и задумается. Один готов слоняться полдня не одетый, другой сразу вскакивает с постели:

– Ну а дальше что делать?

Хватает книжки и вылетает на улицу, часто даже не узнав, какая погода. Дождик? Шагает быстрее: в школе тепло, сухо! Приятно вытереть ноги, сбросить мокрое пальто и шапку... И сразу друзья. Еще на улице повстречался товарищ. И улица какая-то своя, взрослых на ней не больше, чем школьников, да и те словно знакомые.

Как и с кем познакомишься без школы? Разве только зайдет двоюродная сестра или сосед, да и то не часто, и, может быть, не твоего возраста, и, может быть, даже не очень симпатичные. Вот в школе можно выбрать настоящего товарища!

Одни долго выбирают, а другие меньше знают класс и сходятся с теми, с кем сидят на одной парте или живут поблизости и чаще встречаются. Одни часто меняют товарищей, другие дружат очень подолгу. Одни любят, чтобы был кто-нибудь один, другие со всеми живут хорошо, ни любят как-нибудь особенно, ни не любят. А девочки даже влюбляются в старшекласшниц.

Когда идешь в школу, никогда не знаешь, что расскажут тебе интересного товарищи и кто именно. Каждый со вчерашнего дня что-нибудь видел или слышал. А разговор, может быть, оттого еще такой интересный, что вот-вот прервет его звонок. Всякому хочется успеть рассказать до учителя, и мысли текут как-то быстрее и легче.

Иногда и не успеешь – значит, доскажешь на перемене.

А пока, на уроке, можно подумать о том, о чем говорилось.

Входит учитель. Как будто и знаешь, какой первый урок, но всегда бывают неожиданности, никогда точно неизвестно, что именно будет сегодня. Иногда и не очень интересный предмет, а как раз сегодня было приятно слушать.

Вызовет ли учитель к доске, и в каком он будет настроении – в хорошем или в плохом, – похвалит или побранит, рассердится на всех или на одного и на кого именно?

Кто будет отвечать, и знает он или не знает? Приятно слушать, когда отвечает хороший ученик, а иногда даже интереснее, когда вызывают лентяя или озорника: может, скажет что-нибудь смешное. Сразу в классе шум: всем делается весело.

Раз слушаешь более внимательно, раз менее. Но никто не мешает думать, и в голове у тебя возникает воспоминание, рождается вопрос, появляется какая-нибудь идея.

Иногда приятно даже просто посидеть спокойно, ни о чем не думая.

И звонок – и так каждый час. Раз занятия кончаются раньше, раз позже. Сегодня был трудный день, зато завтра задано меньше, или будет другой предмет, или учитель, которого любишь.

Важно, что ты знаешь, что будет завтра, но не совсем: может выйти и немножко не так.

Еще один рабочий день кончился, близится день отдыха.

Раздумываешь, что тебе делать, куда пойти в праздник, чтобы не было скучно. Считаешь, сколько недель осталось до двухнедельных зимних каникул, до Пасхи, до двухмесячных летних каникул, – в чем надо подтянуться.

Всегда что-нибудь повторяется, а что-нибудь – новое; одно уходит, другое наступает. Одно ждешь со страхом, другое с радостью. Неприятную неожиданность уравнивает другая – приятная. Надежды и победы, разочарования и поражения.

Школа – дом. Дом – школа. То бежишь, торопишься домой к обеду, то идешь дальней дорогой, провожая товарища, или видишь что-нибудь интересное и заходишь купить.

А вот и конец года:

– Еще только месяц остался, три недели.

Напишут ли внизу табеля красными чернилами «переводится» или, может, – на второй год?

Предпоследняя контрольная работа, последний ответ – переэкзаменовка! Есть еще время подтянуться. У каждого есть предмет, в котором он уверен, и такой, которого он боится.

А развлечения? Экскурсия, кино, театр, выставка; а библиотека, спектакль, клуб?

Я заметил, что на школу жалуются те, кому дома хорошо, у кого дома много разных развлечений, или те, от кого родители требуют, чтобы они хорошо учились, хотя они неспособные и учение дается им с трудом.

Не всегда виноват отец в том, что он мало зарабатывает, не всегда виноват ученик, что у него нет хороших отметок. Часто взрослые говорят: «Если бы ты хотел».

Да бедняга и хочет, да не может одолеть. «Способный, но ленивый».

Может быть, к одному и способен, а к другому нет. Один хорошо пишет сочинения, а не может решать задачи. Один робеет и всегда хуже отвечает, другой не умеет быстро думать, у третьего плохая память. У одного легко пропадает охота, у другого сильная воля.

Если слышишь, что школа трудная, скучная, суровая, несправедливая, то это значит, что ничто не может быть совершенным. Бывает и так и эдак, и то и это. Радость, веселье, добро; но и скорбь, и гнев, и бунт.

Приятно получить часы или велосипед, нохватишь горя, когда их испортишь. Приятно иметь хорошего товарища, но будут и ссоры, и тоска возьмет, когда заболит.

Может быть, и школьные хлопоты интересны, а неуспехи и трудности будят мысль? Дуралей тот, кто хочет, чтобы все всегда было легко.

Один неспособный мальчик придумал себе такую игру.

– Когда я решаю задачу, цифры – это солдаты. А я полководец. Ответ – крепость, которую я должен взять. Если мне пришлось туго, я вновь собираю разбитую армию, составляю новый план битвы и веду в атаку.

Стихи, которые я должен выучить наизусть, – это самолеты. Каждое выученное слово – сто метров вверх.

Если я выучу стихотворение без ошибки, я беру высоту в три километра. Так приятно ни разу не сбиться.

Когда я пишу, я шофер. Переписанные буквы и слова – проделанный путь. Если удастся написать всю строчку красиво – это лес, а плохо написал – пески или болото. Когда я кончу писать и чернила высохнут, веду по бумаге палочкой и ворчу, как мотор.

Разное выдумываю, чтобы не было скучно.

Каждый ищет свой способ облегчить работу. Иногда поможет товарищ, часто что-нибудь поначалу кажется трудным и неинтересным, а потом вдруг поймешь – и пошло хорошо.

Развлечения

«Легкие» мысли были такие: «Работа нужна, учение нужно, а развлечения – это как бы награда, придача».

И точно так же: «Хлеб, суп, молоко – это пища, а конфеты и фрукты только вкусные и, значит, ненужные».

Раньше люди думали именно так.

И только позже поняли, что все это по-другому. Теперь уже есть много книжек об играх и развлечениях, и в газетах пишут о спорте и состязаниях как о важных делах. Уроки гимнастики в современной школе – это уроки подвижных игр и забав. Люди уважают и труд, и отдых, и учебу, и забавы. Впрочем, сказать, что – работа, а что – развлечение, не так просто.

Один читает книжку и думает, что работает, а для другого чтение – лучший отдых. Приятно

ведь копать землю, резать картон, пилить фанеру, рисовать, лепить, вырезать, играть на гармонике и на скрипке, – так что же это, развлечение или работа?

Пешеходные экскурсии, плавание, гребля, велосипед, коньки, бег, прыжки. Болят руки, ноги, спина, человек устал, но доволен.

Правда ведь: каждый работает по-своему и по-своему отдыхает. Один любит одиночество, другой – общество, один – тишину, другой – шум. Игры девочек и мальчиков, младших и старших несколько отличаются. Одному скучно от того, от чего другому весело; одного раздражает и даже сердит то, что другой как раз любит. Люди бывают и спокойные, и подвижные, все любят что-нибудь свое и по-своему, и потому не мешайте друг другу!

Я заметил, что больше всего ребята сердятся, если им мешать играть. Раньше я считал, что это пустяки. И очень сердился, когда кто-либо мешал другому делать уроки: хватал тетрадь, ручку, поддразнивал, что не отдаст. Если то же самое проделывалось во время игры с мячом, я считал, что это шутка и не стоит сердиться. Если ребята играли в догонялки и кто-нибудь останавливал догонявшего или убежавшего, – тоже, мол, несерьезное дело. Играли в прятки и выдали место укрытия, – тоже, мол, невинная шутка. Даже на обман во время игры, казалось мне, не стоит сердиться. Например, не попал, а говорит, что попал, или была не его очередь, и он сделал то, что ему не полагалось.

– Ерунда, стоит ли злиться!

Наконец однажды в колонии я понял. Дело было так.

На веранде было мало народу: двое мальчиков играли в шашки, еще один строил домик из кубиков, один читал, один играл в мяч. Остальные бегали в лесу и перед домом.

Вдруг входит на веранду этакий всеми нелюбимый надоеда. Сперва он разозлил игравших в шашки: стал вмешиваться и давать советы. Потом стал хватать кубики и дразнить того, кто делал домик. Затем полез к тому, кто читал:

– Покажи, что читаешь, покажи, есть ли картинки.

Наконец принялся мешать игравшему в мяч.

Иногда девочки танцуют, а какой-нибудь мальчишка начинает толкаться, дурачиться, паясничать. Или вся группа поет хором, а один нарочно фальшивит и визжит.

Или кто-нибудь рассказывает сказку, а такой вот не хочет слушать.

– Уйди, – говорят ему.

– А что, и посидеть с вами нельзя?

Назло перебивает, мутит всех и выводит из себя.

Я составил следующие правила игры:

1. Нельзя, нельзя и еще раз нельзя мешать в игре, ничуть не меньше, чем в учебе.

2. Нельзя брать без разрешения чужой мяч, коробочку, палочку, камушек, так же как нельзя брать без разрешения чужую ручку, тетрадь, книжку.

3. Если тебе одному не хочется, если тебе одному не нравится, отойди и не играй, а не говори: «Раз вы со мной не хотите или не хотите играть так, как я хочу, я буду вам мешать».

Раньше меня удивляло, почему ребята так быстро узнают нового товарища, так сразу знают, кто будет хорошим товарищем, а кто нет. Потом я понял: легче всего узнать во время игры. Ребята сразу говорят: «Задавала, командир, ломака, недотрога, подлиза, псих, злока, ябеда, плакса». Неправда, что дети легко ссорятся. (Взрослые больше злятся, если им мешать.) Сколько раз случалось мне слышать, как ребята говорили: «Ну ладно, скажи, как ты хочешь?»

Или: «Мы хотим так, а если кому не нравится, может не играть».

Я видел, как охотно ребята принимают в игру и маленьких, и слабых, и неловких, лишь бы они не ссорились и не требовали, чтобы им дали делать то, чего не умеют.

Неправда, что в играх ребята готовы слушаться только взрослых. Наоборот, в массовых

играх ребята сами хотят, чтобы нашелся кто-нибудь из них самих умный, справедливый и всеми любимый, кто указывал бы, как должна проходить игра и кому что надо делать; кто уступал бы, если ребята хотели играть по-другому или хотя бы один заупрямился; умел бы мирить спорящих и следил бы за тем, чтобы ребята не слишком расходились, не разбили чего, не рвали и не было драк и слез.

– Хороший товарищ, с ним приятно играть, – говорят ребята.

Я заметил одно любопытное явление, но долго не мог его объяснить.

Когда в игре приходится бегать, долго все идет хорошо.

Вдруг ребята ссорятся, и, что меня удивляло, ведь из-за пустяка! И что как легко ссорятся, так легко тотчас и мирятся.

Сперва все сразу бросают игру, обе партии сходятся и поднимают спор. И также вдруг кто-нибудь один скажет:

– Ну, баста. Кончай. Все равно. Начали.

И все дружно возвращаются к прерванной игре. Иногда лишь немножко что-нибудь изменят или один выйдет из игры и его место займет другой.

Наконец я догадался.

Когда игра удалась на славу, жалко прерывать, а все очень устали. Но сознаться, что ты устал и хочешь отдохнуть, никому не хочется. Поэтому не нравится, мол, в игре то-то и то-то. Это даже не ссора, а просто разговаривают.

Если поблизости есть скамейка, некоторые сядут и ждут, пока те не кончат.

Взрослые отдыхают не так, как ребята. Уставший взрослый отдыхает час, полчаса; ребенок же, весь в поту, валится, запыхавшись, на лавку, а через три минуты уже вскакивает.

Мать говорит:

– Посиди немножко, отдохни. Смотри, как ты выглядишь, как у тебя бьется сердце.

Да нет: он уже отдохнул.

Однажды я долго сидел в поле и слушал, как пели жаворонки. И я подумал, что сердце жаворонка должно походить на сердце здорового, веселого мальчишки: любит доводить себя до изнеможения и быстро отдыхает.

Человек любит усилие, любит, чтобы удавалось, хочет знать, сумеет ли и на что он способен, хочет, несмотря на трудности, закончить, победить, доказать себе и другим, что он сильный и ловкий.

Да и устаешь от сидения. Если в человеке накопится сила и он не может ее израсходовать, он сидит как отравленный, изголодавшись, соскучившись по движению.

Именно потому так хаотичны и неприятны школьные перемены, особенно если нет просторного рекреационного зала. Ребята больше толкаются и пихаются, чем играют; несколько человек безобразничают, остальные забились в угол: все равно из игры ничего не выйдет.

Это печально: тихие ребята не учатся отстаивать свои права, а хулиганье командует и наглеет.

Много было у меня архитруднейших мыслей на тему: что делать, чтобы дерзкий кулак заменить справедливостью. Я пробовал по-разному.

Двадцать мальчишек. Я хочу дать им мяч. Кто, проталкиваясь вперед, первым крикнет:

– Мне!

Кто поймает и что будет делать?

Теперь все чаще вместо настырного эгоистического «мне» слышишь благородное «нам» и вместо своеволия встречаешь предписания и законы игры. Бывают и судьи, к сожалению не всегда справедливые.

Часто эгоизм отдельных личностей сменяется одинаково неприятным и низменным

эгоизмом партии, группы, лагеря. Надо уметь проигрывать с достоинством и честно оценивать положительные качества противника.

Помню, ребята играли в «двойной бой». С одной стороны оставалось трое, с другой – только один. И тут случилась необыкновенная вещь: он сразу выбил всю тройку.

Мячик сам как-то к нему отскакивал, а те опешили и совсем не защищались.

Раздались рукоплескания. Кричали «браво» и поздравляли и победители и побежденные, и свои и противники, радовались все. На глаза мои навернулись слезы умиления, и я не стыжусь этих слез.

Да, так и должно быть! Не ревность, не недовольство и жалобы, не хвастовство и унижение противника, а рыцарское сознание своего и его достоинства, гордая вера, несмотря на неуспех, в свои силы, убеждение, что равный тягается с равным, уважение к человеку.

Многое стало лучше. Помню злые проклятые времена бандитских драк и бросания камнями. Много драк перевидал я на своем веку. Под влиянием спортивных игр даже драки облагородились.

Когда я вижу, что дерутся двое мальчишек одинаковой силы, я не прерываю, а смотрю вместе со всеми.

Лучше обождать, ведь если сразу вмешаться, ожесточение возрастает.

Драка редко возникает случайно, часто взрыву предшествует долгая взаимная обида. Конечно, водятся еще такие ребята, которые охотно пихнули бы или ударили младшего или более слабого, но это я строго запрещаю, да и товарищи не допустят. Я знаю, даже буяну и злоке драка не по вкусу, если он знает, что получит на орехи.

Так вот, раньше дрались так, чтобы причинить как можно больше боли, а теперь только чтобы обезвредить противника. Это уже похоже на спортивные состязания.

Кончая эту коротенькую главку, я дам вам важное правило: «Не надо стыдиться играть. Детских игр нет».

«Не надо стыдиться играть. Детских игр нет»

Зря взрослые говорят, а зазнайки за ними повторяют: «Такой большой, а играет как маленький. Такая большая, а играет еще в куклы».

Важно и не то, во что играть, а как и что при этом думать и чувствовать. Можно умно играть в куклы и глупо и по-детски играть в шахматы. Можно интересно и с большой фантазией играть в пожар или в поезд, в охоту или в индейцев и бессмысленно читать книжки.

Я знал мальчика, который не только читал, но и сам писал хорошие стихи и рассказы, а любимой игрушкой у него были солдатики: у него были целые полки разного рода войск разных стран, и он расставлял их на столе, окне, на полу, стульях и рисовал карты и планы.

Не зазорно играть с девочками и с младшими.

Я заметил, что ребята не всегда охотно говорят о своих играх и стесняются, если взрослый их слышит: боятся, как бы не высмеял, потому что не умеют защищать свои юные мечты.

Я не говорю: «Играйте в то-то и то-то. Играйте с теми, а не с этими».

Для игры нужен хороший товарищ и вдохновение, а значит, свобода.

Богатый – бедный

Есть люди, которые думают, что дети не должны ничего знать о деньгах и что деньги им не нужны. «Подрастут, сами узнают» и «Живут у родителей на всем готовом, а на свои деньги покупают ненужные вещи и только портятся».

Обычно деньги дают время от времени, как награду, когда отец или мать в хорошем настроении. Очень редко родители назначают определенный еженедельный оклад и говорят:

«Покупай что хочешь».

И только один отец давал каждую неделю по пятидесяти грошей. Он сказал:

– Даже если ты не будешь слушаться или принесешь из школы плохую отметку, все равно будешь получать по пятидесяти грошей на разные свои расходы. Я хочу, чтобы ты научился тратить деньги.

Ну да: надо уметь не только зарабатывать, но и тратить.

Я знавал таких: заведись что, сразу должен потратить на какую-нибудь ерунду. Даже еще в долг возьмут и не подумают отдать. А иной раз старший – легкомысленный, а осмотрительный как раз младший.

Я целых десять лет заведу ссудной кассой и, если окажется, что ребята хотят читать научные книжки, напишу книжку про то, кто и как берет в долг, как отдает и на что тратит – или же экономит, копит, чтобы купить себе что-либо, что дорого стоит, например коньки, часы, велосипед, или на подарок папе или маме.

Я знал мальчика, который полгода собирал деньги на футбольный мяч и бутсы, а потом отдал свои двенадцать золотых матери, которая заболела.

Много горя приходится хлебнуть бедным в школе, ведь даже бесплатные школы дорого стоят.

Хорошо ученику, которому родители в начале учебного года покупают все необходимое – книжки и тетрадки, и спортивные башмаки, и портфель – и охотно платят взносы.

Неприятно просить, когда у родителей нет денег.

Один вырывает из тетрадки страницы, а грязную тетрадку выбрасывает, и никто даже и не знает; ему и дела нет, что потерял карандаш. А другой пишет маленькими буквами, чтобы надольше хватило.

У одних ребят есть своя комната, или по крайней мере столик с ящиком, запирающимся на ключ, или полка.

Эти могут спокойно делать уроки. А другие окоченевшей рукой при темной лампе на колченогом столе пишут плохим пером и бледными чернилами на скверной дешевой бумаге.

Не каждый завтракает перед тем, как идти в школу. Может быть, он даже и не чувствует голода, привык, только какой-то усталый, сонный и голова болит.

Иногда у одного все есть, а учится он неохотно, а другой и хочет учиться, да родители говорят, что хватит, пора на жизнь зарабатывать.

Я долго считал, что каждому ученику хочется повзрослеть, и лишь недавно убедился, что это не так. А если ребята хотят быть большими, так затем, чтобы зарабатывать и помогать родителям, «чтобы мама не мучилась».

Говорят: бедняк, бедный, убогий, малосостоятельный, состоятельный, богач, магнат.

Разные бывают степени избытка и недостатка. А можно еще и иначе делить людей: на тех, у кого есть столько, сколько надо, и тех, кто тратит больше, чем зарабатывает.

Отец мало зарабатывает – по десяти золотых в день, – семья живет спокойно, а можно расходовать по пятидесяти золотых на одних детей, и дети несчастны. Бедные родители могут быть веселыми и говорить о приятных вещах, а состоятельные – нервными, раздражительными, сердитыми, озабоченными.

Точно так, когда один довольствуется пятью грошами на конфетку и редко ходит в кино, а другому и золотого мало, и он все думает, где бы еще добыть?

Может быть, потому взрослые не всегда охотно объясняют, что считают это слишком трудным – дети, мол, не поймут.

Ошибаются взрослые! Ребенок хочет знать и имеет право знать, ведь горе родителей тяжелее своего собственного. Впрочем, в бедных семьях дети знают, отчего раз бывает целый обед, а другой – только хлеб да чуть подслащенный чай; знают, сколько стоят подметки и новая шапка.

Знают, что лучше, когда у отца пусть меньше заработок, да верный.

Потому что больше всего печалей там, где раз удается получить даже и много, а потом уже долго ничего и ничего. Безработица – это большое несчастье.

Неприятно, если ты знаешь урок, а учитель не вызывает, но гораздо хуже, когда ты умеешь и хочешь работать, а сидишь без работы, хотя тот, кто поплоче, устроился.

Даю теперь важное правило жизни: «Милый мой, хороший мальчик, не пей водку, не пей эту отраву проклятую».

Говорят, водку выдумал сатана. Пожалуй, это так.

На водку не только уходят деньги, часто последние; водка лишает сил, здоровья, рассудка, убивает волю и чувство чести, отравляет детей, вышвыривает тебя с работы, растлевает душу.

Когда живешь долго, видишь много страшных несчастий, отворачиваешься, чтобы не глядеть, сердце щемит – так и бежал бы без оглядки и ни о чем не думал.

Я видел три войны. Видел покалеченных, которым руку, ногу оторвало, живот разворотило, так что кишки наружу; ранения лица, головы; раненых солдат, взрослых, детей.

Но говорю вам: самое худшее, что можно увидеть, это когда пьяница бьет беззащитного ребенка или когда ребенок ведет пьяного отца и просит:

– Папочка, папочка, пошли домой.

Водка тихо ползет, как змея: начинается с рюмочки, а потом больше и больше. А иной паренек и не с водки начинает, а с папирос.

И я курю папиросы. Жалею, что привык. Да ничего не поделаешь. И не перед людьми мне стыдно, курят почти все, а перед собой, что не могу отучиться. Но я не теряю надежды.

Ребенку стыдно за пьяного отца, словно бедняжка виноват в чем, стыдно, что ходит голодный, что дома нищета. Я не знаю, почему это так, не могу понять. Иногда – назло – посмеется над своими дырявыми башмаками и поношенным платьем, а в глубине души – тоска и обида.

Даю вам еще одно правило жизни. Есть ребята, которые любят держать пари. Чуть что, тотчас:

– Спорим?

Много горя и жульничества из-за пари. Проиграет, а отдать нечем.

Я заметил, что если мальчишка часто держит пари, то потом он играет в карты. А пристрастился к картам, так уже не смотрит, есть у него деньги или нет, свои проигрывает или чужие.

Вот из-за водки-то да из-за карт и попадают больше всего люди в тюрьмы!

Многие отцы не могут работать из-за болезней. Поэтому люди все время думают о том, как защитить себя от болезней.

Уже есть прививка от оспы, разные лекарства и больничная касса.

Я давно живу на белом свете и многого навиделся. Я видел бедных, которым повезло, и они стали богатыми, а чаще – обедневших людей, когда-то состоятельных. И именно из-за болезней.

«Пока отец был здоров, нам жилось хорошо...»

«Когда отец захворал и больше не мог работать...»

Так начинаются невеселые рассказы ребят.

Разница между богатым и бедным в том и состоит, что благополучие бедняка непрочное. Запасов у него нет никаких, и одна болезнь, одна неудача сразу валят с ног всю семью.

Знаю, на больничную кассу жалуются, знаю, что больничная касса не совсем хорошая. Но и такая нужна и приносит пользу.

Больничная касса – это самая умная и важная вещь, какую выдумали люди, важнее аэропланов.

Здоровые люди платят взносы, чтобы иметь, когда захворают, медицинскую помощь, врача,

лекарства.

Здоровье – это главное жизненное благо; больной богач – тот же бедняк; подумай же, какое это сокровище – здоровье для бедняка! А без больничной кассы бедный человек болел, но не имел права болеть. И пропал ни за грош. Небольшое заболевание без врачебной помощи сразу превращалось в смертельную болезнь.

Ребятам кажется, что легко сделать, чтобы не было на свете бедных, несправедливости, обид.

«А почему не выпускают больше бумажных денег, что такое налоги, чем занимается министр финансов и как одна страна дает в долг другой?» Я хотел бы все это объяснить, да сам толком не знаю. Да и невелико утешение знать, коли ничего нельзя поделывать: это не от нас зависит.

Но от нас зависит, чтобы мы друг друга в школе любили, знали и взаимно помогали. А бедные и богатые не знают друг друга и не очень-то любят.

Есть ребята, которых мало трогает, сколько у кого денег и как он одет, а ведь иные бедные не любят богатых сверстников, и, наоборот, богатые не любят бедных.

Бедным кажется, что все богатые зазнаются, что у них злое сердце и все они барчуки и модные барышни – корчат из себя деликатных и думают об удовольствиях. А богатым опять-таки кажется, что бедные завистливы, неискренни и плохо воспитаны.

Я знаю, почему это так происходит.

Потому что порядочный бедный чаще знакомится с богатым распорядкой и задавалой, а порядочный богатый – с бедным подлизой и шалопаем. Богатый задавала ищет бедных, чтобы хвастать, а бедный пройдоха – богатых, чтобы что-нибудь выманить. А порядочные бедные и порядочные богатые сторонятся друг друга.

Порядочный бедный думает: «Зачем мне с ним разговаривать? Еще подумает, что я хочу, чтобы он меня угощал.

И будет ему казаться, что милость мне делает».

Порядочный бедный боится несправедливых подозрений, злых товарищей, стыдится, что не так хорошо одет.

А порядочный богатый думает: «Может быть, он сердится на меня за то, что у меня все есть? Может быть, сердится, что я хотел оказать ему услугу?»

Я часто слышу, как про ребят говорят: «Все они такие».

Например: «Все мальчишки – хулиганье и грязнули».

Или: «Все девчонки – плаксы и ябеды».

Неправда, каждого надо узнавать особо и особо оценивать, и узнавать не поверхностно, а основательно. Важно не только то, что человек говорит, но и что он думает и чувствует и почему он такой, а не иной.

Только ленивый человек, который не любит думать, говорит: «Все они такие».

Когда я был маленьким, я был богат, а потом стал бедным и знаю и то и это. И я знаю, что можно быть порядочным и добрым и так и эдак и что можно быть и богатым, да очень несчастным.

Надо многое перевидать и многое самому передумать, да и тогда человек часто ошибается и всего не знает.

Мысли – чувства

Удивителен этот мир! Удивительные деревья, как удивительно они живут! Удивительные маленькие червячки – живут так недолго! Удивительные рыбы – живут в воде, а человек задыхается в ней и умирает. Удивительно все, что прыгает и порхает: кузнечики, птицы, бабочки. И звери удивительные – кошка, собака, лев, слон. И на редкость удивителен сам человек.

Каждый человек как бы заключает в себе весь мир.

Если я смотрю на дерево, получается как бы два дерева: одно на самом деле, а другое у меня в глазах, в голове, в мыслях. Я ухожу и забываю о нем, а потом опять увидел – узнал, вспомнил. Значит, дерево как бы пряталось где-то в моих мыслях.

Все существует как бы два раза: раз само по себе, а другой раз у меня в глазах, в голове, в мыслях.

И всегда мне что-нибудь нравится, а что-нибудь не нравится.

Или стою я на берегу реки и знаю, что это такая-то река. Но в этой реке все время другая вода, вода в ней ни минуты не бывает одна и та же, все капли одной и той же реки постоянно меняются, постоянно другие.

То же самое, когда я иду по улице, мимо домов и людей.

Каждый дом другой, и каждый человек другой, и все это в течение одной минуты. Из минут складываются часы, из часов – дни и ночи, из дней – недели. Зима, лето – и опять долгие вечера, затем опять весна, почки, зеленые листья. Солнце, ночная тьма, месяц, звезды – тучи, дождь, белый снег.

Все постоянно другое и по-другому.

То же самое и со мной.

Словно бы и все тот же, но ведь я расту, делаюсь старше. Я смотрю на часы: стрелка движется, прошла минута.

Словно бы и все тот же, но то я весел, то грустен и все время вижу что-то другое и о чем-то другом думаю. И даже не знаю, что будет дальше: буду ли я играть, или товарищ рассердит меня, и я подерусь.

Или думаю, что сделаю так, а выйдет как раз наоборот.

Раз мне кажется так, а раз – эдак. Вот и получается, что я сам себя не знаю.

Если спросить: «Ты хороший мальчик?»

Он ответит: «Сам не знаю... Кажется, хороший».

Или: «Стараюсь».

Как будто странно, что человек не знает, какой он на самом деле, даже себя хорошо не знает.

Мудрец сказал по-гречески: «Гноти сеаутон». [37]

Это значит: «Познай самого себя».

Значит, даже взрослым трудно познать самих себя, даже мудрецам. Ведь детям кажется, что взрослые знают все и могут ответить на любой вопрос. А мы не знаем, мы на самом деле не знаем.

Если я разговариваю и играю с кем-нибудь и знаю, как его зовут, я уже говорю:

– Я его знаю.

Так ли это? Часто мне кажется, что он такой, а потом вижу, что он другой, что я ошибся.

Даже сам я: весело мне – я один, грустно или сержусь – другой.

Когда мне весело, мне все кажутся хорошими, милыми; я охотно уступаю, легко прощаю; я даже не чувствую, что меня толкнули или что я ушибся. И мне кажется, что и всем должно быть весело. А когда человек сердит, все ему не так; он и сам потом удивляется, что такие дурные мысли лезли в голову. Даже выглядишь ты, когда злишься, по-другому. Лицо перекошено, бледное или красное, и глаза совсем другие.

Когда я смотрю, как двое мальчишек дерутся, я думаю: «Что за вихрь, что за буря мыслей и чувств?»

А когда расходятся, запыхавшись, я прикладываю ухо к груди: бедное сердце колотится так часто и сильно, что останавливается в изнеможении, а потом еще и еще и никак не успокоится.

Один вспыльчивый, легко впадает в гнев, другой редко злится; один умеет хоть немного, да

владеть собой и сдерживается, другой сразу приходит в неистовство, словно убить хочет. Про таких говорят: «Раб своих страстей».

Правильно говорят: тот, кто не умеет сам себе приказать – «Перестань!», у кого нет сильной воли, – тот раб: всякий доведет его до белого каления. Мудрец сказал, что приказывать другим легко, а вот научись-ка быть господином своих собственных мыслей и чувств...

Бывает, злость сразу проходит, сменяясь чувством раскаяния. Я заметил, что если очень сердиться на кого-нибудь и кричать, тот стоит злой, взбунтовавшийся: опустит голову, насупит брови, молчит. Тогда я перестаю сердиться и ласково говорю:

– Вот видишь, и самому тяжело, и всем с тобой тяжело. Больше так не поступай.

После этого он начинает, хотя и стыдно ему, плакать и каяться.

Мне кажется, взрослые не должны сердиться на детей, потому что это не исправляет, а портит. Часто взрослым кажется, что ребенок назло им упрямится – не желает что-либо сделать, сказать. Нет, ему стыдно.

А если кому-нибудь стыдно, он не может говорить, язык отнимается, трудно пошевелинуть. В голове пустота, мысли словно улетучились. И ты говоришь и делаешь не то, что хочешь. Стараешься быть смелее, а выходит еще хуже.

Сразу можно понять, что человек притворяется: говорит слишком смело и громко, движения чересчур развязные.

Или губы прыгают, теребит платье и не может отвечать.

Как парализованный.

Удивительно это чувство страха. Все кажется опасным.

Словно кто на мысли набросил черную шаль и душит. Даже дышать трудно.

Конечно, страх страху – рознь. По-одному боишься днем, в школе, по-другому – ночью, по-третьему – если тебя кто-нибудь напугает внезапно, по-четвертому – если всегда кого-нибудь бояться. Бывает, знаешь, чего боишься, а то и не знаешь.

Взрослые думают: «Озорной, ничего он не боится, ничего он не стыдится».

Вовсе это не так.

Врачи, те хоть скажут:

– Нервный, боится.

Да и то не всегда.

А уж хуже всего высмеивать.

Я много раз беседовал с такими, которые боятся по ночам: они очень несчастны. А родители думают, что все это пустяки.

Стукнет что-нибудь ночью, или сон приснится, а часто даже не знаешь, во сне это или наяву.

Смеяться над детскими страхами или нарочно пугать – жестоко.

Я часто думал о том, что значит «быть добрым»? Мне кажется, добрый человек – это такой человек, который обладает воображением и понимает, каково другому, умеет почувствовать, что другой чувствует. Если кто-нибудь мучает лягушку или муху, такой сразу скажет:

– А если тебе так сделать?

Или, например, бабушка: то старушка как старушка, а то кажется такой бедной, слабой, что хочется помочь, проявить внимание, развеселить.

Я уже давно заметил, что если я на какого-нибудь мальчишку очень рассержусь, его сразу обступают ребята и принимают утешать, объяснять.

Признаюсь со стыдом, это меня даже злило. Что такое?!

Ругаю, – значит, заслужил. А если вокруг него толпа, выглядит так, словно виноват я, а не он.

Теперь я отношусь к этому иначе: и хорошо, так и должно быть, каждый, попав в беду,

должен найти у людей поддержку. Не нравится мне это школьное наказание, чтобы с кем-нибудь не разговаривать.

Надо уметь сочувствовать добрым, злым, людям, зверям, даже сломанному деревцу и камушку.

Я знаю мальчика (теперь он уже большой), который собирал на дороге камушки и относил в лес: там их уже никто не потопчет.

Чувства бывают сильные и острые или мягкие и нежные, бывают яркие, бывают спокойные.

Что такое любовь? Любишь ли всегда или за что-нибудь и всегда ли ты любишь тех, кого ты должен любить, и так, как должен? Одинаково или то больше, то меньше? И что такое благодарность и уважение? Какая разница между: любить и очень нравиться? Как узнать, кого больше любишь?

Я заметил, что ребята не любят говорить о своих чувствах.

Может быть, им просто трудно? Даже маленькие не любят.

А взрослые часто задают детям вопрос:

– Любишь? А кого ты больше любишь?

Я спросил у одного мальчика, как он узнал, что любит эту девочку больше, чем других? Он ответил:

– Раньше я говорил с ней, как со всеми, а тут вдруг я ее стал стыдиться.

Порой даже и не знаешь, что кого-нибудь любишь, но, когда ее или его нет, тобой овладевает чувство беспокойства и какой-то пустоты, сиротливости и одиночества. И хочется, чтобы она или он вернулись. Это называется тоской.

Тосковать можно по родителям, по товарищу, по дому.

А самая сильная тоска – это тоска по родине.

Столько разных чувств, что всех не сочтешь. Можно попробовать выписывать их из словаря в тетрадку. Потому что тут, в этой книжке, я могу вкратце упомянуть лишь о некоторых наиболее важных чувствах (о которых ребята говорили со мной по душам, а не потому, что их подучили). И об обычных чувствах, повседневных.

Упомяну еще о трех чувствах: разочаровании, обиде и оскорблении.

«Я разочаровался. Думал, будет хорошо. И ошибся. Вышло не так, как хотелось».

Люди говорят:

– Мучительное разочарование, горькое разочарование.

Да, подчас чувствуешь как бы боль, а подчас только неприятный горький, терпкий привкус.

Часто к чувству разочарования примешивается и другое – обида. Мы обижаемся, что нас ввели в заблуждение, обманули наше доверие. Если товарищ выдаст тайну, наговорит на тебя, обманет, тебе неприятно, ты обижен.

Упомяну, наконец, и об оскорблении. Если хотят меня унижить, или осмеют, или оскорбят кого-нибудь, кого я люблю и уважаю, мне грустно, больно, я сержусь.

– От удара не так больно, как от слова, – сказал один мальчик.

– Чем смеяться, лучше бы уж побили, – сказал другой.

Когда взрослые хотят унижить и оскорбить детей, дети чаще всего делают вид, что им все равно. А не делают, значит, уже утратили стыд. Чувства ведь, если не уметь обращаться с ними, ослабевают, как говорят, притупляются.

Разные бывают люди. Один часто бывает веселым и редко грустным, а другой как раз наоборот. Один любит почти всех, ни к кому не питает неприязни; а другой словно сердит на всех, трудно на него угодить. Некоторые легко привыкают к новым людям, а другие, недоверчивые, долго приглядываются, прежде чем скажут:

– Люблю.

Один долго помнит, другой быстро забывает.

Разные бывают люди.

Раньше я думал, как и все: ребята легко сердятся и легко прощают.

Час назад подрались и опять вместе играют. Только что играли и уже поссорились. Конечно, кто-нибудь скажет в сердцах: «Никогда больше не буду с ним разговаривать. Никогда уже больше не буду с ним играть». Или наоборот: «Мы всегда будем дружить».

Но так говорится только в исключительные минуты, да и у взрослых то же самое. Иногда нарастает исподволь неприязнь, а иногда дружба длится годами.

Здоровье

Взрослым кажется, что дети не заботятся о своем здоровье: если за ними не смотреть, они повыпадали бы все из окон, поутонули бы, попали бы под машины, повыбили бы себе глаза, поломали бы ноги и позаболели бы воспалением мозга и воспалением легких – и уж сам не знаю, какими еще болезнями.

Нет. Детям совершенно так же, как и взрослым, хочется быть здоровыми и сильными, только дети не знают, что для этого надо делать. Объясни им, и они будут беречься. Нельзя только чересчур запугивать и слишком много запрещать. Если запугивать, они перестанут верить, а если очень уж стеснять, потеряют терпение и назло станут делать тайком как раз то, что запрещено.

Люди бывают благоразумные и легкомысленные – как дети, так и взрослые. Ничего с этим не поделаешь. Дети любят больше бегать и все пробовать. И опять ничего уж не поделаешь. Нужна книга, которая объяснила бы все это ребятам спокойно и без запугивания.

Итак, надо знать, что у одного здоровые зубы и он не знает, что такое зубная боль и зубные врачи, а другой не одну ночь проплакал напролет: болели зубы. У одного болит голова или живот, а другой посмеивается: «Животик у него болит, головка; у меня вон никогда ничего не болит».

Один порежется, и ничего. Я знал одного очень подвижного мальчика, который проходил лето босым. По возвращении из деревни у него было на обеих ногах семнадцать порезов, ссадин и синяков.

– Ну и что? Ерунда, заживет.

А у другого малюсенькая ранка болела неделями.

Значит, один должен беречь себя, а другой может больше себе позволить.

Я лучше знаю как раз этих слабых, но никогда не говорю: «У тебя будет воспаление легких». А лишь: «Схватишь насморк». Не говорю: «Сломаешь руку». А лишь: «У тебя заболят руки», когда уж чересчур рьяно борются. Небольшая мышечная боль для здорового человека даже приятна, например: после катка, после гребли, после дальней экскурсии.

Не следует слишком часто говорить, что будет потом.

Надо помнить, что может много раз сойти безнаказанно, и предсказание не исполнится.

Однажды потный мальчик ел очень быстро мороженое.

Я сказал:

– Увидишь, горло заболит.

На другой день осматриваю горло: красное, но не больно. Я дал мальчику зеркало, чтобы убедился.

Другой после крутых яиц наелся слив, а потом стал пить сырую воду. Я сказал:

– У тебя заболит живот.

Спрашиваю его вечером.

– Немножко только поболел, но это ничего.

Я долго предупреждал одного мальчика, чтобы он, играя, так не расходился, он все не слушался. И наконец, в школе во время борьбы действительно сломал себе руку. А ведь не все переломы одинаковы. Иногда наложат гипс, потом через несколько недель снимут, и все опять

так, как было. А вот этому мальчику, о котором я говорю, кость пробила кожу, он пролежал три месяца в больнице и теперь совсем не может сгибать руку. Хуже всего, если кость сломается в суставе.

Иногда ты тотчас расплачиваешься за неосторожность и добываешь опыт сразу. Но бывает и по-другому...

Летом ребята жалуются, что чешутся уши или пухнут и горят пальцы.

– Правильно, ведь ты их зимой отморозил.

Не всегда болезнь проявляется сразу. Заразился сегодня, а болезнь разовьется по-настоящему только через неделю. Это называется: инкубационный период.

И не всегда болезнь, иногда просто легкое недомогание.

Нехорошо преувеличивать.

Говорят: «Солнечный удар... Не бегай без шапки... Воспаление мозга...»

Нет: кружится и болит голова, тошнит и вообще как-то нехорошо. «Плохо себя чувствует. Нездоров. Сам не свой. Недомогают». Ребенок сам не знает, что с ним, но он подавлен, раздражен, недоволен. А сколько бывает из-за этого ссор, драк, неприятностей дома и в школе?!

«Живот да головка – лентяйская уловка». Не совсем верная пословица. Не следует недооценивать легких недомоганий.

«Неженка. Ничего с тобой не сделается. Не умрешь».

Один преувеличивает, другой недооценивает.

Верно, от насморка не умирают, но он неприятный.

Несчастливые дети, у которых часто бывает насморк!

И дышать трудно, и нос больно, и вообще ни к чему душа не лежит. Да еще пристают.

«Сопливый. Сопли распустил. Утри нос».

Иногда и вытирание не помогает, а вытирать очень больно, не у всех ведь натура одинаковая.

Чтобы быть веселым, нужно хорошее самочувствие; здоровые сердце, нос, голова; здоровая радость свободна от боли и забот.

И старику неприятно бояться и беречься, а каково это маленькому.

Я долго не мог понять, почему некоторых ребят товарищи не любят – и что эти ребята действительно неприятные.

Стоял прелестный весенний день. Все выбежали во двор и весело играли. Один мальчуган продолжал сидеть у меня в комнате, тихий, грустный и бледный. Сначала читал – надоело, потом лег на диван, потом принялся глядеть в окно. Мне стало жаль его. И я говорю:

– Иди поиграй немножко.

А он:

– Ой, не хочется.

Посидел, посидел, а потом говорит:

– Пойти, что ли.

Ладно. Смотрю в окно – что будет дальше?

Мальчик сошел во двор, постоял немножко и присоединился к играющим. Бегает и бегают, но я ясно вижу, что ему трудно, он запыхался и уже устал. Потом как-то сразу поссорился, и поднялась свалка.

Я думал, он вернется ко мне, но нет: верно, стыдился.

Когда у кого-либо болит голова, ему труднее сдерживаться. Даже если играет, он в себе не уверен: а может быть, опять эта дикая боль?

Я знал одного мальчика, который часто ходил злой, недовольный. У него часто болел живот. Наконец мальчуган расхворался по-настоящему: поднялась температура, он слег. Его положили в больницу и сделали операцию.

Эта болезнь называется воспалением червеобразного отростка слепой кишки, или иначе аппендицитом. Врач в больнице сказал, что он уже давно был болен. Мальчик вышел из больницы здоровым. И теперь он стал веселым, как все.

Часто кто-нибудь ходит несколько дней грустный, злой и уже только потом заболевает. Если за это время он наделает со зла глупостей и возникнут неприятности, про него говорят, что заболел от огорчения.

Я заметил, что слабых часто преследуют. Говорят: «Размазня, растяпа, увалень, мямля, пижон, маменькин сынок».

В своих суждениях о человеке надо быть снисходительным и осторожным. Не следует думать, что все должны быть одинаково здоровыми и сильными. А смеются даже не со зла, а по легкомыслию.

Дают прозвища: «Горбун, Хромоножка, Слепой, Заика».

Один привыкает и лишь держится от ребят подальше, все больше читает и, грустный, затаив обиду, живет в одиночестве, а другой, выведенный из себя несправедливостью, действительно становится неприятным и злым.

Ребята преследуют и высмеивают толстых. Говорят: «Обжора, жирный, жирняк». Неверно. Ведь это тоже болезнь.

– Болезнь? Что толстый-то?

Худых опять злючки зовут: «Чахоточный. Скелетик».

В медицинских книжках пишут, что и очень худые, и очень полные люди – нездоровые, а такой ничего не знает, да еще спорит.

– Такой большой парень и делает под себя! Грязнуля! Вонючка!

Опять преследования.

– У него слабый мочевой пузырь, слабые нервы.

– Какой там пузырь и нервы...

– Молчать, осел! – закричал я.

И я поступил плохо, оскорблять нельзя, но не всегда хватает терпения.

Раз я торопился, сказал что-то, а мальчик не понял. Я обозлился и спрашиваю:

– Не слышишь, что тебе говорят? Глухой?

И тут вдруг вспоминаю, что он действительно плохо слышит, после скарлатины у него болели уши. Мне было очень неприятно: я дал себе слово никогда больше так не поступать.

Один известный писатель написал книжку, в которой высмеивает веснушчатого мальчика. Очевидно, писатель просто не подумал. Ничего не поделаешь: и опытному писателю случается ошибиться.

Я сам долго делал такую ошибку.

Если был какой-нибудь слабый, или не очень умный, или некрасивый, или несимпатичный ребенок, я всегда просил:

– Будьте с ним добрее, отнеситесь поласковее, уступайте ему.

И вот попался мне глупый и нахальный мальчишка. У него были больные глаза, больные уши и больной нос. Дома его били. Мне и захотелось показать, что уж тут-то о нем позаботятся. Славные ребяташки делали так, как я просил: позволяли ему брать мячик, втираться без очереди и вообще все. И этот глупец решил, что теперь он самая важная персона, и принялся командовать и скандалить. Наконец смотрю я, а он подмял под себя и колотит спокойного, умного и доброго мальчика. Тут уж я схватил нахала, оторвал от жертвы и втолкнул к себе в комнату.

– Хватит доброты! Привык к палке, а здесь не бьют, так и ты не бей! Не умеешь играть, так пошел вон, живо! Не твой черед, так не хватай мяч, ясно?

И настал покой. Потом над этим мальчишкой взял шефство хороший мальчуган, но уже по

собственному желанию.

Нелепо ведь, чтобы один, хотя бы и в невинной форме, отравлял жизнь всем. Нельзя требовать от группы слишком многого. Здоров ребенок или болен, умен или глуп, – каждый должен приспособливаться к общим законам, не может он быть каким-то исключением. Но и такому не следует докучать.

Знаю, есть дети, страдающие от отсутствия заботы, но есть и такие, кому чрезмерная забота приносит вред, утомляет и сердит. Мне жалко детей, которым нечего есть и которые недосыпают, но жалко и тех, кого насильно заставляют есть и лежать в постели.

Я знаю девочку, которую даже рвало за обедом, а отец бил ее за то, что не хотела есть. От любви бил. Но ведь это ужасно и совершенно бессмысленно!

А в некоторых колониях детям – летом – велят вылеживать в постели по пятнадцати часов. Хотя это и делается по указанию врачей, я заявляю, что это глупо. И говорю так не потому, что не уважаю здоровье, а, наоборот, именно потому, что знаю ему цену.

Такие разные

Люди стараются изобрести приборы, которые показывают, здоров человек или нет. Термометр для измерения температуры, силомер, весы, ростомер; есть рентгеновский аппарат, с помощью которого можно видеть кости человека, и легкие, и сердце, не разрезая. Исследуются кровь и моча. Есть специальные зеркала для уха и горла. Очень много инструментов и приборов, и все новые и новые лекарства.

И, несмотря на это, доктор не всегда может помочь больному, не все знает.

Еще труднее определить способности человека. И здесь есть разные способы испытания памяти, внимания, умственного развития и способностей к труду и учению.

Один услышит раз и уже понимает, раз прочтет стишок и уже повторит без ошибки. Один легко заучивает, но быстро забывает, другой помнит долго.

Один предпочитает отвечать устно, другой письменно.

Одному легко начать говорить, другому трудно. У одного охота и терпение пропадают скоро, а другой любит, чтобы было трудно, легкое ему наскучивает.

Наконец, один отвечает смело, подскажи ему словечко, и он уже знает, что дальше, и так вывернется, что выйдет хорошо. А другой, робкий и неуверенный, даже если и знает и умеет, все равно отвечает, словно наугад, запинаясь.

Одному учитель говорит:

– *Не спеши.*

Другому повторяет:

– *Ну дальше. Ну скорее.*

И бывает, что у одного отметки лучше, чем он заслуживает, и он переходит из класса в класс как бы играючи, а другой из кожи лезет, старается, но переползает в следующий класс с трудом, в вечном страхе, через силу.

Что важнее: знания или способности

Был у меня ученик. Дома все хорошо. Когда мы одни, – подумает и решит задачку. Переспросит, если не понял, и умно и весело ответит. А в школе плохо и плохо.

«Мешают... Не дают подумать... Я и сам не знаю: ну не могу!»

Мне это было очень неприятно, родители его за плохие отметки били, а он действительно не был виноват. Мне очень хотелось, чтобы его перевели без переэкзаменовки, чтобы хотя бы каникулы у него были спокойные. Я пошел в школу посоветоваться, что делать.

Учитель сказал:

– *Да, верю, что он знает. Но что будешь делать? Я должен ставить отметки за ответы, а не за то, что у него в голове. Сам понимаю, что это нехорошо, да ведь класс слушает и знает, как он ответил.*

Иногда учитель говорит: «Ставлю тебе для поощрения выше отметку». Или: «Снижаю оценку. Для другого это было бы хорошо, но ты, если бы постарался, мог лучше ответить».

А ведь неприятно, когда беспечному все легко, а добросовестный и старательный обижен. Каждый ведь встречал умных, но невезучих учеников и не очень даже умных, но вот именно способных для школьного учения.

Люди думают об этом и пробуют учить разными способами, потому что школе стыдно, если хороший ученик окажется потом недобросовестным и нечестным работником или, наоборот, плохой ученик – великим человеком. Раньше в школе часто бывало так, вот мы и хотим, чтобы по крайней мере сейчас было иначе.

Не так важно, чтобы человек много знал, а чтобы хорошо знал, не чтобы знал наизусть, а чтобы понимал, не чтобы ему до всего понемножку было дело, а чтобы его что-нибудь особенно сильно интересовало, как говорят:

– *Чтобы любил предмет.*

Ведь историк – не инженер, поэт – не математик, врач – не астроном.

Но каждый человек обязан знать, что творится на свете и что делают другие люди. Это может показаться сначала трудным и скучным, и только потом, когда хорошенько во всем разберешься, видишь, как это интересно. Да и вообще, чего стоит человек, который делает только то, что с самого начала легко и приятно?

Как поощрять

Очень обижают в школе учеников застенчивых и гордых. Ведь такой лучше совсем не ответит, чем ответит плохо. Бойтся насмешек! Иной раз довольно одного язвительного замечания или улыбки, и он уже замолчал, смешался, оробел, потерял желание отвечать.

– *Я не знаю.*

Не знать, ошибиться, забыть не зазорно, и самый умный человек может не понять вопроса или сказать глупость.

А тут сразу смех, суровая критика, издевка. Поэтому каждый старается только повторить то, что сказано в книжке, и стыдится собственных мыслей. Оттого, может быть, и бывают такие книжные ответы, и так важна хорошая память.

Очень обижают в школе и тех ребят, у которых столько собственных вопросов и недоумений – и гудят они у них в голове, словно пчелы в улье, мешая слушать и понимать, что происходит вокруг. Иногда напишет такой ученик хорошее сочинение и слышит недоверчивый вопрос:

– *Это ты сам писал, тебе никто не помогал?*

Когда наконец он мог показать, что он не дурак и не с неба свалился, опять его оскорбляют. Поэтому он старается не писать слишком хорошо, а то опять заподозрят.

Я знаю такой случай: нарочно хуже пишет.

– *Теперь поверят, что не списал.*

В школе пишут на определенную тему, а это не каждый сумеет. Начнет, а тут в голову пришла другая важная мысль, и он забыл даже, какая была задана тема. И получает плохую отметку.

У меня хранится сочинение ученика четвертого класса. Очень трудная тема: «Обязанности гражданина». Сам он был харцером и написал о харцерстве искренне, так, как чувствовал и верил. А учитель:

– *Слишком по-детски. Не на тему.*

– *А я не знаю, что надо было написать, – сказал он робко, со слезами на глазах...*

Я знаю случай, когда ученица совсем не готовила урока по истории. Было задано о Столетней войне. И несла чепуху, немножко из кино, немножко по подсказкам. Говорила смело, уверенно, вдохновенно. И получила пятерку. Весь класс смеялся и поздравлял.

Часто кто-нибудь нарочно делает вид, что мало занимается, а знает. Ведь выглядит так, что только способные люди стоящие, а неспособный – Золушка Золушкой.

А между тем способный не закаляется в борьбе с трудностями, зазнается от легких побед и губит свои способности. Заважничает и думает, что ему все сразу дается, и недооценивает усидчивость и медленное, шаг за шагом, упорное стремление к цели. Он признает только свой тип способностей и презирает другие.

Я заметил, иногда класс любит своих первых учеников, чаще же не любит, и вовсе не из зависти. Разве красивое пение, рисунок, вышивка, рамка не стоят правильного решения задачки?

И чего стоят способности, если человек не хочет и не старается?

Я видел способных, но ленивых и недобросовестных людей. Что из того, что медсестра знает, как обращаться с больными, или воспитательница сдала экзамены на пятерки и помнит, что пишут о детях ученые, если первая не любит больных, а вторая – детей?

Характер человека и его призвание важны, но, быть может, доброта и честность даже важнее.

Когда думаешь об этом, возникает много трудных мыслей.

Но ведь я пишу о правилах жизни. А правила эти такие: *«Не завидовать»*. *«Не досадовать на себя»*. *«Не падать духом, упорно стремиться к цели»*. *«Быть дисциплинированным, всегда выполнять свои обязанности»*.

Если здоровье, материальные условия, отсутствие школьных способностей или, наконец, семейные обстоятельства не позволяют сделать много, можно и меньше, только хорошо и с ясной душой.

Я знаю жалких, несчастных профессоров и спокойных, очень полезных и всеми любимых учителей скромной средней школы.

Книги и способности

Знание – это не только книга, даже не только голова, но и рука.

Уважай руку с ее орудием труда и уважай знание, которое дают тебе жизнь и собственная мысль. Задача книги облегчить, ускорить познание жизни, а не заменить его.

Теперь уж такая мода – всех сажать за книжку, а я помню времена, когда мстительный захватчик запрещал читать и книги были редкостью.

Помню, в небольшой комнате детского сада стояли два старых шкафа. В этих шкафах совсем не было книг – все они были на руках у читателей: толстые и тонкие, с картинками и без картинок, немножко новых и много старых, потрепанных, грязных, без начала и без конца; веселые книги и грустные, легкие и трудные – научные книги, повести и стихи.

Таких бесплатных читален было несколько. Мы выдавали книги по субботам (вечером) и по воскресеньям (после обеда).

Но уже задолго до открытия читальни в сенях, на лестнице и на улице толпились ребята. Больше всего было мальчиков; девочки не решались, разве что самые храбрые.

Так и стояли ребята и в летний зной, и в зимнюю стужу. Но не унывали и совсем не скучали: подбирали для себя друг у друга книжки.

– *Помни, моя очередь. Смотри, другому не отдай.*

– *Нет, постой, на прошлой неделе ее уже один мальчик просил.*

– *Ну тогда, если он не придет.*

Подбирали книги для себя, родителей, братьев, сестер.

Я всегда удивлялся, что при такой толчее не было ни драк, ни ссор. Часто только слышалось:

– *Погоди, пожалеешь!*

А что за счастье, когда наконец кто-нибудь находил и получал то, чего ждал многие месяцы! Как пробирался сквозь толпу и бежал домой, прижимая книгу к груди!

Взрослые считают одни книги полезными, другие – вредными, те – умными, эти – глупыми. Я позволяю читать всякие книжки, не хочу, чтобы читали украдкой. И я заметил, что одни книги пробуждают желание читать, а другие, наоборот, отбивают охоту к чтению и что вовсе не книга портит ребенка: хороший ребенок и ищет хорошую книжку, как и друзья.

И пусть ищет, и пусть ошибается и заблуждается, пока не нападет на общество доступных ему хороших книжек, потому что трудная книжка только выводит из терпения и злит.

Воспитатель обязан уметь терпеливо ждать, когда разовьются способности, а с ними – любовь к хорошей книге.

Симпатичный – несимпатичный

Кто красив, тому легче быть симпатичным.

Да, здоровому, красивому, веселому, способному легко быть и симпатичным. И сам он дружески улыбается людям, и люди ему отвечают улыбкой.

А слабого, некрасивого, угрюмого, неспособного частенько доймут, допекут. С недоверием сближается он с людьми, с неприязнью думает о более счастливых товарищах. Но очень редко кто-нибудь нравится всем одинаково.

Один говорит «красив», другой: «так себе».

– Хорошенький.

– А по мне, так некрасивый. Как кукла!

Тому нравятся черные глаза, этому – голубые, один любит темные волосы, другой – светлые. У одного красивые глаза и некрасивый нос, у другого красивый рот и некрасивые зубы.

Иногда говорят про кого-нибудь, что он не то чтобы очень красив, но обладает обаянием. Не знаю, что это значит.

Милая улыбка. Прелесть взгляда. Ловок, грациозен. Невысок и не низок, не толст и не тонок. Обаяние внешности.

Иногда кто-нибудь нравится потому, что он такой, как все, иногда именно потому, что не похож на других.

Одно ли то же: красив и симпатичен?

О, нет!

Бывает так, что смотришь издали – кажется симпатичным, а стоит с минуту поговорить, и уже перестал нравиться. Иногда с кем-нибудь часто встречаешься, а нет желания сблизиться, даже несколько раз разговаривал, и все ничего. И только потом видишь, что он очень и очень симпатичный. С одним ты сразу хороший знакомый, а с другим сначала тяжело как-то и неприятно.

Надо знать очень много маленьких и больших, тихих и веселых девочек и мальчиков – бледных и румяных, красивых и некрасивых, хорошо и бедно одетых, – чтобы понимать, будет ли тебе кто-нибудь симпатичен сразу или лишь со временем, на короткий срок или навсегда.

Надо много раз ошибиться, чтобы не очень верить тому, что говорят другие, и самому знать, что тебе нравится и кто тебе симпатичен.

Раньше мне казалось, что веселый любит веселого, маленький – маленького, слабый – слабого, что, мол, сам порядочный и ищет порядочных друзей. Да, и так бывает, только не всегда. Раньше я даже советовал, кому с кем дружить; теперь я не люблю вмешиваться, не знаю.

Подружились два мальчика – я старался угадать: «Наверное, поссорятся... через месяц? или через полгода?»

Теперь мне чаще удается отгадать, но не всегда. Так все это удивительно, так трудно понять, столько тут тайн.

Я только спрашиваю:

– Любишь его?

Отвечает:

– Мне он нравится.

И даже знает, какие у товарища недостатки.

– Вообще-то он не очень симпатичный, но я его люблю: он ко мне хорошо относится.

Иногда несносный для всех добр и деликатен с товарищем. Иногда доставляет много хлопот взрослым, а со своими приветлив и весел.

Иногда довольно чем-нибудь одним походить друг на дружку, и ребята уже вместе. На короткий срок, а то и на долгий. Не каждый любит менять друзей.

Я перевидал на своем веку много странных дружб.

Например, спрашиваю:

– За что ты его любишь?

– А его никто не любит, ему одному тяжело.

Спрашиваю:

– О чем вы с ним разговариваете?

– По-разному бывает. Иногда я советую ему, как исправиться.

Взрослые зря боятся, что плохой испортит хорошего, или (тоже неправильно) требуют, чтобы хороший исправлял плохого. Мне кажется, здесь нельзя ни запрещать, ни заставлять. Нельзя даже часто спрашивать – назойливые вопросы отпугивают, вызывают недоверие, неприязнь.

По мне, лучше знать мало, да правду.

Один умеет делать то, что может пригодиться другому; ребята вместе строят или покупают, одалживают, меняют, держат пари, дарят и получают подарки. У одного есть как раз то, что сейчас нужно другому; у этого больше, у того меньше. Непонятно даже, дружба это, шефство или торговая сделка? Часто ребята и не любят друг друга, да должны быть вместе, потому что одному что-либо сделать трудно.

– Хороший он?

– Так себе, не очень.

– А все время вдвоем?

– Ну и что из того?

Когда я говорю с мальчуганом, он спокойный, отвечает серьезно, а другой такой же мальчуган знает его и веселого, и сердитого, и печального, и когда он закапризничает, надуется и обидится, и когда дает и берет. Удивительно ли, что они лучше знают друг друга?

Каждый сам постепенно учится быть осторожным. Чужие правила жизни меньше всего помогают.

Раньше меня сердило, когда один из друзей только давал, а другой только брал. Вместе покупают мороженое, фотографируются, ходят в кино, а платить, угощать – один. Теперь я уже не вмешиваюсь; бывают такие, кому это доставляет удовольствие, кто хочет «купить» хорошее отношение.

Я даю одно только правило жизни: «Не будь трусом, имей мужество прямо заявить, что не хочешь. Не стесняйся и проси помощи, если сам не справляешься».

Потому что ложный товарищ пригрозит:

– Я знаю про тебя то-то и то-то. Знаю все твои секреты. Поссорись со мной – расскажу.

Или просто начнет мстить – лезть и бить.

Славная мордочка, умильные глазки, вежливые словечки могут обмануть не только маленького мальчика. Я удивлялся раньше, когда ребята не любили кого-нибудь, кто мне казался симпатичным: даже подозревал зависть. Теперь у меня зорче глаз и я признаю, что правы товарищи: им лучше знать.

Как-то в летней колонии был большой мальчик, серьезный и спокойный, которого, как мне казалось, все очень любили. Одно меня поражало: сам он делал то, что другим запрещал. Выглядело это так, словно он следит за порядком, а самому ему соблюдать режим не надо. Несколько раз он солгал; пойманный на вранье, изворачивался и посмеивался, наконец не выдержал и нагрубил.

И тотчас целая группа ребят, словно по тайной команде, перестала слушаться и стала делать назло.

Лишь тогда я понял, что он как бы главарь шайки, что ребята его не любят, но слушаются, потому что он запугивает, а тайком и бьет. Я был изумлен. Как это столько ребят могут бояться одного нечестного грубияна? Но он был не один: у него было несколько подручных, которые доносили, когда кто-нибудь бунтовал, – и он мстил.

Именно тогда я впервые понял, а потом еще и еще в этом убеждался, как необходимо самоуправление, когда каждый имеет право мужественно сказать, кого он на самом деле любит.

Теперь уже, кажется, я знаю, кого почти все ребята больше всего любят. Не самого красивого, не самого веселого, не самого спокойного, а того, кто справедлив, отзывчив и тактичен.

Нелегко объяснить, что такое такт. Пожалуй, тактичный человек это такой, который умеет подойти к людям. Сердцем или умом, но он понимает, кому что надо, и охотно предлагает свою помощь. Осторожный, он не настаивает на своем, имея дело со вздорным; не хвастает и не насмеяется, не задевает веселой шуткой печального; не лезет, когда не просят, с советами и не болтает лишнего, не злится сам и каждого старается оправдать и защитить. Не нужен – нет его, может принести пользу – тут как тут. Не навязывается с заступничеством, но и не отказывается заступиться. Непрошенный, не защищает, но и не побоится, видя несправедливость и обиду, выступить в защиту.

Не побоится ни товарища, ни воспитателя, и потому подчас у него бывают и неприятности, и недоброжелатели.

Вот уже десять лет, как я провожу плебисциты, то есть голосования. Голосования бывают тайные. Каждый бросает в урну листок. На листке ставится плюс (то есть люблю), минус (не люблю) или нуль (безразличен). Потом подсчитываются голоса. Я делал и по-другому: каждый диктовал пять фамилий ребят, которых он больше всего любит, и пять таких, которых не любит. И еще иначе: каждый выставляет всем ребятам оценки; пятерка – значит очень люблю, четверка – люблю, тройка – безразличен, двойка – не люблю, кол – очень не люблю.

Благодаря этим голосованиям я понял многое.

Очень важна для меня уверенность, что ребята не знают зависти. Если он симпатичный – радуются, что он отличник. Готовы любить за то, что хорошо поет, танцует, рисует, играет в мяч, высоко прыгнул, победил. Благодарны, что они вместе. Больше позволяют ему и больше прощают. Но при одном условии: чтобы не зазнавался, считался с группой и не был подлизой или задавалой. И не слишком командовал.

Любят и больших и маленьких, но не любят, когда малыш распускает нюни и ябедничает, а подросток корчит из себя взрослого. Малыша тогда дразнят, а подростка высмеивают.

У кого больше всего минусов, кого не любят ребята, даже брезгают ими?

Надоед, пролаз, ко всякой бочке затычек. Простят эгоиста, злюку, даже задиру: у них будут и доброжелатели и недоброжелатели. Но тех ненавидят и зовут по-разному: «Смола, самолюбия нет, подлипала».

Если сказать такому: «Перестань, уйди», он начнет приставать, цепляться. Пристал – и ну надоедать. Говоришь с кем-нибудь – он сразу хочет знать о чем. Не знает толком или вообще не разбирается и не понимает, а туда же, объясняет и поучает. Пишешь что-либо, тотчас просит: «Покажи». Делаешь что-либо – он уже тут как тут: «Дай, я быстрее... я лучше...»

Многие не знают, как трудно шутить. Неудачная шутка причиняет боль, доставляет неприятность, вызывает слезы вместо смеха. Шутка не ко времени мешает. Докучать и высмеивать – уже не шутка. Шутка тогда хороша, когда все смеются и никому не неприятно. Про горе-шутников говорят:

– Шут.

И тоже не любят.

Какие отсюда следуют правила жизни, каждый сам догадается. Одно лишь скажу:

Каждый человек должен ценить дружеское отношение и стараться его заслужить. Нельзя говорить: «Очень мне надо!»

Каждый должен дорожить товарищем. Но не надо и заискивать, стараться подольститься. И не следует огорчаться, если, кроме доброжелателей, найдется недоброжелатель: не все всегда обязаны тебя лишь любить.

Достоинства – недостатки

Ты хороший?

– Скажи мне искренне: ты хороший, добрый мальчик?

Ответы:

– Не знаю.

– То хороший, то так себе.

– Кажется, хороший.

– Иногда и не устоишь.

– Пожалуй, не очень.

– Мне часто всякие сумасбродства лезут в голову.

– Сам я не делаю ничего плохого, разве что ребята подговорят.

Ясно, я спрашиваю не первого встречного и тогда только, когда уверен, что скажет правду.

У каждого человека есть и достоинства и недостатки, и у каждого они разные. У одного больше достоинств, у другого больше недостатков. Недостатки бывают более и менее досадные, явные или скрытые. Иногда недостаток особенно неприятен для окружающих, иногда для самого себя. С одними недостатками легко справиться, с другими трудно.

А иногда неизвестно даже, недостаток это или достоинство.

Поэтому-то и нелегко знать правила, как надо вести себя и как исправляться, поэтому на вопрос: «А ты хороший?» – трудно сразу ответить.

Подвижность, живость – достоинства на уроке гимнастики и недостаток во время урока арифметики, недостаток в тесной городской квартире и достоинство в деревне.

Бережливость – достоинство, скупость – недостаток, а ведь скупость – это только слишком большая бережливость.

Скромность – достоинство, но чрезмерная застенчивость может походить на упрямство и скрытность, тут даже взрослые часто ошибаются. Иногда доброта просто легкомыслие и вместо пользы приносит вред. Надо уметь и умно отказать, когда просят. А сколько неприятностей у тех, кто одалживает кому-нибудь нужные ему самому вещи или даже не свои.

– *Зачем ты ему дал?*

– *А он попросил.*

– *А разве ты не знал, что он забывает, теряет, не отдает?*

– *Знал.*

– *Так зачем же ты дал ему чужую книжку?*

– *А он попросил. Я думал, он вернет.*

Эгоист называет доброту глупостью и зло твердит, что не стоит быть добрым. Нет, стоит, и следует и помочь, и услужить, только надо наперед думать.

Плохо, когда мало думают, но нехорошо и когда слишком долго думают, колеблются, не знают, как поступить.

Доверчивость может быть и достоинством, и недостатком.

Любопытство и проницательность – недостатки, но нехорошо, когда кому-нибудь ни до чего нет дела и ничто не интересно.

– *Да ну, не стоит, а мне-то что?!*

Один переоценивает себя, другой недооценивает. Бывает хищное самолюбие и достойная гордость.

Я долго мог бы перечислять и всего не сказал бы.

Как разобратся?

Вот почему в этой путанице трудно разобраться. И должен добавить, иногда мешают понять сами взрослые.

Один говорит:

– *Я хочу, чтобы мальчик был такой, как я.*

Во-первых, маленький не может быть таким, как взрослый. Во-вторых, и у меня, взрослого, есть свои недостатки, и я вот, например, совсем не хочу, чтобы у ребят были такие же недостатки, как у меня.

Другой говорит:

– Дети должны слушаться; мальчуган должен быть таким, каким я хочу и велю.

Во-первых, уверен ли я, взрослый, что я всегда прав, а во-вторых, может ли мальчуган, хотя и хотел бы, быть таким, каким мне нравится? Всегда таким?

Раньше меня больше всего огорчало и сердило, когда что-нибудь плохое делал не хулиган, а как раз хороший мальчик. И я говорил с упреком:

– *А я тебе доверял. Не ожидал! Понять не могу... Сам не знаю, что с тобой делать.*

Теперь я уже понимаю, что все не ангелы, и знаю, что надо сказать лишь:

– Старайся больше так не поступать.

Не надо ждать и требовать слишком многого, потому что это отбивает охоту и у хороших, и у плохих.

Один говорит, полный горечи:

– *Мне уже никогда ничего нельзя.*

А другой:

– *Не стоит стараться, все равно все пропало.*

Каждый должен верить, что он может исправиться, что у него есть не только недостатки, но и достоинства.

Я убедился – у ребенка потому лишь столько столкновений с окружающими и страданий, что он думает: «Я плохой». Ребенок не знает четко своих недостатков и, значит, не знает, в чем ему надо исправляться.

Говорит:

– *Никогда уже больше не буду так делать.*

И думает, что это ему удастся сразу, совсем и раз и навсегда.

А ведь это не всегда так бывает. И он ожесточается:

– *Ничего не поделаешь, я такой и таким и останусь.*

Или еще хуже:

– Если я стараюсь и это не помогает, я назло буду еще хуже. Пускай что хотят, то и делают.

Иногда он замечает, что он не такой уж плохой, и спрашивает себя:

– И чего, в самом деле, они от меня хотят? Почему всё только сердятся?

Часто спокойным ребятам легко прикинуться хорошими, и это возбуждает гнев и зависть:

«Размазня... Кукла... Маменькин сынок... Неженка... Тихоня... Рева...»

И чувствительный ребенок страдает, а его товарищи-исподтишники орудуют безнаказанно. Постоянное же приставание портит и тех и других.

Однажды – это было очень давно – привела ко мне мать сына.

– *Сил моих нет! Неуч, бродяга, уличный мальчишка. Раньше хоть порка помогала, а теперь и это не помогает.*

Мальчика отправили за границу. Теперь он судья.

Другой, с которым не могли сладить родители, преподает гимнастику. Третий моряк. И сами они натерпелись, и родители с ними исстрадались.

Теперь все хорошо.

Надо уметь найти общий язык, уметь мириться. И надо уметь прощать. А часто достаточно лишь переждать.

Как исправляться

Даже у самых хороших бывают черные дни и недели. Одно не удалось, а потом все из рук валится: и в школе, и дома, и человек сам не знает отчего.

Я заметил, что мальчишки больше всего бесчинствуют в сентябре и в мае. В сентябре они еще помнят о каникулах, о свободе, а приходится сидеть в комнате. А весной, когда наступают первые теплые дни, ребятам уже невтерпеж, и они словно хмелеют. Даже в газетах тогда читаешь, что такой-то и такой-то убежал из дому.

Действительно, временами трудно, но я говорю себе:

– Что ж, бывает.

Иногда кто-нибудь очень следит за собой; обещал исправиться – и удалось! Ничего не сделал плохого, никто на него не сердился. А ведь первые дни самые трудные. И он уже думает, что так и останется, что он как все. Он уже устал от этого старания. Ведь когда пытаешься исправиться, стараешься не играть, больше сидишь над книжкой, избегаешь всего, только чтобы что-нибудь не вышло. И вдруг катастрофа: опять! Вот тогда-то и наступает эта самая плохая неделя.

Я знал мальчика, который дрался иногда по два и по три раза в день. Никак не мог справиться с этим недостатком. Я посоветовал:

– Дерись раз в день.

Согласился. У него была сильная воля.

Мы поспорили на две конфеты в неделю:

– Если за неделю у тебя будет не больше семи драк, я даю тебе две конфеты, проиграешь – ты мне.

Так прошло четыре месяца.

Сначала мы спорили только насчет драк дома, а потом и дома и в школе. Сначала о семи драках, потом о шести, о пяти, о четырех, трех, двух и одной драке в неделю. Наконец о нуле – ни об одной. Потом начали спорить о ссорах.

Помню его последнюю победу.

Он стоял на лестнице. Другой мальчишка мчался по лестнице вниз, пихнул его, этот того. Но тот вспетушился и дал сдачи. А мой покраснел, насупил брови, закусил губы, сжал кулаки... Это длилось какое-то мгновение. И вдруг ринулся вниз прямо во двор. Там он долго стоял и ждал, когда успокоится.

Когда пришел срок нашему пари, он сказал улыбаясь:

– Чуть не проиграл, на волосок был от драки!

Мальчик этот теперь уже взрослый и говорит, что благодаря пари он отучился драться.

Таких записанных у меня в тетрадках пари, пожалуй, уже тысяч с пятьдесят. Я заключаю каждую неделю таких пари с разными мальчишками и девчушками по пятидесяти и более. Дело тут не в конфетках, а в победе.

Спорят о том, что будут вставать сразу, как проснутся, умываться как следует, не опаздывать к столу, читать по пятнадцати минут в день; что не будут выскакивать с ответами в школе, стоять в углу, забывать, терять, лезть, приставать, надоедать, давать прозвища, болтать; что будут переписывать старательно по пяти строчек в день и чистить зубы. Что будут или не будут что-либо делать.

От вранья трудно отвыкнуть. Тот, кто часто врет, начинает с четырнадцати раз в неделю (по два раза в день). Да, но кто проверяет, что без обмана? Никто, ведь чтобы выиграть, можно оговорить любое число.

– На прошлой неделе ты оставлял за собой право соврать четырнадцать раз, а на этой семь. Не мало ли?

– Хватит.

– А трудно тебе не врать?

– Сначала было очень трудно.

А вот мои проверенные на опыте правила:

1. «Если трудно, исправляйся не сразу, а постепенно».

2. «Выбирай для начала лишь один, самый легкий недостаток и прежде всего кончай с ним».

3. «Не падай духом, если долго нет улучшения или даже есть ухудшение».

4. «Не ставь слишком легких условий, но такие, чтобы ты мог выиграть».

5. «Не слишком радуйся, если сразу отучишься; избавляться от приобретенных недостатков легко, а от врожденных трудно».

Делая то, что ты не любишь, и не делая того, к чему ты привык, ты закаляешь волю. А это самое главное. Стать хозяином своих рук, ног, языка, мыслей... Есть люди, которые относятся к себе слишком строго, и это нехорошо; есть и такие, которые слишком легко слишком многое себе прощают, – это тоже плохо. А бывают люди, которые не знают своих достоинств и недостатков. Эти люди должны стремиться узнать их.

– Гноти сеаутон, – сказал греческий мудрец: познай самого себя!

Мальчики – девочки

– Мальчики – люди, и девочки – люди. Значит, между ними нет разницы.

Так говорят одни.

– Неправда. Девочки спокойнее, послушнее, порядочнее, прилежнее, деликатнее.

Так говорят другие.

– А я предпочитаю мальчиков. Мальчики веселые, не наскучат, они не обижаются, искреннее, больше их все занимает, легче убедить.

– У девочек сердце мягче.

– Вовсе нет, мальчик охотнее поможет, услужит.

– Неправда.

И они спорят и никак не могут согласиться.

Иные говорят так:

– Между мальчиками и девочками не должно быть никакой разницы. Если бы они вместе учились, вместе ходили в школу, они были бы совсем одинаковые.

И в конце концов так и неясно, кто прав.

Нет, ясно.

Правы и те, кто говорит, что отличаются, и те, кто говорит, что похожи. Даже между деревом и человеком есть сходство: дерево возникает из семени, питается, растет, ощущает жажду, дышит, радуется солнцу, старится и умирает, даже спит и отдыхает, его можно даже обидеть, довести до болезни и увечья. А птица не любит ли, как человек? Не печалится, не сердится, не тоскует? Хуже, чем человек, поет? А собака – верный товарищ?

Подожди и взрослые на ребят...

И не отличаются ли друг от друга? Найдешь ли хотя бы двух совершенно похожих мальчиков? Разве все девочки одинаковы? Ну а будь в школах совместное обучение?

А оно и было и есть. Ведь различия могут быть и большими и малыми.

Одно дело говорить, как хочется, чтобы было, и как должно быть, а другое дело, как оно есть.

Так кто же лучше, мальчики или девочки?

У каждого человека есть достоинства и недостатки, кто этого не знает? Недостатки и

достоинства есть и у девочек, и у мальчиков. Нужно понимать друг друга, уважать, прощать и любить.

Очень долго и мне казалось, что потому у них разный характер, что раньше у мужчин и женщин были неодинаковые права, что юноша ходил на войну и охоту, а девушки ухаживали за больными, пряли и готовили пищу. Поэтому мальчики ловчее, и сильнее, и любят другие игры. Так уж привыкли.

Может быть, теперь это и реже бывает, но, когда я был маленький, взрослые часто говорили:

– *Ничего, что мальчишка проказничает. Мальчишка и должен быть озорным. А девочке не пристало.*

Будто мальчик должен быть смелым, девочка робкой, мальчик подвижным, девочка спокойной, мальчик легко мысленным, девочка благоразумной. Девочки завидовали мальчикам, и между ними не было согласия.

Но его и теперь нет. Почему?

Смотрю я и думаю, и вот что мне кажется.

Мальчиков сердит, что девочки быстрее растут и раньше созревают. Приятно расти. А тут вдруг мальчик замечает, что девочка его обгоняет. Одного с ним возраста или даже моложе, а выглядит старше.

– *И что она воображает? Ишь ты: барышню из себя корчит.* (Это значит: делает вид, что взрослая.)

Мальчик или горюет про себя, или всячески пристаёт и докучает.

– *Мамзельстрекозель, – говорит сердито и с презрением.*

Иногда девочка и сама огорчена, не хочет расти; я знаю случаи, когда девочки мало едят, чтобы не полнеть и не расти.

Или, выведенная из себя, ответит:

– *Сопляк.*

И война готова.

Если мальчик ловчее и сильнее, он силится доказать, что он больше значит, а если слабее, начинает делать наперекор, назло. Поссорился с одной девочкой, а в обиде на всех.

Хуже всего, если люди делают друг другу назло, нарочно, чтобы рассердить.

Так уж повелось на белом свете, что одному легче, другому труднее, один здоровый и сильный, другой слабый, одному больше дано, другому меньше, – так пусть хоть, по крайней мере, не будет того, чтобы один радовался, что сумел принести горе другому, один плакал, а другой над этим смеялся.

Однажды мальчик приставил девочке к голове пробочный пистолет и пугал, что выстрелит. Девочка плачет, а он смеется.

– *Экая глупая: боится.*

Хватает мячик и убегает. Знает, что не прав, а еще дразнится:

– *А что ты мне сделаешь?*

Может быть, я слишком строг, но я думаю, что низко, подло, мерзко:

Издеваться над беззащитными.

Досаждать слабому.

Шутить, доводя до слез.

Эта никому не нужная злобность так сердит, так возмущает, такое вызывает отвращение к человеку и жизни!

Часто взрослые думают, что это просто глупость, шутка, невинная проказа. О, нет, проклятое стремление досадить – это, может быть, самый большой недостаток у мальчиков в отношении девочек.

Знаете что? Я встречал добрых, мягких, веселых, справедливых учительниц, которые потом становились злыми, суровыми, нервными и недоброжелательными оттого лишь, что дети делали им назло. В том и состояла забава: вывести из себя.

Девочки меньше дерутся: и не пристало, и платье мешает, и волосы; нет сноровки, не знают приемов борьбы. Девочки щиплются или царапаются – руками или словами. Высмеивания, секреты, сплетни, ссоры...

Мальчишек это очень раздражает. Выходит, мальчишки действуют искренне и явно, а девчонки исподтишка. И здесь взрослые допускают большую ошибку. Думают, что удар рукой больнее, чем обида, колкое слово.

Ошибался и я: я долго думал, что начал тот, кто первый ударил. Вовсе нет, виноват тот, кто задирает. «Ангелочки, воображалы, недотроги, нюни, плаксы, ябеды».

Правда, девочки часто стараются показать, что они лучше, чем есть. Но и мальчики неискренние, мальчики стараются показать, что они хуже, чем есть.

Не могу понять, почему это так, но мальчику кажется, что ему не пристало, стыдно быть спокойным, благоразумным, благовоспитанным. Мальчишка лучше порвет с товарищами, чем признается, что он не хулиган. Да, несправедливо осуждают мальчиков. Но они сами виноваты. Мальчику так же, как и девочке, хочется быть красивым, только он в этом не признается. Я знаю, как мальчишки неохотно стригутся; но говорят, что у них мерзнет голова и шапка будет велика. Хочется им хорошо одеваться, хочется быть милыми и деликатными, да не пристало признаться.

Мальчишке труднее быть чистеньким, он любит подвижные игры. У мальчиков больше синяков и шишек, порезанных пальцев, ссадин на коленках; мальчики больше дерут башмаки, чаще бьют стекла. Да потому, что они больше мастERYт и более дотошные. Но они не грязнули.

Просто мальчики любят все побыстрее, менее терпеливы, и потому тетради у них не в таком порядке. Но стараются мальчики не меньше.

Как и девочки, они сострадают, жалеют, им неприятно видеть чужое горе, только они не хотят показать этого, боятся насмешек. Знай они, что бояться приставаний и прозвищ – это тоже трусить!

И наконец, мальчики стыдливы не менее девочек. Только мальчики говорят нехорошие слова громче. А делают что-нибудь неприличное из озорства или чтобы «себя показать».

Как и девочки, мальчики брезгают «свиньями». Если девчонки «ангелочки», то мальчишки «задавалы» и, значит, тоже «воображалы». Мальчики задирают иначе, более шумно, только и всего.

Взрослые должны знать, что мальчики больше всего сердятся и сильнее всего мстят, когда затронута их стыдливость.

– Не хочу, чтобы она смотрела, – говорил мальчик. – Если ей можно, так и мне.

Теперь мода другая. Ребятам говорят, что не надо стыдиться ходить в купальниках и спортивных костюмах. Это лучше, чем когда считали, что девочка должна быть стыдливой, а мальчишка бесстыжим. Спорт и харцерство принесли большую пользу.

Я пишу об этом потому, что неправда вредна, а здесь было много лжи. Не зная, как со всем этим быть, мальчишки злятся и живут с девочками на ножах.

– Не выношу девчонок, – говорит мальчик.

– Не выношу мальчишек, – говорит девочка.

Неправда.

Один раз приятнее играть и говорить с мальчиками, другой раз – с девочками. Есть игры, в которых девочки мешают, а есть и общие. Может же девочка бегать лучше, чем мальчик, почему тогда мальчику нельзя играть в куклы?

– Ой, он с девчонками играет!

– *Ой, она с мальчишками играет!*

А начни мальчик с девочкой чаще разговаривать, сразу:

– *Жених и невеста, парочка.*

А я знаю целых четыре случая, когда мальчик с девочкой любили друг друга, еще когда ходили в школу, а выросли – стали мужем и женой.

И знаю случай, когда мальчик играл в куклы. Девочки шили платьица и одеяльца, а он делал для кукол кровати и шкафики. И никто не смеялся, не над чем тут смеяться.

Мое правило жизни такое: «Быть искренним. Не обращать внимания на разные подковырки. Если я что люблю, говорю: „люблю”, и баста».

И второе правило: «Меня не касается, маленький кто-либо или большой и что говорят про него другие: красив, некрасив, умен, глуп; меня не касается даже, хорошо ли учится, хуже меня или лучше; девочка это или мальчик. Для меня человек хорош, если хорошо относится к людям, если не желает и не делает зла, если он добрый».

Иногда учителя говорят:

– *Он хорошо учится, много читает, развитый.*

А кому от этого польза? Если он эгоист, сухарь и вдобавок задавала? Совсем как богатый скряга – вызывает только злость и зависть.

Не знаю, что больше объединяет людей – сходство или именно различие? Одного я люблю за то, что он похож на меня, а другого за то, что не похож. Раз веселый дружит с веселым, раз – со спокойным и грустным. А иногда один из друзей как бы опекает другого. Могут полюбить друг друга старший с младшим, богатый с бедным, мальчик с девочкой.

Я заметил, что только глупые люди хотят, чтобы все были одинаковые. Кто умен, тот рад, что на свете есть день и ночь, лето и зима, молодые и старые, что есть и бабочки и птицы, и разного цвета цветы и глаза и что есть и девочки и мальчики. А кто не любит думать, того разнообразие, которое заставляет работать мысль, раздражает.

Сомнения

С грустью я заканчиваю эту небольшую книжку. С беспокойной душой кончаю этот свой опыт.

Я писал эту книжку очень быстро, боялся, что если хотя бы на один день прервусь, то остыну и не закончу, а начало порву и выброшу.

А мне кажется, что эта книжка очень нужная. Может быть, не всем, а тем, кто любит вдумываться.

Когда собираешься писать книгу, всегда кажется, что она нужная и будет легко писаться и читаться. Нужно ведь, чтобы старший рассказал о том, что он знает, и облегчил младшему понимание жизни и ее правил.

А мне это легко сделать, я уже много лет работаю с ребятами – вижу, что они делают, беседую с ними, выслушиваю их вопросы, жалобы, знаю, что им мешает, докучает, понимаю их трудности.

И такую книгу будет приятно читать, потому что наряду с ошибками и проступками, ссорами и обидами я вижу столько прекрасных дел и добрых намерений, столько взаимных услуг, уступок, помощи, заботы и доброжелательности.

Я с радостью сажусь писать. Но стоит взять в руки перо, как сразу все выходит не так, как хочется. Тяжело, трудно.

И только когда глава окончена, вспоминаешь, что то-то и то-то упущено, что об одном написано слишком кратко и непонятно, а о другом, менее важном, слишком много и растянуто.

Начинаешь исправлять и переписывать, но это не помогает. Совсем так, словно задумывал один, а писал другой. Одно в мыслях и в мечтах, другое на бумаге, буквами и словами.

И уже даже не хочется писать. К чему? Мало ли и без того интересных, хороших, нужных книг? Да и так ли это, как я думаю? Быть может, желая облегчить понимание, я затрудняю и путаю? Легко ошибиться старому человеку, когда он пишет детям о детях! А ошибешься, вместо того чтобы завоевать доверие, можно вконец его потерять.

А чем сидеть и писать, приятнее взять книжку и сесть под дерево почитать или пойти прогуляться.

К чему писать: быть может, так и должно быть, что ребята – отдельно и взрослые – отдельно? Каждый сам по себе. Те свое, эти свое.

Надо признать, что мы не встречаем в ребятах ни искренности, ни доверия. Ребята неохотно говорят нам о том, что думают и чувствуют на самом деле. Неохотно делятся трудностями и сомнениями, мечтами и планами на будущее, опытом своего прошлого.

Один не хочет говорить, потому что не знает наверняка: то ему кажется так, то эдак. И ему стыдно. Он не знает, что и взрослые немного знают наверняка, и у них мысли разные, и они колеблются и заблуждаются.

Другой не хочет говорить, боится, что его высмеют, станут шутить над тем, что для него серьезно и важно.

А третий и хотел бы сказать, да не знает, как начать. Это-то и трудно, говорить о том, что больше всего занимает.

– Как удивительно!

– Что удивительно?

Все. Все, что ты помнишь и о чем забываешь. И как человек засыпает, и что ему снится, и как просыпается, и что было и не вернется, и что будет. И воспоминания, и память, и мечты, и

намерения, и решения.

Воспоминания

Ошибаются взрослые.

Им кажется, что у детей только будущее, а прошлого нет.

Им кажется, что дети не хотят думать о будущем и об этом будущем с ними надо часто говорить.

– *Когда я был маленький, – говорит ребенок.*

– *А теперь ты большой? – И взрослые смеются.*

Это же неприятно!

Мне кажется, старик охотнее рассказывает о своем детстве, чем самолюбивый ребенок. Словно это что-то постыдное.

Быть может, это потому так, что взрослые чаще напоминают ребенку о том, что у него в прошлом было неудачей, ошибкой, заблуждением. И с гордостью говорят:

– *Теперь ты уже старше.*

Часто взрослые удивляются:

– *Как он помнит! И откуда он это помнит?*

Удивляются, что помнит людей, события и разговоры, о которых сами они, взрослые, забыли.

А меня это совсем не удивляет.

Лучше всего помнишь то, что видишь, слышишь или делаешь в первый раз. В первый раз живешь в городе или в деревне, едешь по железной дороге – плывешь на лодке – твоя первая фотография – первый раз в горах или на море – в цирке, в театре – первый день в школе – первый твой товарищ.

Но если в первый раз ты что-нибудь делал давно, а потом делал это еще много раз, все смешается, перепутается, но кое-что от каждого раза останется – и вот воспоминание готово.

Что значит: помнить и забывать? Почему иногда важное забываешь, а какую-нибудь мелочь помнишь, часто забываешь, что было недавно, а помнишь, что было давно?

Одно воспоминание ясное, а другое смазанное, как бы в тумане. Почему что-нибудь вспомнилось именно сейчас?

Никто не помнит, когда он впервые увидел собаку. Да, но он ее уже знает. Он видел больших собак, маленьких собак, белых и черных, легавых и борзых, пуделей и мопсов, старых собак и слепых щенят, собак, которые стояли или гонялись друг за дружкой, и тех, с которыми он играл. Поймавшая муху собака – веселая и злая – собака, которая полизала, залаяла, хотела укусить, укусила. Голодная собака – больная – озябшая – с перебитой лапой. Встреча собаки с кошкой – собака на цепи – собака, попавшая под машину. «Теперь я уже представляю, теперь я уже понимаю, теперь я уже знаю, уже не боюсь, это уже для меня не тайна».

Воспоминания – это наш опыт. Они учат человека, что делать, чего избегать. И каждый присматривается, приглядывается, потом встречает что-нибудь новое, другое. Помнишь, забываешь, опять вспоминаешь. Сколько я в детстве падал, сколько пережил горьких неожиданностей, стыда и страха, прежде чем узнал, что режет, обжигает, что такое ножик, стекло, молоток, листовое железо.

Сведения, почерпнутые от родителей и товарищей, в школе и из книжек, то, что я видел, слышал, прочел, – все это, вместе взятое, составляет прошлое, веселые и печальные воспоминания; все это диктует мне правила жизни на теперь, на сегодня.

И только потом уже будущее.

Некоторые ребята пишут дневники: ежедневно отмечают, что случилось. Многие остывают, ведь писать трудно, а каждый день приносит столько нового. Другие делают иначе: записывают в

тетрадку названия городов и улиц, которые они узнают, заглавия прочитанных книг, имена знакомых и друзей. Это как бы счет прошлого, итог приобретенного опыта.

Мечты

Правильно ли поступают взрослые, постоянно пугая тем, что будет? «Будет тяжело, будет плохо... Ты должен привыкать... должен научиться... через десять – двенадцать лет...»

Может быть, дети не очень даже этому верят. Ведь странно подумать, что ты будешь таким, как отец. Дети представляют себе это как-то иначе.

Ах, мечтания юности!

Приятно в уютной комнате или в постели думать о том, что когда-то будет. Мечтать о путешествиях и приключениях, что ты знаменитый полководец, или что раздаешь деньги бедным, или что ты ученый, поэт, певец или скромный, но всеми уважаемый и любимый учитель.

Воображаешь, что не все удавалось сразу, а что были и препятствия, и трудности, даже борьба и опасности. Но в мечтах препятствия только приятны, благодаря им сказка, которую рассказываешь себе, длиннее, а победить можно каждую минуту, и все кончится хорошо.

Как-то я спросил в классе, кем кто хочет быть. Один мальчик сказал:

– Волшебником.

Все засмеялись. Мальчик смутился и прибавил:

– Я буду, наверное, судья, как мой папа, но ведь вы спрашивали, кем я хочу быть?

Именно такой вот смех, а затем и прозвища приучают к неискренности и скрытности. Ведь каждая мечта словно волшебная сказка.

А мечты полезны и важны. Человек не сразу знает, к чему себя готовить. По-разному прикидывает, из десяти разных выдумок составляя одну программу жизни.

Какова разница между мечтой и программой?

Мечта – это отдых, удовольствие, она не налагает никаких обязательств. Люди говорят: «Витают в облаках, строят воздушные замки, желают достать звезду с неба».

Да, да! Летит на самолете фантазии, думает ради забавы о том, чего нет, подняв взор к звездам. Томится, жаждет. Именно так. И дорастает до программы, которая серьезна, строга, сурова, которая требует и обязывает.

Программа – это как бы клятва, присяга у знамени жизни.

Человек решил, приступил и идет к цели медленно, но верно.

– По географии у меня пятерка, я учу иностранные языки, рассматриваю карты, атласы, знакомлюсь с городом и его окрестностями, читаю приключенческую литературу и про разных людей и про зверей. Я буду путешественником.

– Я охотно разговариваю и играю с маленькими. Терпеливо отвечаю им на вопросы, объясняю, растолковываю, помогаю и выслушиваю их жалобы. Я люблю свою маленькую сестричку (или брата). Расскажу сестренке сказку, покажу картинки, дам почитать свою книжку – ласково и спокойно. Я буду учителем.

– Я стараюсь познать свои недостатки и достоинства.

Человек строптивый не может быть ни полководцем, ни пилотом, ни воспитателем. Я хочу быть справедливым, точным, благоразумным, отважным, дисциплинированным, правдивым.

– Я хочу иметь сильную волю.

Кто умеет только мечтать и ждет, что все само придет и само собой сделается, тот, может быть, и будет кукситься, когда увидит на деле, что все это не так и более трудно.

– А я люблю то, что трудно. Хочу добиваться и выходить победителем. Я знаю себя. Я умею смолчать и приказать. Я мужествен и терпелив. Мягок с другими, суров к себе. И я веселый – не капризничаю и не жалуясь.

– Мне столько лет, сколько есть. Я не стыжусь ни своего возраста, ни своих мыслей, ни своих чувств. Я заставляю уважать себя и ту цель, которую себе поставил.

Дополнение первое

Я думал об этой книжке много лет: сочинял в голове. Это было очень трудно.

Бывают менее важные правила жизни и очень важные. Самых важных правил жизни я решил в конце концов совсем не затрагивать.

И теперь я не знаю, хорошо написана эта книга или плохо. Здесь могут быть разные ошибки, но нет ни одного слова лжи.

Потому что я уважаю и пожилых, и молодых, и маленьких. Я хочу быть искренним. Правда всегда выйдет наружу.

Дополнение второе

Поэт – это такой человек, который сильно радуется и сильно горюет, легко сердится и крепко любит, который глубоко чувствует, волнуется и сочувствует. И дети такие.

А философ – это такой человек, который глубоко вдумывается и обязательно желает знать, как все есть на самом деле. И опять дети такие.

Детям трудно самим сказать, что они чувствуют и о чем думают, ведь приходится говорить словами. А еще труднее написать. Но дети – поэты и философы.

Дополнение третье

Это рассказ пятилетнего Виктора. Я его уже два раза печатал, да только в книгах для взрослых. Рассказ этот трудно понять потому, что Виктор спешил и, когда он говорил о том, как солдат убивал собаку Фокса, у него даже слезы выступили на глазах.

Рассказ Виктора был такой:

«Яблоки – я вижу яблоки – маленькие такие – а деревья такие большие – можно лечь и качаться – и был такой песик – и как одно яблоко упадет! – а он лежит и спит – мама пошла – а я хочу сам – и там стул – а песик – какой-то другой песик – и так его укусил – зубы у него острые-преострые – значит, спит он, а он его укусил – песика надо побить за то, что он его укусил – а там хозяйка – а у него такие зубы – я забыл, как его звали – Фоксом его звали – и он укусил – крррровь! – он грыз кость – Фокс, пшол, пшол вон – а он вытаращил глаза и укусил – я бросил ему яблоко – сорвал с дерева и далеко бросил – жесткое такое, а сладкое, как не знай что – а он только понюхал – а потом пришел солдат – бух в песика – бух, такой славный – славный – славный».

А это рассказ девятилетней Стефы:

«Когда мы пришли домой, то там, за забором, где решетка, лежала птичка. Потом Рома хотела ее взять, а я это увидела и сама захотела взять и взяла с той решетки. А когда мы взяли, все девочки собрались и смотрели. Потом мы принесли ее сюда. Перышки у нее были такие серенькие и беленькие, клювик в крови и глазки открыты. Мы сделали на дворе такую ямку, завернули птичку в газету и засыпали землей. Может, ее какой мальчишка нарочно убил? Клювик перебитый был, и головка качалась. Рутковская чуть не заплакала. Она как что увидит, так сразу гладит рукой, и уже совсем было заплакала, да не заплакала, только слезы на глазах выступили».

Такова поэзия юных.

Примечания

1

Книга впервые опубликована в Варшаве в 1929 г. В ней отражены основные педагогические взгляды автора.

2

Ars longa – первая часть латинской пословицы *Ars longa, vita brevis* – искусство вечно, жизнь коротка.

3

Я. Корчак имеет в виду Декларацию прав ребенка, провозглашенную 26.09.1924 г. Международным комитетом по защите детей в Женеве.

4

Педология (греч., буквально – наука о детях) – направление, возникшее в XIX веке, в психологии и педагогике, ставившее целью объединить биологический, социальный, психологический и другие подходы к развитию ребенка.

5

Очевидно, имеется в виду С. Маркович (1839—1911) – врач и общественный деятель, инициатор организации детских летних колоний Варшавы.

6

Цикл «Как любить ребенка» включает четыре самостоятельные произведения: «Ребенок в семье», «Интернат», «Летние колонии», «Дом Сирот». Януш Корчак работал над этой книгой на фронте в 1914—1918 гг. Первая часть впервые была опубликована в Варшаве в 1919 г. Весь цикл вышел в 1920 г. под заглавием «Как любить детей». Последующие издания (с 1929 г.) озаглавлены «Как любить ребенка».

В настоящем сборнике цикл «Как любить ребенка» публикуется с небольшими сокращениями.

7

Stomatitis catarrhalis (simplex) (лат.) – катаральное воспаление слизистой оболочки рта; soor (лат.) – афты; stot. aphtosa (лат.) – афтозное воспаление рта; gingivitis (лат.) – воспаление десен; angina (лат.) – ангина.

8

Post hoc (ergo) propter hoc (лат.) – после этого, а значит, из-за этого.

9

Magna Charta Libertatis (лат.) – «Великая хартия вольностей». Грамота, предъявленная английскому королю Иоанну Безземельному восставшими феодалами, рыцарями и горожанами и подписанная им 15 июля 1215 г.

10

Ни слова о... харцерстве... Харцерство – массовая польская организация детей и молодежи, в которую также входили и воспитатели. Организация была создана в 1909—1911 гг.

11

Цитата из рассказа польского писателя С. Виткевича (1851—1915) «Ендрек Чайка».

12

Речь идет о человеке, больном экземой, хроническим заболеванием, которое характеризуется зудом и разнообразными высыпаниями на любых участках кожи.

13

Вы утверждаете, что вы петух? Ну и оставайтесь им, только не пойте. Фраза, приписывается Фрейду, разработавшему новый для времени Я. Корчака метод лечения истерии.

14

Цитата из повести французского писателя Октава Мирбо (1848—1917) «Аббат Жюль».

15

Шарко, Жан-Мартен (1825—1893), французский невропатолог, профессор Парижского университета, член Парижской академии наук, один из основоположников невропатологии и психотерапии.

16

Мандарин (от санскр. мантрин – советник) – сначала португальское, а затем и общеевропейское название чиновников и вельмож феодального Китая.

17

Maturitas difficilis (лат.) – нелегкое (трудное) взросление.

18

Исследования Фрейда... Фрейд, Зигмунд (1856—1939) – выдающийся австрийский врач и психолог, автор теории психоанализа. Учение Фрейда повлияло на развитие не только психологической мысли, но и мировой культуры в целом.

19

...объяснение этому в словах Елленты... Еллента, Цезарь (1861—1935) – польский литературный критик и писатель.

20

И я был Фарисом... Фарис – романтический и благородный герой одноименной поэмы (1828) выдающегося польского поэта А. Мицкевича (1798—1855). Образ Фариса – символ высоких благородных стремлений.

21

Роман Жан-Жака Руссо «Эмиль, или О воспитании», (1762) начинается словами: «Все

хорошо выходя из рук Творца вещей, все вырождается в руках человека».

22

Прочти историю приюта Прево... Приют Прево – дом для сирот во Франции, основанный филантропом Прево и педагогом Полем Робеном в конце XIX в.

23

...поил рыбьим жиром с гваяколом... Гваякол – лекарство, применявшееся ранее в медицинской практике для лечения заболеваний легких, бесцветный кристаллический порошок.

24

Воспитатель – апостол... Апостолы – в ранней нехристианской литературе бродячие проповедники христианства. В Новом Завете двенадцать апостолов – ближайшие последователи («ученики») Христа.

25

Песталоцци, Иоганн Генрих (1746—1827) – швейцарский педагог. В своей теории начального обучения связал обучение с воспитанием и развитием (развивающее обучение), педагогику с психологией. Развил идею соединения обучения с производительным трудом.

26

Ex cathedra (лат.) – с кафедры, т. е. непререкаемо, авторитетно. Обычно выражение имеет иронический оттенок.

27

Я. Корчак ссылается на свою повесть «Слава», изданную в 1912 г. в Варшаве.

28

Войт – глава администрации гмины, низшей сельской административно-территориальной единицы в Польше до 1954 г.

29

Локк, Джон (1632—1704) – английский философ, основатель либерализма. Речь идет о следующем высказывании Дж. Локка: «...хитрость, это обезьянье подобие мудрости, как нельзя более далека от последней и так же уродлива, как сама обезьяна...»

30

Собеский, Ян III (1629—1696) – король Речи Посполитой. В 1683 г. разгромил турецкую армию под Веной. Один из национальных героев Польши.

31

Я. Корчак, по-видимому, имел в виду клубы для детей рабочих на одной из окраин Москвы, организованные педагогом Станиславом Теофиловичем Шацким (1878—1934).

32

Praxis rauregum (лат.) – врачебная практика среди бедных; *praxis aurea* (лат.) – практика, приносящая золото.

33

...с панной Стефанией... Стефания Вильчинская (1886—1942) – помощник Корчака, всю жизнь работала вместе с ним в Доме Сирот со дня его основания. Погибла вместе с детьми и Я. Корчаком в августе 1942 г.

34

Речь идет о традиции, существовавшей в Доме Сирот: каждый вновь поступавший получал своего опекуна из числа воспитанников. Обычно опека длилась три месяца, цель ее состояла в том, чтобы помочь новичку адаптироваться в новых условиях, а также чтобы опекун смог хорошо изучить характер нового воспитанника.

35

Книга впервые была напечатана в 1930 г. (Варшава – Краков).

36

Надпись на обратной стороне линейки, о которой вспоминает Корчак, гласила: «Кто не хочет учиться, заслуживает наказания».

37

Гности сеаутон – По преданию, сообщаемому Платоном в диалоге «Протагор», семь мудрецов, сойдясь вместе в храме Аполлона в Дельфах, написали: «Познай самого себя».